

1906.

Годъ 14.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1906.

1906.

Годъ 14.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1906.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 16 Мая 1906 г.

№ 948.

Ректоръ Е. Пассекъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Научный отдѣлъ.

Стр.

- Н. К. Грунскій. О происхожденіи Имперфекта древне-ц.-слав.
памятниковъ 1— 21
- Алексѣй Путинцевъ. Матеріалы для бібліографіи объ
И. С. Никитинѣ и его сочиненіяхъ 1— 27

Приложенія.

- Проф. Александръ Миклашевскій. Обязательное Обу-
ченіе въ Народной школѣ 1—111
- Karl Gramer. Der geschichtliche Hintergrund der Kapitel
56—66 im Buche Jesaja 1—112
-

Н. К. Грунскій.

О происхожденіи

ИМПЕРФЕКТА

древне - ц. - слав. памятниковъ.

I.

Имперфектъ древне-церк. слав. памятниковъ уже не разъ останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей и все же до сихъ поръ происхожденіе этой формы остается неразрѣшенной загадкой. Создался лишь цѣлый рядъ теорій, иногда совершенно исключающихъ другъ друга. Приходится поэтому, приступая къ изученію слав. имперфекта, начинать съ исторіи разработки даннаго вопроса и установить, что остается болѣе или менѣе цѣннымъ въ создавшихся научныхъ теоріяхъ.

Изъ прежнихъ ученыхъ особенное вниманіе на слав. имперфектъ и въ частности особенно имперфектъ др.-ц.-слав. памятниковъ удѣлилъ Миклошичъ. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о происхожденіи имперф. формъ и давалъ разные отвѣты. Въ *Vergl. Gram. I*, 120, *Lautlehre*..., 33, Микл. въ оконч. **ахъ** видѣлъ имперфектъ отъ гл. **ес** (*es-as*)-**ехъ**, при чемъ **а** считалъ возникшимъ позже изъ уподобленія въ такихъ случаяхъ, какъ *быва-лехъ*. Въ *Formenlehre d. altsl. Spr.*, 35, и *Vergl. Gr. III*, 91 Микл. держался того взгляда, что **ѣѣ**, **ѣа**, **аа**, **ѣ**, **а** — отличія имперфекта отъ аориста для показанія продолжительности дѣйствія. Въ своей специально посвященной имперфекту статьѣ — *Das Imperfect in d. sl. Sprach.* (*Sitzungsb. Wien. Ak. phil-h.*, 74 J., LXXVII B., 5—30) Микл. подробно уже разбираетъ данный вопросъ. Признавая возможность своей прежней теоріи — *бываахъ* изъ *бываѣхъ* (которую приняли: Шлейхеръ *Formenlehr. d. kirchensl. Sp.*, 371, *Compendium*, 839 и Даничичъ, *Историја обл.*, 299), Миклошичъ выставляетъ и другую теорію, которую онъ и стремится теперь обосновать. Мик. считаетъ болѣе древними такія формы, какъ *плетѣхъ*; ф. *плетѣахъ* является, по М., новообразованіемъ, благодаря аналогіи. *Плетѣхъ* образуется изъ удлиненной темы настоящаго времени *плете* —

плетѣ. Удлиненіе здѣсь происходитъ благодаря измѣненію значенія въ смыслѣ продолжительности, при чемъ параллель проводится здѣсь съ такими корневыми измѣненіями, какъ съплѣтати отъ съплести или съ окончаніемъ сослагательнаго наклоненія въ греческомъ языкѣ. Ф. дѣлаахъ, т. е. такихъ глаголовъ, окончанія которыхъ вліяло на подобныя, какъ плетѣхъ, образовывались такимъ же образомъ: тема дѣлаіе - дѣлаіѣ - дѣлаи - дѣлаа; дѣлаа+хъ. Имперфектъ, слѣдовательно, образуется отъ темы настоящаго; только такіе глаголы, какъ горѣти - горѣахъ образуютъ имперфектъ отъ основы неопредѣленнаго, причиной является смѣшеніе аориста и имперфекта. Во 2-й, болѣе краткой части своей статьи, М. останавливается на предыдущей разработкѣ вопроса, между прочимъ и на своихъ прежнихъ взглядахъ. Онъ указываетъ здѣсь на ошибочность взглядовъ Добровскаго, Копитара и Востокова, исходившихъ изъ изученія позднѣйшихъ формъ, болѣе подробно останавливается на теоріи Боппа и доказываетъ ея необоснованность (упомянуть былъ и взглядъ Шафарика, сближавшаго *и, а* съ *ва*-давати). Изъ сдѣланнаго М-емъ обзора еще небогатой литературы вопроса и изъ самой статьи М. видно на какомъ чисто гипотетическомъ пути находилось рѣшеніе. Характерно, что М. говорилъ и о возможности своей прежней теоріи бываахъ изъ бываіехъ (при чемъ она не противорѣчила, по его словамъ, первоначальности ф. плетѣхъ и пр., только тогда плете+іехъ - плетѣхъ, а не плетѣѣхъ, какъ думалъ Шлейхеръ, усвоившій эту теорію М.). Затрудняло теперь нѣсколько М-а лишь *іехъ* а не *хъ*, такъ какъ вмѣсто прежней формы *іехъ* онъ прибавлялъ только *хъ*-окончаніе аориста; впрочемъ, онъ допускалъ разницу въ этихъ формахъ благодаря тому, что одна могла обозначать начало, другая продолжительность дѣйствія въ прошломъ.

Немудрено, что послѣдующая критика, особенно въ лицѣ ак. Ягича, показала всю необоснованность, гипотетичность положеній Миклишича.

Было указано на то, что въ памятникахъ древне-церк. слав. языка несравненно болѣе часты формы полныя, какъ несѣахъ, плетѣахъ и пр., чѣмъ стяженныя. Такимъ образомъ нѣтъ основаній считать послѣднія болѣе древними, чѣмъ первыя. При чемъ здѣсь важно то обстоятельство, что такія формы какъ дѣлаахъ (изъ дѣлаахъ) чаще, чѣмъ несѣахъ

(изъ несѣахъ). Уничтожалось, слѣдовательно, первое положеніе М-а. Не признавали также и второго положенія, что имперфектъ производится отъ темы настоящаго. М. изъ такихъ формъ, какъ бесѣдоуаше и бесѣдоваше и пр., считалъ болѣе древними первыя, здѣсь же указывалось на оборотъ (ср. Jagić. Arch. f. sl. Ph. I, 440—42, Мар. Четв. Ев. 455 и сл., Valjaves. Imperfecat . . . Rad. Jugosl. Ak. LI, особ. 56—66).

Критическая мысль, разрушая прежде построенное, стремилась создать и свое. Валявецъ, опровергая теорію М., выставилъ свою, но гораздо болѣе неудачную. Самъ В. признавалъ нѣкоторыя положительныя данныя въ теоріи М. — именно, если смотрѣть на имперфектъ со стороны того значенія, какое имѣло это время: значеніе продолжительности какъ-то подходило подъ теорію объ удлиненіи е - ѣ. По Валявцу, къ глагольной основѣ, которая является то въ настоящемъ времени, то въ неопредѣленномъ наклоненіи, прибавляется ѣ: не се - ѣ, а затѣмъ еще хъ, при чемъ не се - j - ѣ - хъ, е + j давало ѣ и так. обр. получалось не сѣ ѣ хъ - не сѣ j ѣ хъ - не сѣ а хъ. Уже одинъ рядъ подобныхъ видоизмѣненій можетъ убѣдить въ полной неосновательности предположеній В-а. Объ этомъ говоритъ также прежде всего и объясненіе этого загадочнаго ѣ, появившагося въ имперфектѣ. По происхожденію своему это ѣ такое же, какъ конечное ѣ въ вѣдѣ = греч. *oida* или эолійск. ф. *Foidhmi* = санскр. *vēda*. В. так. обр. не говоритъ о вліяніи вѣдѣ (какъ то несправедливо приписано ему проф. Брандтомъ, Рус. Ф. В. 81 г. VI, 335—6, Wiedemann'омъ Beiträge zur altb. Conjugation, 119—20), а говоритъ лишь, что ѣ имперфекта такого же происхожденія. Самъ В. чувствовалъ всю шаткость своей теоріи. Правда, онъ видѣлъ особенно ея слабость не съ формальной стороны, а со стороны перехода значенія, именно невозможность перехода перфекта для обозначенія имперфекта. И вотъ, Вал. предполагалъ, что первоначально имперфектъ былъ тотъ же аористъ, а затѣмъ уже отдѣлился и началъ употребляться для обозначенія продолжительности дѣйствія въ прошедшемъ.

Насколько шатка была теорія В. показываетъ уже то, что вскорѣ онъ ее самъ видоизмѣнилъ. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Rad'a подъ вліяніемъ работы Мусича о перфективныхъ и имперф. глаголахъ въ греческомъ и хорватскомъ языкахъ и въ частности подъ вліяніемъ мнѣнія выска-

заннаго здѣсь о слав. имперфектѣ какъ возникшемъ изъ темъ глаголовъ длительныхъ, В. выставляетъ въ качествѣ главнаго производителя имперфектности суффиксъ *м* (какъ отъ глаг. дати — да*м*ти, ставити — ставл*м*ти и пр.). Но разставаться съ прошлой теоріей ему все же не хотѣлось. Въ силу этого онъ и въ *дѣ* подгоняетъ уже подъ новую теорію, хотя и неполнѣ: *ѣ* въ *вѣдѣ* выводитъ теперь В. изъ *вѣде-је*, *вѣде-ј*, *вѣдѣ* (какъ *рѣ* повелительномъ: ведѣте изъ *веде-је-те*, нѣсть изъ *не-ј*сть и пр.), какъ *ῥαῖδην* изъ *ῥαῖδα-ј*-и. Въ силу новыхъ соображений получалось: *несе-ја*, *несеј-а*: *несѣахъ* и благодаря выпаденію *а* (какъ *е* выпадаетъ въ *дадемъ-дадмъ-дамъ*) *несѣхъ*, *пече-ја-хъ*, *печѣахъ* и т. д.

Въ своей новой, видоизмѣненной теоріи В. приближался къ той точкѣ зрѣнія, на которой стоялъ еще Боппъ. По Боппу (Vergl. Gr.³, § 525) слав. имперфектъ — новообразованіе, какъ латинскій на *bam*. Слав. имперфектъ представляетъ сложеніе основной темы глагола съ исчезнувшимъ въ отдѣльномъ употребленіи имперфектомъ отъ санскр. корня *as* аугментированнымъ. Боппъ находилъ поразительное сходство особенно въ тѣхъ окончаніяхъ, которыя начинались съ *t*:

слав.	санскр.	греч.
— асте	āsta	ἤστε
— аста	āstam	ἤστων
— аста	āstam	ἤστην

Передъ вспомогательнымъ глаголомъ находится *ѣ* или *рѣ*же *а*; эти *ѣ* и *а* Боппъ считалъ характерными признаками, заимствованными изъ X класса санскритскихъ глаголовъ, и думалъ, что славянскіе глаголы безъ этой примѣты переходили въ этотъ классъ въ имперфектѣ.

Какъ раньше сказано, теорія Боппа разсмотрѣна была Миклошичемъ. Микл. указывалъ на несходство оконч. *аше* — *āsis*, *āsit*, а также *ашете*, — *а* (*асте*, *аста* онъ считалъ позднѣйшими, заимствованными изъ аориста). Дѣлая поправку къ параллели Боппа ф. имперфекта и X кл. санскритскихъ глаголовъ въ смыслѣ теоріи о возможности перехода I, II, IV, V классовъ слав. глаголовъ въ III глаг. длительныхъ (X кл. санскр. глаголовъ собственно винословный), М. стремится доказать въ то же время и несостоятельность ея: *ѣ* приобрѣтается не настоящимъ временемъ (отъ котораго, какъ мы

видѣли, М. производить имперфектъ), а неопредѣленнымъ наклоненіемъ, какъ отъ лагх (лешти) — лежати изъ лежѣти, садх (сѣсти) — сѣдѣти. Нельзя предположить такихъ формъ, какъ берѣти, да при томъ берх, бьрати не имѣетъ перфективнаго значенія, слѣдовательно не зачѣмъ заимствовать формъ длительности.

Съ другой стороны подошелъ къ разрѣшенію даннаго вопроса. І. Шмидтъ (*Zeitschr. f. vergl. Sprachf.*, XXVI, 394—8), смотрѣвшій на слав. имперфектъ какъ на новообразование изъ двухъ вполне самостоятельныхъ частей. Вопреки Миклошичу онъ исходилъ изъ болѣе полныхъ формъ, признавая таковыя древнѣйшими. Изъ полныхъ ф. градѣахх и градѣѣхх послѣднюю онъ считалъ первоначальной, ставя въ параллель съ встрѣчающейся мѣною **ѣа** и **ѣѣ** въ прилагательныхъ. Какъ изъ адъстѣѣмъ возникло адъстѣамъ, такъ плетѣахх изъ плетѣѣхх — плетѣ-іехх. Уже одно это заключеніе, въ сущности, являлось невѣрнымъ: немногочисленные случаи замѣны въ прилагательныхъ не могли служить доказательствомъ той повсемѣстной замѣны, которая произошла въ имперфектѣ. Затѣмъ іехх былъ имперф. неаугментированный отъ іесмь; только сербскія формы предполагали аугментированный **ѣхх**-**іхх**: идијах; т. обр. предполагаются собственно формы **ѣхх** или **іхх**. Это былъ длительный имперфектъ отъ глагола іесмь, который соединился съ древней, уже не употреблявшейся отдѣльно формой инфинитива, представлявшей изъ себя форму дательнаго падежа (съ первон. оконч. **аі**, переходивш. въ древне-болг. въ **ѣ**). Объясняя так. обр. **ѣ** въ плетѣ, въ другихъ глаголахъ, гдѣ **а**, какъ бы ваахх и пр., Шмидтъ говорилъ о замѣнѣ указанной инфинитивной основы — глагольнымъ корнемъ.

Теорія Шмидта не поражаетъ убѣдительностью: здѣсь рядъ совершенно произвольныхъ построеній. Съ ней трудно согласиться, принимая во вниманіе даже ту поправку, которую сдѣлалъ Видеманъ, примкнувшій къ этой теоріи. Поправка В. (*Beiträge zur altbulg. Conjugation*, 125—6) состоитъ въ томъ, что въ ф. плетѣ В. видитъ не дательный падежъ, а инструментальный. Дательный потому нельзя признать, что **ѣ** будучи дифтонгическаго происхожденія, смягчало бы предыдущіе гортанные въ свистящіе, а не шипящіе, какъ-то: печаахх, можаахх и пр. Основывался В. на выводахъ того же Шмидта (*Zeitschr. zur vergl. Sprf.* XXVII, 292), что суффиксъ

инструм. падежа, индогерм. *e*, въ корняхъ на гласную переходилъ вмѣстѣ съ этой послѣдней въ долгую гласную, въ корняхъ на *ō* въ *ē* или *ō*, а изъ корней на *o* долгая гласная была перенесена на корни съ согласными. Хотя самъ III. же замѣчаетъ, что въ ведическомъ языкѣ *infinitivisch verwandt werden Nomina actionis in fast allen Sprachen; ein infinitivisch verwandter Instrumental findet sich freilich nicht; es kann das aber nur zufällig sein.* И въ дальнѣйшемъ сказывается произвольность: III., обращая вниманіе на сходство слав. имперфекта съ латинскимъ *sedēbam, vidēbam*, въ *sidē, vidē*, видитъ дательные падежи, Видем. видитъ инструментальные.

Здѣсь я укажу на нѣкоторое сходство послѣдняго взгляда Видем. со взглядомъ другого ученаго — Бартоломе, высказаннаго позже, но независимо, повидимому совершенно отъ взгляда Видемана. Говоря о латинск. имперф. *sedēbam* (*Die Vertretung des altital. ss im oskisch., Bezenb Beitr. XII, 91—92*) и приравнивая въ силу предыдущихъ теорій старо-инд. *sadē*, Барт. говоритъ, что *ē* въ *sadē* не могло возникнуть изъ *ai, ei, oi*, потому что въ осскомъ не было бы тогда *ē* (*aamanaffed, amanafed*). Беря во вниманіе послѣднее, нужно говорить объ индогерм. *ē*. И вотъ это послѣднее Барт. ставитъ въ параллель съ греческ. прилагательн. на *η* или старо-инд. на *ā* съ *ā* ведическимъ инструментальнымъ, какъ *abhikhjā: abhikhjā bodhi* — будь при созерцаніи, какъ *sedē-bhuam* — я былъ при сидѣніи — я сидѣлъ.

Въ другой своей статьѣ (*Zur Vocaldehnung im Praeterit. Indogerm. Forsch. III, 22, 23, 26*) Барт., ссылаясь на *Handbuch* Лескина, говоритъ о слав. имперф. изъ индогерм. **es*. Въ балто-слав. періодъ Барт. считаетъ возможнымъ существованіе отъ **esti praeterit'a*, который въ своей флексіи приближался къ греч. *ἦα*.

Бругманнъ, проводя также параллель между славян. *ѣ* и *a* и лат. *ē* и *ā* въ имперфектѣ (*vidēbam, bam* изъ *fcam = eram*, *ведѣхъ; carīēbam* — просѣ - проша, *plantābam* — дѣлā и пр. II, 867 и 1272), въ латинскомъ *sedē* и пр. (въ друг. мѣстѣ: *Bez. Beitr. XV, 244—5*) видѣлъ дательный падежъ, а не инструментальный.

Совершенно отрицательно отнесся къ возможности сочетанія въ имперфектѣ двухъ самостоятельныхъ глаголовъ проф. Брандтъ (*Рус. Ф. В. 81 г., VI, 259—64 „О происхожденіи слав.*

имперф.“). Онъ предполагалъ существованіе въ общеславянскомъ формы **ѣхъ** отъ корня **as** = санскр. **asam**, греч. **ἦν**: **ѣхъ**, **п**, **п**, **ѣсве**, **ѣсте**, **ѣхомъ**, **ѣсте**, **ѣша**. И вотъ въ силу существованія такихъ формъ явилось осмысленіе аористныхъ формъ другихъ глаголовъ, въ которыхъ начали видѣть искаженіе этого **ѣхъ** и пр., получились новыя формы, которыя въ силу своей удлинненности начали обозначить длительное время. Так. образ., первоначально спряженіе было какъ въ другихъ аористахъ, а окончанія имперфектныя могли получиться позже, при чемъ образцомъ послужило спряженіе такихъ аористныхъ формъ, какъ **идъ**, **иде** и пр. Потому и такія формы, какъ **сте** древнѣе, чѣмъ **шете**, при чемъ доказательство: „языкъ не сталъ бы нарочно разстраивать свою стройность введеніемъ новыхъ формъ“. Теорія проф. Брандта въ первыхъ совершенно не разъясняетъ возникновеніе характерныхъ чертъ имперфекта, какъ то было указано критикой, и собственно игнорируетъ эти характерныя черты (ср. Jagić, Archiv VI, 293, Wiedemann, Zur altb. С., 120—1).

Вслѣдъ за гипотезой проф. Бр. была высказана новая догадка ак. Соболевскимъ на страницахъ того же журнала (Р. Ф. В. 82, VII, 269 и слѣд.). По Соб., слав. имперфектъ есть тотъ же аористъ. Имперф. окончанія можно найти аналогичныя въ санскритѣ и греческомъ:

глаголааше	— adikṣas	— ἰκοιες
„	— šat	— σε
—шета	— šatam	— σετον и пр.

Собственно на это сходство обращалъ вниманіе еще ранѣе Валявецъ, но его затрудняло предшествовавшее въ слав. **а**, онъ говорилъ даже о формѣ **āsam**, но, впрочемъ, признавалъ здѣсь невозможность этого (Rad, 80 г., 68 стр.). **ѣа**, **аа**, по Соб., объясняются изъ глагольныхъ основъ. Так. обр. при ф. глаголахъ — глаголати, глаголаахъ — глаголамати (какъ наряду съ **имама** — **имамма**, **играма**, **играмма** и пр.), при чемъ основа на **ѣа** дошла только въ имперфектѣ. Первоначально, слѣдовательно, имперфектъ не имѣлъ различія отъ аориста, это былъ тотъ же аористъ, только отъ глаголовъ несовершеннаго вида; окончанія были общія, но затѣмъ приурочились и были собственно причиной раздѣленія этихъ временъ. Тогда то начались образовываться

отъ глаголовъ несовершеннаго вида аористы и наоборотъ — отъ глаголовъ совершеннаго вида — имперфекты.

Главное затрудненіе въ теоріи Соб., это отсутствіе глаголовъ съ основой на **ѣа**, а затѣмъ — все же неполнота приведенной параллели, необъясняющая предыдущихъ гласныхъ въ слав. имперфектѣ **аа**, **ѣа** и трудно поэтому объяснить причину ихъ присоединенія къ глаголамъ несовершеннаго вида.

То же сближеніе съ аористомъ мы наблюдаемъ въ теоріи ак. Ягича (Мар. Четвероев.), только Яг. въ имперфектѣ видитъ форму параллельную аористу, но своимъ существованіемъ ему необязанную. Яг. видитъ въ **ѣхъ**, **ахъ** отраженіе санскр. — **yasam** прекатива, хотя по значенію сближаетъ слав. имперфектъ съ санскр. кондиціоналомъ. Имперфектъ слав. былъ первоначально, по Я., оптативомъ и его отношеніе къ аористу таково, какъ повелительнаго наклоненія къ настоящему времени. Существовали так. обр. вѣсѣ, ведѣхъ и ведѣ, затѣмъ развилось ведохъ при ведѣ и ведѣахъ при ведѣхъ. И форма имперфекта обозначала желаніе или намѣреніе совершить дѣйствіе (въ прошедшемъ). Затѣмъ отглаголъ этотъ исчезъ и оптативъ сталъ употребляться въ смыслѣ простого имперфекта, за неимѣніемъ формъ такового и его необходимостью. Иначе, по Я., трудно объяснить, почему отъ глаголовъ совершеннаго вида образовывался имперфектъ, при чемъ имперфектная форма этихъ глаголовъ поражаетъ особенной выразительностью. Признавая вѣдѣхъ формой первоначальной, Яг. видитъ остатки древности въ формахъ чакавскихъ: **гесіи**, **ресіи** и пр. Но вмѣсто этой древней формы стали употребляться другія, такъ какъ имперфектъ пріобрѣлъ уже другое значеніе: глаголы эти перешли въ III кл. и получалось; **плетѣахъ**, какъ вмѣсто **бѣзѣахъ** — **бѣжаахъ**, **тецѣхъ** — **течаахъ** и т. д.

Указаніе Видемана, что нельзя исходить изъ ф. **гесіи** и пр. — позднѣйшихъ по происхожденію, вызвало опроверженіе со стороны ак. Ягича, который въ рецензіи на трудъ Вид. (Arch. X) снова стоитъ за свою теорію, при чемъ ф. **гесіи** считаетъ древнѣйшей. Но если бѣ это и было такъ, хотя для этого нѣтъ достаточныхъ доказательствъ, то во всякомъ случаѣ трудно стоять за возможность того измѣненія, которое пришлось вытерпѣть имперфекту, если признать тео-

рію ак. Ягича. Да и съ формальной стороны все же остается много необъясненнаго ¹⁾.

II.

Въ дальнѣйшей литературѣ вопроса подмѣчается нѣкоторая новая струя — при рѣшеніи вопроса о слав. имперфектѣ привлечь данныя литовскаго языка. Въ этомъ отношеніи особенно важны труды проф. Ульянова (Основы ... и Значеніе ...). По мнѣнію Ульян. происхожденіе слав. имп. и литовскаго прошедшаго обще. Придется затронуть вопросъ о литовскомъ прошедшемъ и теорій относительно его происхожденія, тѣмъ болѣе, что самъ Ул. не касается этихъ теорій.

Уже ранѣе было указано, что старо-сл. *ѣа* изъ литовск. *aja* (Müller, Sitzb. Wien. Ak. LXIV, 448), но это сопоставленіе, какъ замѣчено еще Миклошичемъ (Das Imperf., 29) совершенно невѣрно. Литовское прошедшее (praeteritum, какъ называютъ его Шлейхеръ и Видеманъ, аористъ — Куршатъ) представляетъ также новообразование и на первый взглядъ далеко не похожъ на старо-слав. имперфектъ.

Литовское прошедшее имѣетъ окончанія 2-хъ родовъ:

	ед.	мн.	дв.		ед.	мн.	дв.
a) 1.	au	ome	ova	b) 1.	iau	eme	èva
2.	ai	ote	ota	2.	ei	ete	èta
3.	o	o		3.	è	è	

Шлейхеръ (Handbuch I, 224—5) выводилъ окончанія *au* изъ **aju*, *ai* изъ **aje*, *o* изъ **aja*, *iau* изъ глагольн. корня + *j* + *au* и пр. Онъ же (Compendium², 784) проводилъ параллель между латинскимъ имперфектомъ и литовскимъ прошедшимъ и указывалъ, что въ основѣ литовскаго прошедшаго лежатъ основы

1) Ради библиогр. полноты приходится упомянуть и о черезчуръ странной гипотезѣ Добровскаго (Къ ученію о слав. глаголѣ, Фил. Зап., 81 г. VI, 150), что „имперфектъ древнѣйшій нос-ѣхъ изъ *нос-ѣхъ или нос-ехъ“. Эта гипотеза стоитъ въ связи съ неменѣе странными предположеніями о происхожденіи 2-го спряженія изъ ф. *ѣши, *ѣшь, возникшихъ изъ *asi*, *ati* и д. Добр. посвятилъ довольно мѣста въ своемъ огромномъ трудѣ происхожденію имперфекта (Фил. Зап., 82 г., II—III), но здѣсь рядъ полныхъ несообразностей. Важно отмѣтить лишь слѣдующее: постановку въ связь развитія видовъ съ имперфектомъ; послѣдній создаетъ цѣлый рядъ глагольн. морфемъ и самъ погибаетъ. Роль имперфекта въ этомъ случаѣ преувеличена.

настоящаго времени такихъ глаголовъ, какъ žinau (парал. латин. amo). Какъ справедливо замѣтилъ Видеманъ (Das litauische Praeter.), трудно видѣть здѣсь родственное образованіе, т. к. подобное родство указывало бы на давность происхожденія, а затѣмъ обнаруживалось бы нѣчто подобное въ языкахъ родственныхъ латинскому и литовскому.

Остгофъ сначала (Morph. Untersuchungen, IV, 258 и слѣд.) производилъ лит. praeterit. изъ литовск. древняго аориста + **u** (флексія настоящаго времени): *liką (въ выговорѣ *lika) = греч. λιποι, так. обр. likau - likou, перешедшее затѣмъ къ спряженію matau и пр.; затѣмъ Остг. (Zur Geschichte, 60 и сл.) отказался отъ этого производства, такъ какъ изъ предполагаемой общей формы въ періодъ единства *om (аор.) не получилось бы a (въ выговорѣ a), а an (какъ показываетъ прусскій и самъ литовскій), т. обр. ожидали бы likan-u. Въ a Остг. уже видитъ окончаніе древняго перфекта edan = *ēda (греч. *ἤδα въ *εδ - ἤδα) + u. Важно то, что Остгофъ указываетъ на заимствованіе отъ основъ настоящаго глаголовъ на ā.

Пр. Ульяновъ (Основ., 183 и сл.) проводилъ ту мысль, что литовскій языкъ, утративъ всѣ аористы на s и тематическое прошедшее время отъ основъ на o-e (за сходствомъ этихъ формъ съ формами настоящ. врем.), измѣнилъ въ окончаніяхъ (сблизивъ тоже съ настоящимъ) прошедшее отъ тематическихъ глаголовъ на ā и ē, так. обр. изъ *bridā-m — bridaū, вм. bridās — bridaī и пр. Тоже изъ ē-m подъ вліяніемъ перехода ām-au образовалось *ēu, ēi, откуда iau, ei и пр.

Въ специальномъ изслѣдованіи о литовск. прошедшемъ Видемана Das lit. Praet., вышедшемъ въ 1891 г., находимъ въ общемъ сходство съ воззрѣніями пр. Ул., развитыми въ упомянутомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 88 г. Здѣсь можно упрекнуть Видемана въ незнакомствѣ съ данной разработкой вопроса (Вид. разбираетъ только ранѣе упомянутыя мною теоріи Шл. и Остг.). Кромѣ того я долженъ замѣтить, что мысли свои о лит. прошедшемъ Ул. развиваетъ и дальше, именно на исторію возникновенія слав. имперфекта, Видеманъ же, очевидно, остается относительно послѣдняго при своемъ прежнемъ мнѣніи, высказанномъ въ Beiträge zur altl. Conjugation. Флексіи лит. прошедшаго В. объясняетъ изъ флексіи настоящаго, т. е. a + u (безъ j), заимствованы были эти окончанія у глаголовъ извѣстнаго разряда, немногочисленныхъ но съ

рѣзко выраженнымъ значеніемъ продолжительности, близко стоящихъ къ praeteritopraesentia германскихъ языковъ (ихъ Видеманъ называетъ результативными, Лескинъ — интенсивными).

Вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ Видеманъ, независимо отъ заключеній Ульянова, результатамъ высоко оцененнымъ научной критикой въ лицѣ Зубатаго (Arch. f. sl. Ph., XIII, 602).

Въ другомъ своемъ изслѣдованіи (Значен. I, 320 и сл.) Ульяновъ объясняетъ возникновеніе въ литовскомъ прошедшаго времени так. образомъ: въ глаголахъ среднего залога на *ā* и *ē* древнія формы имперфекта на *ā* замѣнены были вполнѣдствіи формами аориста на *ā* и *ē*; эта замѣна вызвана была совпадениемъ съ настоящимъ временемъ. Формы на *ā* и *ē* возобладали и въ другихъ глаголахъ, при чемъ появлялись формы то съ *ā*, то съ *ē*, на что указываютъ литов. *au* и *iau*, чередующіяся въ однихъ и тѣхъ же глаголахъ.

Въ своей обширной критикѣ на труды Ул. ак. Фортунатовъ (Сборн. отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. 43 т., 39—42), признавая немаловажную заслугу въ указаніи Ул. на происхожденіе литовской и вообще балтійской формы прошедшаго, тѣмъ не менѣе совершенно не соглашается съ окончательнымъ выводомъ. По его мнѣнію, этому выводу препятствуетъ разница долготъ въ формахъ литовскаго неопредѣленнаго наклоненія ¹⁾ на *o* (изъ *ā^o*) и *ē* и въ окончаніяхъ балтійскаго, въ частности литовскаго прошедшаго. Самъ Форт. приходитъ къ заключенію, что основы балт. прошедш. врем. на *ā^o*, *ē*, литов. *o* и *ē* явились въ силу стяженія гласныхъ, при чемъ они возникли изъ **ā^aī^ae^o* и **ā^eī^ae^o*, съ утратой *ī* и стяжениемъ. Так. обр. балтійское прошедшее есть „имперфектъ производныхъ глаголовъ съ основами настоящаго времени и имперфекта на индоевроп. *ā^aī^ae^o* и **ā^eī^ae^o*, замѣнившій старый имперфектъ соответственныхъ непроизводныхъ глаголовъ“ (41). Но этихъ формъ мы не видимъ, по Фор., потому

1) Объ этомъ подробнѣе Фор. говоритъ въ своей другой статьѣ (Р. Ф. В., 95 г. т. 33-й. Объ удареніи и долготахъ въ балт. яз.); отсутствіе сокращенія въ 3-мъ лицѣ *ē* и *o* говоритъ о томъ, что здѣсь была прерывистая долгота, дававшая подъ удареніемъ удареніе входящее; между тѣмъ какъ въ неопред. наклоненіи *ī^{poti}*, *mylėti* *o* и *ē* имѣютъ удареніе нисходящее (285—6).

что въ литово-слав. эпоху глаголы эти (обозначавшіе длительность) получили новое употребленіе въ имперфектѣ, которое и вытѣснило прежнее.

Какъ я уже сказалъ, Ульян. соединяетъ объясненіе происхожденія литов. прош. и слав. имперфекта, отличаясь этимъ отъ Видем. По Ульян. (основ., 187) желаніе различить имперфектъ отъ аориста въ такихъ первоначальныхъ формахъ, какъ *зъ ва хъ* заставило прійти къ различнымъ окончаніямъ. Это различіе въ окончаніяхъ было удержано и тогда, когда измѣнилась основа имперфекта. А основа эта измѣнилась такъ: отъ глагола *несѣ* и пр. образовался имперфектъ *несѣхъ* подъ вліяніемъ аориста так. глаголовъ, какъ *оумѣхъ*, *имѣвшихъ*, мож. б., значеніе имперфекта. Затѣмъ уже это *несѣхъ* повліяло на *зъ ва хъ* и образовалось *зъ ва ѣхъ* - *зъ ва яхъ*. Послѣдняя форма въ свою очередь вліяла на *несѣхъ*: *несѣахъ*. Вотъ общая нить разсужденій, предполагающихъ рядъ измѣненій въ языкѣ, которыя собственно совершенно ничѣмъ не подтверждаются. Въ „Значен.“ (Р. Ф. В. 91 № 2, 198 и сл.) это мнѣніе нѣсколько видоизмѣняется: *ѣ* и *а* заимствуются глаголами непроизводными какъ суффиксы прошедшаго времени, при чемъ заимствованіе было въ такихъ глаголахъ, которые не владѣли всѣми формами аориста: корн. **зна**, **да**, **вѣ**. Такъ какъ здѣсь не было имперфекта, въ силу утраты прошедшаго съ удвоенной основой то началъ образовываться еще въ литово-слав. пору имперфектъ по аналогіи глаголовъ средняго залога отъ основы на *а*. Изъ этихъ уже формъ *а*, считавшееся какъ бы суффиксомъ имперфекта, перешло и въ основы на *ѣ* и *а*, при чемъ получались: *ѣа* и *аа*.

Ак. Фортунатовъ также и въ этомъ случаѣ не соглашается съ окончательнымъ выводомъ проф. Ульянова, находя, какъ и раньше относительно литов. прошед., преувеличеніе значенія основъ средняго залога. По Ф., форма аориста отъ глаголовъ длительного вида (отъ производн. глаг. основъ) перейдя въ глаголы непроизводные получала значеніе имперфекта; *аа*, по Ф., изъ *аѣ*: къ глагольн. основѣ на *а* + *ѣ* изъ имперфекта извѣстныхъ непроизводныхъ глаголовъ, при чемъ *аѣ* перешло въ *аа*, какъ *ае* переходитъ въ *аа* въ такихъ случаяхъ: *бываа*тъ и пр.; *ѣа* изъ *ѣа*: *ѣ* + *а* изъ *тѣхъ* „непроизводныхъ глаголовъ, которые нѣкогда имѣли въ имперфектѣ основу съ *а*“, въ непроизводныхъ же *ѣа* воовообразование, при чемъ вмѣсто *ѣ* (*ѣ*) стало употребляться *ѣа* подъ вліяніемъ гла-

головъ, уже имѣвшихъ **ѣа**. Факты совпаденія **несѣ**, **ведѣ** и лит. *nesze-*, *vedē* Форт. не объясняетъ, какъ Ул., аналогично развившимся на обособленныхъ почвахъ — общеславянской и общепольской, а думаетъ, что въ глаголы непроизводные съ корневымъ **е** или **а**⁰ переносились окончанія прошедшаго на **ѣ**, отсюда **несѣ**-*nesze* и пр., а съ корневымъ **и** и **и** основы имперфекта на **а**⁰, лит. *lipo*, *sùko*, старо-слав. *жѣдаахъ*, *сѣсаахъ* и пр. Такіе глаголы, по Ф., имѣвшіе первоначально **ѣ** въ имперф., можетъ быть даже послѣ того какъ **ѣ** измѣнилось въ **ѣа**, по аналогіи дали въ инфинитивѣ **а** подъ вліяніемъ производныхъ глаголовъ на **а**. Чтобы объяснить, почему же **ѣ** не оказало такого дѣйствія на инфинитивъ, Ф-у приходится прибѣгать къ догадкамъ, что здѣсь создалась „слоγοобразовательная форма глаголовъ состоянія, а между тѣмъ глаголы, въ имперф. отъ **ѣ**, обозначали лишь дѣйствія“. Самому Ф-у приходится далѣе указывать примѣры, не оправдывающіе его объясненій.

Интересенъ взглядъ Ф. на **бѣхъ**: „старая основа съ **і**, не измѣненная въ **ѣа**, и при томъ со старымъ нетематическимъ спряженіемъ слав. имперфекта“. Какъ извѣстно и Миклошичъ и Лескинъ считали **бѣхъ** также формой имперфектной, Вонбракъ же считаетъ аористомъ, нѣсколько неудачно идя за сравненіемъ Бругмана **бѣ**-*b h ŭ - ē - s*, *b h ŭ - ē - t* (Alt. Gramm., 232). Форма **бѣхъ** служитъ даже доказательствомъ для одного изъ изслѣдователей чешскихъ (Horák, *Ke stupňování ve slov. a lit. hist. Filolog.*, 902 г. 230—42) доказательствомъ, что первоначально имперфектныя формы не отличались отъ аористныхъ. (Горакъ проводитъ мысль, что ф. **несѣхъ** первоначальная, возникла подъ вліяніемъ глаголовъ на **ѣ**ти, обозначавшихъ продолжительность, и обозначала длительность въ прошедшемъ. Такимъ обр. между видѣхъ и несохъ такое же отношеніе, какъ въ греческомъ между *ελαβον* и *εγγραφον*: одна и та же форма въ одномъ случаѣ является аористомъ, въ другомъ имперфектомъ. Затѣмъ уже при помощи **ѣхъ** образовывался имперфектъ отъ другихъ глаголовъ, отъ темы настоящаго времени: посему отъ **оумѣе**, **дѣлае** получалось, по Г., **оумѣхъ**, **дѣлахъ**, т. к. **ѣ** послѣ **і** переходило въ **а**; спрашивается, однако, гдѣ же дѣлось **е**? Доказательства приводимыя Гор. вообще слабы: главное изъ нихъ, что въ сербо-лужицк. нарѣчіяхъ **ech** и **ach** указываютъ на праслав. **ѣхъ** не можетъ претендовать на убѣдительность,

т. к. **ech** и **ach** уже позднѣйшаго происхожденія, затѣмъ возникнувъ изъ **ѣхъ**, они вовсе не доказываютъ праслав. ф. **ѣхъ**.)

III.

Если литовскій языкъ даетъ намъ нѣкоторыя данныя для освѣщенія слав. имперфекта, то и въ исторіи прошедшаго времени германскихъ языковъ и въ частности исторіи возникновенія *Schwache Praeteritum* мы можемъ почерпнуть для себя также нѣкоторый матеріалъ.

Schwache Praeteritum герм. языковъ представляется по формѣ образованія не менѣе загадочнымъ, чѣмъ славянскій имперфектъ. Это прошедшее вызвало цѣлый рядъ изслѣдованій, литературу вопроса гораздо превосходящую по количеству литературу о слав. имперфектѣ. Имѣются спеціальныя изслѣдованія, напр. Бегемана (*Das schw. Praet.*, Berlin 73, *Zur Bedeutung d. schw. Praet. d. germ. Spr.*, Bd. 74), Лоренца (*Das schw. Pr.*, Leipzig 94), Флоршютца (*Zur Entsteh. d. schw. P.*, Graz 98) и раньше, начиная съ Гримма, многіе изслѣдователи останавливались на вопросѣ о происхожденіи этого времени въ общихъ трудахъ, въ журнальныхъ статьяхъ (въ позднѣйшее время особенно на страницахъ *Indogerman. Forschungen* и *Беценбер. Beiträge* не разъ можно встрѣтить статьи посвященныя данному вопросу или его затрагивающія). Здѣсь мы видимъ борьбу такихъ же теорій, какъ и въ вопросѣ о слав. имперфектѣ.

Теорія Гримма и его послѣдователей, стоявшихъ за двойственность формы слабого прошедшаго, т. е. видѣвшихъ во 2-й части глаголъ *thun*, так. обр. теорія, параллельная теоріи о сложности въ славянск. имперфектѣ, вызвала опроверженія прежде всего со стороны Бегемана, построившаго теоріи односоставности данной формы. Новая теорія, не убѣдивъ въ своей доказательности, но подорвавъ устой прежней, открыла поле для новыхъ догадокъ; впрочемъ, въ новой разработкѣ въ общемъ принципы остались прежніе, т. е. выставленные Гриммомъ или Бегеманомъ, варьировалась лишь детальная разработка. Были теоріи, разсматривающія (напр., Клуге *Beiträge zur Gesch. d. germ. Conjug.*) слабое прошедшее какъ соединеніе 2-хъ самостоятельныхъ частей, при чемъ первая винительный падежъ существительнаго или прилагательнаго, а вторая аористъ отъ корня *dhá* съ аугментомъ (*edou-eda*).

Въ теоріи этой, возобновлена была теорія Шерера (Zur Gesch. d. deutsch. Spr.², 322) относительно аористой приставки. Но Клуге не удалось низвести значеніе трудовъ Бегемана и мы видимъ, что въ позднѣйшее время принята принципъ теоріи послѣдняго относительно односоставности, не соглашаются только съ объясненіемъ Б. о возникновеніи данной формы. Въ нашу задачу не входитъ, конечно, останавливаться на проводимыхъ теоріяхъ и разбирать ихъ, намъ важно только установить, что при изученіи слабаго прошедшаго явились тѣ же теченія, какія и при изученіи слав. имперфекта и это уже одно даетъ намекъ, что здѣсь таится что-то-общее.

И я отмѣчу здѣсь слѣдующее обстоятельство, что готск. skuldēs, древне-верх. нѣм. scoltōs говорятъ намъ о какомъ то удлиненіи въ окончаніи. Бартоломе обратилъ уже на это вниманіе и даже видѣлъ въ др.-церк. слав. ѣ и а разрѣшеніе загадки чередованія ѣ и ѓ, ссылаясь на имѣ — има, лит. ė m e, jema (Indog. Forsch. № 3, 31 Zur Vocaldehnung ...). Трудно схватываемая объясненіемъ аналогія замѣчается несомнѣнно въ данныхъ случаяхъ.

Данныя литовскаго и германскихъ языковъ говорятъ намъ, что во время общей германо-лито-славянской поры могъ существовать общій зародышъ развившихся затѣмъ уже на обособленныхъ почвахъ - литовскаго прошед., герман. слаб. прошед. и слав. имперфекта. Так. обр. въ созданіи этихъ формъ, ихъ своего рода отдѣлкѣ эти родственные языки шли уже самостоятельными путями. Желаніе во что бы то ни стало объяснить schwaches Praeteritum изъ двухъ словъ приводило и приводитъ изслѣдователей къ самымъ разнообразнымъ домысламъ и построеніямъ прапрагерманскихъ формъ и всѣ эти построенія выказываютъ лишь остроуміе изслѣдователей и всю шаткость почвы. То же можно сказать и относительно мнѣній о славян. имперфектѣ: возводить окончанія слав. имперф. къ формамъ санскритскимъ, сравнивать ихъ въ этомъ случаѣ совершенно невозможно, т. к. нельзя и предполагать здѣсь почему то сохраненіе въ слав. древнихъ окончаній. Да если и допустить это, то приходится прибѣгать къ допущенію различныхъ измѣненій корня **ес**, дабы получилась нужная форма. Не говорю уже о томъ, что невольно напрашивается, почему глаголу **есмь** выпала на долю такая роль (по значенію). Эти соображенія заставляютъ меня при-

держиваться мнѣнія объ односоставности слав. имперфекта и образованія формы его на слав. почвѣ.

IV.

Дальнѣйшая наша работа должна прежде всего быть посвящена разсмотрѣнію того матеріала, который даютъ древнѣйшіе ц.-слав. памятники относительно имперфекта. Мы должны были бы сдѣлать подсчетъ формъ имперф., употребляющихся въ этихъ памятникахъ, т. к. тѣ статистическія данныя, которыя находятся въ трудахъ Валявца и Видемана, имѣютъ только относительный характеръ-матеріалъ взять не весь, а постольку, поскольку это нужно было для опроверженія мнѣнія Миклошича. (Видеманъ, продолжая критику Ягича на воззрѣнія Миклошича опредѣляетъ отношеніе въ разсматриваемыхъ классахъ формъ нестяженныхъ къ стяженнымъ какъ 8:3.) Но подобный подсчетъ не могъ бы привести къ рѣшающимъ доказательствамъ древности той или другой формы, т. к. въ др.-ц. слав. памятникахъ мы имѣемъ дѣло уже съ различными нарѣчіями и формы болѣе позднія по своему происхожденію могли попасть въ первоначальную литературную обработку. Общія же наблюденія надъ др.-ц. слав. памятниками говорятъ лишь о томъ, что ф. **ѣахъ** и **аахъ** многочисленнѣе формъ **ѣхъ** и **ахъ**. Затѣмъ, подобныя наблюденія, какъ ак. Ягича, что ф. **дѣлахъ** чѣмъ не **сѣхъ** могутъ указывать на возникновеніе **дѣлахъ** изъ **дѣлаахъ**. Занимаясь специально Зогра. Ев. и сравнивая данныя относительно имперф. съ данными Мар. Ев., я пришелъ къ тому заключенію, что въ оригиналахъ этихъ памятниковъ были формы нестяженные (какъ и относительно прилагательныхъ), и что стяженные вносились позднѣйшими переписчиками. Совокупность разныхъ данныхъ, какъ-то: преобладаніе, или, лучше, господство полныхъ формъ въ большинствѣ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, естественность перехода болѣе полныхъ въ стяженные, исторія этихъ формъ въ слав. нарѣчіяхъ заставляютъ насъ склониться вполне къ признанію ф. не**сѣахъ**, гор**ѣахъ** и пр. болѣе древними и болѣе первоначальными, чѣмъ не**сѣхъ**, гор**ѣхъ**.

Устанавливая за формами не**сѣахъ**, гор**ѣахъ** и пр. древность сравнительно съ ф. не**сѣхъ** и пр., мы затѣмъ встрѣчаемся съ вопросомъ образованія этого времени: отъ

темы ли настоящего времени, какъ думалъ Миклошичъ, или отъ темы настоящего и неопредѣленнаго наклоненія, какъ думали нѣкоторые другіе изслѣдователи. Для рѣшенія этого вопроса, кромѣ установленія древности ф., какъ коуповаше или коупуаше, необходимо прежде всего опредѣлить, что такое представляется въ формахъ имперфекта окончаніемъ, нужно ли дѣлать: несѣ-ахъ или несѣахъ и пр.? То обстоятельство, что формы имперф. имѣютъ окончанія **ѣахъ** и **аахъ**, заставляетъ видѣть здѣсь чисто имперфектное окончаніе **ахъ**. а **ѣ** и **а** относить къ данной темѣ глагола. Говорить, что это **ѣ** въ несѣ есть удлиненіе **е**, мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ въ другихъ глаголахъ мы не видимъ при образованіи имперф. формы никакого удлиненія, слѣдовательно вѣрнѣе гораздо предположить, что **ѣ** въ данномъ случаѣ перенесено откуда-то извнѣ. Беря такіе примѣры, какъ одѣти - одѣхъ и одѣати - одѣахъ, мы послѣднія формы можемъ приравнять къ нашимъ одѣлъ и одѣвалъ. Зная также, что одѣати форма позднѣйшая сравнительно съ одѣти, мы можемъ думать, что и аористная форма отъ этого глагола, уже плодъ так. обр. славянскаго новообразованія, обозначавшая длительность соотвѣтственно своему виду, могла въ образованіи своихъ окончаній пойти особымъ своеобразнымъ путемъ, подвергаясь, конечно, и извѣстнымъ вліяніемъ. Именно здѣсь прежде всего эта форма приобрѣла имперфектность, т. к. въ другихъ глаголахъ, можно думать, имперфектность заключалась въ одной изъ формъ аориста, который не имѣли глаголы, подобные одѣти, оумѣти и пр.; я думаю, что таковой формой была — вѣсѣ, басѣ и пр., т. е. съ измѣненіемъ корневой гласной. Что первоначальность въ образованіи новой формы являлась именно въ глаголахъ типа одѣти и пр., даже передъ глаголами на ати, показывать можетъ и то, что глаголамъ летати и пр. есть соотвѣтств. еще лѣтати и пр., что облегчало возможность обходиться существующими формами. Разъ нѣвая форма возникла прежде всего отъ глаголъ на ѣати, нѣтъ ничего удивительнаго, что окончаніе ѣахъ переходило и къ другимъ глаголамъ, когда съ одной стороны забывалось значеніе вѣсѣ сравнительно съ весѣ и приобрѣталась все большая и большая выразительность новой формой. Кромѣ того распространенію формы ѣахъ, а не аахъ (образовавшагося отъ глаг. продаати и пр.)

способствовало несомнѣнно и существованіе **е** въ настоящемъ времени. Послѣднее повліяло и на образованіе двоякихъ формъ отъ глаг. **к о у п о в а т и**.

Можетъ показаться страннымъ, почему глаголы съ основой на **ѣ** первые дали начало имперфекту своей новой уже болѣе распространенной формѣ, именно съ **ѣа**, страннымъ потому что сама основа на **ѣ** уже обозначала извѣстнаго рода длительность. Можетъ, приходитъ вопросъ, не получила ли ф. **о д ѣ а т и** начало отъ имперфекта, а не наоборотъ. Для подтвержденія своихъ мыслей я долженъ коснуться исторіи постепеннаго развитія глагольныхъ основъ въ старо-славянскомъ языкѣ. Извѣстны дѣленія глаголовъ на классы Миклошича по темѣ неопредѣл. наклоненія, Лескина — по темѣ настоящаго времени, но въ дѣленіяхъ этихъ мы не видимъ, чтобы проведенъ былъ строго принципъ историческій. Нѣкоторое улучшеніе въ дѣленіе это вносить попытка В. Добровскаго, но и она имѣетъ свои недостатки, также и по отношенію общаго упомянутаго принципа. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно провести этотъ принципъ въ тѣхъ спутавшихся различныхъ формѣ. Слѣдуя принципу, что чѣмъ проще глагольная основа, тѣмъ она древнѣе, къ числу наиболѣе древнихъ формъ мы отнесемъ глаголы, какъ **в ѣ м ѣ**, **да м ѣ**, **і е с м ѣ**, **и м ѣ**. И въ области этихъ древнѣйшихъ глаголовъ произошли коренныя измѣненія, такъ отъ **в ѣ м ѣ** неопр. нак. **в ѣ д ѣ т и**, очевидно, подъ вліяніемъ глаголовъ позднѣйшаго образованія. Къ числу древнѣйшихъ глаголовъ мы должны отнести затѣмъ всѣ безсуффиксные. Но и тутъ опять таки мы находимъ измѣненія по пути заимствованія суффиксовъ, особенно **а**, напр., **бѣжати** вм. **бѣгти** (ср. лит. *begti*) и пр., отчасти **н х** (при чемъ присоединяя суф. **н** въ настоящ. врем. нѣкоторые глаголы сохраняютъ и первоначальныя формы неопр. наклоненія, напр., **станешь** — **стати**, но **сохн х ти**, зато **засох х**). Глаголы на **ѣ ти** являются также уже производными, на это ясно указываютъ параллели изъ литовскаго языка: въ послѣднемъ наряду съ *kalėti, birėti* существ. еще *kálti, beėti*. Разъ въ слав. были утеряны въ этомъ случаѣ формы безсуффиксныя и удержались лишь производныя, то нѣтъ ничего удивительнаго, что терялся отгѣнокъ разницы имени длительность, для возстановленія этой длительности, имперфектности и послужилъ суффиксъ **а**, который и въ другихъ случаяхъ обслуживалъ эту роль.

Окончанія ѣаше и проч. возникли несомнѣнно изъ ѣахъ, какъ изъ исходной точки, подъ вліяніемъ окончаній аориста I, потому и сравнивать непосредственно ихъ съ какими либо окончаніями другихъ индо-европейскихъ языковъ не представляется возможнымъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

бібліографіи обѣ И. С. Никитинѣ
и его сочиненіяхъ.

Алексѣя Путинцева.

Необходимость въ бібліографическихъ указателяхъ такъ очевидна, что едва ли нужно говорить объ этомъ. Особенно они нужны теперь, когда литература о томъ или другомъ писателѣ сильно разрослась и когда многія, иногда весьма важныя, статьи могли бы остаться неизвѣстными изслѣдователю.

Статьи объ И. С. Никитинѣ и его произведеніяхъ разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ и многія изъ нихъ могли быть извѣстны совершенно случайно, такъ какъ пересмотрѣть всѣ изданія и особенно провинціальныя почти нѣтъ возможности для одного лица. Это то обстоятельство и побуждаетъ привести въ извѣстность (по возможности всѣ) статьи, посвященныя И. С. Никитину.

Предлагаемые бібліографическіе матеріалы составлены на основаніи отчасти трудовъ *В. И. Межова*: „Русская Историческая Библіографія“ и *А. В. Мезіеръ*: „Русская Словесность съ XI по XIX вѣкъ включительно“. Большинство же матеріала явилось результатомъ моихъ занятій біографіей и произведеніями Ивана Саввича Никитина. Конечно, собранный матеріаль не претендуетъ на безуслов-

ную полноту, но, какъ кажется, здѣсь приведена почти вся печатная литература по данному вопросу.

Расположенъ матеріалъ по годамъ. Въ концѣ статьи для большаго удобства пользованія приложенъ систематическій указатель къ „Матеріаламъ“. Алфавитный же указатель не приложенъ потому, что библіографическіе матеріалы не такъ обширны.

А. П.

Юрьевъ (Dorpat). 1905 г.

1849 г.

1. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости.** — № 45. Объявленіе отъ редакціи о присланныхъ въ газету двухъ стихотвореніяхъ за подписью *И. Н.* („Лѣсъ“ и „Дума“) и препятствіи къ напечатанію ихъ (незнаніе автора).

1853.

2. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости.** — № 47. Отдѣлъ III — смѣсь. „Русь“ — стихотвореніе *И. С. Никитина* (*Первое*, появившееся въ печати).
3. **С.-Петербургскія Вѣдомости.** — № 275. „Русь“, стихотвореніе *И. С. Никитина* (Перепечатка изъ Вор. Губ. Вѣд.).

1854.

4. **Отечественныя Записки, кн. VI.** — Отдѣлъ: Новости науки, литературы и проч. — Біографическія свѣдѣнія объ *И. С. Н-нѣ* и стихотворенія его: „Дубъ“, „Вечеръ“, „Сладость молитвы“, „Утро на берегу озера“, „Ключъ“, „Ночь“, „Задумчивый пѣвецъ . . .“, „Поэту“. (Статья безъ подписи автора; *М. Де-Пуле* (5 стр. біогр., прилож. къ соч. *И. С. Н-на*) приписываетъ ее *А. П. Нордштейну*).
5. **Москвитининъ, VIII кн.** — Отд. VII. Современныя внутреннія извѣстія (ст. 141—146). „Новый воронежскій поэтъ“. — (Письмо *Н. Второва* къ графу *Д. Н. Толстому* о *Никитинѣ* съ приложеніемъ стихотвореній послѣдняго: „Пѣвцу“, „Новый Завѣтъ“, „Художнику“, „Война за вѣру“.)
6. **Библіотека Для Чтенія, VIII кн.** — „Грусть старика“, „Югъ и сѣверъ“, „Наслѣдство“ и „Зимняя ночь въ деревнѣ“. Стихотворенія *И. С. Никитина*.

7. **Современникъ**, кн. XII. — „Жена ямщика“, стихотвореніе И. С. Никитина.
8. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**. — № 50. „Встрѣча зимы“ — стихотвореніе И. С. Никитина.

1855.

9. **Отечественныя Записки**, кн. VII. — „Бурлакъ“ и „Утро“ (вторая редакція этого стихотворенія) — стихотворенія И. С. Никитина.
10. **Библіотека Для Чтенія**, кн. I. — „Буря“, „Болѣсть“ и „Встрѣча зимы“ (см. № 8) — стихотворенія И. С. Никитина; кн. V. — „Разсказъ ямщика“ — стихотвореніе И. С. Никитина; кн. VI. — „Засохшая береза“ и „Утро на берегу озера“ (послѣдняя редакція этого стихотворенія) — стихотворенія И. С. Никитина; кн. X. — „Неудачная присуха“ (первая редакція стихотворенія) — стихотвореніе И. С. Никитина; кн. XI. — „Вечеръ послѣ дождя“ — стихотвореніе И. С. Никитина; кн. XII. — „Купецъ на пчельникѣ“ — стихотвореніе И. С. Никитина.

1856.

11. **Стихотворенія Ивана Никитина**. Издалъ графъ Д. Н. Толстой. Воронежъ ¹⁸⁵⁶₇₃₆₄. СПБ. Въ типографіи Г. Бенике. Предисловіе издателя I—XV стр. Изданіе посвящено авторомъ Н. И. Второву и К. О. Александрову-Дольнику. XV+204 стр. in 8°.
12. **Современникъ**, IV кн. — Рецензія на изданіе *Стихотвореній И. Никитина*, изд. гр. Д. Толстымъ — безъ подписи автора (стр. 49—56) — Н. Чернышевскаго.
13. **Русскій Вѣстникъ**, томъ II, стр. 191. Отдѣлъ: Современная лѣтопись. Рецензія на Толстовское изданіе *Стихотвореній И. С. Никитина* безъ подписи автора (М. Де-Пуле приписываетъ ее Кудрявцеву, одному изъ редакторовъ этого журнала, см. 37 стр. біогр. Н-на).
14. **Москвитянинъ**, кн. II. — X. Z. Рецензія на Толстовское изданіе стихотвореній И. С. Никитина (стр. 311—314).
15. **Библіотека Для Чтенія**, томъ CXXXVII. — Рецензія на то же изданіе А. В. Дружинина (стр. 23—43). См. № 60.

16. **Отечественныя Записки, кн. XII.** — Стихотворенія И. С. Никитина: „Въ саду“, „Гнѣздо ласточки“ и „Разсыпались звѣзды...“; кн. II. — „Въ лѣсу“ (послѣ выздоровленія); кн. VI. — „Весна на степи“.

1857.

17. **Русская Бесѣда, кн. VIII.** — Стихотворенія И. С. Никитина: „Пахарь“ и „Нищій“.
18. **Отечественныя Записки, кн. II.** — „Смеркаетъ день...“; кн. XI. — „Соха“ и „Бѣдность“ (Ахъ, ты, бѣдность горемычная...) — стихотворенія И. С. Никитина.

1858.

19. **Кулакъ. Поэма (Н.) И. Никитина.** Москва. Въ типографіи Каткова и Ко. 158 стр. in 8°.
20. **Атеней** — журналъ выходившій подъ редакціей Е. Корша, № 58. — Рецензія на поэму И. С. Никитина „Кулакъ“. *Т. М—въ* (стр. 273—285).
21. **Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, томъ VII.** СПБ. Въ типографіи Академіи Наукъ. — Отчетъ академика Я. К. Грота о poemѣ И. С. Никитина „Кулакъ“ (стр. 290—314). См. тоже № 174.
22. **Современникъ, томъ LXIX.** — Рецензія на „Кулакъ“ И. С. Никитина, безъ подписи автора (стр. 187—194).
23. **Русская Бесѣда, кн. II.** — „Медленно движется время...“; кн. IV. — „Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ...“, „Ночлегъ въ деревнѣ“, „Въ темной чащѣ замолкъ соловей...“ („Ночь“), „Помнишь?...“; кн. VI. — „Разговоры“ — стихотворенія И. С. Никитина.

1859.

24. **Стихотворенія Ивана Никитина.** СПБ. II+152 стр. in 8°. Въ типографіи Карла Вульфа. Изданіе В. А. Кокорева.
25. **Московское Обозрѣніе, № 1.** — Отдѣлъ: Библиографическій указатель (стр. 24). Рецензія (кратенькая) на поэму И. С. Никитина „Кулакъ“ — безъ подписи автора.

26. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости, № 10.** — Часть неофициальная. — Мѣстная хроника. — II. — Открытіе книжнаго магазина И. С. Никитина.
27. **Русскій Дневникъ** (газета), № 19. — Объ открытіи книжнаго магазина И. С. Никитина.
28. **Московскія Вѣдомости, № 21.** — Объ открытіи книжнаго магазина И. С. Никитина.
29. **Отечественныя Записки, кн. I.** — Стихотворенія И. С. Никитина: „Горькія слезы“ и „Дѣтство веселое...“.
30. **Народное Чтеніе, кн. I.** — „Ахъ, у радости быстрыя крылья...“; кн. II. — „Пѣсня бобыля“ и „Дѣдушка“; кн. III. — „Разсказъ ямщика“ и „Пыль“ (послѣ передѣлано въ „Сплетню“); кн. V. — „Удалъ и забота“ и „И дождь, и вѣтеръ...“; кн. VI. — „Ярко звѣздъ мерцанье...“ — стихотворенія И. С. Никитина.

1860.

31. **Современникъ, IV кн.** — Рецензія (Добролюбова?) на *Стихотворенія Ивана Никитина* (въ изданіи Кокорева) безъ подписи автора (стр. 367—391).
32. **Русское Слово, IV кн.** — Отдѣлъ: Критика. Рецензія на („Кокоревское“) изданіе *Стихотворенія Ивана Никитина*, М. Де-Пуле (стр. 1—22).
33. **Русское Слово, кн. II.** — Стихотворенія И. С. Никитина: „Бѣдная молодость, дни невеселые...“ и „Я радъ молчать о горѣ старомъ...“

1861.

34. **Воронежская Бесѣда на 1861 годъ.** Изданіе М. Де-Пуле и П. Глотова. СПб. — „Тарасъ“, „Дневникъ Семинариста“, „Портной“ и „За прялкою баба въ понавѣ сидитъ...“ — И. С. Никитина.
35. **Отечественныя Записки, кн. III.** — Стихотворенія И. С. Никитина: „Мать и дочь“ и „Погостъ“.
36. **Время, № 11.** — „Хозяинъ“ — стихотвореніе И. С. Никитина.
37. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости, № 15.** — О музыкально-литературномъ вечерѣ въ залѣ Ворон. Дворян. Собранія (на которомъ И. С. Н—нъ читалъ свои стихотворенія).

38. **Развлеченіе**, литературно-юмористическій журналъ, выходившій подъ редакціей *Θ. Миллера*. № 2. — *В. С.* — „Описаніе междоусобной войны въ городѣ Воронежѣ между литераторами разныхъ направленій въ 1858, 1859 и 1860 годахъ“, стр. 26—28. (О Никитинѣ, какъ книжномъ дѣятелѣ).
39. **Русскій Художественный Листокъ**, изданіе Тимма. № 11. — *Р.* — *И. С. Никитинъ* (46—48 стр.).
(Въ томъ же журналѣ за 1861 годъ въ № 8 помѣщенъ рѣдкій портретъ *И. С. Н—на*, снятаго молодымъ).
40. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 42. — Извѣщеніе отъ редакціи о смерти *И. С. Никитина*.
41. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 44. — Краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ *И. С. Никитинѣ* (статья безъ подписи).
42. **Московскія Вѣдомости**, № 241. — *М. Де-Пуле*. — *Иванъ Савичъ Никитинъ* (некрологъ).
43. **Свѣточъ**, кн. XII. — Новыя литературныя потери. (Некрологи *И. С. Никитина* и *Добролюбова*).
44. **Книжный Вѣстникъ**, стр. 320. — *Иванъ Саввичъ Никитинъ*. (Некрологъ безъ подписи автора, вѣроятно, принадлежащій самому редактору журнала).

1862.

45. **Русскій Художественный Листокъ**, изданіе Тимма. № 36. — *Р.* — *И. С. Никитинъ* (послѣднія минуты его жизни) стр. 155—156.
(Въ томъ же изданіи за 1861 г. въ № 32 рѣдкій портретъ *И. С. Никитина* — на смертномъ одрѣ).
46. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 9. — *Де-Пуле*. — Послѣдняя воля *И. С. Никитина* и ея исполненіе.
47. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 42. — Годовщина смерти *И. С. Никитина* (статья безъ подписи).
48. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 43. — *Викторъ Дорошинскій*. — Замѣтка по поводу смерти *И. С. Никитина* и приглашеніе къ пожертвованію на надгробный памятникъ ему.
49. **Воронежскій Листокъ**, № 45. — *А. Шкляревскій*. — Краткая замѣтка на сооруженіе памятника *И. С. Никитину*.

50. **Воронежскій Листокъ**, № 82. — *П. Малыгинъ*. — Годовщина смерти И. С. Никитина.

1863.

51. **Русскій Архивъ**, изд. П. Бартевымъ. V и VI кн. — *Де-Пуле*. — Біографическія свѣдѣнія объ И. С. Никитинѣ.
52. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости** № 12. — *Де-Пуле*. — Воспоминаніе о Никитинѣ.
53. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 42. — *Иеромонахъ Арсеній*. — Слово въ день годовичнаго поминавленія воронежскаго поэта И. С. Никитина.
54. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости**, № 48. — *Де-Пуле*. — Замѣтка для біографіи И. С. Никитина.
55. **Чтеніе Для Солдатъ**, II вып. — *И. Нестроевъ*. — Иванъ Саввичъ Никитинъ (стр. 28).

1864.

56. **Русскій Архивъ**, кн. V и VI. — Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860—61—62 гг. (отрывокъ изъ справочнаго словаря о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Геннади). Объ И. С. Никитинѣ столбцы 661—662.

1865.

57. **Русскій Архивъ**, кн. III. — Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина: „Староста“ (послѣ вошло въ собр. соч. Н—на).
58. **Русскій Архивъ**, кн. VII. — *Де-Пуле*. — „Молитва въ саду Геосиманскомъ“, стихотвореніе И. С. Никитина и біографическая замѣтка къ нему.
59. **Русскій Архивъ**, кн. X и XI. — Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина: „Поэту-обличителю“ (послѣ вошло въ собр. соч. И. Н—на).
60. **Сочиненія А. В. Дружинина**, томъ VII. СПБ. in 8°. — Перепечатка рецензіи на изданіе *Стихотвореній Ив. Никитина* 1856 г. изъ „Библ. для чтенія“ 1856 г. (см. № 15).

1866.

61. **Петровъ, К.** — **Курсъ исторіи русской литературы** съ библиографическимъ указателемъ. I нenum. + VI + 186 + XIII стр. СПб. Типографія Морского Министерства. Изданіе II-ое. (Объ И. С. Н—нѣ см. отдѣлъ литературы 50-хъ г.).

1867.

62. **Русскій Архивъ, кн. V.** — „Либераль“ — ненапечатанный рассказъ И. С. Никитина. Сообщилъ М. Де-Пуле. (Столбцы 1169—1175).
(Послѣ вошелъ біографію (sic!) И. С. Н—на, сост. М. Де-Пуле и прилож. къ собр. соч. И. С. Н—на. См. V гл., рубрику: „Генераль-либераль“).
63. **Виленскій Вѣстникъ, №№ 9, 11, 12, 18, 19, 24, 29, 31, 32, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 86, 87, 88, 90.** — *Де-Пуле.* — Иванъ Саввичъ Никитинъ (I—V и VII главы настоящей біографіи И. С. Н—на).

1868.

64. **Русскій (газета), № 69.** — *Н. Барсуковъ.* — Отрывокъ изъ письма къ И. П. Хр.
(Рекомендація біографіи Де-Пуле).
65. **Донъ, № 47.** — По поводу перевода одного стихотворенія И. С. Никитина на чешское нарѣчіе.
66. **Воронежскій Листокъ, № 13.** — *З.* — Воронежскія литературныя новости.
(Памятникъ А. В. Кольцова и „Михайловское“ изданіе соч. И. С. Н—на).

1869.

67. **Сочиненія И. С. Никитина,** съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и біографіей, составлен. М. Θ. Де-Пуле. т. т. I—II. Изданіе А. Р. Михайлова. Воронежъ. Въ типографіи В. А. Гольдштейна. III + 556 + II + 386 + I стр. in 8°. I-ое изданіе.
(Такъ называемое „Михайловское“, лучшее изданіе по своимъ примѣчаніямъ и вариантамъ).
68. **С.-Петербургскія Вѣдомости, № 164.** — *Де-Пуле.* — Замѣтка о двухъ стихотвореніяхъ И. С. Н—на, помѣ-

- щенныхъ въ „Сынъ Отечества“ 1869 г. №№ 18 и 19 — за подписью „Норышкинъ“ (стихотворенія: 1) „Удаль и забота“ и 2) „Могила дитяти“).
69. **Отечественныя Записки**, кн. VIII. — Рецензія на *Сочиненія И. С. Никитина* въ изд. 1869 г., безъ подписи (стр. 292—305).
70. **Вѣстникъ Европы**, кн. VIII. — А. С—нъ. — Рецензія на *Сочиненія И. С. Никитина* въ изд. 1869 г. (стр. 891—903).
71. **Библіографъ** — критико-библіографическій журналъ, подъ ред. А. Н. Струговщикова, кн. I. — Рецензія на *Сочиненія И. С. Никитина* въ изд. 1869 г. (45—51).
72. **Филологическія Записки**, кн. II. — Рецензія на *Сочиненія И. С. Никитина* въ изд. 1869 г. (безъ подписи).
73. **Филологическія Записки**, кн. IV. — Поэзія Никитина (ея содержаніе, характеръ и особенности) стр. 21—48. (Статья безъ подписи автора. Судя по тому, что она была перепечатана въ „Вор. Телегр.“ за тотъ же годъ, принадлежитъ Эн—кову).
74. **Воронежскій Телеграфъ**, №№ 53, 60, 69, 76, 77. — Эн—ковъ. — Поэзія Никитина (ея содержаніе, характеръ и особенности). (См. предыд. № библіографіи).
75. **Филологическія Записки**, кн. II—III. — Ив. Савичъ Никитинъ — М. Де-Пуле. (Здѣсь — три первыя главы изъ біографіи Н—на, прилож. къ соч. Н—на).
76. **Донъ**, № 86. — П. Исаевъ. — Столичные рецензенты объ изданіи сочиненій И. С. Никитина.
77. **Дѣло**, кн. VII. — Отдѣлъ: Новыя книги. — Рецензія на изд. *Сочиненія И. С. Никитина* 1869 г., безъ подписи. (Принадлежитъ Александрову).
78. **Воронежскій Телеграфъ**, №№ 78 и 79. — Степнякъ. — Два болѣзненные явленія провинціальной жизни.
79. **Воронежскій Листокъ**, № 60. — Послѣдніе дни воронежскаго поэта И. С. Никитина.
80. **А. Мюнстеръ**. — Портретная галлерей русскихъ дѣятелей, томъ II-ой. СПб. in 8°. (Объ И. С. Н—нѣ статья М. Д. Хмырова).

1870.

81. **Жизнеописание В. А. Жуковского, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова и И. С. Никитина.** СПб. in 8°.
82. **Воскресный Досугъ, № 29.** — Могилы Кольцова и Никитина (съ рисунками).

1871.

83. **Донъ, № 25.** — Антону Михайлову, издателю полного собранія сочиненій И. С. Никитина.
84. **Воронежскій Телеграфъ, № 17.** — Объ изданіи сочиненій И. С. Никитина А. Р. Михайловымъ.
85. **Воронежскій Телеграфъ, № 45.** — *М. Де-Пуле.* — Объ изданіи соч. И. С. Никитина А. Р. Михайловымъ.

1872.

86. **Саратовскій Справочный Листокъ, №№ 224 и 230.** — Фельетонъ: *И. Воронинъ.* — Нѣсколько словъ о Никитинѣ.
(Авторъ возражаетъ Н. Добролюбову, критику изд. стих. И. С. Н—на 1859 г. (№ 24); см. № 31).
87. **Всемирная Иллюстрація, №№ 162 и 164.** — Городъ Воронежъ и его историческіе памятники.

1873.

88. **С. Бураковскій.** — Воронежскій мѣщанинъ-стихотворецъ **Ив. Сав. Никитинъ.** Новгородъ. Типографія Небредова. 15 стр. in 8°.
89. **Н. В. Гербель.** — Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. СПб. б. 8°. (Объ И. С. Н—нѣ см. „періодъ четвертый“).

1874.

90. **Дѣло, кн. III.** — *С. Ставринъ.* — Кольцовъ и Никитинъ (46—70 стр.).
91. **С.-Петербургскія Вѣдомости, № 141.** — Замѣтка по поводу статьи С. Ставрины, появивш. въ „Дѣлѣ“. (См. предыд.).

92. **Педагогическій Листокъ**, издав. при **Дѣтскомъ Чтеніи**. — **№ 2**. — *В. Острогорскій*. — Русскіе писатели, какъ образовательно-воспитательный матеріалъ. (Объ *И. С. Н—нѣ* 81—109 стр.).

1876.

93. **Грамотѣй**, **№ 7**. — *Иванъ Саввичъ Никитинъ* (стр. 17—29).
94. **Новое Время**, **№ 80**. — Фельетонъ: Библиографическая Бесѣда.
(О статьѣ *Ральстона*, — посвященной разбору между прочимъ поэзіи *И. С. Н—на*, — напечатанной въ „Contemporary Review“ 1874 г.).
95. **Новое Время**, **№ 279**. — Отдѣлъ: Письма въ редакцію. — *V письмо — М. Де-Пуле* — съ предложеніемъ напечатать новое изданіе соч. *И. С. Никитина*, такъ какъ „*Михайловское*“ уже разошлось (см. еще къ этому **№ 205**).

1877.

96. **Свѣтъ** — журналъ, выход. подъ ред. *Н. П. Вагнера*; вып. **XI**. — *Н. Зимченко*. — Чуткіе люди (стр. 253—263).

1878.

97. **Сочиненія И. С. Никитина** съ портретомъ, fac-simile (2-мя) и біографіей, составл. *М. Де-Пуле*, редакторомъ изданія. Москва. Изданіе II-ое, **К. К. Шамова**.
98. **Отечественныя Записки**, кн. **II**. — „Литературныя замѣтки“ *Н. Михайловскаго* (по поводу выхода въ свѣтъ II-го изд. Соч. *И. С. Никитина*; см. еще **№ 131**).

1882.

99. **Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости**. Въ приложеніи къ нимъ: *А. Николаевъ*. — Списки воспитанниковъ Вор. Дух. Семинаріи за истекшее столѣтіе, 1782—1882 гг. Издано и отдѣльно.
(Свѣдѣнія объ успѣхахъ *И. С. Никитина-семинариста*, — см. еще *Н. Поликарпова* статью, — **№ 129**).

1883.

100. **Сочиненія И. С. Никитина** съ портретомъ, fac-simile и біографіей, составл. редакторомъ изданія М. Де-Пуле. Москва, in 8^о 2 тома. **III-е Изданіе** К. К. Шамова.

1884.

101. **Н. Ф. Сумцовъ.** — Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ. Харьковъ. Типографія М. Зильберберга, in 8^о. (Объ И. С. Никитинъ стр. 15—16).

1885.

102. **Сочиненія И. С. Никитина** — школьное пзданіе, подъ ред. С. Миропольскаго, съ портретомъ и біографіей поэта, напис. редакторомъ изданія. 1 томъ in 8^о. Москва. **Изданіе I-ое**, К. К. Шамова.
103. **Воспитаніе и Обученіе, кн. III.** — Рецензія на ншкольное изданіе *Сочиненій И. С. Никитина*.
104. **Восточное Обозрѣніе, № 27.** — Рецензія на школьное изданіе *Сочиненій И. С. Никитина*.

1886.

105. **Сочиненія И. С. Никитина** съ портретомъ, fac-simile и біографіей, сост. редакторомъ изданія М. Θ. Де-Пуле. Москва. 2 тома in 8^о. **Изданіе IV-ое**, К. К. Шамова.
106. **Воронежскій Юбилейный Сборникъ** въ память 300-лѣтія города Воронежа. Воронежъ. Типо-литографія Губернскаго Правленія. 726 + III стр. in 8^о.

(Здѣсь помѣщена во II-омъ томѣ статья *Н. В. Воскресенскаго*: „Воронежскія Губернскія Вѣдомости“ съ біографіями редакторовъ и сотрудниковъ ихъ, а въ томъ числѣ *И. С. Никитина* (стр. 298—323), К. О. Александрова-Дольника и Н. И. Второва (236—252), Де-Пуле (378—388), Ив. А. Придорогина (382—448) и др. Здѣсь же помѣщено стихотвореніе на открытіе памятника И. С. Н—ну *Бардовскаго* на страницѣ 323).

107. **Новое Время, № 3607.** — Рецензія на изданіе *Сочиненій И. С. Никитина* 1886 г. (IV-ое).
108. **Воронежскія Губернскія Вѣдомости, № 41.** — Рецензія на изданіе *Сочиненій И. С. Никитина* IV-ое (изъ Прав. В.).

1887.

109. **Русская Старина**, кн. II. — Неизданное стихотворение И. С. Никитина: „Филантропъ“ (тоже „Дѣло“ — 1868 г.). Стр. 470.

1889.

110. **Сочиненія И. С. Никитина** въ портретомъ, fac-simile и біографіей, сост. ред. изд. М. Ѳ. Де-Пуле. 2 тома in 8°. Москва. **Издание V-ое**, К. К. Шамова.
111. **Сочиненія И. С. Никитина** — школьное изданіе подъ ред. С. Миропольскаго. 1 томъ in 8°. Москва. **Издание II-ое**, К. К. Шамова.

1890.

112. **Русская Старина**, кн. V. — *А. В. Смирновъ*. — Н. Г. Чернышевскій (біограф. и бібліограф. свѣдѣнія). — (Здѣсь указана принадлежность Н. Г. Чернышевскому рецензії на изд. соч. И. С. Н—на 1856 г., въ „Современникъ“ 1856 г.; см. № 12). Стр. 456.
113. **В. И. Межовъ**. — **Русская Историческая Библіографія за 1865—1876 гг.**; томъ VIII (Н—Я) in 8°. СПБ. Въ типографіи Академіи Наукъ.

(Здѣсь помѣщена бібліографія нѣкоторыхъ статей о Никитинѣ).

1891.

114. **В. Острогорскій**. — **Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу**. СПБ. Изд. III, in 8°.
115. **А. Сальниковъ**. — **Русскіе поэты за сто лѣтъ въ портретахъ, біографіяхъ и образцахъ**. СПБ. Изданіе В. И. Губинскаго. 1 томъ in 8°. (Объ И. С. Н—нѣ стр. 245—246).

1892.

116. **П. Висковатовъ**, орд. проф. Дерптскаго Университета. — **Сжатый обзоръ исторіи русской литературы**. Издалъ Евг. Бобровъ. Дерптъ. Печатня К. А. Германа. in 8°. (Объ И. С. Никитинѣ весьма кратко на 57 стр.).

117. **Филологическія Записки, V вып.** — *Н. Ф. Бунаковъ.* — А. В. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ (тоже въ отд. отт.).
(Здѣсь сравнивается поэзія Кольцова и Н—на.)
118. **К. П. Петровъ.** — **Курсъ исторіи русской литературы.** СПБ. Изд. VIII. 1 томъ in 8⁰.
(Объ И. С. Никитинѣ 449—450 стр.).

1893.

119. **Сочиненія И. С. Никитина** съ портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной редак. изд. М. Θ. Де-Пуле. Москва. 2 тома in 8⁰. **Изданіе VI-ое,** К. К. Шамова.
120. **Θ. Е. Сивицкій.** — **И. С. Никитинъ.** Его жизнь и литературная дѣятельность. СПБ. Типографія В. И. Штейна, in 16⁰. (Изъ „Біографической Библіотеки“ Ф. Ф. Павленкова).

1894.

121. **В. Острогорскій.** — **Родные поэты для чтенія въ классѣ и дома.** Москва. 1 томъ in 8⁰. **Изданіе II-ое.**
122. **Сочиненія И. С. Никитина** — школьное изданіе подъ ред. С. Миропольскаго. **Изданіе III-ье,** К. К. Шамова.
123. **Памятная книжка Воронежской губерніи.** — Воронежъ. Типографія Губернскаго Правленія. 1 томъ in 8⁰.
(Здѣсь помѣщено *письмо И. С. Никитина* къ графу Д. Н. Толстому въ статьѣ С. Звѣрева: „Графъ Д. Н. Толстой“; тоже см. № 197).

1895.

124. **А. Царевскій.** — **С. Я. Надсонъ.** Казань, in 8⁰.
(Упомянутое о роковой судьбѣ И. С. Никитина).

1896.

125. **Сочиненія И. С. Никитина** съ портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной ред. изданія М. Θ. Де-Пуле. Москва. 2 тома in 8⁰. **Изданіе VII-ое,** К. К. Шамова.
126. **Сочиненія И. С. Никитина** — школьное изданіе подъ ред. С. Миропольскаго. Москва. 1 томъ in 8⁰. **Изданіе IV-ое,** К. К. Шамова.

127. **Gedichte von Ivan Nikitin.** Leipzig. Изданіе Карла Реклама, in 32°. (Переводъ стихотвореній И. С. Н—на — Ф. Фидлера).
128. **Русская Мысль, кн. I.** — *Иванъ Ивановъ.* — Поэтъ горькой правды (см. тоже № 175).
129. **Воронежскій Телеграфъ, № 119.** — *Н. Поликарповъ.* — И. С. Никитинъ, какъ воспитанникъ Вор. Дух. Семинаріи (и въ отд. отт.).

1897.

130. **А. М. Скабичевскій.** — **Исторія новѣйшей русской литературы.** СПБ. in 8°. III-е изданіе.
(Объ И. С. Никитинѣ стр. 450—453).
131. **Н. К. Михайловскій.** — **Сочиненія, томъ IV-й.** — СПБ. Типографія Б. М. Вольфа, in 8°.
(Объ И. С. Никитинѣ см. — „Литературныя замѣтки“ 1878 г., I: „Жизнь и сочиненія И. С. Никитина; столбцы 469—486).
132. **Журналъ Для Всѣхъ, № I.** — Иванъ Саввичъ Никитинъ (статья безъ подписи); стр. 1—2.
133. **Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, томъ 41-ый.** — СПБ. Типо-литографія И. А. Ефрона, in 8°.
(Объ И. С. Никитинѣ статья И. Иванова).
134. **Историческій Вѣстникъ, кн. V.** — Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина. Сообщилъ *Н. Арсеньевъ.*
(Стихотвореніе „Елка“ — по всей вѣроятности, 1856 г.).
135. **Народный поэтъ И. С. Никитинъ.** Москва. 37 стр. in 16°. Типографія И. Н. Кушнерева и Ко. — Народное изданіе журнала „Русская Мысль“.

1898.

136. **Ч. Вѣтринскій.** — **Жизнь и стихотворенія Ивана Саввича Никитина.** Москва, in 16°. Изданіе II-ое книжнаго склада А. М. Муриновой.

1899.

137. **Русскій Архивъ, кн. X и XI.** — *Ив. Михайловъ.* — Казанская Старина.

- (Объ Н. И. Второвъ и его отношеніяхъ къ И. С. Никитину и В. А. Кокоревъ).
138. **Жизнь, кн. X.** — *В. Зубковъ.* — Памяти И. С. Никитина (стр. 342—351).
 139. **Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2 (двойн. вып.).** — *Ив. Камовъ.* — Характеръ и содержаніе поэзіи И. С. Никитина (см. еще №№ 164 и 169).
 140. **Филологическія Записки, V выпускъ.** — *С. Н. Прядкинъ.* — Памяти И. С. Никитина.
(Тоже — отдѣльный оттискъ).
 141. **П. Никольскій.** — **Исторія Воронежской Духовной Семинаріи.** Воронежъ. Типографія В. И. Исаева, томы I—II in 8°. (Объ *И. С. Никитинъ* — см. томъ II, стр. 176).
 142. **К. Хрѣновъ.** — **Пѣвцы народной жизни.** Москва. Типографія т—ва И. Д. Сытина, in 16°. (Объ И. С. Никитинъ 69—117 стр.).
 143. **Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости, №№ 3 и 4.** — *П. Никольскій.* — Воронежскій семинаристъ стараго времени.
 144. **Воронежскій Телеграфъ, № 108.** — *П. Николаевъ.* — Памяти поэта.
 145. **Воронежскій Телеграфъ, № 108.** — Къ юбилею И. С. Никитина (безъ подписи).
 146. **Воронежскій Телеграфъ, № 108.** — Характеръ и содержаніе поэзіи Никитина (рецензія изъ „Ф. З.“ 1899 г. на статью Камова).
 147. **Воронежскій Телеграфъ, № 110.** — *Д. Бѣловъ.* — Памяти И. С. Никитина (стихотвореніе).
 148. **Воронежскій Телеграфъ, № 110.** — *Н. Анинъ.* — Взглядъ И. С. Никитина на поэта и его служеніе.
 149. **Воронежскій Телеграфъ, № 108.** — Никитинскій день. (Статья безъ подписи.)
 150. **Воронежскій Телеграфъ, № 108.** — Никитинскій день. (Безъ подписи.)
 151. **Воронежскій Телеграфъ, № 111 и 113.** — *П. Никольскій.* — Воронежскій семинаристъ стараго времени (статья № 143 въ сокращеніи).

152. **Донъ, № 105.** — *Сверчокъ (воронежскій).* — Никитину (стихотвореніе).
153. **Донъ, № 105.** — Л. Н. Толстой объ Никитинѣ. (Замѣтка безъ подписи автора.)
154. **Донъ, № 105.** — *Сверчокъ (воронежскій).* — Памяти И. С. Никитина (стихотвореніе).
155. **Донъ, № 105.** — Духовное завѣщаніе И. С. Никитина (статья безъ подписи автора).
156. **Донъ, № 105.** — *П. Степановъ.* — Домъ, гдѣ умеръ И. С. Никитинъ.
157. **Донъ, № 105.** — Современники Никитина (статья безъ подписи).
158. **Донъ, № 105.** — *Свящ. С. Звѣревъ.* — Духовное завѣщаніе И. С. Никитина.
159. **Донъ, № 105.** — Содержаніе и характеръ поэзіи И. С. Никитина (рецензія; см. № 146).
160. **Донъ, № 107.** — *С. Карповъ.* — И. С. Никитинъ въ семинарской рекреаціи (изъ далекаго прошлаго).
161. **Донъ, № 107.** — *И. К—нъ.* — И. С. Никитину (стихотвореніе).
162. **Донъ, № 117.** — *А. Даниловичъ.* — Чья пѣснь? (Памяти И. С. Никитина) стихотвореніе.
163. **А. В. Мезіеръ.** — **Русская Словесность съ XI по XIX вѣкъ включительно.** СПБ. Томы I—II in 8°. (Объ И. С. Никитинѣ — во II-омъ томѣ, стр. 258—259.)

1900.

164. **Русскій Филологическій Вѣстникъ, № № 1 и 2 (двойной).** — *Ив. Камовъ.* — Характеръ и содержаніе поэзіи И. С. Никитина.
(Продолженіе статьи № 139.)
165. **Сочиненія И. С. Никитина съ портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной редакторомъ изданія М. Θ. Де-Пуле.** Москва. 2 тома in 8°. — **Изданіе VIII-ое,** К. К. Шамова.
166. **П. Н. Полевой.** — **Исторія русской словесности, въ 3-хъ томахъ (I—XII выпусковъ).** СПБ. Изданіе А. Ф. Маркса, in 4°.

(Объ И. С. Никитинъ очень кратко см. II томъ стр. 571—572).

167. **Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости, № 2.** — *Ив. Назарьевъ.* — Воспитаніе и образованіе въ Воронежской Духовной Семинаріи отъ ея основанія до 1860 г. включительно (перепечат. изъ „*Церковн. Вѣдомостей*“ 1899 г., № 46).
168. **Воронежскій Губернскій Музей въ 1899 году.** — (Отчетъ.) Воронежъ. Типо-литографія Губернскаго Правленія. 18 стр. in 8°.

(Въ приложеніи къ нему, на стран. 16—18, напечатанъ текстъ „Духовнаго Завѣщанія И. С. Никитина“).

1901.

169. **Русскій Филологическій Вѣстникъ, №№ 1 и 2 (двойн.) и 3 и 4 (двойн.).** — *Ив. Камовъ.* — Характеръ и содержаніе поэзіи И. С. Никитина.
(Окончаніе статьи; см. №№ 139 и 164).
170. **Ив. Камовъ.** — **Характеръ и содержаніе поэзіи И. С. Никитина.** Варшава. 1 томъ in 8°. (Оттискъ труда И. Камова изъ „Русск. Филол. Вѣстника“ за 1899—900—901 гг.).
171. **Историческій Вѣстникъ, кн. XI.** — *М. Быловъ.* — Къ біографіи поэта И. С. Никитина. (Стр. 617—623).
(О письмахъ И. С. Никитина къ И. Брюханову, напечатанныхъ послѣ въ „Фил. Зап.“ 1901 г. и „Трудахъ Ворон. Архивн. Комиссіи“ — II вып.).
172. **Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости, №№ 11 и 12.** — *Геромонахъ Михаилъ.* — Религіозные мотивы въ поэзіи Ивана Саввича Никитина.
173. **Филологическія Записки, вып. IV—V.** — Матеріалы для біографіи И. С. Никитина. — Сообщилъ *С. Н. Прядкинъ.*
(17 писемъ И. С. Н.—на къ И. Брюханову).
174. **Академикъ Я. К. Гротъ.** — **Труды его, изданные подъ ред. проф. К. Я. Грота. Томъ III. — Очерки по исторіи русской литературы.** (Академическій отчетъ о поэмѣ И. С. Никитина „Кулакъ“ на стр. 366—382). СПБ. in 8°.

175. **Ив. Ивановъ.** — **Новая культурная сила.** — (Русскіе писатели XIX вѣка.) СПБ. in 8⁰.
(Здѣсь перепечатана статья объ И. С. Никитинѣ изъ „Русской Мысли“ за 1896 г. — см. тоже № 128.)
176. **Справочный Энциклопедическій Словарь,** подъ редакціею **А. Н. Чудинова.** — СПБ. 1 томъ in 8⁰. Изданіе В. И. Губинскаго.
(Объ И. С. Никитинѣ на стр. 759.)
177. **Н. Мартовъ.** — **Галлерей русскихъ писателей и художниковъ** (съ пушкинской эпохи до нашихъ дней) съ 214 портретами. СПБ. in 8⁰. Изданіе Н. Θ. Мертца.
(Объ И. С. Никитинѣ на стр. 39—40.)
178. **Галлерей русскихъ писателей.** Изданіе С. Скимунта. Текстъ редактированъ **Н. Игнатовымъ.** Москва. Типографія И. Н. Кушнерева и Ко. 1 томъ in 8⁰.
(Объ И. С. Никитинѣ на стр. 283—285.)

1902.

179. **Матеріалы для біографіи И. С. Никитина.** — (Письма его.) — Воронежъ. Типографія В. И. Исаева. 16 стр. in 8⁰. — (Оттискъ изъ „Филолог. Запис.“ 1901 г.; см. № 173.)
180. **С. Н. Прядкинъ.** — **Къ вопросу о значеніи литературной дѣятельности Гоголя, Жуковскаго и Никитина.** — Воронежъ. Типографія В. И. Исаева in 8⁰. (Оттискъ изъ „Филолог. Запис.“ 1902 г.; см. № 181.)
181. **Филологическія Записки, вып. II—III (двойн.).** — **С. Н. Прядкинъ.** — Къ вопросу о значеніи литературной дѣятельности Гоголя, Жуковскаго и Никитина для русской литературы и развитія русскаго общества (см. тоже № 180).
182. **Сочиненія И. С. Никитина** съ портретомъ, fac-simile и біографіей, составленной редакторомъ изданія М. Θ. Де-Пуле. Москва. I—II томы in 8⁰. Изданіе IX-ое, К. К. Шамова.
183. **А. Рождествинъ.** — **Жизнь и поэзія И. С. Никитина.** Казань. 56 стр. in 8⁰. (XIV-ый выпускъ „Чтеній въ обществѣ любителей русской словесности при Казанскомъ Университетѣ“.)
(Объ этой брошюрѣ см. рецензію, — № 199.)

184. **Бѣльскій.** — **И. С. Никитинъ.** — Изданіе Московскаго Педагогическаго Общества. Москва. Типографія И. Д. Сытина. 18 стр. in 16°.

1903.

185. **А. Скабичевскій.** — **Исторія новѣйшей русской литературы.** СПб. Типографія „Общественная Польза“. 1 томъ in 8°. V-ое изданіе.
(Объ И. С. Н—нѣ см. гл. XXVI, стр. 460—464.)
186. **П. Полевой.** — **Исторія русской словесности въ 3-хъ томахъ.** СПб. Типографія А. Ф. Маркса, I—III тт. in 4°.
(Объ И. С. Никитинѣ см. во II томѣ.)
187. **Н. А. Энгельгардтъ.** — **Исторія русской литературы XIX столѣтія.** — Томы I—II. СПб. in 8°. Изданіе А. С. Суворина.
(Объ И. С. Никитинѣ см. II томъ, стр. 122—130.)
188. **Евг. Соловьевъ (Андреевичъ).** — **Очерки русской литературы XIX вѣка.** СПб. 1 томъ in 8°.
(Объ И. С. Никитинѣ только упоминаеть.)

1904.

189. **Журналъ Для Всѣхъ, № 6.** — *С. Ан—скій.* — Основные мотивы поэзіи Некрасова.
(Авторъ на стр. 759 сравниваетъ Некрасовскую и Никитинскую поэзію.)
190. **Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссіи, вып. II-ой.** — Воронежъ. Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, in 8°. — Матеріалы для біографіи И. С. Никитина. Сообщилъ *С. Н. Прядкинъ.*
(Письма И. С. Н—на къ Ив. Ив. Брюханову съ предисловіемъ С. Н. Прядкина; см. тоже №№ 173 и 179.)
191. **Воронежскій Телеграфъ, № 56.** — *А. Путинцевъ.* — Въ какомъ памятникѣ нуждается Никитинъ? (Тоже въ отд. оттискѣ).
(Указаніе недостатковъ изданія сочиненій И. С. Никитина).
192. **Воронежскій Телеграфъ, № 121.** — *А. Путинцевъ.* — Въ годовщину смерти И. С. Никитина. (Тоже въ отд. оттискѣ).

193. **Извѣстія По Литературѣ И Наукамъ.** Библиографическое изданіе книжныхъ магазиновъ Товарищества Вольфъ. № 10. — *А. Путинцевъ.* — Desiderata относительно будущихъ изданій сочиненій И. С. Никитина.
194. **Донъ, № 124.** — *А. Путинцевъ.* — Сочиненія И. С. Никитина (перепечатка предыдущей статьи).
195. **С.-Петербургскія Вѣдомости, № 304.** — Отдѣлъ: Изъ газетъ и журналовъ (перепечатка статьи *А. Путинцева* изъ „Дона“).
196. **Воронежскій Телеграфъ, № 19.** — *В. Л—въ* (Василій Литвиновъ). — Графъ Д. Н. Толстой.
(Издатель — стихотвореній И. С. Никитина; см. № 11.)
197. **Всемирный Вѣстникъ, кн. IX.** — Письмо И. С. Никитина къ графу Д. Н. Толстому. — Сообщилъ *А. Путинцевъ.*

1905.

198. **Филологическія Записки, вып. I—II (двойн.).** — *Алексѣй Путинцевъ.* — Дѣтство и юность Ивана Саввича Никитина. (Тоже въ отд. изд. Воронежъ, 1905).
199. **Филологическія Записки, вып. I—II (двойн.).** *А. Путинцевъ.* — Новая работа о Никитинѣ.
(Разборъ книжки А. Рождествина; см. № 183).
200. **Филологическія Записки, вып. III—IV (двойн.).** — *Алексѣй Путинцевъ.* — Дѣти въ произведеніяхъ Никитина. (Тоже въ отд. отт.)
201. **Бесѣда. Журналъ I. I. Ясинскаго. Февраль.** — *Алексѣй Путинцевъ.* — Замѣчательный книжный магазинъ (стр. 105—115).
(Объ И. С. Никитинѣ, какъ книгопродавцѣ и бібліотекарѣ.)
202. **Щукинскій Сборникъ, IV-ый выпускъ.** Изданіе Отд. Императ. Русск. Историческаго Музея Императора Александра III-го П. И. Щукина. Москва, in 4°. — *Письма Ивана Саввича Никитина 1856—1861 гг.*
203. **Воронежскій Телеграфъ, № 234.** — *Алексѣй Путинцевъ.* — Новыя письма И. С. Никитина.
(Рецензія на помѣщенные въ „Щук. Сборн.“ письма И. С. Н—на).

204. **Воронежскій Телеграфъ, № 32.** — *Алексѣй Путинцевъ.* — По вопросамъ объ изданіи сочиненій И. С. Никитина.
205. **Мирный Трудъ, кн. I.** — Письмо И. С. Никитина П. М. Вицинскому. Сообщилъ *В. П. Вицинскій.*
206. **Воронежскій Телеграфъ, № 34.** — *А. П.* — Новое о воронежскомъ поэтѣ.
(Разборъ письма И. С. Н—на къ П. М. Вицинскому и предисловія къ письму В. П. Вицинскаго.)
207. **Воронежскій Телеграфъ, № 231.** — *Алексѣй Путинцевъ.* — Къ Никитинскому дню. (О Никитинскомъ музеѣ.)
208. **Филологическія Записки, вып. V—VI (двойн.).** — *С. Н. Прядкинъ.* — Очеркъ поэзіи А. В. Кольцова. (Тоже въ отд. отт.) (Въ „заключеніи“ сравнивается поэзія Кольцова и Никитина.)
209. **Филологическія Записки, вып. V—VI (двойн.).** — „*Тарасъ*“, поэма *И. С. Никитина*, въ исправленной авторомъ редакціи, съ вариантами и примѣчаніями. (Тоже въ отд. отт.) (Предисловіе и примѣчанія *А. Путинцева.*)

Систематическій указатель къ „Матеріаламъ“.

- I. Изданія сочиненій И. С. Никитина:**
11, 19, 24, 67, 97, 100, 102, 105, 110, 111, 119, 122, 125, 126, 127, 165, 182.
- II. Сочиненія И. С. Никитина, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ и невошедшія въ собраніе сочиненій:**
109, 134.
- III. Сочиненія И. С. Никитина, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ и вошедшія въ собраніе сочиненій:**
2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 16, 17, 18, 23, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 57, 58, 59, 62, 209.
- IV. Статьи и замѣтки по поводу изданія сочиненій И. С. Никитина:**
66, 83, 84, 85, 95, 191, 193, 194, 195, 204, 209.
- V. Статьи о сочиненіяхъ И. С. Никитина (критика, рецензіи):**
12—15, 20, 21, 22, 25, 31, 32, 44, 55, 60, 61, 65, 69—72, 73, 74, 76, 77, 86, 88, 89, 90—92, 94, 96, 98, 101, 103, 104, 107, 108, 114, 116, 117, 118, 120, 121, 128, 130—133, 135, 136, 138—140, 142, 144, 146, 148, 153, 159, 164, 166, 169, 170, 172, 174—178, 180, 181, 183—189, 192, 199, 200, 201, 204, 208.
- VI. Статьи о жизни И. С. Никитина:**
1, 4, 5, 26—28, 37, 38, 39, 40—47, 50—52, 54—56, 58, 61, 63, 64, 75, 78, 79, 80, 81, 86, 88, 93, 99, 106, 115, 120, 123, 124, 128—131, 133, 135, 136, 137—143, 151, 155, 158, 160, 164, 166, 167, 168—171, 173, 175—179, 183, 184—187, 190, 196—199, 201, 202, 203, 205, 206.

VII. Стихотворенія, посвященныя И. С. Никитину :

106, 147, 152, 154, 161, 162.

VIII. Смѣсь (статьи и замѣтки, невошедшія ни въ одну изъ рубрикъ) :

48, 49, 53, 68, 82, 87, 145, 149, 150, 156, 157, 207.

IX. Библіографія объ И. С. Никитинѣ :

56, 112, 113, 163.

Проф. Александръ Миклашевскій.

Обязательное Обученіе

ВЪ

Народной школѣ.

Обязательное обученіе въ народной школѣ.

I.

Статистика образованія по переписи 1897 г.

Въ такое бурное время, какъ переживаемое нынѣ, на очередь поставлено рѣшеніе самыхъ широкихъ социальныхъ вопросовъ. Наступила грозная революціонная эпоха, которая должна все перестроить, все организовать вновь. Словно какой то психозъ овладѣлъ всѣмъ обществомъ и многое кажется такъ просто и легко осуществимымъ! Представляется, что народная масса вслѣдъ за интеллигенціей страны всколыхнулась и въ состояніи будетъ осуществить чуть ли не завтра все то, о чемъ мечтали лучшіе идеалисты челоѣчества. Жизнь, однако, и теперь принесла уже много горькихъ разочарованій. Позорное крушеніе нашего административнаго бюрократическаго механизма, жалкая бездарность, беспомощность вождей бюрократіи при полной общественной неорганизованности и при отсутствіи у кормила правленія людей, на знаніе и жизненный опытъ которыхъ можно было бы положиться, уже начинаетъ приносить свои плоды. Проявленія грубыхъ инстинктовъ толпы, разрушающей и жгущей накопленные въ странѣ капиталы, на ряду съ актами грубаго произвола администраціи, прокатились волной по всей странѣ и приводятъ всѣхъ и каждого въ отчаяніе и тревогу. Всѣ должны теперь понять, что страна переживаетъ большой кризисъ: анархія способна охватить жизнь страны; необходимый процессъ обновленія и освобожденія Россіи можетъ быть купленъ дорогой цѣною массы невинныхъ жертвъ. Въ такой странѣ, какъ Россія, это можетъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія. Когда то одинъ

изъ выдающихся представителей народничества Златовратскій писалъ о золотомъ сердцѣ нашего народа. Я вѣрю, что въ его предѣлахъ много такихъ золотыхъ сердецъ. У всякаго народа имѣется накопленный запасъ человѣческой морали и альтруизма, безъ котораго невозможна никакая общественная жизнь и которая даетъ возможность взаимнаго существованія даже при полномъ крушеніи государственнаго механизма. Этимъ запасомъ общественной морали только и держимся мы теперь. Но въ предѣлахъ каждаго народа есть и озлобленныя группы; и горе странѣ, если это озлобленіе, нажитое всѣми несправедливостями предшествовавшаго, соединяется еще съ полной тьмою и безсознательностью. Нигдѣ въ Европѣ народная тьма такъ не велика, какъ у насъ въ Россіи. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ относительно количества школъ въ эпоху первой французской революціи. Быть можетъ, грамотность распространена среди нашей деревни и болѣе, чѣмъ въ тогдашнюю эпоху, но, вѣдь и тѣ задачи, которыя намъ приходится разрѣшать гораздо сложнѣе и касаются безконечно большей массы населенія. Настоящее поколѣніе должно будетъ расплачиваться за все, что было упущено въ періодъ съ освобожденія крестьянъ.

Къ счастью для насъ, въ Россіи уже имѣется во многихъ мѣстахъ прочная организація земскихъ школъ. Ея мы должны держаться и попытаться возможно скорѣе распространить на всю страну. Дѣятели французской революціи провозгласили начала всеобщаго, бесплатнаго и даже обязательнаго обученія въ народной школѣ, но провести въ жизнь эти планы имъ не удалось и какъ дорого расплатилась за это потомъ вся страна! Какъ мы выйдемъ изъ того кризиса, который переживаемъ, кто знаетъ, кто отвѣтитъ на эту великую проблему настоящаго? Всѣ моральныя силы должны быть напряжены, чтобы страна могла скорѣе вступить въ спокойное русло правовой жизни. Тяжелы будутъ послѣдствія, если страна не пойметъ, что запасъ культурныхъ силъ, который имѣется у нея въ распоряженіи, очень ограниченъ.

Старое приказное и сословное государство рушится силою неизбежнаго историческаго процесса. Мнѣ припоминаются слова Джона Стюарта Милля, сказанныя имъ въ его трудѣ о „Свободѣ“. „Если какой нибудь общественный

строй такъ выродился, что никто изъ его присяжныхъ жрецовъ и учителей, и вообще никто, не имѣетъ способности или не желаетъ стать на его защиту, то чѣмъ скорѣе такой строй будетъ ликвидированъ, тѣмъ лучше. Такой строй будетъ идти отъ худого къ худшему, пока онъ не будетъ разрушенъ и перерожденъ энергичными варварами“. Мы живемъ именно въ такое время. Изъ народныхъ глубинъ поднимается юная энергичная демократія. Въ ней, какъ во всякой молодой силѣ, кроются могучіе запасы альтруизма и эгоизма, творческой энергіи, на ряду съ дикостью и невѣжествомъ. Наши командующіе классы одряхлѣли: они нуждаются въ обновленіи. Но наличный культурный запасъ силъ не долженъ быть растроченъ. Интеллигенція страны обязана уразумѣть, что она должна стать во главѣ народныхъ массъ, пріобрѣсти въ нихъ утраченный авторитетъ, постараться создать въ нихъ новое правосознаніе и подготовить почву для новой мирной и организаціонной работы на пользу родной страны. Само собою разумѣется, что не едва начинающіеся проблески свободной жизни вызвали погромы и, да проститъ мнѣ читатель, временами бредъ революціи. Долгое лишеніе свободы и дикій произволъ сдѣлали россиянина невѣжественнымъ, слишкомъ до вѣрчивымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ безвольнымъ, не привыкшимъ къ правовой борьбѣ и нерѣдко жестокимъ. Во всемъ томъ, что теперь такъ ужасаетъ и что лицемѣры склонны объяснять преждевременно дарованной свободой, я вижу только воспитаніе, порожденное произволомъ и насиліями. Событія жизни скоро надлежащимъ образомъ расклассифицируютъ людей, пріучатъ и къ индивидуальной энергіи, и къ жизни въ ассоціаціяхъ, и къ умѣнью послѣдовательно достигать своихъ цѣлей. Тѣ диктаторіальныя наклонности, проявленія которыхъ мы такъ много видимъ вокругъ себя, ничто иное, какъ историческое наслѣдство, съ которымъ не легко расквитаться. Поднимется культурный уровень личности, привыкнетъ общество къ союзной работѣ и отъ этого наслѣдства мы освободимся, пріобрѣвъ гордую, настойчивую и энергичную личность, сознающую свои права и обязанности. Пусть же интеллигенція не забываетъ, что демократія способна провести въ жизнь соціальныя реформы только при достаточной просвѣщенности и разумной, послѣдовательной

постановкѣ очередныхъ вопросовъ для разрѣшенія. Невѣжественная демократія, предоставленная самой себѣ, не подвинетъ насъ на путь соціально-политическихъ реформъ, не приведетъ насъ къ соціальному блаженству. Необходимо, чтобы она приобрѣла вождей, которые знаютъ и понимаютъ, какъ тяжелъ и сложенъ всякій новый процессъ организаціи и право-образованія. Интеллигенціи пора это понять! Она должна работать и надъ собою, и для народа, стараясь изъ его среды подготовить возможно большее количество людей, разумно понимающихъ всѣ условія жизни соціальнаго организма. На ряду съ „энергичной демократіей“ должна стать и „энергичная интеллигенція“; иначе предъ нами будетъ только революціонный хаосъ и, быть можетъ, долгая кровавая борьба безъ глубокихъ соціальныхъ послѣдствій. Я не принадлежу къ тѣмъ робкимъ душамъ, которыя боятся всякой борьбы и видятъ въ пробужденіи самосознанія какой то возмутительный протестъ, но не думаю, что борьба плодотворна, если она сводится только къ разрушенію безъ немедленнаго же созданія. Для того же, чтобы борьба приносила результаты, надо ясно видѣть тѣ задачи, которыя должны быть разрѣшены тотчасъ же, немедленно, не увлекаясь при этомъ тѣмъ, на что придется еще затратить безконечное количество силъ и сознательной энергіи. Интеллигенція должна не мало поработать и надъ собою, чтобы научиться знать нужды своего народа. Съ легкимъ багажемъ знаній, приобретенныхъ изъ брошюръ В. Браке, Розы Люксембургъ и др., не такъ легко ей будетъ разобраться во всѣхъ партійныхъ платформахъ и научиться управлять государствомъ. За минутой порыва, экстаза скоро настанутъ и тяжелые дни отвѣтственной работы, когда сама жизнь, очищенная отъ протекціи и проходимства, потребуетъ отъ каждаго интеллигента настоящихъ знаній и умѣлой работы. Скоро станетъ недостаточно утвердить партійныя платформы, надо будетъ научиться работать на всѣхъ поприщахъ и во всѣхъ профессіяхъ такъ, чтобы окружающая среда и вся страна могла видѣть непосредственные и плодотворные результаты работы. Тогда настанетъ время и у насъ для осуществленія основнаго девиза англійскихъ рабочихъ союзовъ: хорошая плата за хорошій трудъ. И въ ту минуту, когда во всей странѣ раздается громкій призывъ: „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь,“

интеллигенція должна нести въ народъ свѣтъ, идею необходимости государственной, организаціонной работы, спокойствія и настойчивой сдержанности.¹⁾

Однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ ближайшаго будущаго должна стать организація народной школы. Этимъ я не хочу, конечно, сказать, что экономическіе вопросы времени должны отойти на задній планъ. Предъ нами не могутъ не стоять эти задачи, но я твердо убѣжденъ, однако, что безъ народной школы, безъ широкаго развитія просвѣ-

1) Мнѣ припоминаются слова благороднаго Арнольда Тойнби. „Но запомните, что матеріальныя измѣненія, которыхъ вы желаете, могутъ быть получены только чрезъ развитіе высшихъ нравственныхъ качествъ. Боюсь, что многіе изъ васъ этого не понимаютъ. Вы не представляете себѣ, что за сложное и хрупкое явленіе — цивилизація. Цивилизація не создана одной грубою силою. Она создана терпѣніемъ, самопожертвованіемъ, страданіями поколѣній. И вы не можете, и вы не получите, улучшенія въ матеріальной жизни, пока вы не сдѣлаете большихъ усилій для усовершенствованія вашихъ моральныхъ силъ . . . Взгляните на всѣ реформы, которыя произошли въ Англіи. Онѣ, какъ правило, созданы не классовой борьбой, а союзомъ классовъ. Рабочіе классы нашли союзниковъ среди лучшихъ престаивателей средняго и высшаго класса и они совмѣстно оказали такое давленіе на остальную часть богатыхъ классовъ, что реформы произошли. Я знаю, что богатые классы испуганы. Но я говорю къ аудиторіи изъ двухъ классовъ и буду говорить къ нимъ. Я знаю, что богатые классы испуганы, многіе изъ нихъ боятся демократіи. Но я говорю имъ: не бойтесь демократіи, ибо она сдѣлала для богатыхъ многое, хотя это и не создано ими. Она очистила ихъ отъ эгоизма, который неизбежно связывается съ безотвѣтственнымъ богатствомъ. Она открыла ихъ умы желаніямъ и нуждамъ народа. Я знаю, что демократія бурна. Но она бурна и свирѣпа, какъ море; она очищаетъ берега человеческой жизни . . . Я призываю васъ помнить, что мы т. е. интеллигенція работаемъ для васъ въ надеждѣ и въ увѣренности, что если вы улучшите свое матеріальное положеніе, вы получите благосостояніе и, получивъ таковое, вы дѣйствительно будете вести лучшую жизнь. Но улучшивъ себѣ условія матеріальной жизни, никогда не забывайте, что матеріальная цивилизація не составляетъ цѣль въ себѣ. Запомните, что человѣкъ подобно дереву и растенію имѣетъ корни въ землѣ, но какъ тѣже деревья и растенія, онъ долженъ расти разрастаясь вѣтвями къ небесамъ . . .“ См. его двѣ замѣчательныхъ лекціи по поводу сочиненія Генри Джоржа Эти лекціи, какъ извѣстно, были лебединою пѣснью Тойнби. Они были сказаны при громадной аудиторіи и при такомъ возбужденіи автора, что силы чахоточнаго человѣка не выдержали, онъ слегъ и вскорѣ почилъ. Лекціи были изданы въ 1883 г. подъ заглавіемъ: *Progress and Poverty, a criticism of Mr. H. George, L. 1883.*

щенія, какъ въ массахъ, такъ и въ интеллигенціи страны, никакія экономическія и политическія реформы не дадутъ нашей странѣ того спокойствія и расцвѣта силъ, которые необходимы для того, чтобы выйти благополучно изъ того урагана поставленныхъ задачъ, который мы переживаемъ. Первой задачей нашей Государственной Думы или Учредительнаго собранія должно стать дѣло народнаго образованія и она должна разрѣшить эту задачу, сколько бы средствъ и силъ это ни стоило.

Въ предлагаемой вниманію читателя брошюрѣ я перепечатаваю въ совершенно переработанномъ видѣ двѣ статьи, въ которыхъ я много лѣтъ тому назадъ старался указать обществу на необходимость изданія закона объ обязательномъ обученіи въ народной школѣ. Аргументація моя сохраняетъ свою силу и до настоящаго времени; я рѣшаюсь вновь пустить ее въ ходъ, чтобы обратить вниманіе на ту картину глубокой тьмы, которая насъ окружаетъ, и на тотъ недостатокъ культурныхъ силъ, который имѣется у насъ въ распоряженіи. Предъ нами скоро станетъ вновь также и старый, но вѣчно насущный вопросъ объ отношеніи государства къ народному образованію. Старая государственная школа, какъ высшая, такъ средняя и низшая, почти рухнула и бастуетъ. Учащемуся юношеству представляется, что школа должна быть „общественной,“ что въ правительственной школѣ учиться нельзя. Этотъ взглядъ представляетъ собою, конечно, явное недоразумѣніе. Общественная школа не можетъ не быть государственной. Школа въ такомъ государствѣ, какъ Россія, можетъ и должна быть организована только за счетъ налоговъ, мѣстныхъ и государственныхъ. Всякая же школа, организованная на средства народа, является школой государственной, а не правительственной. Очевидно, только архаическія формы отживающей, старой, государственной школы могли привести къ взгляду, что можетъ существовать „вольная школа“ безъ помощи государства, которая могла бы обслуживать потребности многомилліоннаго населенія Россіи. Вольная, частная школа желательна; ¹⁾ она можетъ удовлетворить потребностямъ въ

1) Не слѣдуетъ забывать и того, что вольная школа можетъ существовать только въ свободной странѣ и за счетъ самихъ учащихся.

эпоху полного отсутствія государственной школы, но, конечно, только для немногочисленного меньшинства; безъ государственной школы смѣшно было бы и думать обойтись.

Кризисъ еще не коснулся такъ остро народной школы, но кто знаетъ, быть можетъ, и съ этой стороны намъ грозитъ тяжкій ударъ. Въ минуты переживаемаго теперь кризиса, когда подготовка людей такъ настоятельно необходима — это было бы еще однимъ тяжкимъ и опаснымъ испытаніемъ. Очевидно, время не терпитъ. Вопросъ о народномъ образованіи долженъ быть разрѣшенъ скорѣе всего: здѣсь нѣтъ возможности ждать; интересы государства, родины и культуры требуютъ немедленной, организаціонной работы.

Перепись 1897 г. дала намъ впервые болѣе или менѣе точныя свѣденія относительно положенія народнаго просвѣщенія въ Россіи. Къ указаннымъ двумъ статьямъ я рѣшилъ присоединить и эти данныя. Ихъ надо знать, о нихъ надо кричать, чтобы всѣ видѣли, съ какимъ матеріаломъ намъ надо оперировать во всѣхъ нашихъ попыткахъ заново перестроить все зданіе нашей государственной и общественной жизни. Вотъ эти данныя, которыя прямо могутъ показаться невѣроятными и ужасными!

Изъ наличнаго населенія въ 125,6 мил. человѣкъ по переписи 1897 г. оказалось грамотныхъ 26,5 мил. обоого пола т. е. 21,1⁰/. Изъ нихъ мужчинъ грамотныхъ 18,3 или 29,3⁰/о и 8,2 женщинъ, т. е. 13,1⁰/. Только въ городахъ интенсивность грамотности поднимается до 45,93⁰/о, при чемъ мужская грамотность достигаетъ 54⁰/о, женская 35,6⁰/о ¹⁾).

По отдѣльнымъ губерніямъ колебанія грамотности очень велики и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ женщины почти поголовно безграмотны. Вотъ таблицы, въ которыхъ каждый можетъ найти свою губернію. Пусть задумается онъ надъ тѣмъ, что его окружаетъ, пусть пойметъ, что всѣ силы должны быть направлены къ устраненію этого зла, которое можетъ погубить самое бытіе его родины.

Американскіе университеты, созданные за счетъ благотворителей, не всегда обладаютъ свободой. Въ Филадельфій и понынѣ существуетъ высшая школа общественныхъ наукъ, гдѣ профессоръ экономіи, по завѣщанію жертвователя, долженъ быть непремѣнно протекціонистомъ.

2) Все нижеслѣдующее заимствовано изъ „Общаго Свода по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи 1897 г.“ СПб. 1905 г.

Грамотность по переписи 1897 года.

Губерніи.	Процентъ грамотн. обоого пола въ населе- ніи вообще.	Процентъ грамотн. мужчинъ въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. женщинъ въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. обоого пола въ горо- дахъ.
По Имперіи.	21,1	29,3	13,1	45,3
Европейская Россія.	22,9	32,6	13,7	48,9
1. Архангельская . . .	23,3	36,4	11,7	52,1
2. Астраханская . . .	15,5	22,6	8,1	38,6
3. Бессарабская . . .	15,6	22,0	8,8	32,8
4. Виленская	28,8	34,8	23,0	51,4
5. Витебская	24,6	29,9	19,5	45,9
6. Владимірская . . .	27,0	43,3	13,4	48,0
7. Вологодская	19,1	32,8	6,7	54,0
8. Волынская	17,2	24,4	9,8	41,4
9. Воронежская	16,3	26,4	6,4	44,4
10. Вятская	16,0	25,6	7,5	52,0
11. Гродненская	29,2	38,4	19,6	48,4
12. Донского Войска . .	22,4	34,8	9,8	42,9
13. Екатеринославская .	21,5	31,5	10,8	42,5
14. Казанская	17,9	24,9	11,1	48,1
15. Калужская	19,4	33,0	8,6	52,0
16. Киевская	18,1	27,5	8,9	45,8
17. Ковенская	41,9	42,8	41,1	47,4
18. Костромская	24,0	38,4	12,3	51,8
19. Курляндская	70,9	71,2	70,5	68,7
20. Курская	16,3	26,4	6,6	39,4
21. Лифляндская	77,7	77,5	77,9	73,9
22. Минская	17,8	25,4	10,1	45,2
23. Могилевская	16,9	25,8	8,4	45,3
24. Московская	40,2	54,8	25,5	55,7
г. Москва	56,3	66,9	42,3	56,3
25. Нижегородская . . .	22,0	34,4	11,1	50,3
26. Новгородская	23,0	36,5	10,7	53,2
27. Олонецкая	25,3	34,7	10,0	51,7
28. Оренбургская	20,4	29,6	11,4	36,5
29. Орловская	17,6	28,7	7,3	45,3
30. Пензенская	14,7	23,7	6,3	36,4
31. Пермская	19,2	28,3	10,8	48,7
32. Подольская	15,5	23,8	7,3	33,8
33. Полтавская	16,9	27,8	6,3	39,8
34. Псковская	14,6	22,5	7,2	50,4
35. Рязанская	20,3	33,9	8,2	42,8

Губерніи.	Процентъ грамотн. обоего пола въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. мужчинъ въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. женщинъ въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. обоего пола въ городахъ.
36. Самарская	22,1	30,3	14,1	41,4
37. С.-Петербургская .	55,1	65,2	43,8	62,8
г. С.-Петербургъ . .	62,6	71,8	51,5	62,6
38. Саратовская	23,8	34,6	13,6	42,6
39. Симбирская	15,6	25,4	6,6	41,8
40. Смоленская	17,3	28,6	7,1	51,4
41. Таврическая	27,9	36,9	17,8	44,9
42. Тамбовская	16,6	26,7	6,9	44,3
43. Тверская	24,5	39,9	11,9	52,6
44. Тульская	20,7	34,1	8,9	47,2
45. Уфимская	16,7	21,9	11,7	37,1
46. Харьковская	16,8	25,9	7,6	40,3
47. Херсонская	25,9	35,0	16,3	43,9
г. Одесса	50,2	59,2	39,6	50,2
48. Черниговская	18,4	29,8	7,3	38,4
49. Эстляндская	79,9	79,2	80,5	81,3
50. Ярославская	36,2	52,3	24,0	54,3
Привислинскія губ.	30,5	34,2	26,8	44,7
51. Варшавская	39,1	42,7	35,4	50,7
г. Варшава	53,5	58,5	48,6	53,5
52. Калишская	27,9	29,5	24,4	40,4
53. Кѣлецкая	22,7	25,9	19,6	35,0
54. Ломжинская	29,6	35,1	23,7	44,6
55. Люблинская	23,8	29,3	18,2	42,4
56. Петроковская . . .	30,9	34,8	27,1	39,7
57. Плоцкая	33,5	34,9	32,2	47,0
58. Радомская	22,3	24,9	19,7	38,5
59. Сувалкская	37,4	41,7	33,2	50,4
60. Сѣдлецкая	30,9	35,5	26,2	37,3
Кавказъ.	12,4	18,2	6,0	33,7
61. Бакинская	7,9	11,1	3,9	26,4
62. Дагестанская	9,2	16,1	2,5	24,8
63. Елисаветпольская .	4,8	7,3	1,7	20,0
64. Карская	10,8	18,1	2,6	38,8
65. Кубанская	16,8	26,7	6,6	29,2
66. Кутаисская	14,7	17,6	9,5	45,3
67. Ставропольская . .	14,4	22,2	6,2	29,8
68. Терская	12,7	18,9	6,0	37,3

Губерніи.	Процентъ грамотн. обоюго пола въ населе- ніи вообще.	Процентъ грамотн. мужчинъ въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. женщинъ въ населеніи вообще.	Процентъ грамотн. обоюго пола въ горо- дахъ.
69. Тифлисская . . .	16,3	19,5	12,4	46,1
70. Черноморская . . .	31,2	40,0	17,8	45,8
71. Эриванская . . .	6,4	10,3	1,8	27,2
С и б и р ь.	12,3	19,2	5,1	39,4
72. Амурская	24,8	34,7	11,9	39,5
73. Енисейская . . .	13,6	20,0	6,7	39,1
74. Забайкальская . .	13,4	22,5	3,8	38,7
75. Иркутская	15,2	21,8	7,6	43,4
76. Приморская . . .	24,7	32,4	8,2	48,6
77. О. Сахалинъ . . .	26,8	30,5	12,5	33,7
78. Тобольская . . .	11,3	17,7	5,0	38,0
79. Томская	10,4	16,5	4,3	36,3
80. Якутская	4,1	6,4	1,7	29,1
Средняя Азія.	5,3	7,9	2,2	18,5
81. Акмолинская . . .	10,4	15,6	4,7	34,9
82. Закаспійская . . .	7,2	10,9	2,4	44,0
83. Самаркандская . .	3,2	5,1	0,8	11,2
84. Семипалатинская .	5,9	9,2	2,1	27,1
85. Семирѣченская . .	4,2	6,6	1,4	21,5
86. Сыръ-Дарьинская .	4,0	6,1	1,6	17,9
87. Тургайская . . .	4,5	7,5	1,2	24,4
88. Уральская	12,3	16,5	7,8	38,2
89. Ферганская . . .	2,9	4,2	0,6	8,4

А вотъ и данныя относительно количества лицъ, получившихъ образованіе выше начальнаго. Данныя также просто ужасающія.

Съ образованіемъ выше начальнаго во всей Имперіи находилось 1.364.143 лица, или только 1,102%. Въ частности, среди нихъ лицъ мужскаго пола было 848.932, или 1,359% мужскаго населенія и 535.211 лицъ женскаго пола или 0,847% всѣхъ женщинъ. Изъ приведенныхъ величинъ слѣдуетъ, что образованность въ Россіи крайне незначительна, особенно женская. Надо имѣть еще въ виду, что приведенныя цифровыя величины не указываютъ исчерпывающимъ образомъ

численность лицъ дѣйствительно закончившихъ свое образованіе, — они лишь свидѣтельствуютъ, что столько-то изъ нихъ обучалось въ тѣхъ или другихъ заведеніяхъ, а сколько изъ нихъ окончило неизвѣстно. Какой видъ образованія наиболѣе распространенъ, — видно изъ слѣдующаго:

Получали образованіе:	М у ж ч и н ы .					Ж е н щ и н ы .				
	Число лицъ.	‰	‰ къ на- селенію.	Процентъ жившихъ		Число лицъ.	‰	‰ къ на- селенію.	Процентъ жившихъ	
				въ горо- дахъ.	въ уѣз- дахъ.				въ горо- дахъ.	въ уѣз- дахъ.
Въ университетахъ и въ др. высшихъ .	97.961	11,5	0,157	83,3	16,7	6.360	1,2	0,010	83,3	12,7
Въ спец. и техническ. высшихъ	29.656	3,5	0,048	78,7	21,3	619	0,1	0,001	80,3	19,7
Въ высш. военныхъ .	4.181	0,5	0,007	88,2	11,8	—	—	—	—	—
Въ специальныхъ среднихъ	86.655	10,2	0,138	61,2	38,8	13.293	2,5	0,021	77,0	23,0
Въ общихъ среднихъ	558.038	65,7	0,893	66,5	33,5	514.939	97,5	0,815	79,6	20,4
Въ военныхъ среднихъ	72.441	8,6	0,116	82,7	17,3	—	—	—	—	—
Итого . . .	848.932	100,0	1,359	69,8	30,2	535.211	100,0	0,847	79,6	20,4

Самымъ распространеннымъ видомъ образованія оказывается какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ — среднее общее. Затѣмъ для мужчинъ высшее общее, специальное среднее, среднее военное, высшее специальное, и послѣднее мѣсто принадлежитъ среднему военному. Среди женщинъ наиболѣе распространено специальное среднее, высшее общее и крайне незначителенъ процентъ лицъ съ высшимъ специальнымъ.

Большинство лицъ, получившихъ образованіе, проживаетъ въ городахъ, особенно изъ женщинъ. Данныя для отдѣльныхъ частей Имперіи обрисовываютъ распространеніе образованія слѣдующимъ образомъ:

	% в ъ населеніи									
	Евр. Россія		Прив. губ.		Кавказъ.		Сибирь.		Ср. Азія.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Лица съ высш. общимъ обр.	0,176	0,009	0,056	0,005	0,089	0,004	0,086	0,004	0,024	0,002
Лица съ высш. спец. обр. .	0,055	0,001	0,052	0,001	0,023	0,001	0,027	0,001	0,008	0,000
Лица съ высш. воен. обр. .	0,008	—	0,007	—	0,004	—	0,004	—	0,003	—
Лица съ средн. спец. обр. .	0,146	0,019	0,189	0,010	0,108	0,009	0,123	0,016	0,048	0,004
Лица съ общ. средн. обр. .	0,946	0,745	1,294	0,920	0,794	0,576	0,670	0,667	0,131	0,197
Лица съ высш. воен. обр. .	0,123	—	0,135	—	0,093	—	0,078	—	0,067	—
Вообще	1,454	0,774	1,733	0,936	1,111	0,590	0,988	0,688	0,281	0,203

Относительное большинство лицъ обоого пола, воспитывавшихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, проживаетъ въ предѣлахъ Европейской Россіи и показатель, характеризующій этотъ признакъ, понижается по направленію къ востоку. По всѣмъ видамъ средняго образованія первое мѣсто принадлежитъ населенію Привислинскаго края, за исключеніемъ женщинъ со среднимъ специальнымъ образованіемъ, которыхъ больше въ Европейской Россіи и въ Сибири. Въ общемъ, наибольшимъ показателемъ образованности выдѣляется Привислинскій край, за которымъ послѣдовательно идутъ — Европейская Россія, Кавказъ, Сибирь и Средняя Азія. Послѣдовательность эта прерывается лишь для женскаго пола, для котораго мѣсто Кавказа занимаетъ Сибирь.

По грамотности, роду образованія и сословнымъ группамъ цифровыя данныя таблицъ позволяютъ составить слѣдующую таблицу, указывающую сколько изъ каждой 1.000 грамотныхъ или получившихъ то или иное образованіе, — приходится на ту или другую сословную группу:

Въ среднемъ изъ 1.000:		Дворяне.		Духовные.		Городск. сословія.		Сельск. сословія.		Иностр. поддан.		Остальныя.	
		М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Съ образованіемъ:	Грамотныхъ	36	81	12	25	187	276	740	595	8	12	17	11
	общимъ высшимъ .	711	670	53	36	188	205	18	20	19	27	11	42
	спеціал. „ .	658	631	10	32	255	247	29	31	31	15	17	44
	„ среднимъ .	270	376	29	58	359	374	264	106	16	19	62	67
	общимъ „ .	313	436	257	109	315	352	77	64	26	23	12	16
	высшимъ военнымъ	955	—	4	—	18	—	2	—	19	—	2	—
	среднимъ „	906	—	6	—	50	—	26	—	5	—	7	—

Изъ каждой 1.000 грамотныхъ болѣ всего лицъ сельскаго состоянія, что прямо объясняется подавляющею массою этой сословной группы; за тѣмъ идутъ лица городскихъ сословій, дворяне, духовные и иностранные подданные. Обращаясь къ величинамъ pro mille, относящимся къ образованію, оказывается, что показатели, обрисовывающіе положеніе населенія по этому признаку, уже болѣе благопріятны для всѣхъ немногочисленныхъ сословныхъ группъ и наоборотъ для первенствующей по численности сословной группы, — лицъ сельскаго состоянія, они въ большинствѣ случаевъ крайне незначительны. Всѣ виды высшаго образованія преимущественно использованы дворянами, особенно военное, которымъ даже и среднимъ эта группа особенно пользуется. Первенство въ относительной численности со среднимъ образованіемъ переходитъ для мужчинъ къ группѣ лицъ городскихъ сословій, а для женщинъ сохраняется за дворянками. Обращаетъ вниманіе нѣсколько повышенный показатель получившихъ среднее спеціальное образованіе среди сельской группы, что указываетъ отчасти на уже создаваемую ими полезность и приложимость въ сельскомъ обиходѣ этого рода образованія. Незначительность распространенія образованія среди наиболѣе численной сословной группы особенно ярко оттѣнится, если приведенныя pro mille величины замѣнить процентными отношеніями по каждой сословной группѣ въ отдѣльности. Именно:

		Процентъ къ численности группы.											
		Дворяне.		Духовные.		Городск. сословія.		Сельск. сословія.		Иностр. подданные.		Остальныя.	
		М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Въ т. ч. получ. образ.	Грамотные	73,02	69,17	77,78	66,55	50,14	31,10	27,44	9,74	38,80	39,02	6,82	2,22
	общее высш.	7,84	0,45	1,88	0,08	0,27	0,02	0,00	0,00	0,52	0,07	0,02	0,01
	" спец. "	2,20	0,04	0,11	0,01	0,11	0,00	0,00	0,00	0,26	0,00	0,01	0,00
	" среднее	2,64	0,52	0,90	0,25	0,45	0,07	0,05	0,00	0,39	0,10	0,11	0,02
	общее "	19,68	23,36	51,91	11,65	2,57	2,53	0,09	0,07	3,93	5,07	0,15	0,17
	военн. высш.	0,45	—	0,01	—	0,00	—	0,00	—	0,02	—	0,00	—
	" средн.	7,40	—	0,17	—	0,05	—	0,00	—	0,10	—	0,01	—

II.

Государство и народная школа.¹⁾

1.

Мнѣ хотѣлось бы въ данной статьѣ поговорить съ читателемъ объ одномъ забытомъ у насъ нынѣ вопросѣ.

Было время, когда вопросъ объ обязательномъ обученіи сильно волновалъ общественную мысль и, казалось, былъ близокъ къ рѣшенію . . . Но живое рабочее время пролетѣло, и у общества настолько упала энергія, что появилось кое-гдѣ даже стремленіе совсѣмъ отказаться отъ дѣла народнаго образованія.

По нашему мнѣнію, такое положеніе не можетъ долго длиться. Забыть можно только то, что несущественно, не важно. Человѣкъ, уставшій или отъ усиленной работы или отъ бездѣлья, можетъ думать временно, что отсутствіе работы, труда — есть лучшее изъ возможныхъ положеній, но было-бы крайне неосторожно предполагать, что при такомъ убѣжденіи онъ останется надолго. Стремленіе улучшить свою судьбу и судьбу другихъ, какъ выразился нѣкогда безсмертный авторъ „Богатства Народовъ“, представляетъ въ политическомъ организмѣ такую силу, которая не замретъ никогда и ни при какихъ условіяхъ и рано или поздно, но проявитъ свое могучее дѣйствіе. Настоящая апатія, стремленіе правительства и земскихъ людей извѣстнаго лагеря затушить свѣтильникъ народнаго образованія можетъ быть, думается, объяснена отчасти усталостью сходящаго со сцены поколѣнія, главнымъ же образомъ дикимъ взглядомъ, что невѣжество — лучшая опора стараго, первобытнаго строя. Пройдетъ немного времени и намъ жестоко придется расплачиваться за неразуміе и своекорыстіе руководителей нашей государственной жизни.

1) Эта статья была напечатана въ Земскомъ Сборникѣ Черниговской губ. за 1889 г. Я хотѣлъ выпустить, по предложенію редакціи, эту статью отдѣльной брошюрой, но кіевская цензура вернула мнѣ текстъ съ такими поправками, которыя совершенно искажали смыслъ написаннаго. Небольшое введеніе оставляю въ томъ видѣ, какъ оно было напечатано въ 1889 г. Все остальное дополнено и совершенно переработано.

Припомнимъ, какое мнѣніе о народной школѣ, о ея значеніи сложилось у лучшихъ представителей и литературы, и власти.

Жюль Симонъ твердо и опредѣленно выразился по этому вопросу: — „Тотъ народъ, сказалъ онъ, который имѣетъ лучшія школы — есть первый народъ; если онъ еще не сдѣлался таковымъ, онъ имъ будетъ.“¹⁾

Въ рапортѣ, представленномъ королю прусскому 27 августа 1866 года, было сказано: „*Ew. Königliche Majestät Armee, die jetzt gekämpft und gesiegt hat, ist durch die preussische Volksschule hindurch und aus derselben hervorgegangen.*“²⁾

Въ національномъ собраніи Франціи сто лѣтъ тому назадъ Мирабо говорилъ: — „Тѣ, которые желаютъ, чтобы крестьяне не умѣли ни читать, ни писать, безъ сомнѣнія, видятъ для себя доходную статью въ ихъ невѣжествѣ; нетрудно понять мотивы, которыми руководствуются подобные люди. Но они не знаютъ, что если сдѣлать изъ человѣка грубое животное, то слѣдуетъ ежеминутно ожидать, чтобы онъ не сдѣлался свирѣпымъ животнымъ. Нравственность безъ просвѣщенія невозможна. Но кто же, если не богатые люди, должны интересоваться распространеніемъ нравственности въ простомъ народѣ“ . . . Талейранъ въ своемъ докладѣ Національному Собранію въ 1791 г. говорилъ: „люди объявлены свободными, но развѣ не знаютъ, что образованіе увеличиваетъ безостановочно сферу свободы и оно одно можетъ поддерживать политическую свободу противъ покушеній всякаго деспотизма! Люди признаны свободными, но эта правовая свобода будетъ очень мало ощущаться, будетъ мало реальна среди всего многообразія фактическаго неравенства, если образованіе не будетъ безостановочно стремиться уравнять эти различія или ослабить по крайней мѣрѣ тѣ пагубныя разности, которыя оно не можетъ уничтожить.“

Извѣстный публицистъ и ученый Эмиль де Лавелэ³⁾ выразился о томъ же великомъ воспитывающемъ значеніи школы такимъ образомъ. „Современной цивилизаціи можетъ

1) См. Жюль Симонъ. *L'école.*

2) См. Окольскій. Объ отношеніи государства къ народному образованію.

3) См. его „Народное образованіе въ Европѣ“.

угрожать большая опасность. Если одновременно съ потребностью благосостоянія въ народѣ — просвѣщеніе и нравственность разольются по всѣмъ его классамъ, внушая однимъ чувства справедливости, другимъ терпѣніе, котораго требуютъ мирныя преобразованія, тогда прогрессъ обезпеченъ, но если въ высшихъ классахъ будетъ богатство, образованіе, эгоизмъ, а въ низшихъ невѣжество, нищета, зависть, тогда человечеству въ будущемъ грозятъ еще кровавые перевороты.“

Какъ ни странно повторять эти старыя истины, но безъ повторенія ихъ обойтись нельзя, если правительство и нѣкоторые слои общества теряютъ желаніе не только заботиться о правильной, но и о всякой организаціи дѣла народнаго образованія.

Земскія учрежденія ни въ какомъ случаѣ не должны сторониться отъ заботъ о народномъ образованіи. Ст. 2, пунктъ VII земскаго положенія говоритъ, что земскимъ учрежденіямъ предоставляется участіе въ дѣлѣ народнаго образованія „преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи.“ Какъ ни узки установленныя въ данномъ случаѣ закономъ рамки, тѣмъ не менѣе онѣ даютъ земству извѣстныя права, а отказываться отъ правъ было-бы и неразсчитливо, и непатріотично; только ревниво оберегая полученныя права, можно расчитывать на дальнѣйшее развитіе своихъ правъ¹⁾.

Мало того. Мыслимо-ли земству отказываться отъ права, которое является характеристикой всякаго земскаго самоуправления? Можно безъ ошибки сказать, что во всѣхъ государствахъ начальное образованіе завѣдывается земскими и общественными учрежденіями съ привлеченіемъ всѣхъ гражданъ безъ различія пола. Если земству въ настоящее время ставятъ на первый планъ завѣдываніе хозяйственной стороной дѣла, это не означаетъ еще, чтобы этимъ исчерпывались всѣ заботы его о нар. образованіи. Такая мысль была-бы заблужденіемъ. Кромѣ непосредственнаго надзора надъ преподаваніемъ, школьное дѣло имѣетъ еще и другія стороны, которыя не могутъ быть прочно поставлены безъ участія мѣстныхъ учреждений; таковы, напр. организація школьныхъ библіотекъ, устройство воскресныхъ чтеній, повторительныхъ занятій и многое другое.

1) Само собой разумѣется, что будущая конституціонная Россія расширить права мѣстнаго самоуправления въ этомъ дѣлѣ и справедливо опредѣлитъ участіе центральной власти въ управленіи національной школой.

Вообще, дѣло нар. образованія — дѣло настолько великое, что оно можетъ дать достаточно заботъ и высшимъ, и низшимъ учрежденіямъ страны. Приведемъ по этому поводу мнѣніе того-же авторитетнаго писателя Адама Смита:¹⁾ — „Воспитаніе низшихъ классовъ народа въ цивилизованномъ и торговомъ обществѣ, быть можетъ, больше заслуживаетъ вниманія, заботъ правительства, чѣмъ воспитаніе высшихъ слоевъ, пользующихся довольствомъ. . . . У простого народа не остается времени для собственнаго воспитанія. У родителей едва достанетъ средствъ на содержаніе своихъ дѣтей во время ихъ дѣтства. Какъ только они въ состояніи будутъ трудиться, они принимаются за работу, за какое нибудь ремесло, чтобы получить средства для пропитанія. Нерѣдко ремесло это до того просто и однообразно, что почти не упражняетъ ихъ умственныхъ способностей, и въ то же время неусыпный трудъ не доставляетъ имъ никакого досуга и не только не возбуждаетъ въ нихъ никакого желанія заняться чѣмъ нибудь постороннимъ, но даже и думать о чемъ бы то ни было“. Трудно прибавить что нибудь къ этимъ словамъ великаго писателя.

Послѣ этого небольшого вступленія мы перейдемъ къ затронутому нами вопросу. Указать на великое значеніе народнаго образованія недостаточно. Гораздо важнѣе указать тотъ способъ, посредствомъ котораго оно достигаетъ наибольшихъ успѣховъ. Другими словами, въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы попытаемся указать, какъ и почему современная организація нашего народнаго образованія должна быть измѣнена. Нашу земскую организацію школъ надо рачительно беречь, расширять, націонализировать и улучшать, всегда улучшать²⁾.

1) Адамъ Смитъ. О причинахъ богатства народовъ, т. III.

2) Опытъ Франціи эпохи первой революціи пусть стоитъ предъ нашими глазами. Въ 1795, по словамъ Левассера, комиссаръ Грегуаръ, быть можетъ и не безъ нѣкотораго преувеличенія, утверждалъ, что революція, уничтоживъ старую организацію, на ея мѣсто поставила только проекты на бумагѣ. „Образованіе, сообщалъ Грегуаръ, представляетъ только обломки. У насъ имѣется только 20 умирающихъ коллегій, изъ 600 округовъ только въ 67-ми имѣется нѣсколько народныхъ школъ.“ См. E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières, 2 изд., 1903 г. стр. 100.

Существуют двѣ системы организаціи народнаго образованія. Одна можетъ быть названа *вольной* системой народнаго образованія, другая *обязательной*.

Съ перваго взгляда, казалось бы, нѣтъ ничего естественнѣе первой системы; свобода, простота и дешевизна дѣлаютъ ее для многихъ болѣе предпочтительною. Государство или общество при вольной системѣ принимаютъ на себя только организацію и надзоръ за школами; населеніе никакими мѣрами не привлекается въ школы. Родители отдаютъ въ нихъ своихъ дѣтей, если считаютъ то нужнымъ и полезнымъ для дѣтей и выгоднымъ для самихъ себя.

Другая система прямо противоположна описанной. Она смотритъ на народное образованіе, какъ на потребность, абсолютно общую и одинаково необходимую для всѣхъ членовъ государства; люди, защищающіе эту систему, полагаютъ, что обязанность ходить въ школу, учиться въ ней (*Schulpflichtigkeit*) вполне соответствуетъ обязанности защищать отечество (*Dienstpflichtigkeit*). По словамъ Кузена¹⁾, въ Пруссіи эти два слова, эти двѣ обязанности однозначущи. Въ нихъ содержится, говоритъ онъ, секретъ ея оригинальности, какъ націи, ея могущества, какъ государства, и основаніе ея будущаго. „*Ils (т. е. ces mots) expriment les deux bases de la vraie civilisation qui se compose à la fois de lumières et de force.*“

Намъ предстоитъ сдѣлать нижеслѣдующее: прежде всего мы дадимъ маленькій историческій очеркъ этой системы; перейдемъ затѣмъ къ разсмотрѣнію принципіальныхъ возраженій противъ нея и, наконецъ, взглянемъ, возможно ли, желательно ли введеніе этой системы въ Россіи и, если возможно, то въ томъ ли строгомъ видѣ, какъ въ Пруссіи и вообще на западѣ.

Германія, какъ это всѣмъ извѣстно, считается первой изъ европейскихъ странъ, гдѣ раньше всего возникла мысль посредствомъ принятія особаго рода понудительныхъ мѣръ заставить родителей посылать дѣтей въ школы¹⁾. Мысль объ

1) См. Hippau. L'instruction publique en Allemagne, стр. 14.

этой системѣ принесла Германіи реформація. Лютеръ считалъ основною обязанностью родителей заботиться о воспитаніи дѣтей.¹⁾ „Если бы я, говорилъ онъ, не былъ проповѣдникомъ слова Божія, то я желалъ бы быть школьнымъ учителемъ и рѣшительно не знаю, который изъ двухъ — проповѣдникъ или учитель — выше. Народъ не понимаетъ, что онъ обязанъ предъ Богомъ и своими согражданами образовывать и посылать въ школу каждаго ребенка, хотя бы и мало способнаго.“

Начало обязательной системы народнаго обученія положено Регламентомъ Фридриха, 12 августа 1763 года.²⁾ „Намъ угодно, высказывалось въ немъ, чтобы всѣ наши подданные — родители, опекуны и хозяева — посылали въ школы дѣтей, за которыхъ они отвѣчаютъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ съ пятилѣтняго возраста и оставляли ихъ тамъ до 13 или 14 лѣтъ.“ Дѣти не должны были покидать школу до тѣхъ поръ, пока они не только изучать основныя начала христіанства, научатся правильно читать и писать, но пока они не будутъ въ состояніи давать отвѣты на вопросы, предложенные изъ книгъ обученія, одобренныхъ консисторіей. Регламентъ предупреждалъ хозяевъ, которымъ необходимо употреблять дѣтей для работъ, чтобы они не брали дѣтей изъ школъ до полученія отъ пастора или учителя свидѣтельства объ умѣніи читать, писать и о знаніи основныхъ правилъ вѣры. Неисполненіе этого постановленія навлекало на нихъ кару. Дѣти, особенно успѣшно учившіяся, согласно Регламенту, могли выходить изъ школы раньше 14 лѣтъ, но они, однакожъ, вплоть до этого возраста должны были посѣщать воскресную школу.

Постановленія эти были затѣмъ вновь повторены въ Прусскомъ Земскомъ Правѣ 1794 года и законѣ 1819 года, въ министерство Альтенштейна.

Въ установившемся въ настоящее время видѣ Прусская система обязательнаго обученія такова. Родители, опекуны, хозяева дѣтей школьнаго возраста (отъ 6—14 л.) должны посылать ихъ въ общественную школу или обучать иными способами.

1) См. Jastram. Die Fundamentallehre der Evangelischen Volksschulpädagogik, стр. 45.

2) См. J. Simon. L'école, глава: Education obligatoire.

Въ послѣднемъ случаѣ, т. е., когда дѣти получаютъ образованіе внѣ общественной школы, они въ извѣстный срокъ должны обнаружить предъ экзаменаторами познанія не меньшія, чѣмъ у учениковъ общественной элементарной школы. Неисполненіе требованій закона навлекаетъ на родителей выговоры, штрафы, принудительныя работы въ пользу общины, а въ нѣкоторыхъ Германскихъ государствахъ даже тюремное заключеніе. Курсъ ученія сообразно съ тѣмъ значительнымъ временемъ, которое дѣти проводятъ въ школѣ (отъ 7 до 14 лѣтъ), поставленъ по весьма широкой программѣ: въ школахъ преподается Законъ Божій, чтеніе, письмо, ариметика, даются свѣдѣнія изъ географіи, физики, естественной исторіи, начальной геометріи, исторіи, обученіе пѣнію, гимнастикѣ, рукодѣлію. Элементарныя школы слѣдуютъ регламенту составленному еще въ 1872 г. министромъ народнаго просвѣщенія г. Фалькомъ. Dr. A. Petersilie въ своей книгѣ „Общественная система образованія въ Германіи и другихъ цивилизованныхъ государствахъ (2 t. Leipzig, 1897) такъ излагаетъ содержаніе этого регламента. „Задача Прусской народной школы всегда заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать подрастающее поколѣніе религіозными и патріотическими мужчинами и женщинами, такими людьми, которые могли бы чрезъ посредство образованія и воспитанія занять почтенное положеніе въ обществѣ. Каковы ни были отношенія между церковью и государствомъ, несмотря на то, какія богословскія воззрѣнія занимали преобладающее мѣсто, въ Пруссіи всегда религіозное образованіе разсматривалось одной изъ главнѣйшихъ задачъ школы. Никогда административныя власти не ослабѣвали въ стремленіи къ высокому идеалу: „сбѣять сѣмена въ дѣтяхъ патріотическихкихъ и религіозныхъ чувствъ, чтобы они сдѣлались гражданами, внутреннее достоинство которыхъ могло бы обезпечить благосостояніе и сохраненіе государства.“ На ряду съ этимъ никогда не упускались изъ виду и практическія требованія жизни.“

Каждая школа имѣетъ журналъ прогульныхъ дней (Versäumnissbuch). Учитель ежемѣсячно сообщаетъ предсѣдателю мѣстнаго училищнаго комитета о прогулахъ; предсѣдатель призываетъ родителей и освѣдомляется о причинахъ прогуловъ, дѣлаетъ внушенія и только въ крайнихъ

случаяхъ сообщаетъ общинному совѣту, который прибѣгаетъ уже къ карательнымъ мѣрамъ. Установленъ цѣлый рядъ уважительныхъ причинъ прогуловъ, а именно: 1) болѣзнъ ученика и родителей; 2) дурная погода, вьюга, разливъ рѣкъ; 3) увольнительное свидѣтельство отъ пастора не болѣе, однако, какъ на три дня. Система эта такъ привилась въ Пруссіи, что необходимость прибѣгать къ штрафамъ почти не имѣетъ мѣста. Въ 1869 году при 19 милліонахъ населенія Пруссіи штрафы равнялись, смѣшно сказать, 750 рублямъ, а въ наборѣ 1866—7 года число неграмотныхъ было 3,81%. И это почти 40 лѣтъ тому назадъ! Только при Прусской системѣ и возможны такіе курьезы, на которые указывалъ почти 30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ императору французовъ министръ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи¹⁾. Хотя этотъ курьезъ уже и очень старъ, но мы повторимъ его. Одному офицеру въ Потсдамѣ случилось въ теченіе 12 лѣтъ принять на службу только трехъ неграмотныхъ. Его такъ заинтересовала неграмотность этихъ трехъ солдатъ, что онъ занялся спеціальнымъ разслѣдованіемъ причинъ ея. Неграмотные солдаты оказались сыновьями трехъ лодочниковъ; они родились на рѣкѣ и плавали вмѣстѣ съ отцами взадъ и впередъ, нигдѣ не останавливаясь на долгое время. Вотъ что дала эта система Пруссіи! Долженъ отмѣтить также, что законъ объ обязательномъ посѣщеніи школъ дѣтьми въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ не указываетъ того рода школъ, которыя дѣти должны посѣщать. Поэтому многія дѣти этого возраста посѣщаютъ частныя элементарныя школы, такъ назыв. *Bürgerschulen* т. е. школы болѣе высокаго разряда, среднія и другія школы. Во многихъ изъ этихъ школъ ученіе начинается съ 10 лѣтъ и позже. Тѣмъ не менѣе 90% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста учатся въ обыкновенной народной школѣ.

1) См. Журналъ мин. нар. просв. 1865 г., часть 125 (докладъ Дюрюи). По даннымъ Левассера (см. его Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ, изд. Поповой 1897 г.) процентъ неграмотныхъ въ Германской Имперіи былъ: въ 1884—5 г. — 1,21, въ 1889—1890—0,51, въ 1893—4—0,24. Сравните эти цифры съ данными русской статистики! Въ Россіи обязательное обученіе существуетъ только въ сельскихъ округахъ Прибалтійскаго края, чѣмъ и объясняется большой процентъ неграмотныхъ въ ея городахъ.

Прусская система получила обширное распространение по всей Европѣ. Ранѣе всего, конечно, Пруссіи подражали другія германскія государства ¹⁾. Въ Мейнингенѣ обязательное обученіе введено въ одно время съ Пруссіей. Въ Вюртембергѣ обязательное обученіе введено съ 1810 года, причемъ всякая мѣстность съ 30-ю хозяйствами признана обязанной имѣть школу; въ Баденѣ обязательное обученіе введено съ 1835 года, въ Рейнскихъ провинціяхъ съ 1825 года. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса объ обязательномъ обученіи говоритъ, что въ Баденѣ законъ этотъ настолько вошелъ въ жизнь, что этому изслѣдователю не приходилось слышать о дѣйствительномъ примѣненіи мѣръ понужденія. (Schaible. State and Education, изд. 1884 г.). Въ Баваріи, Саксоніи, Баденѣ и Гессенѣ школьный возрастъ продолжается до 15 лѣтъ. Кромѣ того во многихъ государствахъ Германіи окончившіе школу обязательно должны посѣщать дополнительные курсы воскресныхъ и вечернихъ школъ. Напр. въ Баденѣ мальчики должны посѣщать ихъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ по окончаніи школы, дѣвочки 1 г.; въ Баваріи, Саксоніи и Гессенѣ такое обязательное посѣщеніе этихъ школъ продолжается три года, а въ Вюртембергѣ до 18 лѣтъ. Перерывы въ посѣщеніи школъ по уважительнымъ причинамъ допускаются не иначе какъ съ разрѣшенія школьныхъ властей.

Въ Австріи обяз. обученіе введено подъ страхомъ денежной пени въ 1774 году; закономъ 16 мая 1805 года предоставлено право священнику каждаго села широко примѣнять эту систему. Провозглашеніе этихъ принциповъ, однако, не принесло въ этой странѣ хорошихъ плодовъ. Реакція, которая овладѣла Австріей съ начала 19 вѣка, задержала развитіе народнаго образованія, а законъ 1805 г. всецѣло отдалъ его въ руки духовенства. Въ 1860 г. даже министерство народнаго просвѣщенія было упразднено, какъ не нужное. Только послѣ военной катастрофы 1866 г. оно было снова восстановлено и въ 1868, 1869 и 1870 г. были изданы новые законы, которые дѣйствуютъ съ небольшими измѣненіями и до сихъ поръ. Согласно этимъ законамъ въ каждой мѣстности, въ которой проживаетъ не менѣе 40 дѣтей школьнаго возраста на раз-

1) См. Hippéau. Instruction publique en Allemagne.

стояніи одного часа хотѣбы должна быть устроена одна начальная народная школа, а въ каждомъ школьномъ округѣ одна высшая народная школа (Bürgerschule). Посѣщеніе школъ обязательно для всѣхъ дѣтей съ 7 до 15 лѣтъ, но въ дѣйствительности въ силу закона 1883 г. оно продолжается только 6 лѣтъ. Учебный годъ 46 недѣль; почти вездѣ обученіе бесплатно. Въ программу преподаванія входятъ: религія, чтеніе и письмо, родной языкъ, ариѳметика и элементы геометріи, естествознанія, физики, географія, исторія, рисованіе, пѣніе и домоводство.

Италія¹⁾ признала въ принципѣ закономъ 13 ноября 1859 года обязательность и бесплатность обученія. По проекту закона 13 ноября 1873 года депутата Scialoja, обязанность основывать школы и посылать дѣтей получала уже и карательную санкцію; къ сожалѣнію, законъ былъ отвергнутъ весьма слабымъ большинствомъ (140 противъ 107-ми). Закономъ 15 іюля 1877 года вновь подтверждены и упрочены постановленія закона 1859 г. Этотъ законъ обязываетъ отцовъ семействъ посылать въ общинную школу дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 9 лѣтъ, не получающихъ домашняго образованія и не посѣщающихъ частной школы. Обязательное обученіе продолжается до 10 лѣтъ, если ученикъ не можетъ удовлетворительно выдержать экзамена по предметамъ обязательнаго обученія. Дѣти, не прошедшія въ этомъ возрастѣ курса, принимаются въ школы до 12 лѣтъ. Законными причинами уклоненія отъ посылки дѣтей въ школу считаются: 1. состояніе здоровья, 2. разстояніе отъ школы свыше двухъ километровъ, 3. абсолютная бѣдность.

Родители, не подчиняющіеся закону не смотря на предостереженіе мэра общины, могутъ быть оштрафованы въ размѣрѣ до 10 лиръ, лишены права имѣть оружіе, имъ можетъ быть отказано въ выдачѣ пособій и жалованья изъ бюджета общинъ, провинцій и государства.

Мэръ ведетъ списокъ дѣтей, подлежащихъ обязательному обученію, которое нынѣ уже примѣчается почти во всѣхъ общинахъ.

Предметы обученія слѣдующіе: чтеніе, письмо, элементарная ариѳметика, метрическая система, элементарная гео-

1) См. Hippau. Instruction publique en Italie, стр. 63.

метрія, элем. физика и естественная исторія, исторія Италіи, права и обязанности гражданина, гимнастика. Преподаваніе Закона Божія не обязательно, но согласно регламенту 1895 г. община обязана вводить это преподаваніе, если родители пожелаютъ.

По окончаніи низшаго обязательнаго курса производится экзамень, называемый „освобожденіемъ отъ обязательнаго обученія“. *Выдержаніе этого экзамена даетъ право сдѣлаться избирателемъ.*

Въ отчетѣ американскаго комиссара по народному образованію за 1902 г. находимъ слѣдующія указанія о послѣдствіяхъ введенія обязательнаго обученія въ Италіи. Процентъ лицъ обоого пола, которые при вступленіи въ бракъ, не могли подписать своего имени въ 1871 г. былъ 68 %, въ 1898—99 — только 42 %; процентъ неграмотныхъ новобранцевъ въ 1871 г. 57, въ 1898—99 — 34 %; общій процентъ неграмотныхъ въ 1871 г. — 73 %, въ 1898—99 — 49,9. Итальянская статистика отмѣчаетъ, что увеличеніе грамотности привлекло массу въ значительномъ количествѣ къ избирательнымъ урнамъ. Всѣхъ записанныхъ въ школу дѣтей въ Италіи въ 1898—9 г. было 2,636 тыс., изъ нихъ въ общественныхъ школахъ 2,444 тыс.

Въ Англіи¹⁾ впервые по Elementary Education Act 1870 г. Форстера было разрѣшено школьнымъ бюро (School boards) дѣлать ученіе обязательнымъ или вольнымъ.

Въ Швеціи, на основаніи закона 18 іюня 1842 года,

1) См. слѣдующую статью, гдѣ разсказана дальнѣйшая исторія англійской школы. Cunningham, Politics and Economics, стр. 95, замѣчаетъ, что Англія этимъ закономъ вступила на совершенно новый путь, отказавшись отъ долго господствовавшаго въ ней мнѣнія (мнѣніе это было высказано въ 1818 году въ одной изъ комиссій по народному образованію): „Поскольку усилія отдѣльныхъ лицъ поддерживаютъ необходимое число школъ, было бы несправедливо и неосновательно оказывать какую либо помощь со стороны парламента“. Страна индивидуальной энергіи нынѣ признаетъ недостаточность частной инициативы въ дѣлѣ народн. образованія. Форстеръ, защищая свой законъ на митингѣ въ Брадфордѣ, сказалъ: „Я обращаюсь къ англійскому народу и прошу его помочь провести законъ объ обязательномъ обученіи, посредствомъ котораго можно было бы безъ промедленія прекратить пренебреженіе воспитаніемъ англійскихъ дѣтей, чтобы это небреженіе не могло далѣе подтачивать благосостояніе и вредить прогрессу Англіи“. (Ch. Schaible. The State and Education, изд. 1884 г., стр. 60).

дополненнаго закономъ 1882 г., всякая община или *sochen* (политическое раздѣленіе территоріи пространствомъ 6—12 англійскихъ миль) должна имѣть постоянную школу. Обученіе обязательно съ 6—9 и до 14 лѣтъ; отъ 14 до 16 лѣтъ дѣти должны посѣщать воскресную школу. Законъ 18 іюня 1864 года устанавливаетъ для уклоняющихся штрафъ въ 50 франковъ; въ Норвегіи обязательность обученія начинается съ 8-ми лѣтъ и продолжается до 15. Обученіе бесплатно. Родители, не заботящіеся о томъ, чтобы дѣти посѣщали школу, подлежатъ штрафу отъ 1 ф. 20 сан. до 30 фран. Если же они будутъ упорствовать, плохо обращаться съ дѣтьми или давать имъ дурной примѣръ, то дѣти могутъ быть отъ нихъ отняты и помѣщены въ другія семьи.

Переходимъ къ Америкѣ ¹⁾. По словамъ Гиппо, Америка мало по малу уже въ 80-хъ годахъ переставала быть страной вольной школы (какъ помнятъ читатели, князь Васильчиковъ считалъ ее образцомъ этой системы). Всюду раздавались голоса противъ вольной школы; всюду были слышны жалобы на непосѣщеніе дѣтьми школъ, на стремленіе дѣтей къ уличному бродяжничеству (*absenteisme et vagabondage*); одинъ изъ комиссаровъ штата Огайо высказалъ по этому поводу примѣчательное мнѣніе. „Наша система, говоритъ онъ, основывается на принципѣ, который гласитъ, что самое важное основаніе свободы есть всеобщее образованіе. Всѣ издержки, которыя вытекаютъ изъ устройства образованія, оправдываются тѣмъ, что безопасность государства и благосостояніе общества зависятъ отъ распространенія знаній и добродѣтелей, которыя являются какъ результатъ обученія. Чтобы отвѣчать этой потребности свободныхъ государствъ, двери школъ должны быть открыты для всѣхъ. Но отчего же не выводятъ отсюда всѣхъ логическихъ послѣдствій? Если государство обязано устроить даровыя школы, какъ орудія всеобщаго обученія, то оно настолько же обязано наблюдать, чтобы эти орудія находились въ полномъ дѣйствіи; другими словами, право брать у гражданина часть его собственности для обученія дѣтей другого предполагаетъ и другое право, — право наблюдать, чтобы дѣти, разъ для нихъ дѣлаются эти траты, получали дѣйстви-

1) См. Hippau. Instruction publ. aux Etats-Unis.

тельно то образованіе, которое государство разсчитываетъ имъ дать“.

Ранѣе всего обязательное обученіе введено было въ штатахъ: Массачусетсъ съ 1852 г., округъ Колумбія съ 1864 г., Вермонтъ съ 1867 г. Paul Passi¹⁾ въ 1885 г. насчитывалъ 15 штатовъ, гдѣ обученіе обязательно. Отчетъ комиссара образованія за 1888—9 г. констатируетъ обязательность уже въ 24 штатахъ и территоріяхъ. Пасси утверждалъ, что города Америки благопріятно смотрятъ на введеніе этой системы, села напротивъ враждебны. Теперь къ этой системѣ привыкли повсемѣстно. Онъ замѣчаетъ также, что число учениковъ въ частныхъ вольныхъ школахъ весьма ограничено. Въ 1882 году изъ 12,500,000 учившихся дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ 10 милліоновъ были записаны въ общественныхъ школахъ. Вплоть до 1883 г. правительство роздало элементарнымъ школамъ около 68 милліоновъ акровъ земли. По словамъ Американской Энциклопедіи Соціальной реформы (изъ 1897 г.) въ Соединенныхъ Штатахъ при отсутствіи какой бы то ни было централизаціи въ системѣ народнаго элементарнаго образованія, въ организаціи школъ обнаруживается большое разнообразіе при общемъ большомъ сходствѣ. Это послѣднее сказывается въ томъ, что средства на организацію дѣла пріобрѣтаются чрезъ мѣстное обложеніе. Тамъ, гдѣ имѣется государствен-

1) См. L'instruction primaire aux Etats-Unis (изд. 1885 г.). По послѣднимъ даннымъ 1903 г. уже въ 38 штатахъ и территоріяхъ. Въ большинствѣ штатовъ школьный возрастъ обязательнаго обученія продолжается съ 8 до 14 лѣтъ, въ другихъ съ 6 до 14 л. По послѣднимъ даннымъ, помѣщеннымъ въ Statistical Abstracts 1905 г., развитіе начальнаго народнаго образованія (public schools) охарактеризовано сравнительно съ 1882 г. такимъ образомъ.

Годы	Населеніе въ возр. отъ 5—18 лѣтъ	Число записан. учениковъ въ школахъ	Среднее число ежедневно посѣщ. школу	Учителей муж. женщ.	Весь расходъ на школы
1882	15,7 мил.	10,2 мил.	6,3 мил.	118,8 180 м.	88,9 м. дол.
1903	22,6 „	16,0 „	11,0 „	117,0 332,2 м.	251,4 „ „

Эти данныя показываютъ, что расходы на народныя школы возрасли за отмѣченный періодъ въ три раза и что женщины-учительницы составляютъ главный контингентъ преподавателей. Но тѣмъ же даннымъ S. A. населеніе С. Ш. въ возрастѣ отъ 5 до 18 лѣтъ было 22,6 мил. и средняя трата на образованіе человѣка этого населенія равнялась 11 дол. 10 ц.

ный образовательный фондъ, онъ распредѣляется между разными общинами, какъ вспоможеніе, но никогда, какъ единственный ресурсъ. Законы Штата регулируютъ программу, время обученія, а гдѣ введена обязательность, тамъ указываются и способы ея проведенія.

Въ отчетѣ комиссара по образованію за 1903 г. помѣщена любопытная статья суперинтендента школъ въ Колорадо, который такъ характеризуетъ современную американскую школу. „Во всѣхъ 45 штатахъ приняты мѣры для обученія дѣтей за счетъ государства. Собственность государства обложена налогомъ для обученія дѣтей. Обязательно или необязательно посѣщеніе школы, получаютъ ли дѣти даровые учебники и другія необходимыя вещи зависятъ отъ законодательства штата. Въ общемъ, однако, замѣчается среди разнообразія и нѣкоторое единство. Организациа городскихъ школъ въ поселеніяхъ свыше 10 тыс. чел. болѣе или менѣе одинакова повсемѣстно. Контролирующая школы власть состоитъ изъ особой общественной корпораціи, которая по числу членовъ и по участию обоихъ половъ очень разнообразна; не мало, однако, и женщинъ допущено въ эти корпораціи. Члены этой корпораціи въ однихъ штатахъ избираются всеобщимъ голосованіемъ, въ другихъ назначаются судомъ, мэромъ или другимъ общественнымъ лицомъ. Обыкновенно корпорація имѣетъ широкую власть, ограничиваемую только ея уставомъ. Нерѣдко, въ особенности въ болѣе молодыхъ штатахъ школьная корпорація имѣетъ право не только расходовать деньги, но даже и облагать налогомъ городскую собственность, конечно, въ предѣлахъ указываемыхъ конституціей штата. Эта корпорація организуетъ школы города, обыкновенно чрезъ посредство исполнительнаго чиновника, именуемаго суперинтендентомъ, заботится объ организаціи необходимаго числа школъ для всѣхъ дѣтей съ 6 до 14 лѣтъ, въ нѣкоторыхъ городахъ съ 6 и до 21 г. Въ немногихъ штатахъ заведены уже и дѣтскіе сады для воспитанія дѣтей ниже 6 лѣтъ (см. Report of the Commissioner of Education for 1903 г., изд. 1905 г.).

Въ томъ же отчетѣ за 1903 г. (т. 2-й) приведена любопытная таблица, какъ приводится въ исполненіе законъ объ обязательномъ обученіи въ разныхъ штатахъ. Такъ въ Вашингтонѣ и округѣ Колумбія всякое дитя должно учиться

не менѣе 18 недѣль, штрафъ за непосѣщеніе 5 долл. за каждую недѣлю; въ Индіанѣ весь школьный годъ, штрафъ отъ 5 до 25 долл. и, по усмотрѣнію суда, тюрьма для родителей отъ 2 до 90 дней; Мэнъ — полный учебный годъ, штрафъ не выше 25 дол. или тюрьма до 30 дней и т. п. Любопытны, однако, не эти жестокія наказанія, но то, что на ряду съ законодательствомъ объ обязательномъ обученіи идетъ и законодательство, ограничивающее права родителей отдавать дѣтей на фабрики и въ другія промыслы. По штатомъ это ограничительное законодательство очень пестро, но дѣти школьнаго возраста все болѣе и болѣе освобождаются отъ трудовой кабалы.

Начальное образованіе Франціи совершенно переорганизовано новѣйшими реформами. Закономъ 16 іюня 1881 года Франція провозгласила „абсолютную бесплатность начального образованія въ школахъ государства“. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого закона явился законъ 28 марта 1882 г., принятый въ сенатѣ послѣ очень живыхъ преній большинствомъ 179 противъ 108¹⁾; законъ 28 марта устанавливаетъ обязательность, бесплатность и свѣтскій характеръ школы. Всѣ эти законы, проведенные въ министерство Ферри, сведены въ одинъ органическій регламентъ 30 октября 1887 г., разъясненный декретами 1887 и 1888 г.

Въ нашей прессѣ еще такъ мало писали объ этомъ законѣ, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ подробнѣе²⁾.

Обученіе, на основаніи этого закона, обязательно для дѣтей обоого пола въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ включительно. Законъ не требуетъ, чтобы дѣти обучались непременно въ государственныхъ школахъ, не требуетъ также и

1) При обсужденіи закона извѣстный Поль Беръ краснорѣчиво воскликнулъ: „Вы вотируете обязательность: мы требуемъ отъ васъ введенія этой системы въ интересахъ 600,000 дѣтей, воспитаніемъ которыхъ пренебрегаютъ и которыя не знаютъ ничего, мы требуемъ введенія этой системы во имя интересовъ Франціи, во имя отечества, для котораго значительный контингентъ невѣждъ — представляетъ постоянную опасность, мы требуемъ введенія этой системы во имя благосостоянія, нравственности, счастья Франціи!“

2) См. *L'Enseignement obligatoire et les commissions scolaires* par E. Dreyfus-Brisac, изд. 1884 г., стр. 43—82.

того, чтобы обученіе длилось отъ 6 до 13 лѣтъ. Родителямъ предоставлено право обучать дѣтей гдѣ угодно, въ общественной, частной школѣ или на дому, государство слѣдитъ только за тѣмъ, чтобы ученіе дѣйствительно происходило. Вообще при введеніи закона пришлось разрѣшить слѣдующія задачи: 1) опредѣлить точно число дѣтей школьнаго возраста, 2) организовать правильно дѣйствующую систему контроля за занятіями дѣтей и 3) наконецъ, принудить родителей, уклоняющихся отъ исполненія закона, къ его исполненію рядомъ наказаній.

Для наблюденія за исполненіемъ закона, на основаніи § 5 закона, въ каждой общинѣ организуется особая школьная коммиссія (*commission municipale scolaire*)¹⁾. Родителямъ, опекунамъ и вообще всѣмъ лицамъ, у которыхъ находятся дѣти школьнаго возраста, вмѣняется въ обязанность увѣдомить коммиссію не позже какъ за 15 дней до начала занятій въ томъ году, когда ребенокъ долженъ получать обученіе, гдѣ и какимъ образомъ желаютъ обучать этого ребенка. Ежегодно составляется, такимъ образомъ, коммиссіей общины и ея мѣромъ (онъ же президентъ коммиссіи) списокъ дѣтей школьнаго возраста; списокъ этотъ отправляется учителю общинной школы и инспектору народныхъ школъ. Учителя школъ ведутъ особые реестры посѣщеній школъ (какъ учителя частныхъ, такъ и общественныхъ школъ) и ежемѣсячно увѣдомляютъ инспектора народныхъ школъ и мэра о числѣ пропусковъ и объ ихъ причинахъ. Пропуски уроковъ по винѣ и умыслу родителей влекутъ за собой наказанія слѣдующаго рода. Если ребенокъ отсутствуетъ въ школѣ четыре раза въ мѣсяцъ не менѣе, чѣмъ по полъ дня и не представитъ къ тому никакихъ уважительныхъ причинъ, то лицо, завѣдующее воспитаніемъ ребенка (родители, опекуны и проч.), вызывается въ канцелярію мэра, гдѣ одинъ изъ членовъ школьной коммиссіи разъясняетъ ему законъ и тѣ послѣдствія, которымъ оно подвергается въ случаѣ дальнѣйшаго

1) ср. также Левассеръ. Народное Образованіе въ цивилизованныхъ странахъ, изд. Поповой, 1897 г. Школьная коммиссія назначается инспекторомъ академіи по соглашенію съ муниципальнымъ совѣтомъ. Школа всецѣло принадлежитъ государству. Налогъ для содержанія школъ взимается государствомъ и учителя получаютъ жалованье отъ правительства. Центральная власть не даетъ доселѣ простора самоуправленію во Франціи.

его неисполненія. Если лицо не вызову не явится, оно подвергается наказанію, какъ бы за то, что несоблюденіе закона обнаружено во второй разъ. Несоблюденіе закона во второй разъ ведетъ къ тому, что имя несоблюдающаго вывѣшивается на 15 дней или на мѣсяцъ на дверяхъ мэріи, съ указаніемъ совершеннаго проступка и принятой противъ нарушителя закона мѣры. При несоблюденіи закона въ третій разъ, комиссія обращается къ мировому судѣ, который можетъ подвергнуть нарушителя штрафу отъ 11 до 15 франковъ и заключенію подъ арестъ не болѣе какъ на пять дней.

Уважительными причинами пропусковъ считаются: 1) болѣзнь ребенка, 2) смерть членовъ семейства, 3) невозможность явиться вслѣдствіе случайныхъ поврежденій путей сообщенія. Въ особо уважительныхъ случаяхъ мѣстной общинной власти предоставлено право давать дѣтямъ продолжительныя отпуска.

Въ низшей начальной школѣ преподаются: нравственность и гражданскія права, чтеніе и письмо, родной языкъ, ариѳметика и метрическая система, исторія и географія, главнымъ образомъ Франціи, начала естествознанія, геометріи, рисованія, гимнастика, военныя упражненія. Въ сельскихъ школахъ земледѣліе и садоводство. Высшія народныя школы составляютъ особыя учрежденія съ 2 и 3-лѣтнимъ курсомъ. Здѣсь обучаются дѣти съ 12 до 16 л. возраста. Предметы преподаванія: алгебра, геометрія, прикладная ариѳметика, счетоводство и веденіе книгъ, начала естествознанія и физики примѣнительно къ гигиенѣ, промышленности и земледѣлію, исторія и литература Франціи, промышленная географія, новые языки, ручной трудъ, шитье, кройка.

Дѣти, обучающіяся у родителей, съ конца второго года обязательнаго обученія должны каждый годъ держать экзамень въ особо учрежденной для того комиссіи. Если комиссія признаетъ успѣхи дѣтей недостаточными, она зачисляетъ ихъ въ число обязательно посѣщающихъ школу и предлагаетъ родителямъ указать ту государственную школу, гдѣ они хотѣли бы давать воспитаніе своему ребенку. Родители, уклоняющіеся отъ объявленія о наступленіи для ихъ дѣтей школьнаго возраста, теряютъ право воспитывать дѣтей на дому, и дѣти ихъ зачисляются въ одну изъ государственныхъ

школь. Замѣтимъ мимоходомъ, что засѣданія школьной комиссіи во Франціи не публичны.

Мы не имѣемъ времени останавливаться здѣсь болѣе подробно на этомъ законѣ, но намъ однако необходимо указать, что примѣненіе на практикѣ этого закона встрѣтило не мало затрудненій. Главнымъ препятствіемъ къ приведенію закона въ дѣйствіе было то, что школьныя комиссіи составлялись весьма неохотно и если собирались, то относились необыкновенно снисходительно къ самимъ нарушителямъ закона. Самый составъ комиссіи изъ мэра и его совѣтниковъ, особенно въ сельскихъ общинахъ, долженъ былъ способствовать слабой дѣятельности комиссіи. Въ самомъ дѣлѣ, примѣненіе закона объ обязательномъ обученіи было передано фактически въ руки самихъ крестьянъ въ лицѣ представителей ихъ общины (мэра и его совѣтниковъ) и, наконецъ, законъ не указывалъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, если эти представители государственной власти въ общинѣ откажутся совершенно или станутъ пренебрегать исполненіемъ закона.

Благодаря такой неопредѣленности и частью неправильной постановкѣ закона, дѣйствіе его было весьма разнообразно. Въ однихъ мѣстахъ комиссіи дѣйствовали съ необыкновенной горячностью (нѣкоторыя изъ нихъ собирались по 34 раза въ 4 мѣсяца), другія не собирались совсѣмъ. Франціи поэтому предстоитъ произвести въ ближайшемъ будущемъ нѣкоторыя измѣненія въ законѣ, указанныя самимъ опытомъ.

Всякое новое дѣло трудно прививается въ началѣ. Но починъ сдѣланъ, народное образованіе во Франціи сдѣлано дѣломъ общественнымъ, а это много значитъ. Мало по малу, законъ начнетъ входить въ привычку и радостныя исключенія, на которыя указываютъ во Франціи, сдѣлаются общимъ правиломъ. Еще рѣдко можно слышать о необыкновенномъ рвеніи комиссій, а все же приходится отмѣчать и такія явленія. Такъ, инспекторъ академіи Роны (l'academie du Rhone) говоритъ, что школьныя комиссіи въ Ліонѣ дѣйствуютъ съ полнымъ рвеніемъ. Члены комиссіи не только исправно посѣщаютъ засѣданія, но отправляются на дома контролировать причины пропусковъ и даже затѣмъ, чтобы

оказать въ случаѣ надобности помощь бѣднымъ дѣтямъ¹⁾. Считаю нужнымъ отмѣтить, что частнымъ народнымъ школамъ предоставлена полная свобода въ составленіи программъ и выборѣ методовъ преподаванія. Открыть частную школу можетъ всякое лицо, имѣющее требуемое закономъ званіе, но предварительно оно должно сдѣлать заявленіе мэру и представить требуемые документы. Открытіе школы, однако, зависитъ отъ мэра и инспектора академіи. Первый можетъ воспротивиться открытію, если, по его мнѣнію, мѣсто для школы неудобно, второй, если найдетъ въ ней что-либо противное нравственности и гигиенѣ. Всякій директоръ частной школы, который откажется подчиниться надзору и инспекціи школьныхъ властей въ опредѣленныхъ случаяхъ подлежитъ штрафу; при повтореніи школа можетъ быть закрыта. Постановленія характерныя для революціонной Франціи!

Въ 1873—1874 годахъ цѣлый рядъ земствъ ходатайствовалъ о введеніи обязательнаго обученія²⁾; ходатайства эти были возбуждены губернскими собраніями Олонецкой губерніи и Владимірской, уѣздными: Вытегорскимъ и Каргопольскимъ (Олон. губ.), Сапожковскимъ (Рязанской губ.), Спасскимъ (Казан. губ.), Павлоградскимъ (Екатеринослав. губ.), Юрьевецкимъ (Владимірской губ.), Нижегородскимъ, Пензенскимъ и Конотопскимъ (Чернигов. губ.). Кстати сказать, что изъ десяти начальниковъ губерній, гдѣ поднимался этотъ вопросъ, 8 высказались за введеніе обязательности.

Очень поучительна судьба всѣхъ этихъ земскихъ ходатайствъ. Бывшій въ то время министромъ Н. П. графъ Д. А. Толстой поручилъ разсмотрѣть вопросъ о возможности удовлетворенія этихъ ходатайствъ г. А. С. Воронову.

Г. Вороновъ напечаталъ результаты своихъ работъ въ видѣ двухъ статей въ журналѣ Министерства Народнаго

1) М. Faure въ своемъ отчетѣ Палатѣ Депутатовъ (см. Rapport fait au nom de la commission du Budget, 1902) говоритъ: „Законъ объ обязательномъ обученіи игнорируется или частью избѣгается во многихъ общинахъ. Законъ, повидимому, не достигъ своей цѣли потому, что власти относились къ его примѣненію первоначально очень небрежно, забывая, что будучи небрежными въ началѣ они не будутъ въ состояніи настаивать предъ родителями объ исполненіи ихъ обязанностей и позднѣе“.

2) См. Журналъ Минист. народнаго просвѣщ. за 1874 г., № 12.

Просвѣщенія. Во второй изъ своихъ статей, озаглавленной: „О введеніи обязательнаго обученія по ходатайствамъ нѣкоторыхъ земскихъ собраній“, г. Вороновъ даже сдѣлалъ попытку составить проектъ правилъ по организаціи обязательнаго обученія.

Работа г. Воронова затѣмъ поступила въ Ученый Комитетъ министерства. Этотъ послѣдній отнесся къ работанному проекту вполнѣ отрицательно и по весьма старанной, чтобы не сказать болѣе, причинѣ. Комитетъ полагалъ, что право, предоставляющее возможность отдѣльнымъ губернскимъ и уѣзднымъ земствамъ вводить обязательность обученія, „можетъ уничтожить равновѣсіе между различными частями государства, давъ значительный нравственный перевѣсъ однимъ изъ нихъ предъ другими“. Работа составителя проекта, такимъ образомъ, пропала даромъ. Правительство желало равновѣсія невѣжества и боялось, что нѣкоторыя губерніи станутъ просвѣщеніе другихъ. Успокоить взволнованное общественное мнѣніе, однако, было необходимо. Выходъ изъ затрудненій былъ найденъ очень просто. Графъ Толстой приказалъ запросить объ этомъ вопросѣ директоровъ народныхъ училищъ. Отвѣты директоровъ были получены, сведены и напечатаны подъ заглавіемъ: „Матеріалы по вопросу о введеніи обязательнаго обученія въ Россіи“ (Спб. 1880 г.). Такъ вопросъ и заглохъ, министерство больше и не тревожило себя мыслью объ обязательномъ обученіи.

Только въ министерство финансовъ Н. Х. Бунге вопросъ объ обученіи малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ былъ вновь поставленъ на очередь, но сколько нибудь щѣлесообразно разрѣшенъ не былъ. По дѣйствующему и до нынѣ фабричному законодательству школьное обученіе малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ не составляетъ обязательства для владельцевъ фабрикъ, но имъ лишь предоставляетъ право открывать при фабрикахъ школы для первоначальнаго обученія, сохраняя за собою право быть попечителями этихъ школъ (ст. 112 и 113 Устава о промышленности). Программы и планы обученія въ фабричныхъ школахъ утверждаются министерствомъ Н. П.

Если при фабрикѣ нѣтъ школы, фабричный инспекторъ долженъ войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ учебнымъ

начальствомъ относительно приспособленія для нуждъ малолѣтнихъ рабочихъ ближайшихъ народныхъ училищъ. Когда же и это не представится возможнымъ, то объ устройствѣ особой школы для этой цѣли фабричный инспекторъ обращается къ мѣстному учебному начальству, которое и должно принять всѣ мѣры къ тому, входя въ сношеніе съ земствами, городскими обществами и т. п. (ст. 115 и 116 Уст. о Пр.).

Обязанность владѣльцевъ фабрики органичивается лишь тѣмъ, что работающимъ у нихъ малолѣтнимъ, которые не имѣютъ свидѣтельствъ одноклассныхъ народныхъ училищъ, они должны предоставить возможность посѣщать школу не менѣе трехъ часовъ ежедневно или 18 часовъ въ недѣлю (ст. 118); при наличности же школы съ высшимъ противъ однокласнаго училища курсомъ, они обязаны давать возможность посѣщать эти школы и малолѣтнимъ уже имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ одноклассномъ училищѣ (ст. 119.)

3.

Совершенно иначе стали смотрѣть на вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Россіи съ 90-хъ годовъ. Несмотря на всѣ административныя затрудненія большинство земствъ продолжало свою благородную просвѣтительную дѣятельность. Не ожидая поддержки со стороны правительства, ни матеріальной, ни нравственной, встрѣчая въ лицѣ покровительствуемой церковно-приходской школы враждебнаго, но, къ счастью, безтолковаго конкурента, земство усиленно стало готовиться къ введенію всеобщаго обученія. Московское, Харьковское, Воронежское и еще рядъ другихъ земствъ положили починъ этому благородному дѣлу. Со всѣхъ сторонъ стали слышаться голоса, что сначала организаціей значительнаго числа школъ необходимо подготовить осуществимость всеобщаго обученія и уже затѣмъ возложить на него „повинность обязательнаго обученія.“ Спрашивается, къ какой же системѣ мы должны склониться теперь въ эпоху полной перестройки русской жизни на новыхъ началахъ? Стоитъ ли предъ нами одна насущная задача: немедленно подготовить всѣ условія для осуществимости всеобщаго обученія, или же одновременно мы должны провозгласить три

основныхъ принципа организаціи школьнаго дѣла, къ которымъ послѣ долгой и упорной борьбы пришла Западная Европа и Сѣверо-Американскіе штаты? Эти три основныхъ принципа общеизвѣстны: обязательность, бесплатность и свѣтскій характеръ школы, содержащейся, при томъ, за счетъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ средствъ.

Прежде всего, конечно, интересно знать, чѣмъ вызывается введеніе системы обязательнаго обученія? Предположимъ на время, что система эта благодѣтельна; но развѣ доказано, что вольная система съ достаточнымъ числомъ школъ неудовлетворительна, не достигаетъ цѣли? Какія же, спрашивается, причины заставляютъ прибѣгнуть къ системѣ, которая такъ или иначе, но требуетъ много лишняго труда?

Защитники обязательнаго образованія нападаютъ на вольную систему съ двухъ сторонъ; они приводятъ два основанія необходимости этой системы, которыя къ тому же, по ихъ словамъ, имѣютъ значеніе всегда и вездѣ.

1. Извѣстный Жюль Симонъ говоритъ, что французскій и всякій другой крестьянинъ имѣетъ обыкновеніе разсуждать такъ: „когда-то не знали того, что теперь знаютъ, а жили счастливѣе; мой сынъ знаетъ настолько, чтобы дѣлать тоже, что и я, этого ему и достаточно: грамота не нужна тому, кто долженъ пахать землю“¹⁾. Разсужденія подобнаго рода дѣйствительно не мудрено слышать вездѣ. Государство, задача котораго состоитъ въ постоянной работѣ прогрессивнаго воспитанія народа, очевидно, должно бороться съ этой рутиной; въ противномъ случаѣ поколѣнія за поколѣніями будутъ сходиться съ жизненной сцены, а возрѣнія будутъ оставаться все тѣ же. Къ сожалѣнію, народная школа у насъ не сдѣлалась еще предметомъ статистическаго изученія во многихъ губерніяхъ²⁾, мы не можемъ, поэтому, составить

1) См. J. Simon. L'Ecole, стр. 223. Почти всѣ отчеты, пишетъ онъ, жалуются на родителей, на ихъ жадность, своекорыстіе, небрежность по отношенію къ дѣтямъ. 30 учителей изъ 100 видятъ въ небрежности родителей главную причину слабаго прогресса образованія.

2) Въ настоящій моментъ этого уже сказать нельзя. Сдѣлано земствами сравнительно весьма много. Литературныя указанія по вопросу о народномъ образованіи можно найти въ статьѣ гг. Фальборка и Чарнолускаго въ 20-мъ томѣ словаря Брокгауза, въ ихъ же книгѣ: Народное образованіе въ Россіи; Въ трудѣ Д. И. Шаховскаго: Всеобщее образованіе въ Россіи. М. 1902 г.

себѣ сколько-нибудь полного представленія о томъ, какъ относятся крестьяне, не учившіеся въ школѣ, къ ея значенію.

Попытку такого изученія находимъ въ заслуживающемъ всякаго подражанія изслѣдованіи Ф. Щербины: — „Народная школа въ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи“ (1887). Почтенный изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что въ общемъ крестьяне наши сочувственно относятся къ школѣ, но самой школѣ и учителямъ населеніе придаетъ лишь то значеніе, какое имъ даетъ ихъ профессиональная дѣятельность; оно далеко еще отъ пониманія, какое огромное воспитующее значеніе имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, должна имѣть народная школа“. „Однимъ словомъ, говоритъ Щербина, область воспитанія, обнимающая, по мнѣнію крестьянъ, преимущественно отношеніе ребенка къ семьѣ, религіи, старшимъ, стороннимъ людямъ, чужой собственности и въ особенности къ хозяйственнымъ задачамъ, они считаютъ своимъ личнымъ дѣломъ“, — другими словами, скажемъ мы, и наши крестьяне цѣлко держатся и передаютъ многое нажитое рутиной, невѣжествомъ и крѣпостнымъ правомъ, долгою системой униженія и угнетенія.

2. Другое основаніе заключается въ слѣдующемъ. Опытъ Франціи, Германіи и другихъ странъ выработалъ одно непремѣнное, педагогическое правило: срокъ обученія долженъ быть достаточенъ и во всякомъ случаѣ уроки должны посѣщаться регулярно, безъ пропусковъ. Ничего подобнаго, говорятъ защитники обязательнаго обученія, не бываетъ при вольной системѣ. Обязательное обученіе и стремится, по ихъ словамъ, достигнуть, съ одной стороны, всеобщности обученія, съ другой — его регулярности. Практика показала, что существованіе школъ, и даже хорошихъ школъ, не обусловливаетъ значительнаго числа посѣщающихъ школу; если число учениковъ даже и велико, то очень немногіе посѣщаютъ ее исправно. Жюль Симонъ считаетъ это наблюденіе статистически доказаннымъ для Франціи и объясняетъ необыкновенное колебаніе въ процентѣ неграмотныхъ по округамъ (отъ 3,3 до 68,2 %) именно нерегулярностью посѣщенія школы крестьянскими дѣтьми.

Любопытно, что наши земства, возбуждавшія ходатайства о введеніи обязательнаго обученія, также указывали на ненормальность нерегулярнаго посѣщенія школъ. Вотъ что

говорили они въ своихъ ходатайствахъ: — „При всѣхъ очевидныхъ выгодахъ образованія, наше крестьянство еще мало сознаетъ пользу ученія, даже первоначальнаго; повсюду оказывается недостатокъ въ училищахъ по отношенію къ населенію; число ихъ не только не увеличивается, но и уменьшается; тамъ, гдѣ уже существуютъ училища, большая половина населенія вовсе не учится въ нихъ, и такимъ образомъ затраты земства и сельскихъ обществъ оказываются мало производительными. Наконецъ, и тѣ сравнительно немногіе, которые учатся въ училищахъ, не выносятъ изъ нихъ всей пользы отъ крайне неисправнаго посѣщенія ихъ, составляющаго язву нашихъ сельскихъ школъ. Родители непрерывно отвлекаютъ своихъ дѣтей то для сельскихъ или другихъ домашнихъ работъ, то ради праздничныхъ дней, число которыхъ доходитъ до 200 въ теченіе года, то безъ всякой причины, не говоря уже о томъ, что и дѣти, находясь внѣ всякаго контроля, прогуливаютъ нерѣдко время классныхъ занятій, не подвергаясь за то никакой отвѣтственности“.

Для устраненія всѣхъ этихъ печальныхъ явленій, „сильно тормозящихъ развитіе и распространеніе образованія въ сельскомъ населеніи, дѣлающихъ безплодными или, по крайней мѣрѣ, мало полезными усилія правительства, земства и общества“, необходимо, по мнѣнію указанныхъ выше земствъ, „установить обязательность обученія, какъ такую мѣру, которая повсюду оказалась въполнѣ дѣйствительною для достиженія этой цѣли“.

Мысли эти были высказаны въ 1874 году; конечно, за 30 лѣтъ отношеніе народа къ земской школѣ измѣнилось къ лучшему; народъ начинаетъ понимать всю пользу ученія и грамотности; однако намъ неоднократно приходилось и теперь слышать жалобы на невозможность правильно вести дѣло при той неаккуратности посѣщенія школы, которая вошла, повидимому, у насъ въ плоть и кровь. Подтвержденіе этой крайней неаккуратности посѣщенія, а потому и плохихъ успѣховъ учениковъ, можно усмотрѣть, между прочимъ, изъ незначительнаго числа окончившихъ и въ сравнительной дороговизнѣ ихъ для школы. Вотъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ 80 и 90-мъ годамъ.

Согласно свѣдѣніямъ отчета попечителя Кіевскаго учебнаго округа за 1887 годъ¹⁾, оказывается, что стоимость окончившагося и учившаго равнялась въ рубляхъ:

	Въ Кіевск. губ.	Подольск. губ.	Волынской губ.	Полтавск. губ.	Черниговск. губ.
Въ сельск. 2 кл. школ. министерства стоимость учившагося	10,8	10,5	6,8	8,3	8,0 руб.
„ окончившаго	218	132	342	198	236 „
Въ сельскихъ однокл. министерства стоимость учившагося	5,6	7,0	7,6	7,7	5 „
„ окончившаго	85,0	91,0	90,4	83,0	81,0 „
Въ земскихъ одноклассныхъ школ. стоимость учившагося	нѣтъ земск. школ.			4,4	4,7 „
„ окончившаго	„ „ „			84	71 „

Дитя охотно пойдетъ держать экзамень, если знаетъ пройденное. Причина неявки къ окончательному экзамену не нежеланіе, а невозможность за отсутствіемъ потребныхъ знаній. Попечитель указываетъ, какъ на причину этого явленія, на слишкомъ раннее выбытіе изъ школы.

Согласно тому же отчету, въ 1887 году выбыло до окончанія школы 15% мальчиковъ и 14 $\frac{1}{4}$ % дѣвочекъ, т. е. одна треть всѣхъ учившихся дѣтей! Оканчиваютъ въ округѣ лишь 6,9% мальчиковъ и 5,8% дѣвочекъ.

Перенесемся въ Бессарабію и тамъ найдемъ тоже. М. В. Неручевъ въ своемъ докладѣ „О статистикѣ народныхъ школъ въ Бессарабіи въ 1888 году“ указываетъ, что средняя стоимость учившагося = 13 р. 80 к., стоимость окончившаго 214 рублей „съ огромными колебаніями этой стоимости для отдѣльныхъ уѣздовъ“.

Исслѣдователь народнаго образованія въ Острогжскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи г. Щербина говоритъ: „Пропуски учебныхъ дней вносятъ не малую неурядицу въ правильный ходъ занятій въ сельскихъ школахъ и являются

1) См. Отчетъ попечителя о состояніи народныхъ школъ за 1887 г. и статью моего покойнаго брата проф. И. Миклашевскаго объ образованіи народномъ въ Кіевскомъ округѣ, Юрид. Вѣстн., 1891 г., № 5.

главной причиной тѣхъ незначительныхъ знаній, какія выносить учащійся, посѣщая школу въ теченіе трехъ-четырехъ зимъ. Они же отчасти вліяютъ на относительно ничтожный процентъ учениковъ, ежегодно получающихъ свидѣтельства объ окончаніи ими курса начального училища. На нихъ, вмѣстѣ съ ограниченностью учебнаго времени, указываютъ, какъ на тормозящія причины правильнаго и успѣшнаго хода занятій, и всѣ учителя“ (стр. 87). „При наличности этихъ двухъ условій, продолжаетъ почтенный изслѣдователь, учебный годъ сводится къ 136 днямъ ученія съ 70 неучебными днями, средняя продолжительность пребыванія въ школѣ 2 года и 3 мѣсяца, а количество получившихъ свидѣтельства лишь 7 % числа учившихся (стр. 121)“. Нечего поэтому и удивляться, что современная народная школа не повысила еще до сихъ поръ сколько нибудь значительно уровня грамотности русскаго сельскаго населенія.

Эти строки были написаны въ 1889 г. Въ настоящій моментъ мы имѣемъ множество излѣдованій по вопросу о томъ, какъ народъ относится къ элементарному образованію. Чтобы ознакомиться со взглядами народа и ихъ эволюціей, заглянемъ хотя бы въ примѣчательныя изслѣдованія, произведенныя московскимъ земствомъ среди населенія московской губерніи т. е. въ средѣ наиболѣе подвинувшейся въ культурномъ отношеніи. Возьмемъ ниже слѣдующія работы: И. П. Боголѣповъ. Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздѣ (М. 1894 г.); Обзоръ двадцатипяти-лѣтней дѣятельности московскаго земства по народному образованію съ 1865 по 1890 г. (М. 1892 г.) и Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи, три выпуска, (последній, 1900 г.), составленные г. Петровымъ. Мы не безъ умысла беремъ эти излѣдованія. Они составлены въ томъ бюро, которое всегда особенно внимательно и любовно относилось къ нуждамъ народа и потратило много силъ, чтобы выяснить русскому обществу необходимость коренныхъ реформъ въ области экономической жизни населенія. Это обстоятельство, какъ сейчасъ увидимъ, привело московскихъ статистиковъ и къ нѣкоторой односторонности, вѣрнѣе къ пессимизму во взглядѣ на постановку народнаго образованія. Но прежде всего разберемъ въ приводимыхъ ими фактахъ и соображеніяхъ.

Г. Боголѣповъ констатируетъ, что обученіе мальчиковъ признается теперь дѣломъ вполне необходимымъ, главнымъ образомъ, изъ соображеній о той пользѣ, какую образованіе можетъ принести, какъ имъ лично, такъ и семейнымъ. (1894 г.) Г. Петровъ въ 1900 г. повторяетъ почти тоже самое. По его словамъ стремленіе современнаго крестьянскаго населенія къ пріобрѣтенію грамотности вызывается экономическими условіями жизни населенія. Всѣ виды промышленности предпочитаютъ имѣть дѣло съ грамотными рабочими и вызванный этимъ на нихъ спросъ объясняетъ стремленіе крестьянъ, какъ главныхъ поставщиковъ трудовой энергіи, къ грамотности. Тотъ же г. Петровъ отмѣчаетъ, что отзывы учителей и учительницъ одинаково свидѣтельствуютъ: „въ значительномъ большинствѣ случаевъ, если экономическія условія и заставляютъ пріобрѣтать грамотность, то не позволяютъ крестьянину идти далѣе этого: удовлетворить съ помощью грамотности потребностямъ умственнаго развитія и воспользоваться ею для расширенія образованія.“ „Отсюда въ свою очередь слѣдуетъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, выводъ, что въ настоящее время, послѣ того какъ пріобрѣтеніе грамотности стало необходимымъ по условіямъ экономической жизни населенія, при чемъ облегчено полученіе ея устройствомъ значительнаго числа школъ, ставится на очередь вопросъ объ устраненіи тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ населенію пользоваться грамотностью въ интересахъ, главнымъ образомъ, духовнаго развитія . . .“

Въ тѣхъ же двухъ изданіяхъ мы находимъ указанія на отношеніе народа къ грамотности дѣвочекъ. По словамъ г. Боголѣпова относительно обученія дѣвочекъ, въ зависимости, вѣроятно, отъ общихъ хозяйственныхъ условій каждой мѣстности и отъ большей или меньшей трудности пользоваться школами, населеніе держалось и держится другой точки зрѣнія: „оно считаетъ, что обучать дѣвочекъ значитъ только расходываться, а не обучать ихъ получать барышъ.“ Г. Петровъ отмѣчаетъ, что въ общемъ, хотя число учащихся дѣвочекъ и увеличивается значительно, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ и женщинамъ мало по малу приходится принимать участіе въ общественно-экономической и промышленной жизни и сталкиваться съ такими условіями, которыми опредѣляется практическая полезность грамотности. Бѣд-

ность и такъ называемыя домашнія обстоятельства т. е. необходимость помогать матери въ хозяйствѣ и въ уходѣ за дѣтьми легче вырываютъ дѣвочку изъ школы, чѣмъ мальчика. По его даннымъ, въ среднемъ на школу въ Московской губерніи въ 1867—8 году дѣвочки составляли 12⁰/₀, въ 1872—76 этотъ процентъ поднялся до 20-ти, въ 1892—6 до 28-ми. Несомнѣнно процентъ наростанія медленный. Процентъ грамотныхъ женщинъ для всей Россіи, какъ мы видѣли по даннымъ переписи 1897 г. составляетъ 13,1⁰/₀, что, по истинѣ, ужасно.

Тотъ же г. Боголѣповъ постарался статистически изучить тѣ причины, которыми обусловливается неграмотность дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 14 лѣтъ. Въ процентахъ значеніе этихъ причинъ онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ.

	Въ московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ		
	мальч.	дѣвоч.	Обоего пола въ 0-хъ
1. Внѣшнія условія ¹⁾ . . .	14,0	11,8	12,4
2. Условія школь ²⁾ . . .	4,6	2,0	3,9
3. Отношеніе населенія ³⁾ . . .	2,8	15,5	12,4
4. Болѣзни и проч. . . .	27,5	7,9	12,6
5. Экономическія условія . . .	33,5	36,5	35,7
6. Семейныя обстоятельства . . .	7,1	22,9	19,1
7. Разныя и случ. прич. . .	5,5	3,4	3,9

Заглянувъ въ данныя двадцатипятилѣтняго обзора, мы находимъ такое указаніе. Процентъ всего обучавшагося въ школахъ населенія къ общей его массѣ въ Московской губерніи 8,6⁰/₀, число окончившихъ съ полученіемъ свидѣтельства 2,0⁰/₀.

По даннымъ г. Петрова за время съ 1891/2 по 1894/5 учебный годъ выбыло всѣхъ учащихся изъ всѣхъ отдѣленій въ теченіи учебныхъ періодовъ въ московской губерніи 15,8 тыс. мальчиковъ и 9,1 тыс. дѣвочекъ; за это же время выбыло во время вакацій, не окончивъ курса, 8,2 и 5,7

1) Отсутствие или отдаленность школъ, отсутствие дороги зимой и т. п.

2) Отказы за недостаткомъ школъ, недовольство школой и т. п.

3) Отсутствие сознанія необходимости ученія, нежеланіе родителей или самихъ дѣтей и т. п.

тыс. мальчиковъ и дѣвочекъ. За тѣже годы было окончившихъ курсъ т. е. со свидѣтельствомъ 13,3 и 3,0 тыс. мальч. и дѣвоч. Всего 37,7 и 18 тысячъ. Какой процентъ составляли выбывшіе съ подраздѣленіемъ по отдѣленіямъ, видно изъ слѣдующаго сопоставленія: изъ старшаго отдѣленія окончившихъ курсъ 37% мал. и 17% дѣв., неокончившихъ 8% и 2%. Изъ остальныхъ 2-хъ отдѣленій 56% мальчиковъ и 80% дѣвочекъ. Другими словами болѣе половины мальчиковъ и болѣе двухъ третей дѣвочекъ оставляютъ школы, не дойдя даже до старшаго отдѣленія.

Тотъ же г. Петровъ на основаніи отчетовъ московской уѣздной управы статистически подсчиталъ причины значительности манкировокъ. Вотъ его данныя и тѣ примѣчанія къ нимъ, которыя онъ дѣлаетъ.

Причины манкировокъ:		Всего за 6 лѣтъ пропущено дней:			
		Мальчик.	% общ. числа.	Дѣвочк.	% общ. числа
Домашнія обстоят., бѣдность, болѣзнь и смерть родит. и родственниковъ, перемѣна мѣста жит., поступ. на фабрику и переходъ въ другую школу					
	106492	43,5	39993	40,1	
Болѣзнь	85168	34,8	36021	36,1	
Холода, распутица, отдаленность отъ школы и малолѣтство . .					
	32367	13,2	17269	17,3	
Нерадѣніе родителей	7045	2,9	1999	2,9	
Лѣность учащихся	4289	1,7	1292	1,3	
Храмов. праздники	4245	1,7	1592	1,6	
Неизвѣстныя причины	5141	2,1	1594	1,6 ¹⁾	
Итого . . .	244747	100,0	99760	100,0	

Отсюда видно, что наибольшее число манкировокъ вызывается „домашними обстоятельствами,“ и болѣзнями учащихся; всѣ же остальные причины обусловливаютъ сравнительно небольшое число манкировокъ. Но какія же это „домашнія обстоятельства,“ которыя заставляютъ пропускать такъ много учебныхъ дней и въ какой мѣрѣ манкировки, вызываемыя

1) По даннымъ уѣздной управы, т. е. при группировкѣ болѣе детальной, указано: по домашн. обст. пропущено дней 92103 м. и 36658 д.; по бѣдности — 12373 м. и 2622 д.; по случ. смерти родит. 329 м. и 325 д.; по болѣзни родств. и родит. — 725 м.; по случ. перемѣны мѣста жительства — 653 м. и 384 д.; по прич. перехода въ другую школу — 86 м. и 3 д.; по случ. поступ. на фабр. 223 м. и 1 дѣв.; по прич. отдаленности отъ школы — 1601 мальчиками и 467 дѣвочками; по прич. холода, распутицы и дурн. погоды 30430 м. и 16652 д.; по малолѣтству — 336 дней пропущено мальчиками и 150 дѣвочками; ост. случаи сгруппированы такъ же, какъ и въ приведенной табличкѣ.

этими обстоятельствами, можно назвать уважительными? Ответъ на эти вопросы дають слѣдующіе отзывы учителей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и то, какъ вообще распредѣляются манкировки по мѣсяцамъ учебнаго года: „Причины подъ названіемъ „домашнія обстоятельства“ и „домашнія работы,“ — пишетъ одинъ изъ преподавателей Серпуховскаго уѣзда, — нельзя назвать вполне извинительными, но въ то же время весьма трудно бороться съ цѣлью искорененія ихъ... Вдѣтъ мать на базаръ или занята какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ, — берутъ дѣтей, дабы нянчить малолѣтокъ. Родители уѣзжаютъ изъ дома за дровами, — опять берутъ для того-же или чтобы такъ посидѣть дома. Не отпускаешь, обижаются и самовольно не велятъ дѣтямъ идти въ школу; разыскиваешь, — дѣти боятся уже и идти въ школу, а родители за то невинно наказываютъ ихъ и съ побоями приводятъ въ школу. Болѣе же всего бываетъ манкировокъ весною и осенью черезъ выкапываніе и посадку картофеля, а также во время заготовки дровъ, молотбы, обработки земли, когда дѣтей также заставляютъ домохозяйствовать.“ Нѣчто подобное находимъ мы и въ другихъ отзывахъ учителей относительно манкировокъ „по домашнимъ обстоятельствамъ“: всѣ почти онѣ вызываются тѣмъ, что въ жизни крестьянина очень часто бываютъ нужны силы и участіе въ трудѣ даже малолѣтнихъ дѣтей: копаніе картофеля, возка дровъ, размотка шелка (въ уѣздахъ Серпуховскомъ и Богородскомъ), сборъ хмѣля (въ Богородскомъ уѣздѣ), поѣздка родителей на базаръ — все это мѣшаетъ правильному посѣщенію ученикомъ школы, заставляя его или участвовать въ трудѣ родителей или нянчить ребятъ и этимъ самымъ „развязать руки“ отца или матери.

На первый взглядъ большинство такого рода причинъ можно признать не достаточно уважительными, какъ это склонны думать и нѣкоторые учителя, полагающіе, что манкировокъ этихъ было бы гораздо менѣе, если бы родители учащихся могли яснѣе понять — „насколько дорогъ не только день, но и часъ для успѣшнаго хода обученія,“ — особенно теперь, при такихъ высокихъ программно-экзаменаціонныхъ требованіяхъ. Однако едва-ли въ этихъ случаяхъ можно обвинять родителей учащихся въ непониманіи пользы своихъ дѣтей и нерадѣніи: „Читая эти во многихъ случаяхъ, очевидно, вполне справедливые отзывы, — говоритъ по этому поводу Серпуховская уѣздная земская управа — нельзя забывать того, что экономическія условія жизни нашего крестьянскаго населенія таковы, матеріальная обеспеченность его такъ мала, что оно не можетъ не стремиться воспользоваться всякимъ представляющимся случаемъ пріобрѣсти лишнюю копѣйку, а потому задерживаетъ дома ребятъ или въ подспорье себѣ для такихъ работъ, которыя допускаютъ трудъ подростковъ, или для замѣны большихъ въ домашнихъ занятіяхъ. Какъ ни представляется это явленіе нежелательнымъ съ точки зрѣнія педагогической, мы должны смотрѣть на него, какъ на вызываемое прямо современными экономическими условіями жизни нашего крестьянина.“

Въ подтвержденіе справедливости сказаннаго замѣтимъ, что къ совершенно почти тождественному выводу по рассматриваемому предмету привело и мѣстное изслѣдованіе 1882 года, которое констатировало, что, — „по единогласному свидѣтельству преподавателей главнѣйшею причи-

ною ученическихъ манкировокъ нужно считать экономическую бѣдность населенія“.

А если это такъ, то самъ собою является вопросъ, можно ли бороться съ тѣмъ зломъ, которое представляется ученическими манкировками помимо средствъ, служащихъ къ общему подъему экономического благосостоянія населенія? Очевидно, что если такая борьба и возможна, то результаты ея едва-ли будутъ особо значительны, такъ какъ устройство ночлежныхъ пріютовъ, какъ это дѣлается въ Клинскомъ уѣздѣ, снабженіе по примѣру Московскаго земства, бѣднѣйшихъ учениковъ обувью — могутъ только отчасти ослабить вліяніе общихъ условій, вызывающихъ главную массу манкировокъ. Однако и такое ослабленіе причинъ, вызывающихъ манкировки, безусловно важно и желательно“ . . .

Теперь попробуемъ разобраться во всѣхъ приведенныхъ данныхъ. Но прежде всего постараемся привести въ рядѣ положеній всѣ возможные возраженія противъ обязательности обученія въ народной школѣ. Тогда намъ легче будетъ и обсудить „экономическій аргументъ“ московскихъ статистиковъ. Такіе вопросы, какъ поставленный, необходимо рѣшать по возможности съ самой широкой соціальной и государственной точки зрѣнія.

4.

Противъ системы обязательнаго обученія въ народной школѣ обыкновенно дѣлаютъ слѣдующія возраженія:

1. Обязательное обученіе ограничиваетъ родительскую власть, государство не вправе проникать въ семейство и уменьшать власть его главы. Внутренній распорядокъ въ предѣлахъ семейной жизни долженъ всецѣло зависѣть отъ отца и матери. Множество семей, стоящихъ за образованіе, при установленіи обязательности сдѣлаются врагами образованія или даже самого государства. Эта система, кромѣ того, нежелательна потому, что примѣняется только къ низшимъ, бѣднѣйшимъ классамъ и не касается классовъ болѣе богатыхъ.

Много лѣтъ тому назадъ извѣстный въ свое время гласный Сапожковскаго уѣзда А. И. Кошелевъ, какъ истинный представитель индивидуалистическаго либерализма, возражалъ противъ обязательнаго обученія такимъ образомъ. „Обязательность можетъ быть умѣстна по отношенію къ платежу податей, къ запрещенію дѣйствій вредныхъ для лицъ,

но совершенно не пригодна при раздачѣ благодѣяній. Грамотность есть благо, выгода. Какъ же тутъ навязывать подѣ страхомъ наказанія блага, выгоды? Тутъ надо дѣйствовать словомъ, убѣжденіемъ, примѣромъ, пособіемъ. Надо людей вообще не уважать, а о себѣ имѣть слишкомъ высокое мнѣніе, чтобы считать себя въ правѣ благодѣтельствовать людямъ противъ ихъ желанія.“

2. Возлагаемая на отца и мать обязанность посылать свое дитя въ школу не можетъ быть согласована со свободою совѣсти, такъ какъ дитя можетъ получить въ школѣ такое религіозное или моральное обученіе, которое родители не желали бы видѣть въ своемъ сынѣ или дочери.

3. Обязательное обученіе даетъ въ руки его организаторовъ такую силу, которой имъ не слѣдовало бы предоставлять. Говоря объ обязательномъ обученіи, извѣстный политическій дѣятель Франціи Бенжаменъ Констанъ говорилъ, что сторонники этой системы *pensent que le gouvernement sera toujours ce que l'on desire. On voit toujours en lui un allié, sans réfléchir qu'il peut devenir un ennemi*, т. е. что они полагають, будто государство всегда будетъ тѣмъ, чего они желаютъ. Въ государствѣ всегда видятъ союзника, не замѣчая, что оно можетъ сдѣлаться врагомъ.

4. Обязательность разрушить дисциплину и вообще всякую возможность вести правильно дѣло преподаванія: школы будутъ наполняться дѣтьми, не желающими учиться и только мѣшающими занятіямъ другихъ.

Государственная обязательная школа самый опасный конкурентъ частной школы и свободы преподаванія. Лучше всего говорить не объ обязательности школы, а дать свободный просторъ частной школѣ и постоянно вести агитацію относительно необходимости народнаго просвѣщенія и знанія.

5. Часто слышатся и такія возраженія. Неграмотность и невѣжество составляютъ послѣдствіе экономической бѣдности населенія. Прежде всего, поэтому, надо озаботиться о поднятіи благосостоянія массъ широкими социальными реформами. При теперешнемъ же капиталистическомъ строѣ хозяйства обязательность обученія можетъ привести къ уменьшенію производства и къ усиленію бѣдности. Наконецъ, при нынѣшнемъ состояніи и количествѣ школъ нѣтъ физической

возможности помѣстить всѣхъ дѣтей и потому обязательность разрушится самою обязательностью.

Постараемся же разобраться въ этихъ полномѣсныхъ, какъ многимъ представляется, возраженіяхъ. Это тѣмъ болѣе необходимо теперь, ибо многія партіи сдѣлали своимъ лозунгомъ: обязательное и бесплатное обученіе и не трудно предвидѣть, съ какой стороны посыпятся подобныя возраженія. Часть ихъ будетъ высказываться реакціонными элементами, часть же крайними, которые любятъ ко всякой пропагандѣ реорганизациі школьнаго дѣла относиться, какъ къ небольшому вопросу, занимающему вниманіе тѣхъ, которые, по выраженію Родбертуса, „пьютъ вино и проповѣдываютъ воду“, говорятъ о школѣ, а не о широкихъ планахъ социализаціи.

Къ 1-му пункту. Въ первомъ возраженіи слѣдуетъ, прежде всего, устранить одно замѣчаніе. Опасеніе, что введеніе обязательности обученія сдѣлаетъ многихъ врагами образованія, не подтверждается опытомъ Западной Европы. Обязательное обученіе, какъ мы видѣли, повсемѣстно тамъ вошло въ жизнь и привлекло въ училища почти всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Произошло это и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, повидимому, наиболѣе всего господствуетъ самоопредѣленіе личности и гдѣ семья имѣетъ наиболѣе важное значеніе: въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Контроль за дѣйствіями родителей не только устранилъ въ этихъ странахъ позорную продажу дѣтей на фабрики, но и съ каждымъ годомъ воспитываетъ тамъ все болѣе здоровое и сознательное населеніе. Въ статьѣ, какъ достигла Англія всеобщаго обученія своего населенія, читатель найдетъ для себя много поучительнаго.

У насъ въ Россіи все приходится пересоздавать. Вопросъ объ отношеніи семьи и государства, частной и государственной школы нуждается въ полнѣйшемъ пересмотрѣ. Въ нашемъ архаическомъ законодательствѣ имѣются мертвыя статьи, которыя какъ бы устанавливаютъ самодержавіе семьи т. е. отца, и отчасти матери, надъ несовершеннолѣтними и даже вполне взрослыми. Фактически же мы имѣемъ дѣло почти съ полнымъ подавленіемъ семьи обществомъ и государствомъ. Такъ статьи десятаго тома гражданскихъ законовъ гласятъ: Ст. 173 — „родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду,

воспитаніе, доброе и честное, по ихъ состоянію“; ст. 173 — „родители должны обращать все свое вниманіе на нравственное воспитаніе своихъ дѣтей и стараться домашнимъ воспитаніемъ подготовить ихъ нравы и содѣйствовать видамъ правительства“; ст. 178 — „постановляетъ, что родительская власть прекращается единственно смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, когда въ послѣднемъ случаѣ дѣти не послѣдуютъ за своими родителями“.

Всѣ мы отлично знаемъ, что семья наша преслѣдовала свои собственныя задачи, не справляясь въ дѣлѣ воспитанія съ тѣми обязанностями, которыя на нее возлагалъ законъ и не думала содѣйствовать видамъ правительства. Послѣднее, напротивъ, какъ изъ низшей, такъ и всякой другой школы, пыталось сдѣлать орудіе содѣйствія видамъ правительства, но изъ этого получился только полный разладъ въ школѣ и постоянныя препятствія къ расширенію образованія.

Теоретическое самодержавіе семьи разрушалось, и при томъ противорѣчиво, той опекой, которой была со всѣхъ сторонъ опутана народная жизнь. Для подтвержденія этого не надобно долго искать примѣровъ; достаточно хотя бы двухъ. Попробуйте напр. разобраться въ правѣ личной подворной собственности. Вы найдете, что подворный участокъ признается общей собственностью крестьянскаго двора или семьи, при томъ семьи не родственной, а рабочей. Съ другой стороны Сенатъ цѣлымъ рядомъ рѣшеній опредѣлилъ, что домохозяинъ, старшій членъ владѣющей подворнымъ участкомъ семьи, имѣетъ право по своему усмотрѣнію избирать тотъ или другой способъ пользованія участкомъ и даже отчуждать, не испрашивая согласія прочихъ членовъ семьи. Въ позднѣйшихъ разъясненіяхъ Сената устанавливается отвѣтственность нераздѣльной собственности семьи по долгамъ и обязательствамъ каждаго изъ членовъ семьи и, въ тоже время, неотвѣтственность подворнаго участка, какъ принадлежности семьи, даже за долги домохозяина. Однимъ же изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ опеки надъ семьей является пресловутый законъ о семейныхъ раздѣлахъ 18-го марта 1886 г. Этотъ законъ имѣетъ своей задачей, въ фискальныхъ и ложно понятыхъ интересахъ благосостоянія, сохранить старую патріархальную крестьянскую семью, поставивъ семейные раздѣлы въ зависимость отъ приговоровъ

сельскихъ сходовъ. Всѣмъ извѣстно, что несмотря на предоставленное закономъ право у крестьянъ, раздѣлившись безъ установленнаго разрѣшенія или вопреки послѣдовавшему запрещенію, отбирать надѣльную землю и лишать ихъ семейнаго имущества, раздѣлы совершались и законъ потерпѣлъ полное крушеніе.

Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, что наша предшествовавшая государственная политика не останавливалась предъ самымъ жестокимъ вмѣшательствомъ въ семейную жизнь, пытаясь искусственно соединить даже несоединимое. Къ возможности введенія обязательнаго обученія, казалось бы, мы такимъ образомъ приучены самой практикой предшествовавшей жизни; печальные результаты, къ которымъ привела эта система опеки, скажутъ мнѣ, должны были бы съ момента освобожденія Россіи служить лишнимъ аргументомъ противъ введенія системы обязательнаго обученія. Я думаю, однако, обратное.

Изъ всякой общественной системы организаціи можно сдѣлать орудіе грубѣйшаго произвола. Если обязательное обученіе будетъ обращено въ систему опеки надъ семьей, въ полицейскій надзоръ за школой, то, конечно, оно принесетъ только зло. Между общественной опекой и общественнымъ контролемъ за образованіемъ существуетъ, однако, громадное различіе ¹⁾. Вмѣшательство государства въ контроль за образованіемъ дѣтей можетъ быть, поэтому, обосновано другими аргументами, которые не стоятъ ни въ какой связи съ требованіями грубаго полицейскаго государства, а вытекаютъ изъ основныхъ положеній правового строя и современныхъ экономическихъ условій. Провозгласивъ принципъ обязательности, надо влить въ самую систему обученія новое содержаніе, придать ему новую организацію. Обязательное обученіе безъ бесплатности школы и безъ разумной свободы школы не принесетъ тѣхъ плодовъ, которые можетъ принести: воспитать разумнаго человѣка, производительнаго работника и гражданина.

Семья въ настоящій періодъ нашей общественности

1) Сравни въ статьѣ III-й, какъ примѣнялся законъ объ обязательномъ посѣщеніи школъ въ Англіи.

остаётся основой государственно-экономической жизни. Государство, однако, не представляет простого механическаго смѣшенія ни семей, ни индивидовъ. Государственная жизнь представляетъ собой продуктъ долгаго совмѣстнаго процесса исторической жизни и становится возможной только потому, что всѣ отдѣльныя общественныя единицы, не смотря на все разнообразіе ихъ функцій, составляютъ единое цѣлое. Жизнь государства можетъ протекать только тогда нормально, если всѣ составляющіе его индивиды, семьи, классы имѣютъ какой либо общій капиталъ знаній, свѣденій, морали, привычныхъ дѣйствій, которыя дѣлаютъ возможнымъ взаимное пониманіе и общеніе интересовъ. Поэтому и слова: „народное образованіе есть интересъ всеобщій“ имѣютъ глубокое значеніе. Всѣ, и каждый въ отдѣльности, заинтересованы въ томъ, чтобы въ предѣлахъ общества не было людей, которые не имѣютъ необходимаго культурнаго запаса человѣческихъ чувствъ, знаній и которымъ недоступна возможность путемъ великаго орудія-грамотности и письма-расширить кругозоръ своего разума. Исходя изъ этихъ соображеній, еще дѣятели французской революціи настаивали, что, разъ всеобщее образованіе представляетъ собою интересъ всеобщій, оно должно быть *безплатнымъ*. Талейранъ въ своемъ докладѣ 1791 года писалъ нижеслѣдующее. „Обученіе слѣдуетъ разсматривать какъ долгъ, который уплачиваетъ общество своимъ согражданамъ; весь вопросъ въ томъ, до какихъ предѣловъ это обученіе должно быть *безплатнымъ*. Единственный видъ обученія, которое общество должно давать съ полной *безплатностью*, тотъ, который долженъ быть общъ всѣмъ, ибо необходимъ для всѣхъ. Стоитъ высказать это положеніе, чтобы убѣдиться въ его правильности, ибо очевидно, что изъ средствъ государственнаго казначейства должны быть взяты суммы, употребляемыя для блага общественнаго. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальное образованіе безусловно необходимо всѣмъ и потому *безплатно*“.

Быть можетъ когда либо и наступитъ счастливое время, когда возможно будетъ открыть для народа и всѣ сокровищницы высшаго образованія, но теперешнее классовое общество можетъ, а слѣдовательно и должно, сдѣлать элементарную народную школу *безплатной* т. е. организовать ее за счетъ государственныхъ средствъ и при томъ такъ, чтобы рас-

ходы на содержаніе школъ не падали на бѣднѣйшіе классы ¹⁾).

Какъ мы видѣли, А. И. Кошелевъ признавалъ, что грамотность благо, и затруднялся только согласиться, „возможно ли народу навязывать блага, выгоды?“ Постановка вопроса, сознаемся, оригинальная и довольно таки курьезная. „Надо вообще людей, говорилъ онъ, не уважать, а о себѣ имѣть слишкомъ высокое мнѣніе, чтобы считать себя вправѣ благотѣльствовать людямъ противъ ихъ желанія“. Намъ думается, что благотѣльствовать народъ „при его желаніи“ было бы еще болѣе самонадѣяннымъ и унижительнымъ. Что это за странное благотѣльствованіе „при желаніи“? Развѣ кто нибудь сознаетъ ясно все то благо, которое доставляется челоуѣку общественной организаціей? Всякая общественная организація и существуетъ только для того, чтобы „благотѣльствовать“; въ этомъ ея задача и основаніе. Все зданіе нашей цивилизаціи держится трудомъ общественныхъ классовъ. Дѣятели французской революціи могли говорить объ уплатѣ какого то долга „обществомъ“ низшимъ, вѣрнѣе бѣднымъ, классамъ населенія. Въ настоящій моментъ мы можемъ разсуждать проще и яснѣе: народное образованіе составляетъ благо и необходимость для каждаго члена государства, а потому и необходимо, чтобы часть общественно-созданнаго продукта была отчисляема на удовлетвореніе этой потребности. Владѣльцы капитала и земли обладаютъ большею долею избыточнаго общественнаго продукта, а, соотвѣтственно, и должны нести большія тяжести налогового обложенія и на удовлетворенія этой общественной потребности.

Никто, конечно не можетъ отрицать значеніе убѣжденія и пропаганды дѣла народнаго образованія, но разъ этому дѣлу поможетъ законодательство, работа пойдетъ быстрѣе, а потому и производительнѣе. Обезопасивая крестьянскій скотъ отъ чумы, бьютъ совсѣмъ „безъ желанія“ его скотъ, предупреждая голодовки заводятъ продовольственные магазины и

1) Въ ближайшемъ же будущемъ настанетъ время озаботиться и о высшей народной школѣ. Значительность затратъ на организацію элементарнаго образованія можетъ нѣсколько задержать это дѣло. Крайне желательно и необходимо, чтобы частная инициатива пришла въ этомъ дѣлѣ на помощь государству и общественнымъ учрежденіямъ.

страхованіе, заботясь объ умаленіи разоряющаго вліянія пожаровъ — вводятъ обязательное взаимное земское страхованіе отъ пожаровъ. Наконецъ, станетъ ли кто-либо спорить въ настоящій моментъ о благодѣтельности введенія государственнаго страхованія рабочихъ на случай смерти, старости, болѣзни и неспособности къ труду при привлеченіи рабочихъ къ участию въ управленіи страховыми кассами наравнѣ съ предпринимателями? Спрашивается же, почему такъ часто и до нынѣ поднимается вопросъ о невозможности навязывать народу блага, выгоды, когда идетъ дѣло о „взаимномъ обязательномъ страхованіи отъ невѣжества“? Обязательная школа, само собою разумѣется, не должна и не можетъ стать во враждебное отношеніе къ родителямъ. Она должна опираться на лучшіе элементы въ общинахъ и, при ихъ посредствѣ, послѣдовательно и при наименьшемъ треніи вовлечь всѣхъ родителей въ конкуренцію по образованію своихъ дѣтей. Народная школа должна быть народнымъ, національнымъ дѣломъ.

Вполнѣ естественно, что, дѣлая народное образованіе бесплатнымъ, путемъ ли созданія собственной школы или чрезъ субсидированіе частной школы, какъ въ Англіи, государство должно прибѣгнуть и къ такимъ мѣрамъ контроля, чтобы трата народныхъ средствъ не производилась безплодно. Какъ увидить читатель ниже, я вовсе не являюсь поклонникомъ полнаго подчиненія личности или семьи государству. Въ томъ постоянномъ возрастаніи правъ общественной организаціи надъ личностью, которое теперь повсемѣстно совершается, я лично вижу только извѣстную стадію историческаго развитія, но не могу не признать, что вмѣшательство государства въ контроль надъ воспитаніемъ дѣтей мнѣ представляется однимъ изъ самыхъ необходимыхъ условій переживаемаго историческаго процесса. Здѣсь дѣло идетъ о правѣ распоряженія ребенкомъ, да къ тому же еще и въ возрастѣ, когда о какомъ бы то ни было самоопредѣленіи и говорить невозможно.

Дитя — это будущій гражданинъ, а, слѣдовательно, сила и надежда государства. Въ данномъ случаѣ, по прекрасному выраженію французскаго министра народнаго просвѣщенія Дюрюи, государство, охраняя права ребенка, защищаетъ самое законное право человѣка: „право на то, чтобы

благодаря небрежности или невѣжеству родителей, не остаться на всю жизнь обреченнымъ невѣжеству, а вслѣдствіе сего, быть можетъ, порокамъ и преступленіямъ.“ „Можно часто слышать, что дурно воспитывать своего ребенка, замѣчаетъ Жюль Симонъ, есть нравственная вина, за которую родителей можетъ карать только совѣсть.“ „Дурное возраженіе,“ продолжаетъ онъ, „вредъ наносится здѣсь третьему лицу и вмѣшательство государства не только справедливо, но и неизбежно, и основательно, ибо предметъ посягательства находится въ такомъ возрастѣ, когда отъ него невозможно ожидать не только сопротивленія волѣ родителей, но даже и сколько нибудь сознательнаго отношенія къ своей судьбѣ.“

Не слѣдуетъ забывать и того, что старая патріархальная семья мало по малу разлагается. Жизнь ставитъ все новыя и новыя требованія. Семья все менѣе и менѣе имѣетъ возможность дать ребенку тѣ новыя знанія, отъ которыхъ будетъ зависѣть будущее ребенка. Жизнь специализируется; за отцомъ въ кругъ промышленныхъ занятій спѣшитъ женщина и мать.¹⁾ Дѣти остаются безъ всякаго призора. Въ тоже время и само дѣло обученія специализируется и опытный классъ учителей въ состояніи передать гораздо лучше, полнѣе и скорѣе весь необходимый запасъ знаній.

Вопли о томъ, что обязательное обученіе касается только низшихъ классовъ, исторически несправедливы. Было время когда у насъ оно примѣнялось къ высшимъ классамъ и принесло свои плоды. Профессоръ Ключевскій²⁾ въ одной изъ своихъ статей, говоря объ обязательномъ обученіи дворянства при Петрѣ I и его преемникахъ, замѣчаетъ: „обязательное обученіе, не давая значительнаго запаса свѣдѣній, приучало дворянство къ процессу выучки, дѣлало его при-

1) По даннымъ Свода фабричн. инспекторовъ за 1901 въ ‰ кѣ общему числу рабочихъ женщины составляютъ въ округахъ: Московскомъ 35,4, Варшавскомъ 31,4 (въ обоихъ округахъ женщины, главнымъ образомъ, работаютъ въ текстильной промышленности), въ С. Петербургскомъ 24,6, Поволжскомъ 18,1, Кіевскомъ 17,8 и Харьковскомъ 15,5 ‰. По даннымъ переписи 1897 г. оказывается, что женщины особенно много работаютъ въ слѣдующихъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности. Въ производствѣ табака на 100 мужчинъ приходится 158,3 жен., въ обработкѣ волоконъ веществъ 70,5 въ химическихъ произв. 35,2, въ изготовленіи одежды 22,0.

2) см. Русская Мысль, 1887, № 2.

вычной сословною повинностью, а потомъ и свѣтскимъ приличіемъ и даже возбуждало нѣкоторый аппетитъ къ знанію. Дворянинъ рѣдко учился съ охотой тому, что требовалось по узаконенной программѣ, но онъ привыкалъ учиться чему нибудь, хотя обыкновенно выучивался не тому, что требовалось по программѣ.“ Само собою разумѣется, что въ наше время школа можетъ быть поставлена совсѣмъ иначе. Она можетъ и должна дать прочныя знанія. Но несомнѣнно, что и низшіе классы пройдутъ по той же дорогѣ. Они привыкнутъ къ процессу выучки и образованіе сдѣлается, при обязательности, чѣмъ то обычнымъ, необходимымъ. Обязательное обученіе, какъ мы видѣли, не считается въ Западной Европѣ приложимымъ въ классамъ, имѣющимъ возможность и желаніе обучать своихъ дѣтей дома, но, во первыхъ, оно не освобождаетъ ихъ отъ контрольнаго экзамена со стороны государства, а, во вторыхъ, при хорошей организаціи народной школы почти всѣ классы стараются отправлять своихъ дѣтей въ народныя школы. Въ Пруссіи, какъ я отмѣчалъ, около 90% всѣхъ дѣтей воспитываются въ народныхъ школахъ и, такимъ образомъ, получается возможность дѣтямъ самыхъ различныхъ классовъ сблизиться въ возрастѣ, когда классовыя различія еще не ощущаются такъ остро. Отсюда ясно, что возраженія, заключающіяся въ первомъ пунктѣ, можно признать неосновательными. Но дѣло въ томъ, что, по существу дѣла, кричащія о святости семьи, обыкновенно имѣютъ въ виду тѣ возраженія, которыя сконцентрированы въ пунктахъ 2, 3 и 4-мъ. Они поднимаютъ вопросъ объ отношеніи государства къ дѣлу народнаго образованія вообще и высказываютъ сомнѣніе въ самой цѣлесообразности этого подчиненія личности обществу. Не является ли обязательное обученіе тѣмъ грядущимъ рабствомъ, по выраженію Спенсера, которое грозитъ уничтожить всякую индивидуальность, подвести всѣхъ подъ одинъ ранжиръ, уничтожить свободу совѣсти и всякую возможность прогресса чрезъ вколачиваніе въ голову дѣтей той классовой морали, которую старается въ собственныхъ же интересахъ сохранить современное государство? На эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить хотя бы въ кратцѣ, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ послѣднему пункту, который трактуетъ о самой осуществимости обязательнаго обученія въ столь бѣдной странѣ, какъ Россія.

Къ 2, 3 и 4-му пунктамъ. Само собою разумѣется, что въ настоящей небольшой статьѣ я не имѣю никакой возможности рассмотреть поставленные вопросы съ той тщательностью, которой они заслуживаютъ. Что государство т. е. вѣрнѣе организованная власть можетъ быть врагомъ своего народа, объ этомъ говорить у насъ не приходится. Мы жили въ эпоху расцвѣта полицейскаго государства и предъ нами плоды его дѣятельности. Въ эпоху новаго нарождающагося строя жизни въ Россіи объ этихъ результатахъ никогда не слѣдуетъ забывать. Въ такую эпоху, какъ переживаемая нами, къ старому либерализму относятся съ пренебреженіемъ. На мѣсто личнаго самодержавія ставится народное самодержавіе и къ завѣтамъ либерализма относятся скептически. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что имъ внесена въ міръ и глубокая истина, что всякая общественная организація существуетъ не для себя самой, не для какого коллективнаго цѣлаго, толпы, а для индивида, для возможности свободнаго существованія личности въ общественныхъ предѣлахъ. Въ этомъ культъ личности и свободной конкуренціи часто, вѣрнѣе почти всегда, игнорировались различія въ условіяхъ самой возможности обнаруженія своей личности. Теперь социализаціей отношеній пытаются исправить ошибки либерализма, но никогда не слѣдуетъ забывать о личности, ибо всякая масса только тогда разумна, если она состоитъ изъ разумныхъ личностей.

Мнѣ вздумалось недавно пересмотрѣть нѣкоторые труды представителей французскаго либерализма. Я остановился на Бенжаменѣ Констанѣ, работы котораго мнѣ пришлось читать въ періодъ моей юности, въ студенческіе годы въ Московскомъ университетѣ. Бенжаменъ Констанъ жилъ во время революціи. Онъ не любилъ ни конвента, ни директоріи и ненавидѣлъ якобинцевъ. По его мнѣнію „существовала одна причина, которая доводила до гибели правительства и народы; причина эта была произволъ или другими словами неограниченная власть“. Пережитое имъ въ эпоху революціи положило отпечатокъ на всю его жизнь. Въ немъ и въ Ройе-Колларѣ Франція нашла энергичнѣйшихъ сторонниковъ свободы совѣсти, свободы печати, свободы ассоціацій. Предъ моими глазами лежитъ его „Курсъ конституціонной политики“ со введеніемъ, написаннымъ зна-

менитымъ индивидуалистомъ Эдуардомъ Лабулэ и авторомъ книги „Государство и его предѣлы“. Расцвѣта либерализма въ духѣ этихъ писателей мы почти не имѣли. Нашъ либерализмъ очень рано проникся ученіями исторической школы въ Германіи и принялъ характеръ соціальнаго либерализма. Той свѣжести убѣжденій, которая такъ характерна для отмѣченныхъ писателей, у насъ никогда не было. Русскому читателю не мѣшало бы заглянуть въ ихъ старыя, но краснорѣчивыя страницы.

Бенжаменъ Констанъ требовалъ полнаго невмѣшательства во все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ убѣжденіямъ, вѣрованіямъ и знаніямъ, такъ какъ „правительство, по его мнѣнію, состоящее изъ людей одинаковыхъ по природѣ съ тѣми, которыми оно управляетъ, не обладаетъ большимъ съ ними запасомъ неоспоримыхъ убѣжденій, твердыхъ вѣрованій и непогрѣшимыхъ знаній“. Лабулэ упрекаетъ его только въ томъ, что, „борясь противъ всемогущества государства, онъ игнорировалъ значеніе ассоціаціи“. „Ошибка нашихъ политиковъ, пишетъ онъ, — это неумѣніе понять, какое множество вещей должно находиться въ рукахъ общества, а не государства: къ числу ихъ принадлежатъ церкви, школа, богадѣльня. Право и обязанность поддерживать ихъ должно принадлежать ассоціаціи. Она могла бы послужить средствомъ пріучить гражданъ къ среднему роду жизни, представляющему промежуточную ступень между уединеніемъ частной жизни и волненіями жизни общественной. Это дало бы возможность побѣдить ихъ эгоистическія наклонности и заранѣе пріучиться относиться къ интересамъ общественнымъ, какъ къ своимъ собственнымъ. До тѣхъ поръ, пока намъ не удастся ввести въ государство началъ ассоціаціи, всѣ наши реформы будутъ тщетными; передъ лицомъ государства останутся по прежнему люди, лишенные гражданскаго мужества и способности оказывать сопротивленіе, уподобляющіеся пыли въ хорошую погоду и грязи во время бури“.

Характеризуя воззрѣнія Констана и Коллара, Лабулэ пишетъ въ концѣ своего введенія: „Полусвобода и неполная истина, это противоестественное сліяніе силы съ ложью, сліяніе, таящее въ себѣ вражду двухъ непримиримыхъ враговъ. Соединеніе церкви и государства, воспитаніе захва-

ченное государствомъ, печать оберегаемая отъ собственныхъ увлеченій — все это заблужденія, порождающія только несогласія . . . И наоборотъ отдѣлите церковь отъ государства и религіозные споры, въ продолженіи пятнадцати вѣковъ волнующіе міръ, стихнутъ какъ по мановенію волшебства . . . Допустите свободу образованія и вы разомъ положите конецъ безпокойству духовенства и преслѣдованію мысли . . . Предоставьте избирателямъ самимъ производить выборъ своихъ представителей и вы будете знать, чего желаетъ страна, а до того времени вы будете слышать только эхо своего голоса, бесполезнаго въ смыслѣ назиданія и безсильнаго въ случаѣ опасности. Предоставьте свободу печати — печатать будутъ много, поднимется шумъ, пыль и дымъ и въ тоже время разомъ исчезнетъ призракъ, устрашающій правительства. Совершенная гласность потревожитъ безъ сомнѣнія излишнюю безпечность однихъ людей и нарушитъ расчеты другихъ, но благодаря ей утвердится господство общественной совѣсти. И безъ ея наблюденія, незамѣнимаго ни въ какомъ отношеніи и не стоящаго ничего, представляющаго въ настоящее время высочайшій интересъ въ странѣ, въ которой недавно почиталась только честь, безъ этого невозможно развитіе жизни . . . Для того, чтобы почувствовать себя взрослыми, мы должны пойти сами и, хотя бы намъ приходилось самимъ нѣсколько разъ упасть, мы оставимъ эти помочи, которые вселяютъ чувство робости и стѣсняють движеніе. Личность получаетъ значеніе главнымъ образомъ по отношенію къ своей отвѣтственности. Все, что ослабляетъ отвѣтственность, смущаетъ человѣка, мѣшаетъ ему понять, чего онъ хочетъ и дѣлать то, что онъ желаетъ и можетъ. Полнѣйшая свобода и строжайшая самоотвѣтственность девизъ каждой свободной страны.“

Я нарочно сдѣлалъ эти длинныя выписки. Необходимо постоянно и настойчиво повторять, что государство безъ творческой индивидуальной энергіи гражданъ, безъ свободной ассоціаціи ихъ существовать нормально не можетъ. Но я высказываюсь за обязательное обученіе потому, что вижу въ немъ средство, и при томъ при настоящихъ условіяхъ, исторически необходимое именно для достиженія этой цѣли. Только просвѣщеніе и пріобрѣтеніе орудій, дающихъ возможность его полученія, способны поднять культурный уровень

личности и жизни страны вообще. Въ невѣжественной странѣ дремлетъ инициатива, ассоціаціи не растутъ, а создавшіяся въ минуту экстаза затѣмъ не укрѣпляются и рушатся, сознаніе права меркнетъ. Обязательное обученіе и есть то средство, при помощи котораго государство въ состояніи выполнить свою историческую задачу. Я не вполнѣ согласенъ съ Бенжаменомъ Констаномъ, будто правительство представляетъ собою нѣчто вполнѣ одинаковое съ массой гражданъ, которые его выбрали. Всякая общественная организація „должна“ давать странѣ лучшихъ людей. Правда, иногда этого не бываетъ, но далеко не всегда. Чѣмъ здоровѣе народная жизнь, чѣмъ она просвѣщеннѣе, тѣмъ болѣе здоровыя и талантливыя элементы попадаютъ и въ администрацію. Демократія не всегда бываетъ охлократіей: къ ней тяготѣетъ только невѣжественная толпа. Демократія также имѣетъ свою аристократію разума и власти, которая часто можетъ быть ниже выдающихся представителей даннаго народа, но за то выше средняго человѣка толпы. Потребность вмѣшательства государства въ дѣло народнаго образованія сказалась повсемѣстно. Въ предшествовавшемъ параграфѣ мы видѣли, что большинство матерей нашего народа поголовно безграмотно и средній представитель этого народа видитъ въ этомъ что-то естественное и неизбѣжное. Молодое поколѣніе обоого пола слишкомъ рано поступаетъ въ борьбу за существованіе и государство не можетъ съ этимъ не бороться. Даже страны съ такимъ развитіемъ личной инициативы, какъ Англія и Америка, убѣдились, что безъ вмѣшательства государства не вырвать ребенка изъ пути невѣжества и тьмы. Современное законодательство повсемѣстно начинаетъ охранять интересы ребенка и матери. Найдется ли кто либо теперь среди интеллигенціи, кто рѣшится утверждать, что почти поголовная безграмотность русской женщины не составляетъ величайшаго несчастья для всей нашей страны?

Въ слѣдующей статьѣ читатель можетъ найти любопытныя данныя по исторіи англійской народной школы, которая вполнѣ подтверждаетъ мой взглядъ. Англія сумѣла соединить вольную школу съ обязательнымъ обученіемъ; она возложила обязанность заботиться о школахъ и на мѣстное, и на центральное управленіе и чрезъ раздачу субсидій за счетъ государственнаго казначейства вызвала конкуренцію

между вольной и земской школой¹⁾. Ей не удалось вполне разрѣшить религіознаго вопроса, но такіе проблемы и не рѣшаются такъ легко и просто, какъ кажется. Въ той же статьѣ читатель найдетъ ту программу народной школы, которая служить основаніемъ для сужденія о плодотворности дѣятельности школы. Программа носитъ вполне свѣтскій характеръ и государство, слѣдовательно, не берется быть судьей въ вопросахъ совѣсти и морали.

Этотъ принципъ долженъ быть положенъ въ основу всякой обязательной школы. Обязательная школа съ обязательною школьною моралью и съ обученіемъ въ духѣ такъ называемой господствующей религіи, конечно, существовать не можетъ. Принципъ обязательной школы вовсе не требуетъ того или иного обученія религіи. Мѣстные общины и родители всегда должны имѣть въ школѣ свой голосъ въ этихъ вопросахъ: имъ можетъ и должно быть предоставлено требовать или отказываться отъ религіознаго обученія. Духовенство каждой религіи должно само проявлять достаточно энергіи въ дѣлѣ пропаганды того, что ему наиболѣе свято.

Гораздо сложнѣе разрѣшеніе другого вопроса. Всякая школа не можетъ существовать безъ преподаванія того или иного моральнаго кодекса. Школа не можетъ и не должна давать только одну грамоту и знанія. Нѣтъ возможности найти такого человѣка, который не имѣлъ бы того или иного нравственнаго облика. Всякій преподаватель невольно передастъ своимъ ученикамъ то, что онъ чувствуетъ и думаетъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ приходится разрѣшать себѣ цѣлый рядъ самыхъ сложныхъ нравственныхъ вопросовъ. Ни одинъ учитель не можетъ избѣгнуть того, чтобы не быть человѣкомъ. Враги обязательнаго обученія и ставятъ въ вину классовому государству проповѣдь „классовой морали.“ Въ этомъ обвиненіи, однако, слишкомъ много предвѣщаній. Прусская школа не задержала развитіе социаль-демократіи не смотря даже на свой клерикальный характеръ. Она сдѣлала германскій народъ болѣе сознательнымъ, болѣе сдержаннымъ, умѣющимъ работать и послѣдовательно достигать своихъ цѣлей. До тѣхъ поръ, пока существуютъ въ обществѣ борящіеся интересы, несомнѣнно и государственная

1) См. слѣдующую статью о народной школѣ въ Англіи.

школа будетъ отражать на себѣ ихъ вліяніе. Изъ этой дилеммы выхода, однако, не найти другого кромѣ того, который знаетъ Западная Европа. Она даетъ свободу низшей и высшей частной школѣ, воспитываетъ въ атмосферѣ критики и свободы преподавателей, предоставляетъ право родителямъ самимъ воспитывать дѣтей и требуетъ только контрольнаго экзамена въ тѣхъ наукахъ, которыя непричастны къ морали, не могутъ быть изучаемы подъ угломъ зрѣнія какой либо партіи. Чѣмъ здоровѣе становится окружающая общественная атмосфера, чѣмъ лучше становится организованнымъ государство, тѣмъ возможность вколачиванія какой либо морали становится труднѣе. Государственная школа не можетъ быть долго въ полномъ противорѣчій съ тѣми нравственными идеями, которыя циркулируютъ въ обществѣ, которое знаетъ свободу и умѣетъ ею пользоваться. При такихъ условіяхъ крики о вколачиваніи „классовой морали“ — всегда надо принимать съ осторожностью . . . ¹⁾.

1) Въ отчетѣ американскаго комиссара по народному образованію помѣщена любопытная рѣчь президента Гарвардскаго Университета о результатахъ принесенныхъ народной школою. Вотъ что говорилъ онъ: „Толпа всегда обнаруживаетъ опасную склонность къ внезапному обнаруженію ненависти или, что еще хуже, къ внезапному чувству ужаса; любая страсть способна преодолѣть чувство ответственности и на мгновеніе устранить чувство благоразумія и состраданія. Никогда еще мы не пережили такого времени, какъ теперь, когда масса чувствъ и желаній можетъ быть внезапно соединена, когда сила массъ можетъ сосредоточиться въ извѣстный моментъ для данной цѣли. Противъ этой силы есть только одна вѣрная защита — народная школа. Массы народа слѣдуетъ научить пользоваться своимъ разумомъ, видѣть истину, любить справедливость и состраданіе. Наша школа этого достигла. Въ послѣднюю стачку рудокоповъ, которая удвоила стоимость необходимыхъ средствъ къ существованію и вызвала со многихъ сторонъ обвиненія и страхъ, поведение большинства народа было, однако, спокойно и благоразумно. Народъ не сталъ на сторону ни одной изъ борящихся сторонъ, спокойно созерцалъ печальную борьбу, не слушался никакихъ дурныхъ совѣтовъ, не прибѣгалъ ни къ какимъ неконституціоннымъ средствамъ; онъ несъ потери и ждалъ пять мѣсяцевъ, пока борящіеся не пришли къ тому методу разслѣдованія, обсужденія и взаимнаго примиренія интересовъ, къ которому слѣдовало прибѣгнуть ранѣе. Стачка эта показала или вѣрнѣе служить прекрасной иллюстраціей того самообладанія, которое обнаружилъ народъ при весьма возбуждающихъ условіяхъ“. Не слѣдовало бы забывать этого и у насъ. Соціальная реформа можетъ быть проведена въ жизнь только просвѣщенной и выдержанной, настойчивой демократіей.

Къ 5-му пункту. Какъ экономистъ я, конечно, не стану отрицать того громаднаго значенія, которое имѣетъ народное благосостояніе. И въ ту минуту, когда въ странѣ на очередь поставлены самыя широкія экономическія реформы, я готовъ привѣтствовать всѣ разумныя попытки въ этомъ направленіи. Однако, я по прежнему остаюсь при мнѣніи, что ждать пока эти социальныя реформы принесутъ свои плоды съ дѣломъ народнаго образованія невозможно. Я убѣжденъ даже, что самыя широкіе социальныя планы не принесутъ желанныхъ результатовъ, если рядомъ не будетъ идти въ народъ свѣтъ при посредствѣ народной школы.

Я живо помню то время, когда появилась брошюра г. Боголѣпова. Впечатлѣніе было очень сильное. Нашелся, однако, и въ то время человѣкъ, который во всеоружіи своего педагогическаго опыта рѣшился тогда возражать. Такимъ человѣкомъ былъ извѣстный В. П. Вахтеровъ¹⁾. Его мысли сохраняютъ свое глубокое значеніе и до нашихъ дней. Вотъ что онъ писалъ: „Если бы согласиться съ выводами нашихъ изслѣдователей народной жизни, что роковымъ, главнымъ и единственнымъ факторомъ даже въ развитіи простой грамотности служить степень экономическаго благосостоянія народа, то намъ пришлось бы слишкомъ долго ждать того момента, когда избытокъ народнаго благосостоянія будетъ признанъ совершенно достаточнымъ для повсемѣстнаго развитія народнаго образованія. Къ счастью, ни факты, ни цифры не даютъ никакого основанія къ такому рѣшительному выводу и только предвзятая точка зрѣнія могла привести нѣкоторыхъ изслѣдователей къ заключенію, полученному иногда путемъ очевидныхъ натяжекъ. Мы нигдѣ не встрѣчали, чтобы увеличеніе крестьянскаго благосостоянія вдвое, во сколько угодно разъ сопровождалось усиленіемъ всегда низкой степени грамотности болѣе, чѣмъ вдвое.

Нельзя не согласиться съ г. Вахтеровымъ, что даже въ трудѣ самого г. Боголѣпова можно замѣтить не мало недомѣний. Такъ онъ даетъ табличку, которая старается показать, какое вліяніе имѣетъ близость школы къ мѣсту жительства. Вотъ она:

1) См. его брошюру: „Условія распространенія грамотности въ народѣ“, Москва, 1895 г.

**Грамотность среди дѣтей 9—14-лѣтняго возраста по разсто-
янію селеній отъ школъ (въ процентахъ).**

Число верстъ отъ училища.	По Московскому у.			По Можайскому у.		
	мал.	дѣв.	об. п.	мал.	дѣв.	об. п.
0 — 0,5	90,6	58,6	75,5	85,7	28,7	55,7
0,6—1	84,2	33,2	59,3	83,9	26,7	54,2
1,1—2	83,0	36,7	59,9	79,5	17,7	47,9
2,1—3	77,4	26,6	51,3	72,4	9,9	42,6
3,1—5	77,4	19,5	47,8	69,0	12,8	41,9
Свыше 5 в.	39,2	6,2	32,8	60,8	10,8	35,8

Вахтеровъ имѣлъ полное основаніе сдѣлать выводъ, что, при наличности сознанія мѣстнаго населенія въ необходимости грамотности и при достаточномъ числѣ училищъ, огромное большинство дѣтей будетъ посѣщать школу, не смотря ни на какія препятствія . . . , ни на семейныя обстоятельства, ни на что другое, если школа будетъ близко отъ мѣстъ жительства. Разсмотрѣніе данныхъ приведенныхъ г. Петровымъ также показываетъ, что бѣдность далеко не служитъ главной причиной непосѣщенія школъ. Онъ стремится подвести домашнія обстоятельства подъ понятіе бѣдности, но эти „домашнія обстоятельства“ есть нѣчто столь растяжимое, на что ссылаются родители всѣхъ странъ, стараясь скрыть свои своекорыстные интересы и небрежность. Опытъ западныхъ странъ показываетъ, что этотъ элементъ играетъ немаловажную роль въ жизни и намъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній самообольщаться, что и среди нашего крестьянства и фабрично-заводскаго населенія увеличеніе благосостоянія такъ сразу уничтожитъ всякую рутину, небрежность, нажитыя вѣчками. Разъ обученіе будетъ организовано бесплатно, трага средствъ со стороны родителей будетъ облегчена за счетъ болѣе богатыхъ классовъ, обученіе при достаточномъ количествѣ школъ, въ особенности въ такой земледѣльческой странѣ, какъ наша, гдѣ долгая зима проводится съ ограниченнымъ количествомъ работы, не представитъ серьезныхъ затрудненій, сдѣлается привычной обязанностью и принесетъ скоро свои плоды. Въ тоже время общественная помощь не должна медлить: сама школа и частная благотворительность можетъ обязана и придти съ пособіемъ въ случаяхъ крайней бѣдности и безпомощности. Не стану и

напоминать, что для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, должны быть установлены въ ближайшемъ же будущемъ и болѣе строгіе законы по примѣру западныхъ государствъ. Опытъ давно показалъ, что школьные успѣхи выгодны не только для работника, но и для самого предпринимателя.

Само собою разумѣется, что аргументъ относительно уменьшенія производства и усиленія бѣдности не принадлежитъ московскимъ статистикамъ. Это старый аргументъ всѣхъ противниковъ фабричнаго законодательства и всѣмъ извѣстно теперь, что онъ лживъ. Всѣ знаютъ, что обученіе дѣтей создаетъ болѣе сильное поколѣніе въ жизненной борьбѣ, не остается безъ вліянія и на заработной платѣ родителей. Къ утѣшенію сторонниковъ такихъ возраженій можно также сказать, что большая отвѣтственность родителей можетъ даже нѣсколько сократить приростъ населенія.

Не буду спорить съ московскими статистиками. Они дѣлали хорошее дѣло, стараясь доказать необходимость широкихъ соціальныхъ реформъ. Постоянно настаивая на развитіи и поддержаніи крестьянскаго хозяйства, они стояли на вѣрной дорогѣ. Въ демократическомъ государствѣ частная собственность можетъ выполнять свою миссію, какъ организаціонный общественный принципъ, только распространяясь послѣдовательно на все большіе круги и создавая въ крупныхъ предпріятіяхъ все болѣе благопріятныя условія по части заработной платы и всѣхъ условій служебной жизни. Въ противномъ случаѣ всегда будутъ стремленія захватить землю и капиталъ путемъ конфискаціи. Собственность, какъ организаціонный принципъ, потеряетъ смыслъ и борьба за счастье и свободу извратится въ борьбу за власть для конфискаціи собственности, въ борьбу, въ которой на долгое время можетъ померкнуть вся цивилизація. Если московскіе статистики и высказывались иногда слишкомъ категорично, игнорируя хотя бы то обстоятельство, что бѣдная Італія не побоялась ввести у себя обязательное обученіе и не безъ успѣха, то это нисколько не задерживало земской работы на пользу народнаго образованія. Не въ ихъ силахъ было привлечь государство къ этому дѣлу, а безъ помощи государства средствъ добыть было невозможно. Средства были, но они направлялись совсѣмъ не туда, куда было нужно. Въ пучинахъ Тихаго океана и на поляхъ Манджуріи мы растратили такой капиталъ, за счетъ

котораго вся Россія давно могла бы имѣть не только элементарную, но и высшую народную школу. Для настоящаго времени, когда многія реформы намѣчены, надобно аргументировать, однако, нѣсколько иначе. Слѣдуетъ безъ конца повторять, что оздоровленіе экономической жизни необходимо, но что всякія соціальныя реформы могутъ оказаться безплодными безъ народной школы. У насъ потрачено уже достаточно силъ, чтобы доказать, что производительность возрастаетъ съ ростомъ сознательности работника.¹⁾ Теперь слѣдуетъ безъ конца твердить, что народное образованіе необходимый элементъ всякой соціальной реформы. Не легко надѣлать народъ землей: — надо, чтобы земля попала въ руки хозяевъ, которые сьумѣютъ и въ состояніи будутъ ей дать надлежащее употребленіе. Не только надо разумно и въ возможныхъ предѣлахъ сократить рабочій день, но необходимо создать возможность и воспользоваться наличнымъ досугомъ для самообразованія и технической выучки. Чѣмъ производи-

1) Въ любопытной рѣчи, произнесенной американскимъ посланникомъ Joseph Choate при Сень-Джемскомъ Дворѣ — въ Оксфордскомъ Университетѣ въ 1903 г., читаемъ: „конституція штата Ньюйоркъ требуетъ, чтобы законодательство штата давало средства для организаціи и поддержанія системы свободныхъ народныхъ школъ, гдѣ всѣ дѣти могли бы обучаться. Это постановленіе представляетъ простое выраженіе общей политики всѣхъ штатовъ, которые всѣ одинаково признаютъ, что государство обязано давать дѣтямъ, безъ различія пола, обученіе на общественный счетъ до той поры, пока они не приобрѣтутъ способности самостоятельно вести борьбу за существованіе. Безъ такого постановленія, какъ намъ всѣмъ представляется, наша общественная система, покоящаяся на всеобщемъ избирательномъ правѣ, не могла бы держаться и не могла бы быть прочной. Соотвѣтственно условіямъ жизни родителей, каждое дитя, безъ всякихъ тратъ со стороны родителей, проходитъ послѣдовательно первоначальную школу грамотности и высшую школу и тѣмъ получаетъ подготовку не только къ узкимъ требованіямъ своей личной жизни, но также и къ исполненію общественныхъ обязанностей, возлагаемыхъ всеобщимъ голосованіемъ . . . Вся комбинированная умственная энергія страны сосредотачивается въ народной школѣ и изъ нея путемъ естественнаго отбора вырабатываются тѣ настоящіе гении, таланты и способности, которые благодаря потребностямъ вѣка необходимы для развитія современной жизни. Народная школа, главнымъ образомъ, создала намъ тѣхъ инженеровъ, изобрѣтателей, механиковъ, ученыхъ практиковъ, которые направляли наше матеріальное развитіе.“ См. Report of the Commissioner of Education, 1905 г.

тельно становится работникъ, тѣмъ болѣе становятся возможны и плодотворны социальныя реформы. Поэтому, дѣло народнаго образованія откладывать нельзя до подъема народнаго благосостоянія. Всѣ средства должны быть напряжены для созданія народной школы. Безъ сомнѣнія, на это уйдетъ не мало времени также, какъ и на экономическое оздоровленіе страны. Мнѣ представляется, однако, что провозглашеніе принципа обязательнаго обученія является неотложной задачей, и по слѣдующимъ основаніямъ. Во первыхъ, провозглашеніе этого принципа поведетъ къ установленію того основнаго положенія, что государство начнетъ отчислять земству ежегодно суммы для расширенія школьной земской сѣти, для организаціи необходимаго для каждой мѣстности запаса школъ. Другими словами, не только земство, но и государство приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Во вторыхъ, долженъ быть составленъ планъ постояннаго увеличенія расхода на школы и система раздачи государственныхъ назначеній на это дѣло. Въ третьихъ, придется законодательнымъ порядкомъ нормировать трудъ малолѣтнихъ дѣтей, всемѣрно стараясь освободить отъ труда дѣтей школьнаго возраста.¹⁾ Я не пишу плана осуществленія обязательнаго обученія²⁾ Я стараюсь только показать, что безъ него освободительное движеніе идти не можетъ. Интересы родины этого требуютъ.

Померкшее временно въ туманѣ административнаго произвола и въ шумѣ классовой борьбы сознаніе обязанностей предъ родиной скоро воскреснетъ во всѣхъ классахъ и тогда начнется энергичная творческая работа. Само собою

1) Правда по даннымъ послѣдняго свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 г. малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ составляли въ общемъ числѣ рабочихъ — мальчики 1,2 и дѣвочки 0,8, подростки отъ 15—17 лѣтъ 5,3 и 3,3⁰/₀, но эти данныя относятся только къ 1,600 тыс. рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ. Общее же число показавшихъ себя при переписи 1897 г. рабочими и прислугой опредѣляется въ 9,156,080 человекъ.

2) По моему частное лицо и составить такого прозекта не можетъ безъ обсужденія этого вопроса въ законодательномъ собраніи по полученіи отвѣтовъ отъ всѣхъ земствъ и учреждений, завѣдующихъ народной школой. Поэтому я не стану и входить въ обсужденіе прозекта г. Куломзина.

разумѣется, что всякая реформа не можетъ войти въ жизнь сразу. Читатель убѣдится въ этомъ изъ нижеслѣдующаго изложенія исторіи народной школы въ Англіи.

III.

Какъ и на какихъ началахъ достигла Англія всеобщаго обученія своего населенія¹⁾.

Едва ли я ошибусь, сказавъ, что опытъ всѣхъ европейскихъ народовъ въ настоящемъ столѣтіи неопровержимо доказалъ, какое важное значеніе имѣетъ государственная организація народнаго образованія. Безъ послѣдняго немислимо ни правильное гражданское развитіе, ни благосостояніе, а именно эти двѣ задачи — благосостояніе и развитіе гражданственности — составляютъ первѣйшую характеристику культурныхъ народовъ. Д. С. Милль съ полнымъ основаніемъ говорилъ, что слабое развитіе общественныхъ и социальныхъ чувствованій среди всѣхъ, а въ томъ числѣ и среди низшихъ классовъ населенія, составляетъ отнюдь не неизбѣжное явленіе, а является прямымъ результатомъ несовершеннаго образованія. Теперь спорятъ объ якобы вредномъ вліяніи народнаго образованія только люди или сами необразованные, или тѣ, которые желаютъ своекорыстно пользоваться народнымъ невѣжествомъ. Укоренившееся сознаніе глубокой важности народнаго образованія почти повсемѣстно привело къ государственной организаціи этого дѣла. Только при такой

1) Настоящая статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи слѣдующихъ матеріаловъ: *Final Report of the Commissioners appointed to inquire into the Elementary Education Acts*. London, 1888; *Report of the Commissioner of Education for the year 1891—92*, Washington, 1894 и, тѣ же репорты съ 1893 по послѣдній 1903 г. Wash. 1905. *Mathew Arnold-Reports on Elementary Schools 1852—1882*; London, 1889; *Report on compulsory Education in Canada, Great Britain and United States*, Toronto, 1891 г. Кромѣ того въ нашемъ распоряженіи была обширная брошюрная литература, вызванная послѣдними событіями въ лондонской школьной управѣ. Съ наибольшимъ безпристрастіемъ исторія борьбы, происходившей въ этой управѣ по поводу вопроса о религіозномъ обученіи изложена Е. Le Clerc въ его статьѣ: *Le combat religieux au School Board de Londres*, см. *Annales de L'Ecole Libre des sciences politiques*, 1895, № 2.

постановкѣ дѣла, какъ показали опытъ, возможно осуществленіе двухъ основныхъ началъ правильной организаціи народнаго образованія, а именно — его всеобщности и безплатности. Если можно сказать, что сознаніе о необходимости народнаго образованія уже болѣе или менѣе укоренилось, то можно смѣло утверждать, въ то же время, что безконечные споры о томъ, кто и какъ долженъ давать это образованіе, до сихъ поръ задерживаютъ успѣшное его развитіе. Въ этомъ отношеніи изученіе опыта другихъ странъ особенно полезно для насъ, русскихъ, гдѣ дѣло правильной постановки народнаго образованія, несмотря на во многихъ отношеніяхъ непримѣрныя усилія земства, еще представляетъ поле, на которомъ надо работать и работать не переставая. Русскимъ земствамъ не достаетъ пока сильной и единой государственной помощи. Только участіе государства, нравственное и юридическое, выражающее въ созданіи общаго закона по этому предмету для всей имперіи, и матеріальное, выражающееся въ пожертвованіи дополнительныхъ средствъ на дѣло народнаго образованія, можетъ сдѣлать грамотность всеобщою, не дожидаясь тѣхъ счастливыхъ временъ, когда народъ разбогатѣетъ. Народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій и только при сильной нравственной и матеріальной помощи государства возможно поставить это дѣло надлежащимъ образомъ. Если, какъ выразился г. Вахтеровъ, „нашъ богато одаренный народъ еще до сихъ поръ остается до отчаянности невѣжественнымъ“, то это во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ того, что до сихъ поръ государство почти не принимало участія въ этомъ дѣлѣ. Только сознавъ, что народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій, только употребляя значительныя средства на это дѣло изъ общихъ государственныхъ средствъ, мы получимъ возможность устранить рѣшительно ту массу невѣжества, которая, находясь, безъ сомнѣнія, въ зависимости отъ общей бѣдности народа, въ то же время, не даетъ возможности что-нибудь дѣлать для устраненія этой бѣдности. Извѣстный Н. А. Корфъ когда-то писалъ: „продлите невѣжество народа до тѣхъ поръ, пока наступитъ достатокъ! Но когда же прекратится бѣдность, если главный корень ея (мы сказали бы одинъ изъ важнѣйшихъ корней ея) именно въ невѣжествѣ народа, ведущемъ къ дурной обработкѣ почвы, къ неряшливости въ

хозяйствѣ, пьянству, неустойчивости въ условіяхъ, нечестности въ торговлѣ, суевѣріяхъ всякаго рода? Вы хотите уменьшить бѣдность, а противитесь школамъ; остается думать, что вы шутите . . .“ И это злая шутка: сами крестьяне, приобретя грамотность и научившись пользоваться ею нѣкоторое время, начинаютъ понимать, какое могучее орудіе дается имъ въ руки знаніемъ. Увеличеніе матеріальнаго благосостоянія составляетъ основу государственной политики, но что можно сдѣлать безъ грамоты, безъ школы. Въ государственную смѣту 1895 года впервые было внесено 3 мил. рублей на церковно-приходскія школы изъ общихъ имперскихъ средствъ. Ассигновка эта, повторявшаяся и въ другіе годы, могла бы имѣть важное принципіальное значеніе, если бы въ ней не обнаруживалось желаніе отдать, безъ всякаго даже разумнаго контроля за расходываніемъ средствъ, народное образованіе въ руки духовенства и направить его въ тенденціозную сторону. Рано или поздно русское общество получить давно желанную политическую свободу и тогда правовое государство возьмется съ большей энергіей и силой за дѣло народнаго образованія.

Всѣ политическія партіи поймутъ, что народное образованіе — интересъ всеобщій и тогда ассигновка изъ государственнаго бюджета неизбѣжно вырастетъ и будетъ распределяться равномѣрно и непремѣнно по заслугамъ, по обнаруженнымъ результатамъ между всѣми органами, въ рукахъ которыхъ будетъ находиться дѣло народнаго образованія свободной страны съ свободной борьбой партій и интересовъ.

Какъ важно это государственное участіе, объ этомъ читатель получить возможность судить изъ всей нижеслѣдующей исторіи народнаго образованія въ Англіи, гдѣ правительство съ замѣчательною настойчивостью и справедливостью шло на помощь всѣмъ цѣлесообразнымъ усиліямъ для поднятія образованія, несмотря на такіа затрудненія, о которыхъ у насъ не можетъ быть и рѣчи.

Всѣ знаютъ, что Англія — страна съ необычайною силой личной инициативы. Нигдѣ эта сила не находитъ столько свободы и простора, какъ здѣсь. Нигдѣ личная энергія не сдѣлала такъ много, а, между тѣмъ, опытъ и этой страны въ теченіе всего настоящаго вѣка показалъ, что частныя усилія личностей и даже мѣстныхъ общественныхъ

органовъ не могутъ удачно выполнять того, ради чего, собственно говоря, и существуетъ государство, — этотъ верховный охранитель нашей личности, имущества и гражданскихъ правъ.

Крупные успѣхи въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія въ Англіи были достигнуты почти на нашихъ глазахъ, въ періодъ послѣднихъ трехъ десятилѣтій, когда государство, отнюдь не устраняя частныхъ и земскихъ (такъ я буду называть школьныя управы — school-boards) усилий, приняло на себя роль ихъ покровителя и возбудителя. Ранѣе всего въ Англіи, также какъ почти и во всѣхъ другихъ странахъ, на дѣло народнаго образованія обратило вниманіе духовенство. Но почти вплоть до періода Реформаціи обученіе, даваемое духовенствомъ, касалось не народа въ собственномъ смыслѣ, а только среднихъ его классовъ. Реформація принесла за собою организацію такъ называемыхъ „grammar schools,“ находившихся также въ рукахъ духовенства, стоившихъ вообще дешево и доступныхъ потому и бѣднѣйшимъ классамъ. Чтеніе Библіи и изученіе Закона Божія составляло главный предметъ занятій въ этихъ школахъ. Къ сожалѣнію, бѣднѣйшіе классы населенія были вскорѣ вытѣснены и изъ этихъ школъ болѣе платежеспособными средними классами. Фактически народъ оставался, такимъ образомъ, почти вплоть до конца прошлаго вѣка безъ образованія. Одни только государственные законы Елизаветы и друг. королей объ ученичествѣ обуславливали собою то, что хотя народъ и оставался въ полномъ невѣжествѣ относительно Закона Божія и всего, получаемого при посредствѣ грамотности, но все же почти *принудительно* обучался какому-нибудь мастерству.

Духовенство въ Англіи очень поздно обратило вниманіе на этотъ коренной недостатокъ народнаго образованія: малодоступность обученія бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Оно охотно давало обученіе тѣмъ, кто въ состояніи былъ вознаграждать учителя за труды, и мало заботилось о томъ, чтобы образованіе проникало въ самые глубокіе и наиболѣе невѣжественные слои населенія. Только въ 1699 г. было впервые основано для большаго распространенія грамотности нѣкоторыми изъ видныхъ представителей англиканской церкви „общество распространенія христіанскихъ знаній.“ Число

основанныхъ этимъ обществомъ школъ было, однако, очень не велико. Въ 1782 году была организована Робертомъ Рэзомъ первая воскресная школа въ Англіи. Съ конца XVIII вѣка въ духовныхъ сферахъ начинается замѣтно пробуждаться больше энергіи въ дѣлѣ народнаго образованія, и это вызывается прямою необходимостью бороться съ развивающимся стремленіемъ къ отпаденію отъ англиканской церкви и къ образованію различныхъ сектъ. Іосифъ Ланкастеръ, диссидентъ или, какъ говорятъ въ Англіи, нонконформистъ, отпавшій отъ англиканской церкви, первый основалъ въ 1809 г. такъ называемое „британское и международное общество народнаго образованія.“ Общество сразу обнаружило много дѣятельности и опасность потерять вліяніе побудила англиканское духовенство основать, въ противовѣсъ ему, „національное общество народнаго образованія“ въ 1811 г., во главѣ котораго сталъ Беллъ. Съ исторіей этихъ двухъ обществъ и была затѣмъ связана на долгое время впередъ исторія народнаго образованія въ Англіи.

Какъ поздно духовенство взялось за дѣло, можно судить по тому, что въ 1802 г. само правительство уже признало свою обязанность обратить вниманіе на эту сторону народной жизни. Въ этомъ году, по почину министра Роберта Пиля, былъ проведенъ чрезъ парламентъ билль, согласно которому дѣти, работающіе на фабрикахъ, *обязательно* въ теченіе нѣкоторой части рабочаго дня должны были учиться чтенію, письму и ариѳметикѣ. Въ 1807 г. членъ парламента Вайтбредъ, исходя изъ данныхъ, свидѣтельствовавшихъ о полной ненормальности въ положеніи народнаго образованія, внесъ предложеніе *повсемѣстно* организовать приходскія школы за счетъ *налога*, собираемаго при посредствѣ мѣстныхъ „вестри“ (vestry), т.-е. за счетъ той мѣстной единицы, которая несла и несетъ понынѣ налоги на содержаніе общественнаго призрѣнія. Парламентъ далъ свое согласіе на это предложеніе, но оно было отвергнуто палатой лордовъ. На памяти у всѣхъ еще было живо воспоминаніе о бурѣ, совершенной французскою революціей, и благородные лорды усмотрѣли въ этомъ предложеніи опасныя тенденціи: желаніе передать дѣло народнаго образованія изъ рукъ духовенства гражданскимъ властямъ и сдѣлать его совершенно свѣтскимъ. Затѣмъ, только въ 1816 г., парламентъ рѣшился

вновь образовать особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Брума, для изслѣдованія положенія народнаго образованія. Комитетъ призналъ, что очень значительное число дѣтей бѣднаго класса совершенно остается безъ образованія, а сильно умножившіяся пожертвованія (endowments) на это дѣло очень часто употребляются недобросовѣстно и для другихъ цѣлей. Въ 1820 г. снова, уже самимъ лордомъ Брумомъ, было внесено предложеніе организовать народное образованіе за счетъ мѣстнаго налога, назначеніе и распредѣленіе котораго проектъ Брума предоставлялъ четвертнымъ сѣздамъ мировыхъ судей. Согласно предложенію Брума, однако, всякій учитель долженъ былъ принадлежать къ англиканской церкви, а свидѣтельство въ благонадежности, выдаваемое мѣстнымъ священникомъ, должно было служить необходимымъ условіемъ замѣщенія вакансіи. Правда, въ программу преподаванія Закона Божія лордъ Брумъ вносилъ только чтеніе Библии съ объясненіями, но не катехизисъ; диссиденты истолковали этотъ проектъ въ томъ смыслѣ, что онъ передаетъ все дѣло народнаго образованія въ руки англиканской церкви, которая позже другихъ занялась этимъ дѣломъ. Проектъ былъ отвергнутъ, и борьба различныхъ религіозныхъ оттѣнковъ за преобладаніе привела правительство къ убѣжденію, что государство должно совершенно устраниваться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія, предоставивъ его всецѣло частнымъ усиліямъ различныхъ церквей и ихъ умѣнію собирать на это дѣло деньги, какъ чрезъ пожертвованія частныхъ лицъ, такъ и чрезъ непосредственную плату родителей за воспитаніе ихъ дѣтей. Вплоть до 1832 г. государство не сдѣлало ровно ничего на пользу народнаго образованія и всѣ данныя говорятъ за то, что положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ было очень плачевно. Сверхъ всякихъ ожиданій, въ 1832 г. парламентарный бюджетный комитетъ назначилъ на поддержку существующихъ школъ 20 т. фунт. стерл., разрѣшивъ выдавать субсидіи (grant) лишь тѣмъ школамъ, половина расходовъ на которыя собирается изъ добровольныхъ пожертвованій и которыя согласятся давать отчеты о своей дѣятельности. Назначеніе этой субсидіи было первою робкою попыткой со стороны государства вмѣшаться въ дѣло народнаго образованія. По принципу этотъ починъ составлялъ очень

важный шагъ, но практически раздача субсидій въ этомъ видѣ не могла, конечно, принести много пользы. Фактического контроля за школами не существовало. Въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ субсидія раздавалась школамъ, которыя зачастую не могли удовлетворять самымъ элементарнымъ требованіямъ по части обстановки и преподаванія, а нерѣдко даже и не имѣли учениковъ. Последніе только значились въ спискахъ, но о существованіи самой школы даже не знали. Нежеланіе растрачивать даромъ общественныя деньги привело въ 1839 г. къ образованію департамента народнаго просвѣщенія, которому немедленно же было предоставлено право назначать инспекторовъ за школами. Въ то же время была, уже отчасти по инициативѣ самого департамента, произведена попытка выработать типъ „нормальной школы“, подъ которой понималась такая, гдѣ въ основу положено изученіе Закона Божія, преподаваніе котораго совершается на христіанскихъ началахъ, общихъ всѣмъ разнообразнымъ сектамъ Англіи. Такая попытка не удалась и вызвала только сильное раздраженіе въ разныхъ духовныхъ кругахъ. Тогда департаментъ просвѣщенія, дѣйствовавшій вплоть до 1858 года почти внѣ контроля парламента, по собственной инициативѣ создалъ новыя правила для раздачи субсидій. Правительственная субсидія выдавалась по прежнему лишь школамъ, такъ или иначе связаннымъ съ однимъ изъ двухъ указанныхъ религіозныхъ обществъ распространенія народнаго образованія; только впоследствии правительство стало давать субсидіи школамъ, основаннымъ католическимъ обществомъ (Catholic School Committee). Чтеніе Библіи должно было считаться обязательнымъ во всякой школѣ, но она могла получать субсидію лишь тогда, если принимала на себя обязанность руководствоваться такъ называемой „conscience clause“; согласно этой статьѣ, обеспечивавшей свободу совѣсти, школьныя власти должны были предоставлять право родителямъ, держащимся какихъ-нибудь отличныхъ отъ преподаваемыхъ въ школѣ религіозныхъ ученій, устранять своихъ дѣтей отъ обученія катехизису и всѣмъ ученіямъ, съ которыми родительская совѣсть не соглашается. Инспекторамъ вмѣнено, однако, въ прямую обязанность обращать вниманіе на религіозное обученіе, а назначеніе учителей совершалось не иначе, какъ съ согласія примаа англи-

канской церкви и правленія британскаго общества, которое стояло во главѣ диссидентовъ. Первоначально правительственную субсидію разрѣшалось тратить только на содержаніе школъ, впослѣдствіи на обзаведеніе, и притомъ не только въ самыхъ школахъ, но и въ учительскихъ домахъ, а въ концѣ концовъ и на добавочное вознагражденіе учителей, за обученіе учениковъ, подготовляющихся къ преподавательской дѣятельности.

На такихъ началахъ установленная правительствомъ система субсидій держалась сравнительно очень долгое время, а именно: съ 1832 по 1858 годъ. Правительственная субсидія росла съ каждымъ годомъ. Въ 1839 г. она была уже 30,000 ф. ст., въ 1849 г. — 125,000 и въ 1859 г. — 836,000 ф. ст.¹⁾. Между тѣмъ наибольшее число отчетовъ инспекторовъ показывало, что, несмотря на все возрастающія затраты правительства, въ общемъ школьное дѣло поставлено весьма неудовлетворительно. Количество учениковъ было незначительно, успѣхи ихъ слабы. Въ 1846 г. въ школахъ національнаго общества училось лишь 900 тыс. дѣтей, въ школахъ британскаго общества не болѣе 200 т., а въ веслеянскихъ около 40 т. По отчету за 1846 г. одного изъ выдающихся инспекторовъ обширнаго мидландскаго округа оказывалось, что только одинъ ученикъ изъ шести могъ сносно читать Священное Писаніе и только одинъ изъ 4-хъ могъ читать гражданское письмо исправно, хотя бы только механически и не усвоивая себѣ смысла прочитаннаго. Конференція по народному образованію, созванная въ это время подъ предсѣдательствомъ принца-супруга, показала, кромѣ того, что повсемѣстно недоставало двухъ существеннѣйшихъ условій правильнаго преподаванія: а) подготовленнаго и организованнаго штата учителей и б) регулярности въ посѣщеніи школъ.

1) Весьма любопытенъ подсчетъ затратъ правительства по статьямъ расходовъ съ 1839 по 1860 г., сдѣланный комиссіей 1888 г. Расходы совершались по слѣдующимъ 5-ти главнымъ статьямъ: а) постройка, поправка, расширеніе и снабженіе школъ поглотили 1,047 т. ф. ст., б) платежъ стипендій на содержаніе учителей-учениковъ и вознагражденіе за ихъ обученіе — 1,487 т. ф. ст., в) на увеличеніе жалованья учителей и учительницъ — 430 т. ф. ст., г) субсидіи учительскимъ семинаріямъ — 417 т. ф. ст., е) школьная инспекція — 355 т. ф. ст.

Въ этотъ періодъ въ Англіи была въ особенномъ распространѣніи такъ называемая „мониторіальная система преподаванія“ (monitorial system), которая была простымъ перенесеніемъ на англійскую почву такъ называемой во Франціи и Бельгіи „système mutuel“. Первые творцы народнаго образованія въ Англіи — Белль и Ланкастеръ ввели эту систему вслѣдствіе необыкновенной ея дешевизны и быстроты, съ которою можно при ней увеличивать число учениковъ. Система заключалась въ томъ, что главный учитель выбиралъ изъ состава своихъ учениковъ нѣсколько болѣе зрѣлыхъ и способныхъ и съ особымъ стараніемъ занимался съ ними съ 8 до 10 час. утра. Въ десять часовъ школа открывалась для другихъ учениковъ и „мониторы“, т. е. привилегированные ученики, съ которыми занятія совершались съ 8 до 10 ч. утра, должны были вдолбить только что выученное въ головы своихъ товарищей. Нѣтъ надобности и говорить, что подобные учителя не могли ничему научить, какъ слѣдуетъ. Учителя боялись давать имъ въ руки даже учебники и они должны были повторять буквально то, чему едва успѣли научить ихъ самихъ. Мониторіальная система была очень дешева, и правительство не рѣшилось круто порвать съ нею; со свойственнымъ англичанамъ прогрессивнымъ консерватизмомъ они выработали изъ этой мониторіальной системы такъ называемую system of pupil-teachers, систему учениковъ-учителей, но съ болѣе высокимъ уровнемъ подготовки. Съ 1846 г. департаментъ народнаго образованія предписалъ инспекторамъ предоставлять право на полученіе правительственной субсидіи только тѣмъ школамъ, гдѣ учитель дѣйствительно является способнымъ готовить преподавателей изъ своихъ учениковъ. Эти послѣдніе не могли быть моложе 13-лѣтняго возраста, должны были дать подписку, что въ теченіе 5 лѣтъ будутъ готовиться къ учительскому званію, подвергаясь ежегодно въ теченіе этого времени экзамену все болѣе возрастающей трудности. Выполняя эти условія, pupil-teacher получалъ право на вознагражденіе отъ правительства въ размѣрѣ 10 ф. въ первый годъ и 20 ф. ст. въ послѣдній¹⁾;

1) Учителя чрезъ посредство завѣдующихъ школой получали за свои труды отъ правительства особое добавочное вознагражденіе.

кромѣ того по окончаніи 5 лѣтъ обученія эти ученики могли быть избираемы по конкурсу для поступленія въ учительскую семинарію на три года съ вознагражденіемъ отъ правительства за ихъ содержаніе въ ней въ размѣрѣ 20 ф. ст. въ первый годъ, 25 ф. — во второй и 30 ф. ст. — въ третій. Значительное число учительскихъ семинарій возникло послѣ принятія этой мѣры. Почти всѣ онѣ были учреждены разными религіозными обществами, и правительственный надзоръ за ними заключался лишь въ производствѣ выпускныхъ экзаменовъ и въ выдачѣ успѣшно выдержавшимъ въ нихъ ученикамъ правительственныхъ сертификатовъ на право занятія должностей въ народныхъ школахъ. Съ 1853 г. правительство пошло еще далѣе. Желая сдѣлать болѣе постояннымъ число совершаемыхъ учениками посѣщеній школы, департаментъ просвѣщенія ввелъ, помимо субсидіи, еще такъ называемую „capitation grant“ — поголовную доплату. Правительство принимало на себя обязанность платить нѣкоторую сумму школѣ за ученика, который сдѣлалъ не менѣе 176 посѣщеній въ годъ, считая по 2 раза въ день за одно посѣщеніе.

Несмотря на всѣ эти мѣропріятія, какъ мы видѣли, конференція 1856 г. пришла къ весьма не утѣшительнымъ выводамъ относительно положенія народнаго образованія. Правда, составъ преподавателей былъ улучшенъ, число ученическихъ посѣщеній возросло, но среди завѣдующихъ школами обнаруживалась скорѣе погоня за правительственной субсидіей, чѣмъ истинный интересъ къ дѣлу. Обученіе зачастую было недостаточно, списки фиктивны, а нерѣдко школы, какъ возможный источникъ полученія правительственной субсидіи, даже отдавались въ аренду предприимчивымъ людямъ, — явленіе небывалое въ другихъ странахъ Европы¹⁾. Около 42 0/0 учениковъ, какъ показала эта конференція, посѣщали школу не болѣе года, 22 0/0 — отъ года до двухъ, 15 0/0 — менѣе 3-хъ, 9 0/0 — менѣе 4-хъ, 5 0/0 — менѣе 6 лѣтъ. Только 1 ребенокъ изъ 8 дѣтей школьнаго возраста находился въ школѣ; около 1 м. 600 т. дѣтей находились въ школахъ, подлежащихъ правительственной инспекціи, но относительно 800,000 учащихся дѣтей правительство не имѣло

1) Такъ называемое farming of schools.

никакихъ свѣдѣній. Вообще только объ одномъ изъ 20 учащихся въ народныхъ школахъ правительство могло имѣть кое-какія свѣдѣнія о родѣ получаемого обученія; по словамъ всѣхъ инспекторовъ только $\frac{1}{4}$ всѣхъ поступившихъ въ школу дѣтей достигала высшихъ классовъ и считалась инспекторами надлежаще обученной. Выдача крупныхъ учительскихъ стипендій повела къ сильному наплыву на эти вакансіи самыхъ неподходящихъ элементовъ, а львиная доля поголовной доплаты попадала въ руки наиболѣе богатыхъ мѣстностей, гдѣ населеніе, болѣе зажиточное, охотно посылало дѣтей въ школы и умѣло само оплачивать труды учителей. Организаторы школъ въ такихъ мѣстностяхъ получали, такимъ образомъ, двойное вознагражденіе за свои труды. Въ бѣдныхъ мѣстностяхъ находилось мало охотниковъ устраивать школы, а потому и правительственная субсидія сюда мало попадала. Организациія и починъ въ открытіи школъ были всецѣло предоставлены частной инициативѣ; естественно послѣдняя искала болѣе выгодныхъ мѣстъ для приложенія своей энергіи, не озабочиваясь много обще-государственными соображеніями.

Таковы были неутѣшительные выводы, къ которымъ къ 1858 г. пришло правительство, отдававшее значительныя суммы денегъ почти безконтрольно въ руки различныхъ духовныхъ обществъ. При такихъ обстоятельствахъ правительство съ 1860 г. рѣшилось на полное преобразование задачи субсидій. Вице-президентъ департамента просвѣщенія, мистеръ Лоу, выразилъ ясно желаніе правительства: „если обученіе плохо, — говорилъ онъ, — то оно должно быть по крайней мѣрѣ дешево“. Съ 1861 г. и вступилъ въ силу новый кодексъ (Revised Code) правительственной регламентаціи школьнаго¹⁾ дѣла, основанія котораго вкратцѣ сводились къ слѣдующимъ положеніямъ: а) Правительственная субсидія вручается не непосредственно учителямъ чрезъ завѣдующихъ школою, а самимъ завѣдующимъ. Этою мѣрой правительство желало поставить учителей въ совер-

1) Школьное дѣло въ Англіи всегда руководствуется особыми кодексами, которые въ видѣ опредѣленныхъ школьныхъ законовъ проводятся чрезъ парламентъ. Въ предѣлахъ установленныхъ законовъ всякое министерство, однако, въ правѣ на каждый годъ давать особыя инструкціи инспекторамъ, которыя также называются кодексомъ (Code).

шенно договорныя отношенія съ завѣдующими и тѣмъ усилить власть послѣднихъ. б) Школа, получающая субсидію, должна непременно имѣть дипломированнаго или имѣющаго удостовѣреніе отъ правительства учителя¹⁾ и помѣщеніе, одобренное правительственнымъ инспекторомъ. с) Обучающіяся дѣти должны непременно совершить назначенное число посѣщеній, и наконецъ, что всего важнѣе, правительственная субсидія выдавалась не иначе, какъ по обнаруженнымъ школой на экзаменахъ *результатамъ*. Эта система получила названіе „payment by results“, т.-е. выдача субсидій по результатамъ, обнаруженнымъ школой. Субсидія выдавалась такъ: въ среднемъ 4 шиллинга на cadaго ребенка, правильно посѣщающаго школу (по 1 пенсу на каждое посѣщеніе свыше 100, $\frac{1}{3}$ этихъ денегъ удерживалась въ случаѣ невыдержанія одного изъ основныхъ предметовъ) и по 2 ш. 8 пенс. за cadaго же сдавшаго удовлетворительно экзаменъ по тремъ основнымъ предметамъ: чтенію, письму и ариѳметикѣ. Для производства экзаменовъ выработаны опредѣленные штандарты (standards) или классныя требованія. Правительственнымъ инспекторамъ даны умѣренныя, но твердыя инструкціи разумно требовать надлежащихъ знаній отъ дѣтей. Этотъ новый или такъ называемый пересмотрѣнный кодексъ (Revised Code) вызвалъ бурю негодованія въ духовныхъ сферахъ. Чего только не говорилось противъ него; пересмотрѣнный кодексъ упрекали въ механичности сужденія объ успѣхахъ по штандартамъ, въ отсутствіи платежей за религіозное обученіе и проч. Какъ бы то ни было, но созданіе Лоу было первою серьезною государственною мѣрой. На завѣдующихъ была возложена отвѣтственность за получаемыя деньги, а назначеніе учителей стало зависѣть отъ диплома правительства (а не отъ воли духовныхъ властей). Послѣдствія этой мѣры сказались съ необычайною силой. Число посѣщеній въ школахъ возросло въ громадной пропорціи — съ 803 тыс. въ 1860 году, до 1,048 въ 1868 году, а, между тѣмъ вознагражденіе школъ,

1) Впослѣдствіи для неимѣющихъ свидѣтельствъ учителей, въ видахъ увеличенія учебнаго персонала, введены правительственные особые экзамены, по выдержаніи которыхъ можно было мѣсто получить и безъ свидѣтельства.

согласно результатамъ экзаменовъ **каждаго** учащагося ребенка въ отдѣльности, оказало свое вліяніе: за то же время субсидія правительства пала съ 724 тыс. фунт. стерл. до 649. Недостатки добровольной системы организаціи сказались послѣ введенія этого кодекса въ жизнь необыкновенно рельефно. Открытіе школъ принадлежало личной инициативѣ; естественно, что она создавала ихъ только тамъ, гдѣ это было выгодно, гдѣ можно было собрать больше денегъ пожертвованіями и платами родителей. Въ бѣдныхъ мѣстностяхъ школы отсутствовали или существовали съ весьма ничтожнымъ учительскимъ персоналомъ. Недоставало *публичной* власти, которая могла открывать школы тамъ, гдѣ это было нужно. Правительство, однако, медлило. Въ 1867 г. для возбужденія личной инициативы введена новая доплата въ 1 шил. 4 пенса за каждый выдержанный экзаменъ, но общая сумма субсидіи за весь классъ не могла быть выше 8 фунтовъ, и притомъ эта доплата выдавалась лишь въ томъ случаѣ, если число учителей выше средняго, 20% всѣхъ учениковъ экзаменуется свыше 4 штандарта и въ школѣ преподается одинъ изъ специальныхъ предметовъ, кромѣ основныхъ. Энергія частныхъ лицъ нѣсколько усилилась. Въ 1869 г. Англія имѣла школы уже для 2 мил. жителей (вдвое болѣе сравнительно съ 1859 г.), въ нихъ воспитывалось 1,300,000 дѣтей, стоило народное образованіе около 1,000,000 ф. ст.; $\frac{1}{3}$ этой суммы погашалась платами родителей, $\frac{1}{3}$ — правительственною субсидіей и $\frac{1}{3}$ — добровольными пожертвованіями. При такихъ условіяхъ былъ изданъ, наконецъ, знаменитый актъ Форстера, который впервые сдѣлалъ въ Англіи народное образованіе исполнѣ государственнымъ дѣломъ. На всей послѣдующей исторіи школьнаго дѣла мы и должны теперь сосредоточить вниманіе читателя.

2.

Какъ и всякая другая правительственная мѣра въ Англіи, актъ Форстера былъ задолго подготовленъ среди общественнаго мнѣнія всякаго рода толками, спорами, агитаціей, но главнымъ образомъ дѣятельностью возникшей въ Бирмингамѣ „образовательной лиги“ (Educational Ligue). Это общество рѣшилось добиваться религіознаго, но не сектантскаго на-

роднаго элементарнаго образованія, бесплатнаго для всѣхъ и организованнаго за счетъ мѣстнаго налога, а не на добровольныя приношенія. Только на нашихъ глазахъ пожеланія его въ значительной мѣрѣ осуществились. Для этого, однако, потребовалось около 20 лѣтъ. Актъ Форстера 1871 г. началъ дѣло, сдѣлалъ школьное дѣло дѣломъ общественнымъ и поставилъ школѣ чисто-государственныя требованія, актъ же 1891 г. окончательно сдѣлалъ народное образованіе всеобщимъ и бесплатнымъ, актъ 1902 г. почти всецѣло передалъ школьные дѣла въ руки мѣстнаго управленія и впервые внесъ пока слабый контроль того же мѣстнаго самоуправленія за вольными, клерикальными школами.

Форстеръ, внося новый проектъ школьнаго закона въ парламентъ, въ своей вступительной рѣчи сказалъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія устранить добровольныхъ усилій въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. По его словамъ, новый законъ исходитъ изъ того положенія, что народное образованіе является важнѣйшимъ общественнымъ дѣломъ, а потому призываетъ *общественныя власти* на помощь добровольнымъ усиліямъ, а тамъ, гдѣ послѣднихъ нѣтъ, становится на ихъ мѣсто. Законъ считаетъ религіозное обученіе основой нравственнаго обученія, но стремится избѣгать обученія въ духѣ секты. Такимъ образомъ актъ Форстера, по существу, во всѣхъ отношеніяхъ являлся компромиссомъ; на этихъ началахъ законодательство удерживается и до настоящаго времени, хотя, какъ увидимъ, проведеніе въ жизнь этого компромисса не оказывается столь легкимъ, какъ это, быть можетъ, казалось Форстеру.

Согласно акту Форстера, вся Англія была подѣлена на школьные округа, совпадающіе обыкновенно съ городской чертой. Всякій сельскій приходъ, не входящій въ составъ городского поселенія, также составляетъ особый школьный округъ. Школьные округа бываютъ двухъ родовъ. Округа, гдѣ дѣйствуетъ: а) школьное бюро или управа (School Board) и б) школьный комитетъ (School Attendance Committee). Школьная управа возникаетъ только тамъ, гдѣ добровольная организація народнаго обученія признана недостаточной. Возникаетъ эта школьная управа или по почину департамента народнаго просвѣщенія, замѣчающаго неудовлетворительное положеніе обученія, или по почину мѣстныхъ жителей, обра-

щающихся въ городахъ чрезъ городской совѣтъ за ордеромъ по этому предмету къ департаменту; въ сельскихъ мѣстностяхъ право потребовать образованія школьной управы принадлежить собранію плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ. Смотритель за бѣдными долженъ созвать для образованія школьной управы такое собраніе, если 50 плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ выразятъ желаніе имѣть школьную управу. Число членовъ школьной управы бываетъ отъ 5 до 15, но можетъ быть и увеличено съ согласія департамента просвѣщенія. Выборы школьной управы совершаются закрытой подачей голосовъ; въ нихъ участвуютъ наравнѣ мужчины и женщины, а голосованіе организовано на началахъ такъ называемаго „cumulative voting“, т. е. всякое голосующее лицо имѣетъ столько же голосовъ, сколько кандидатовъ приходится избрать и можетъ отдать свои голоса или одному кандидату, или подѣлить ихъ между любымъ ихъ числомъ. Обыкновенно, если департаментъ просвѣщенія замѣчаетъ, что добровольныя усилія не приводятъ народнаго обученія въ должный порядокъ, онъ назначаетъ шестимѣсячный срокъ для улучшенія дѣла; въ случаѣ неуспѣха, eo ipso, школьная управа должна быть выбрана. Школьная управа, дѣйствующая неуспѣшно, можетъ быть распущена департаментомъ просвѣщенія, который въ этомъ случаѣ назначаетъ новые выборы. Въ руки этой управы и переходитъ съ момента ея избранія все школьное дѣло; она заботится объ открытіи достаточнаго количества школъ, объ ихъ обзаведеніи, о программахъ преподаванія, о наблюденіи за регулярностью посѣщенія и за разумностью преподаванія. Обыкновенно завѣдываніе каждой школой вручается тремъ попечителямъ, которые назначаются и увольняются школьной управой. Эта же управа назначаетъ размѣръ школьнаго налога, который взимается сборщиками налога въ пользу бѣдныхъ, какъ его дополненіе съ оцѣночной суммы въ видѣ опредѣленнаго количества пенсовъ съ cadaго облагаемаго фунта стерлинговъ.

Тамъ, гдѣ добровольныя усилія достаточно обезпечиваютъ народное обученіе, мѣсто школьной управы занимаетъ такъ называемое School Attendance Committee — школьный комитетъ, избираемый въ городахъ городскимъ совѣтомъ, въ сельскихъ округахъ — надзирателями за бѣдными изъ своего

состава. Если извѣстный санитарный округ состоитъ изъ приходовъ съ добровольной организаціей, то школьный комитетъ назначается его властями¹⁾. Самый характеръ избранія школьных комитетовъ уже показываетъ, что въ нихъ замѣчается преобладаніе менѣе демократическихъ элементовъ, чѣмъ въ школьных управахъ. И дѣйствительно, духовенство и консервативная партія считаютъ мѣстности съ добровольной организаціей народнаго образованія своимъ оплотомъ.

Второе начало, которое Форстеръ положилъ въ основу своего акта и которое удержалось почти по настоящее время, заключается въ такъ назыв. „Conscience“ или „Cowper-Temple clause“. Сущность этой статьи, обезпечивающей свободу совѣсти гражданъ и ихъ дѣтей, заключается въ томъ, *во-первыхъ*, что ни одинъ школьный учитель не имѣетъ права преподавать катехизиса какой бы то ни было церкви, или собранія ея правилъ, стараясь при преподаваніи закона Божія оставаться на общей христіанской почвѣ, и, *во-вторыхъ*, каждая школа должна имѣть росписаніе занятій, одобренное департаментомъ просвѣщенія, причемъ религіозное обученіе должно быть даваемо въ началѣ или концѣ уроковъ, чтобы родители безъ помѣхъ могли не допускать своихъ дѣтей до посѣщенія его.

Послѣдующее законодательство, какъ мы уже сказали, сохранило эти основныя начала, но пошло далѣе, сдѣлавъ обученіе всеобщимъ и бесплатнымъ.

Окончательно всеобщность обученія достигнута актомъ 1891 г. Первоначально актъ Форстера 1871 г. предоставлялъ *лишь* школьнымъ управамъ дѣлать или не дѣлать обязательнымъ посѣщеніе школъ²⁾. Актъ 25 марта 1891 г. сдѣлалъ

1) Изъ 781 школьнаго комитета 131 назначены городскими совѣтами, 578 — надзирателями за бѣдными, 72 санитарными властями (1893 г.).

2) Дальнѣйшее развитіе актъ Форстера получилъ въ актѣ 1876 г., который былъ проведенъ лордомъ Сандономъ. Въ этомъ актѣ была впервые признана обязанность родителей давать обученіе своимъ дѣтямъ и введены штрафы; родители обязаны, говоритъ одна изъ статей этого акта, давать своимъ дѣтямъ элементарное обученіе въ чтеніи, письмѣ и ариметикѣ; не исполняющіе этой обязанности подлежатъ такимъ-то штрафамъ и проч. Этотъ актъ, дополняя актъ Форстера, вводилъ не прямымъ, а лишь косвеннымъ образомъ принудительность посѣщенія школъ, а именно: возможность поступенія въ разрядъ рабочихъ обуславливалась необходимостью (qualification for employment) достичь извѣстнаго возраста и со-

принудительное посѣщеніе школъ общимъ началомъ для всей страны, какъ бы обученіе ни было организовано, на добровольныхъ началахъ, или чрезъ посредство школьныхъ управъ. Всякое дитя, согласно этому закону, отъ 5 и до 13 лѣтъ должно посѣщать школу, признаваемую правительствомъ удовлетворительной, во все время, когда такая школа бываетъ открыта для обязательныхъ занятій; при этомъ допущены, впрочемъ, слѣдующія льготы. Учащіеся въ возрастѣ отъ 10 и 13 л. могутъ дѣлать не болѣе 5 посѣщеній школы каждую недѣлю, если школьныя власти получаютъ доказательство въ томъ, что они необходимо и съ пользой для себя заняты какимъ-нибудь трудомъ или имѣютъ удостовѣренное школьнымъ инспекторомъ свидѣтельство о выдержаніи экзамена по 4-му штандарту; если лицо этого возраста имѣетъ свидѣтельство о выдержаніи экзамена по 6-му штандарту, оно можетъ не посѣщать школы совсѣмъ. Несовершеннолѣтніе между 13 и 14 г. не могутъ быть приняты ни на какую работу, если не имѣютъ свидѣтельства объ окончаніи экзамена по 4-му штандарту или о томъ, что они сдѣлали не менѣе 250 посѣщеній школы ежегодно за каждыя предшествовавшія пять лѣтъ. Предприниматели подвергаются за наемъ такихъ дѣтей штрафу въ 40 шил., родители по 5 шил. за каждое нарушеніе закона.

Бѣдность не служить причиной невозможности посѣщать школу. Только три слѣдующихъ обстоятельства принимаются, какъ оправданіе для непосѣщающаго школу: а) доказательство, что дитя получаетъ соотвѣтственное образованіе въ другомъ мѣстѣ, б) болѣзнь или непредвидѣнные обстоя-

вернуть опредѣленное число посѣщеній школы. Актъ воспрещалъ поступленіе въ разрядъ рабочихъ всѣмъ дѣтямъ до 10 лѣтъ; дѣти отъ 10 до 14 л. могли поступить въ разрядъ рабочихъ, лишь обладая свидѣтельствомъ о выдержаніи экзамена по 4-му классному требованію; актъ Сандона, однако, принималъ во вниманіе и то, что многія дѣти, по тѣмъ или инымъ причинамъ, могли не выдержать этого экзамена; такія дѣти до 14-лѣтняго возраста могли поступить въ разрядъ рабочихъ только тогда, если имѣли свидѣтельство, что въ теченіе 5 лѣтъ послѣ наступленія пятилѣтняго возраста они дѣлали ежегодно не менѣе 250 посѣщеній и притомъ не болѣе, какъ въ 2 школахъ въ одинъ и тотъ же годъ. Согласно тому же акту, любыя школьныя власти могли дѣлать посѣщенія школъ обязательнымъ. Только въ 1880 г. актомъ Мунделлы всѣмъ школьнымъ властямъ вмѣнено въ обязанность дѣлать посѣщеніе школъ принудительнымъ.

тельства и с) отсутствіе школы на разстояніи 2 миль отъ мѣста жительства ребенка. Нарушеніе закона на первый разъ (а иногда и во второй разъ) влечетъ за собой вызовъ родителей для объясненія со школьными властями; въ случаѣ упорнаго неповиновенія, школьныя власти обращаются къ мировымъ судьямъ, которые могутъ наложить штрафъ по 5 шил. за каждое неповиновеніе или составить опредѣленіе объ отдачѣ ребенка въ одну изъ промысловыхъ школъ, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Чтобы окончить изложеніе законодательныхъ постановленій, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о законѣ 1891 года, который *практически* сдѣлалъ элементарное обученіе бесплатнымъ. Радикальная партія уже при изданіи акта Форстера требовала, чтобъ обученіе было вполнѣ бесплатно. Осуществить это казалось невозможнымъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствовала добровольная организація, получавшая $\frac{1}{3}$ своего дохода изъ платъ родителей. Опытъ показалъ, что плата школьныхъ денегъ составляетъ серьезное обремененіе для бѣдныхъ родителей, а, между тѣмъ, даже школьныя управы почти не воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ дѣлать обученіе бесплатнымъ. Тогда правительство рѣшилось производить особый добавочный платежъ къ 10 шил. за cadaго ребенка въ тѣхъ школахъ ежегодно, гдѣ не будетъ производиться взиманіе платы за ученіе отъ родителей. Въ результатѣ обученіе стало практически-бесплатнымъ и плата удержалась только въ школахъ особенно дорогихъ, а именно въ тѣхъ, гдѣ она значительно превышала 10 шиллинговъ въ годъ на ребенка. Число такихъ школъ совершенно ничтожно. Слѣдуетъ помнить, что, согласно акту Форстера, плата родителей въ обыкновенныхъ народныхъ школахъ не могла быть болѣе 9 пенсовъ въ недѣлю. Въ 1892 г., т.-е. черезъ годъ послѣ изданія акта 1891 г., отъ взиманія платы сразу отказалось болѣе 68% всѣхъ школъ. Число учениковъ въ тотъ же годъ благодаря этой мѣрѣ, возросло на 6,9%, для дѣтей до семи лѣтъ и на 2,13% для дѣтей старшаго возраста. Средняя посѣщаемость школъ возросла на 3,22%. Эти наблюденія окончательно побѣдили всѣ возраженія противъ бесплатности обученія въ народныхъ школахъ, какъ объ основномъ государственномъ принципѣ.

На англійской почвѣ этотъ принципъ подвергался самымъ разнообразнымъ обсужденіямъ. Самъ творецъ акта 1870 г. былъ первое время противъ него. Извѣстный Гербертъ Спенсеръ въ своей *Соціальной статикѣ* рѣзко отзывался объ этомъ принципѣ и по слѣдующимъ соображеніямъ: а) То, что называется бесплатнымъ обученіемъ, говорилъ онъ, въ дѣйствительности, является просто курьезнымъ способомъ (extravagant mode) оплаты получаемого обученія. Безъ денегъ обученія организовать нельзя и кто-нибудь долженъ платить; вѣрнѣе всего, что та сумма государственныхъ средствъ, которая пойдетъ на народное образованіе, будетъ уплачена низшими, рабочими слоями населенія. б) Бесплатное обученіе будетъ простымъ расширеніемъ системы общественнаго призрѣнія внѣ рабочихъ домовъ и поведетъ только къ увеличенію непредусмотрительныхъ браковъ. Противъ послѣдняго возраженія врядъ ли стоитъ спорить. Достаточно указать, что на 1000 человѣкъ въ 1871—5 г. въ Англіи число родившихся было 34,1, въ 1891—95 — 29,6. Это старый аргументъ индивидуалистической школы, который давно признанъ непригоднымъ. Сравненіе же бесплатнаго обученія съ общественнымъ призрѣніемъ уже потому неудачно, что общественные призрѣніе или сохраняетъ пригодныя, но не занятыя производительныя силы, или даетъ возможность существованія обездоленнымъ и истерзанымъ въ борьбѣ за существованіе; бесплатное же обученіе готовитъ новыя производительныя силы, которыя пріобрѣтутъ болѣе возможности и способности бороться за жизнь и счастье, какъ для себя, такъ и для общества. Другими словами, бесплатное обученіе — это затрата капитала, которая возвращается всегда съ большими процентами. Только устарѣвшій способъ взиманія налога въ пользу школъ въ Англіи давалъ основаніе бесплатность обученія рассматривать, какъ своеобразное расширеніе произрѣнія. Первое возраженіе Спенсера имѣетъ болѣе кажущейся основательности, но не можетъ быть, конечно, признано удачнымъ. Организовать народное обученіе безъ средствъ невозможно; но слѣдуетъ всегда и твердо помнить, что народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій; все государство, всѣ сословія въ немъ равно заинтересованы, а потому всѣ должны жертвовать на его устроеніе въ равной долѣ сообразно своей налогоспособности. Въ этомъ отноше-

ніи Англія поставила дѣло образцово. Средства на народное образованіе получаютъ изъ двухъ источниковъ: а) изъ налога, падающаго равномѣрно на всѣхъ плательщиковъ налога въ пользу бѣдныхъ, и б) изъ общихъ казначейскихъ средствъ, которыя собираются со всей массы населенія въ видѣ разнообразнѣйшихъ налоговъ, а въ томъ числѣ и подоходнаго. Участіе государства въ издержкахъ на содержаніе школъ, какъ добровольнаго, такъ и земскаго типа, навсегда укрѣпило сознаніе того, что народное образованіе составляетъ интересъ всеобщій, но, кромѣ того, такимъ путемъ государство получило возможность оказывать поддержку школамъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по бѣдности или по невѣжеству населеніе наиболѣе нуждается школахъ.

3.

Такова въ краткихъ чертахъ законодательная исторія англійскаго народнаго образованія до 1895 г., какъ его поставила либеральная партія; въ заключительномъ параграфѣ мы еще вернемся къ дальнѣйшему законодательству консервативнаго правительства Бальфура. Теперь намъ предстоитъ показать, какое вліяніе оказало это законодательство на положеніе народнаго образованія. Другими словами, намъ придется отъ внѣшней его исторіи перейти теперь къ внутренней.

Докладъ комиссіи 1888 г. о народныхъ школахъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ котораго обученіе сдѣлано бесплатнымъ, показалъ, что въ существѣ дѣла законодательство, какъ оно постепенно сложилось послѣ 1870 г., оказало самое благопріятное вліяніе. Народное обученіе стало важнѣйшимъ общественнымъ дѣломъ и траты на него возросли въ громаднѣйшей степени. Установленіе, такъ называемыхъ, штандартныхъ требованій, усиленіе состава инспекціи и въ особенности энергичная дѣятельность школьныхъ управъ расширили объемъ и качество преподаванія. Конкуренція земскихъ школъ (если можно такъ назвать, выражаясь нашимъ терминомъ, школы — организованныя школьными управами) и добровольныхъ оказалась самымъ могучимъ стимуломъ. Болѣе всего недоразумѣній вызвала „conscience clause.“ Представимъ вкратцѣ, что полагала комиссія

1888 г. по поводу этихъ разнообразныхъ вопросовъ и въ какомъ положеніи находится фактически школьное обученіе въ Англіи.

Бурю негодованія вызвало въ свое время введеніе принудительнаго или, лучше сказать, обязательнаго посѣщенія школъ (compulsory education) по усмотрѣнію школьныхъ управъ. Теперь это начало исполнѣ вошло въ жизнь. Предъ комиссіей 1888 г. нашлось только одно лицо, которое утверждало, что успѣшное распространеніе образованія могло бы идти и безъ принужденія. По общему признанію, только эта мѣра увеличила число обучающихся и правильность посѣщенія школъ. Комиссія 1888 г. такъ отзывалась о принужденіи: „прежде всего слѣдуетъ сказать о *прямомъ* вліяніи принужденія. Оно оказываетъ воздѣйствіе на родителей, которые *индифферентно* относятся къ нравственному и умственному развитію своихъ дѣтей, которые стараются извлекать возможно болѣе выгодъ отъ труда дѣтей, а о всемъ прочемъ мало заботятся. Страхъ наказанія несомнѣнно оказывалъ воздѣйствіе на такихъ родителей, которые посылали дѣтей въ школу только потому, что видѣли себя къ тому обязанными. Но, во-вторыхъ, принужденіе оказываетъ еще и *косвенное* вліяніе. Многіе изъ родителей апатичны и легко потворствуютъ желанію дѣтей не идти въ школу, въ особенности, если можно воспользоваться ихъ услугами дома. Предоставленные сами себѣ, такіе родители не станутъ настаивать на томъ, чтобы дѣти ходили въ школу. Они, однако, очень непріятно себя чувствуютъ, если имъ приходится предстать предъ мировымъ судьей. Страхъ передъ послѣднимъ и уваженіе къ нему, какъ къ представителю судебной власти, публичное посрамленіе за неисполненіе обязанностей передъ дѣтьми дѣйствуютъ на нихъ очень сильно. Кромѣ того, въ-третьихъ, принудительность самого посѣщенія оказала сильнѣйшее вліяніе на общественное мнѣніе; оно дало понять родителямъ, что государство считаетъ ихъ пренебрегающими своими обязанностями передъ дѣтьми, если послѣднія не посѣщаютъ школы.“ „Вѣроятно же всего, — полагаетъ комиссія, — что эта причина оказала болѣе всего вліянія на увеличеніе числа посѣщеній.“ Среди рабочихъ классовъ принужденіе не вызывало никакого ропота. Особенно трудно было примѣненіе закона объ обязательномъ

посѣщеніи школы къ бѣднѣйшей части населенія; школьныя власти удовлетворялись примѣнительно къ нимъ такимъ положеніемъ, если изъ десяти должныхъ посѣщеній совершалось семь ¹⁾).

Для восполненія дѣйствія закона пришлось съ одной стороны организовать особыя дневныя школы, куда по постановленію школьных властей зачислялись дѣти бѣднѣйшихъ и наиболѣе безнравственныхъ родителей. Здѣсь дѣти обыкновенно получаютъ, кромѣ обученія, одно или два кушанья въ день. Весьма значительное количество такихъ школъ было основано однимъ обществомъ подъ названіемъ: „Ragged School Union,“ въ Лондонѣ, гдѣ, какъ во всякомъ большомъ городѣ, число дѣтей, покинутыхъ родителями или у родителей безнравственныхъ, особенно велико. При отсутствіи такихъ школъ дѣтей временно или на $5\frac{3}{4}$ года приходилось отдавать въ такъ называемое „industrial schools.“ Опытъ показалъ, что временное пребываніе въ industr. School доводило % должныхъ посѣщеній даже среди бѣднѣйшихъ дѣтей до 87 %. ²⁾ Опытъ показалъ также, что не слѣдуетъ немедленно обращаться за содѣйствіемъ властей въ случаяхъ небрежнаго посѣщенія школы. Хорошая школа сама привлекаетъ дѣтей; стараясь давать дѣтямъ на домъ интересныя книги, посылая по окончаніи года родителямъ свѣденія

1) Отмѣтимъ кстати, что по мѣстностямъ вызовъ родителей и обращеніе къ властямъ сильно колебались. Разныя мировыя судьи также болѣе или менѣе ревностно относились къ исполненію закона. Въ Лондонѣ въ 1893 г. было вызвано школьной управой для объясненій около 99 тыс. родителей, обращеній къ мировымъ судьямъ было 13 т., приказано ходить въ школу и оштрафовано въ 11 т., въ 9 тысячахъ отказано. Противъ предпринимателей за пріемъ дѣтей на работу безъ школьныхъ свидѣтельств возбуждено 577 дѣлъ, только въ 28 случаяхъ предприниматели отказывались исполнить требованіе школьной управы и въ 19 случаяхъ по этому поводу были осуждены.

2) Эти государственныя школы организованы еще актомъ 1866 г. Въ нихъ дается ремесленное образовательное обученіе, и дѣти назначаются сюда суммарнымъ производствомъ по приговору мирового судьи. Если ребенокъ отправляется сюда по приговору школьныхъ властей, то правительство платитъ за него 1 ш. въ недѣлю, родители 2 ш., а при ихъ несостоятельности ту же сумму — надзиратели за бѣдными. Если ребенокъ соглашается идти въ такую школу безъ приговора, школьныя власти платятъ за него 1 шил. и казна 6 пенсовъ. Въ послѣднемъ случаѣ родители обыкновенно по бѣдности ничего не платятъ.

объ успѣхахъ и нравственныхъ качествахъ ихъ дѣтей, а въ иныхъ случаяхъ и назначая преміи за регулярное посѣщеніе, обучая ремесламъ, къ которымъ съ симпатіей относятся родители, школы достигали крайне регулярнаго посѣщенія.

Изъ прилагаемой таблицы читатель можетъ видѣть, какъ быстро развивалось школьное дѣло. Быстрое расширеніе школьной земской сѣти произошло потому, что законъ 1870 г. предоставилъ школьнымъ бюро право дѣлать займы подѣ обезпеченіе мѣстныхъ налоговъ (rates) для постройки и обзаведенія школъ съ разрѣшенія департамента просвѣщенія. По 1 апрѣля 1901 г. департаментъ просвѣщенія разрѣшилъ такихъ займовъ на сумму 41,624,464 фун. стер.; сумма займа по расчету на учащагося ребенка была за это время 14 ф. 18 ш. 7 пенсовъ. Кромѣ того департаментъ просвѣщенія разрѣшилъ займы 132 тыс. фун. на организацію школъ для глухихъ и нѣмыхъ дѣтей и 26 тыс. ф. для дѣтей съ другими физическими недостатками.

Нормальнымъ положеніе народнаго обученія въ Англіи рассматривается тогда, если въ школахъ находится одинъ изъ шести человѣкъ общей массы населенія. Изъ прилагаемой таблицы и данныхъ до 1903 г. видно, что добровольная организація еще господствуетъ и что опасеніе передать дѣло въ руки школьныхъ управъ содѣйствовало съ громадной силой подъему частной инициативы.

Мы не имѣемъ подѣ руками точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ прилагается на практикѣ законъ объ обязательномъ посѣщеніи школъ. Въ докладѣ 1888 г. мы находимъ кое-какія свѣдѣнія всего для 12 округовъ. Департаментъ просвѣщенія обратился къ главнымъ учителямъ съ вопросомъ, какъ прилагается принужденіе: 22% опрошенныхъ учителей (778) отвѣтили, что примѣняется удовлетворительно и съ большою пользою, 22% удовлетворительно и 53% никакъ не примѣняется. На вопросъ, улучшилась ли посѣщаемость за послѣдніе годы, 51% отвѣтили да, 45 — нѣтъ.

По даннымъ 1892 года положеніе дѣла обрисовывается слѣдующимъ образомъ. Во всѣхъ школахъ Англіи и Валлиса было приготовлено мѣстъ на 5,730 т. уч.; въ этомъ году находилось въ школахъ 5,037 т. уч.; не считая дѣтей ниже 7 лѣтъ (1,493 т.), — значить, около 12% всего населенія посѣщало школы. Число учениковъ во всѣхъ шко-

Г о д ы.																										
1/6населенія, которая разсматривает- ся, какъ нормальное число уча- щихся при всеобщемъ обученіи.																										
Число готовыхъ мѣстъ во всѣхъ школахъ.																										
Процентное отношеніе наличныхъ мѣстъ къ нормальному.																										
Число записанныхъ во всѣхъ шко- лахъ.																										
Процентъ записанныхъ къ нормаль- ному количеству учениковъ, со- ставляющему 1/6 населенія.																										
Среднее число дѣйствительно посѣ- щавшихъ школу.																										
Отношеніе среднего числа въ про- центахъ къ нормальному числу.																										
Д о б р о в о л ь н ы я ш к о л ы.																										
														Число приготовленныхъ мѣстъ.												
														Отношеніе этого числа къ нор- мальному въ процентахъ на 1/6 населенія.												
														Записано въ школахъ.												
														Процентное отношеніе запи- санныхъ къ нормальному числу.												
														Среднее дѣйствительное по- сѣщеніе.												
З е м с к і я ш к о л ы.																										
														Число приготовленныхъ мѣстъ.												
														Отношеніе этого числа къ нор- мальному въ процентахъ на 1/6 населенія.												
														Записано въ школахъ.												
														Процентное отношеніе записан- ныхъ къ нормальному числу.												
														Среднее дѣйствительное по- сѣщеніе.												
Процентное отношеніе сред- няго посѣщенія къ нор- мальному числу.																										
1870	3.682	1.878	51°/0	1.693	46°/0	1.152	29°/0	1.878	51°/0	1.693	46°/0	1.152	29°/0	—												
1873	3.892	2.582	66°/0	2.218	57°/0	1.482	38°/0	2.457	63°/0	2.107	54°/0	1.408	36°/0	125												
1880	4.243	4.240	100°/0	3.896	92°/0	2.750	65°/0	3.157	74°/0	2.821	66°/0	2.018	47°/0	3°/0												
1883	4.467	4.670	104°/0	4.273	95°/0	3.128	70°/0	3.274	73°/0	2.874	64°/0	2.119	47°/0	111												
1886	4.545	5.145	111°/0	4.505	97°/0	3.738	74°/0	3.452	74°/0	2.867	62°/0	2.203	47°/0	30°/0												
														1.693												
														37°/0												
														1.637												
														35°/0												
														1.251												
														27°/0												

лахъ, посѣщенныхъ инспекторами, было 5,006 т. уч. (2,029 мальчиковъ и 1,941 т. дѣвочекъ), среднее число всѣхъ посѣщеній 3,870 т.¹⁾ или 77,3 % всѣхъ должныхъ. Дневныя и вечернія школы имѣли около 65 т. уч. Въ школахъ земскихъ обучалось въ 1892 г. около 37—40% всѣхъ дѣтей, въ 1903 г. 47,9 %.

Число учителей равнялось въ 1892 г. 99,291; изъ нихъ 40 % были съ правительственными сертификатами, 23 % — assistant-teachers, 27 % — pupil-teachers. Учителя-женщины составляли преобладающій элементъ; они составляли 60% въ первомъ изъ этихъ отмѣченныхъ разрядовъ, 79 % во второмъ и 78 % въ третьемъ. Въ среднемъ на учителя, такимъ образомъ, приходилось около 55 учениковъ²⁾. Число всѣхъ учителей въ 1902 г. 153 тыс. или одинъ учитель на 38 учениковъ.

Весь расходъ на школы въ теченіе 1892 г. составлялъ 9,3 милл. фун. стер.; на правительство падало 43,7 % этой суммы, на школьный налогъ 20,7, добровольныя пожертвованія дали 19,8, плата за ученіе 15,6 %. Распредѣлялись эти средства такъ: 76 % шло на жалованье учителей и содержаніе школъ, 6,7 % на книги и аппараты, 17,3 % на разные расходы. На одного школьнаго ученика во всѣхъ школахъ въ среднемъ тратится 10,2 ф., въ земскихъ 11,75 ф. Къ 1902 г. средняя трата на обученіе ученика въ земской школѣ была 3 фунта 9 пенсовъ, въ добровольной 2. ф. 6 шил. 4 пенса. Вся сумма годичнаго расхода въ 1902 г. — 13.005.162 ф., изъ каковой суммы 62 % составляетъ субсидія правительства, а 38 % даетъ мѣстное обложеніе.

1) Въ томъ числѣ 2.300.377 учениковъ въ добровольныхъ школахъ и 1.704.130 въ земскихъ. По имѣющимся у меня даннымъ 1902 г. общее число всѣхъ записанныхъ въ элементарныхъ школахъ было 5.881.278, среднее посѣщеніе 4.890.237 или 83,14 % всѣхъ записанныхъ. Общее число всѣхъ учителей, мужчинъ и женщинъ, 150,884.

2) Учителя-ученики и донныѣ составляютъ весьма значительный процентъ въ англійскихъ школахъ. По даннымъ 1901 г. учителя со свидѣтельствами составляли 51,3 общаго числа учителей, ихъ помощники — 26,9, учителя-ученики 21,8. Особенно много этихъ послѣднихъ въ добровольныхъ школахъ, что, конечно, не къ ихъ чести. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ 1870 г. учителя-ученики составляли половину учебнаго персонала, нынѣ же только одну пятую. Всѣхъ учителей въ 1900 г. было 144.919 человекъ, изъ этого числа мужчины составляли 24,7%.

Вообще школьное дѣло въ земскихъ школахъ поставлено гораздо лучше. Оно и понятно. Значительную долю средствъ эти школы получаютъ путемъ налога, который хотя и весьма колеблется смотря по мѣстностямъ (по нѣкоторымъ мѣстамъ, напримѣръ въ Лондонѣ, достигаетъ 15,5 пенсовъ съ облагаемаго фунта). Возможность лучше поставить школу на эти деньги приводитъ также къ тому, что правительственная субсидія большою массою притекаетъ въ эти школы. Въ среднемъ полученія каждой школы отъ правительства на каждого ученика въ зависимости отъ средняго числа сдѣланныхъ посѣщеній, успѣховъ на экзаменахъ, за преподаваніе специальныхъ предметовъ колебались до 1902 г. отъ 12 ш. 6 п. до 17 ш. 5 п.; послѣдняя норма составляетъ предѣлъ, выше котораго правительственная субсидія при всѣхъ успѣхахъ школъ болѣе не принималась. Кромѣ того, всякая школа, отказывающаяся отъ платы за ученіе со стороны родителей, получаетъ еще 10 ш. на ученика; такимъ образомъ максимумъ правительственной субсидіи 1 ф. 7 шил.¹⁾

Раздавая субсидіи школамъ добровольнымъ и земскимъ, правительство строго безпристрастно. Оно охотно даетъ деньги всякой школѣ, результаты которой удовлетворительны. Земскія обыкновенно получаютъ высшій размѣръ субсидіи, но это зависитъ исключительно отъ большей ихъ успѣшности; средній ея размѣръ въ добровольныхъ школахъ не выше 16 ш. 8 п.; въ земскихъ школахъ 87 % учениковъ выдерживаютъ успѣшно, въ добровольныхъ школахъ 84 %.

Средняя трата на учителей сравнительно съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи совершенно необычна. Главный учитель получаетъ въ Лондонѣ до 460 ф. въ годъ, въ сельскихъ округахъ отъ 90 до 100 фунтовъ; главныя учительницы въ

1) Въ среднемъ правительственная субсидія получается школой обыкновенно въ слѣдующемъ размѣрѣ. 4 шил. 6 пен. выдается за каждого ученика, совершившаго надлежащее количество посѣщеній, 1 ш. 11 1/2 п. — за каждого ученика, если на экзаменахъ результаты дѣятельности школы признаны хорошими, 2 1/4 пенса за каждую ученицу, обнаружившую искусство въ шитьѣ, 8 3/4 пен. за всякаго учащагося, выказавшаго умѣнье пѣть, 7 ш. 3 пен. за всякаго учащагося, обнаружившаго хорошія познанія въ чтеніи, письмѣ и ариѳметикѣ, 3 ш. 3/4 п. за познанія по другимъ обязательнымъ предметамъ, 1 3/4 пен. за познанія по специальнымъ предметамъ.

тѣхъ же мѣстностяхъ нѣсколько менѣе — 300 и 70—80 ф. въ годъ. Помощникъ главнаго учителя въ среднемъ во всѣхъ школахъ земскихъ получаетъ до 100 ф., въ школахъ добровольныхъ отъ 67—73 ф.; помощницы до 77 въ первыхъ и около 45—48 ф. въ годъ во вторыхъ¹⁾.

4.

Любопытно взглянуть на тотъ размѣръ требованій по преподаванію, который предъявляетъ государство, какъ къ школамъ земскимъ, такъ и къ добровольнымъ. Нигдѣ инспекторскій персоналъ не отличается такими достоинствами, какъ въ Англіи, а поэтому составленная программа въ общемъ выполняется весьма добросовѣстно. Стремленія законодательства постоянно направлены къ тому, чтобы программа обученія расширялась.

Экзамены производятся по общему правилу по семи слѣдующимъ класснымъ требованіямъ, или штандартамъ.

Общіе предметы.

1-ое классное требованіе.

Чтеніе. Прочестъ небольшой отрывокъ изъ книги, состоящей изъ словъ уже не односложныхъ.

Письмо. Умѣть списать одну строку изъ печатной книги, начиная ее съ большой буквы.

Арифметика. Счетъ и письмо до 1000. Сложеніе и вычитаніе цифръ не болѣе, какъ трехзначныхъ.

Англійскій языкъ. Умѣнье различать существительныя.

Географія. Планъ школы и школьнаго мѣста для игръ. Умѣнье различать четыре основныя стороны плана. Значеніе умѣнья нарисовать планъ и полезность послѣдняго.

Элементарная наука. Тридцать уроковъ по разнымъ вопросамъ. Почтовая марка и почта. Деньги. Аспидный

1) По даннымъ 1901 г. главные учителя мужчины получали жалованье въ размѣрѣ отъ 145 до 147 фунтовъ, женщины отъ 95 до 97, помощники отъ 98 до 102, помощницы отъ 73 до 76 фун. Жалованье свыше 300 фун. получали въ общей сложности, какъ мужчины, такъ и женщины только 1,9% общаго числа учителей. Сравнительно съ 1870 г. жалованье мужчинъ возросло на 38%, женщинъ на 68%.

карандашъ. Желѣзнодорожный поѣздъ. Матеріалы для пищи и одежды: шерсть, хлопокъ, молоко, мясо, минералы, золото и серебро, уголь. Естественныя явленія: годъ и день.

Исторія. Небольшіе рассказы изъ англійской исторіи.

2-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочестъ краткій отрывокъ изъ элементарной книги для чтенія.

Письмо. Умѣнье написать шесть строкъ, прочитанныхъ медленно по книгѣ, а затѣмъ продиктованныхъ учителемъ.

Ариѳметика. Письмо и счетъ до 10000. 4 простыхъ правила для ускоренія дѣленія. Таблица умноженія и таблица пенсовъ до 12 шиллинговъ.

Англійскій языкъ. Умѣнье различать существительные и глаголы.

Географія. Размѣры и пространство всего міра. Простое объясненіе географическихъ терминовъ при посредствѣ иллюстрацій на планѣ Англіи. Физическая географія возвышенностей и рѣкъ.

Элементарная наука. Тридцать уроковъ по общимъ предметамъ, относящимся къ животнымъ, растеніямъ и вещамъ, употребляемымъ въ обыденной жизни. Напримѣръ, лошадь, воробей, корень, стволъ, почка, листь, свѣча, мыло, пробка, бутылка и проч.

Исторія. Простые рассказы изъ англійской исторіи.

3-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочестъ отрывокъ изъ книги для чтенія. Сознательное отношеніе къ прочитанному провѣряется рядомъ вопросовъ.

Письмо. Написать шесть строкъ изъ книги для чтенія, медленно прочтенныхъ одинъ разъ и затѣмъ продиктованныхъ.

Ариѳметика. Четыре простыхъ правила для ускоренія дѣленія, а также и дѣленіе большихъ чиселъ. Сложеніе и вычитаніе денегъ.

Англійскій языкъ. Умѣнье различать имена существительныя, глаголы, личныя мѣстоимѣнія и составленіе приѣмовъ изъ тѣхъ и другихъ въ предложеніяхъ.

Географія. Физическая и политическая географія Англіи со спеціальнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ школа расположена.

Элементарная наука. Простыя начала для классификаціи растений и животныхъ. Вещества, употребляемыя на фабрикахъ и заводахъ, въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Явленія земли и атмосферы.

Исторія. 12 рассказовъ изъ древнѣйшей англійской исторіи: бриты, введеніе христіанства, Альфредъ Великій, Кануть, Гарольдъ, Норманское завоеваніе.

4-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочестъ вполнѣ искусно отрывокъ изъ книги для чтенія или изъ англійской исторіи.

Арифметика. Смѣшеніе и раздробленіе обыкновенныхъ мѣръ и вѣсовъ.

Англійскій языкъ. Грамматическій разборъ простыхъ предложений, умѣніе показать примѣрами значеніе каждой части рѣчи.

Географія. Физическая и политическая географія британскихъ острововъ, британской Сѣверной Америки и Австраль-азіи, съ знаніемъ производимыхъ въ нихъ продуктовъ.

Элементарная наука. Бѣльшее знаніе объ обыкновенныхъ предметахъ особыхъ группъ, какъ-то: 1) о животныхъ и растеніяхъ, имѣющихъ значеніе въ земледѣліи, 2) о веществахъ, употребляемыхъ въ разныхъ производствахъ, 3) о простыхъ видахъ физическихъ и механическихъ орудій: термометръ, барометръ, блокъ, колесо, ось и ватерпасъ.

Исторія. Двадцать рассказовъ и біографій изъ исторіи въ эпоху отъ 1066 и по 1845 г. Герфордъ, Бекетъ, Ричардъ I, Крестовые походы, Иванъ Безземельный, Великая Хартія вольностей, Симонъ Монфортъ и Палата Общинъ и друг.

5-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочестъ отрывокъ изъ какого-нибудь выдающагося англійскаго писателя, книги для чтенія или англійской исторіи.

Письмо. Написать по памяти краткое изложеніе какого-нибудь прочитаннаго рассказа, прочтеннаго дважды. Обра-

щається вниманіє на почеркъ, правильность ореографіи и изложенія.

Арифметика. Всѣ четыре дѣйствія и примѣненіє общихъ правилъ по сокращенной методѣ. Простое правило 3 по методу единства. Сложеніє и вычитаніє дробей со знаменателемъ не выше 12.

Англійскій языкъ. Грамматическій разборъ и анализъ простыхъ предложеній. Методъ образованія англійскихъ существительныхъ и прилагательныхъ одинъ отъ другого.

Географія. Географія Европы, физическая и политическая. Долгота и широта. День и ночь. Времена года.

Элементарная наука. Животная или растительная жизнь или начала и процессы, по которымъ совершается какой-нибудь изъ главныхъ промысловъ въ Англіи. Физическія или механическія начала, по которымъ создаются какія-нибудь общеупотребительныя машины или орудія.

Исторія. Періодъ Тюдоровъ съ біографіями выдающихся лицъ: протекторъ Сомерсетъ, королева Елизавета, Шекспиръ, Рилей, Сесиль, Дрэкъ, Марія Шотландская.

6-е классное требованіє.

Чтеніє. Прочестъ вполнѣ сознательно отрывокъ изъ какого-нибудь историческаго произведенія Шекспира, другого выдающагося писателя или изъ исторіи Англіи.

Письмо. Краткое сочиненіє или письмо по легкому вопросу. На почеркъ, ореографію и изложеніє обращается особенное вниманіє.

Арифметика. Дроби, обыкновенныя и десятичныя, простая пропорція и процентъ.

Англійскій языкъ. Грамматическій разборъ и анализъ краткихъ сложныхъ предложеній. Значеніє и употребленіє латинскихъ приставокъ при образованіи англійскихъ словъ.

Географія. Британскія колоніи и земли подъ протекторатомъ Англіи. Обмѣнъ странъ продуктами. Обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ климатъ.

Элементарная наука. Животная и растительная жизнь, элементы и составляющіяся изъ нихъ тѣла, механическія силы.

Исторія. Періодъ Стюартовъ, со спеціальнымъ изученіємъ исторіи гражданской войны, состава и функцій парламента. Біографіи шести выдающихся личностей.

7-е классное требованіе.

Чтеніе. Прочестъ отрывокъ изъ Шекспира, Мильтона или другого какого-нибудь выдающагося автора или историка Англіи.

Письмо. Сочиненіе или письмо болѣе сложнаго характера.

Арифметика. Среднія цифры, процентъ на капиталы.

Англійскій языкъ. Анализъ предложеній, приставки и окончанія словъ.

Географія. Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Приливы и отливы, главные океанійскія теченія.

Элементарная наука. Распредѣленіе животныхъ и растений по свѣту. Человѣческія расы. Свойства газовъ. Звукъ, свѣтъ, тепло и электричество съ ихъ приложеніями.

Исторія. Періодъ Ганноверскій съ спеціальнымъ изученіемъ исторіи земельныхъ приобрѣтеній, развитія колоній и внѣшнихъ владѣній Великобританіи. 6 біографій выдающихся писателей или государственныхъ людей.

Примѣчаніе. Преподаватель элементарной науки можетъ представлять дѣтей къ экзамену, ограничивая широту преподаванія болѣе тщательнымъ изученіемъ отдѣльныхъ изъ указанныхъ въ программѣ требованій. Въ настоящее время, кромѣ того, по предложенію Аклинда, бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Розбери, инспекціи предоставлены новыя, весьма широкія права, а именно введена такъ называемая „intermitent inspection“, т. е. инспекція школъ въ періодъ ихъ обычной годовой дѣятельности. Школа, которую инспекторъ успѣлъ посѣтить въ теченіе года нѣсколько разъ и въ разное время и которая всякій разъ находилась въ хорошемъ состояніи, получаетъ право на полученіе субсидіи безъ производства въ ней экзаменовъ въ присутствіи инспектора.

Добавимъ къ этой программѣ еще указаніе, что почти повсемѣстно введено въ качествѣ обязательныхъ предметовъ: рисованіе — для мальчиковъ, шитье — для дѣвочекъ и пѣніе — для тѣхъ и другихъ. Департаментъ народнаго просвѣщенія, кромѣ того, разрѣшаетъ преподаваніе и другихъ предметовъ, которые раздѣляются на два рода: а) Optional или предметы, которыми ученикъ занимается по желанію. Къ числу этихъ предметовъ лондонская школьная управа относитъ: преподаваніе вокальной музыки, кухоннаго

искусства, мойку бѣлья и пр. и в) Специальные предметы, какъ-то : алгебра, геометрія, измѣреніе полей, механика, химія, физика, бухгалтерія, домашняя экономія, скоропись, иностранные языки и т. п. Школа, гдѣ преподаются одинъ или нѣсколько изъ этихъ предметовъ, можетъ заслужить усиленную субсидію (merit grant) отъ правительства. Изъ 661 т. учащихся дѣтей въ 1893 г. въ лондонскихъ земскихъ школахъ по специальнымъ предметамъ держало экзаменъ 19 т., и изъ нихъ 6 т. было дѣвочекъ.

Какъ мы видѣли изъ предшествовавшего, англійское законодательство сохранило два разряда школъ : *земскія*, организованныя за счетъ школьнаго налога и правительственной субсидіи (the School Board schools) и добровольныя (voluntary schools), содержащіяся за счетъ добротныхъ даяній и той же правительственной субсидіи и принадлежащія по самой исторіи своего происхожденія духовнымъ лицамъ самыхъ различныхъ церковныхъ исповѣданій. Законъ предоставлялъ всѣмъ этимъ разрядамъ школъ совершенно одинаковыя права, но, безъ сомнѣнія, налогъ составлялъ во многихъ отношеніяхъ болѣе прочный источникъ дохода, чѣмъ добровольныя приношенія. Школы добровольныя, поэтому, не могли сразу поставить дѣла вполнѣ хорошо по недостатку средствъ, а потому и вырабатывали меньшую по размѣрамъ правительственную субсидію. Духовенство, опираясь, главнымъ образомъ, на консервативную, болѣе всего богатую партію, съумѣло еще и понынѣ сохранить большую половину школьнаго дѣла въ своихъ рукахъ.

Форстеръ, а за нимъ и вся либеральная партія, вводя актъ 1870 г., настаивали на томъ, чтобы въ видахъ сохраненія свободы совѣсти въ различныхъ исповѣданіяхъ религіозное воспитаніе было построено на общихъ христіанскихъ основаніяхъ. Съ этою цѣлью уже отмѣченная нами статья закона, получившая названіе conscience или Cowper-Temple clause, вносила требованіе, чтобы въ школахъ преподавалась только Библія съ объясненіями, но не катехизисъ. Гладстонъ и Форстеръ искали, но не могли найти другого выхода практически : они хотѣли вполнѣ уровнять права различныхъ духовныхъ исповѣданій, отнюдь не давая перевѣса англиканскому духовенству. Коммиссія 1888 г. снова подтвердила это положеніе и сочла нужнымъ протестовать противъ того

толкованія, которое въ нѣкоторыхъ школахъ стали давать указанной статьѣ закона 1870 г. Въ §§ 67 и 68 своихъ общихъ выводовъ она опредѣлительно высказалась, что „пунктъ 14 акта 1870 г. (conscience clause), воспреещающій обученіе какому бы то ни было сектантскому катехизису и собранію правилъ, стремится создать только вполнѣ нейтральное отношеніе среди христіанскихъ исповѣданій. Этотъ пунктъ отнюдь не исключаетъ изъ школьнаго преподаванія наставленій въ вѣрѣ въ Бога и естественной нравственности, которая безъ вѣры въ Бога не можетъ быть объяснена и понята“ и далѣе: „статья о свободѣ совѣсти извращается самымъ страннымъ образомъ, когда она понимается такимъ образомъ, будто учитель не долженъ во время обыкновенныхъ школьныхъ часовъ ничего говорить о религіозныхъ вопросахъ и указывать, что христіанская религія осуждаетъ всякія вредныя дѣянія, наприм., ложь и проч.“ Та же коммиссія признала необыкновенную важность религіознаго образованія какъ для дѣтей, такъ для родителей и для націи, но настаивала на тщательномъ проведеніи компромисса. Опытъ показалъ, что компромиссъ этотъ не можетъ не вызвать борьбы. Съ особымъ ожесточеніемъ она разыгралась въ Лондонѣ, хотя отраженіе ея было замѣтно также и почти во всѣхъ другихъ частяхъ Англіи.

Первоначально, вслѣдъ за изданіемъ акта 1870 года, въ лондонской школьной управѣ все шло очень тихо. Борьба партій шла, главнымъ образомъ, на почвѣ политики и финансовъ. Такъ называемая прогрессивная партія стояла за расширеніе программы преподаванія въ школахъ; однимъ изъ видныхъ ея представителей былъ проф. Гёксли, стоявшій за усиленіе преподаванія естественныхъ наукъ. Улучшеніе школъ было лозунгомъ этой партіи. Напротивъ, умѣренная партія, въ составъ которой входило много сторонниковъ добровольныхъ школъ, настаивала на сохраненіи старой программы, на сокращеніи издержекъ и ея лозунгъ былъ: „экономія.“ Среди сторонниковъ противной партіи было много лицъ, стоявшихъ за чисто-свѣтское образованіе, но она рѣшила, правда, не безъ колебаній, строго придерживаться компромисса, созданнаго актомъ 1870 года. Прогрессивная партія, однако, упрекала умѣренную въ томъ, что она: а) не заботится о постройкѣ новыхъ школъ и потому

школы переполнены; b) не обращает вниманія на недостаточность учительскаго персонала и на организацію вечернихъ занятій, не понимаетъ, что по мѣрѣ усложненія жизни программа народной школы должна расширяться, давать болѣе солидныя свѣденія изъ естественныхъ и общественныхъ наукъ; и c) вообще всегда стоитъ противъ всякихъ улучшеній, которыя сопровождаются хотя бы даже незначительными расходами. Умѣренная партія упрекала прогрессивную въ томъ, что она хочетъ совершенно обратить народную школу въ подобіе французской, имѣющей вполнѣ свѣтскій характеръ. Столкновение партій началось съ самаго момента образованія школьной управы въ Лондонѣ, но съ особою силою оно сказалось только въ 1892—1894 гг. Во главѣ школьной управы стоялъ въ это время M. Diggle, а ревностнымъ проводникомъ его идей былъ Рилей. Этотъ послѣдній по собственному почину сталъ собирать свѣдѣнія о томъ, какъ ведется религіозное образованіе въ земскихъ школахъ. Естественно, ему пришлось натолкнуться на многіе неожиданные факты. По его словамъ, многіе учителя, строго толкуя „conscience clause“, совершенно отказывались отъ религіознаго образованія, другіе давали унитаріанское объясненіе Евангелію, третьи излагали религію ученикамъ такъ, какъ они ее понимаютъ сами. Подъ сильнымъ давленіемъ умѣренной партіи и прессы школьная управа рѣшилась тогда собственными силами создать единство въ этомъ преподаваніи, составивъ программу преподаванія Закона Божія и разославъ ее при особомъ циркулярѣ.

Выборы школьной управы на трехлѣтіе 1894—97 г. отличались необыкновеннымъ волненіемъ. Всего было подано 1,606,738 голосовъ, изъ нихъ умѣренные получили 671 т. голосовъ, прогрессисты — 817, независимые — 36, католики 42, социалисты — 38 т. голосовъ; такимъ образомъ большинство голосовъ было подано за прогрессистовъ; но умѣренные оказались лучше организованными, благодаря кумулятивному голосованію, они получили въ школьной управѣ 29 мѣстъ, прогрессисты и всѣ другія партіи, идущія съ ними за одно, всего 26. Имѣя большинство въ 145 тысячъ голосовъ, они оказались тремя членами въ меньшинствѣ. Многіе изъ выставленныхъ ими кандидатовъ получили огромное количество голосовъ, тогда какъ другіе недостаточ-

ное. Во всякомъ случаѣ, побѣда умѣренныхъ не блестящая и прогрессисты начнутъ настаивать на соблюденіи компромисса 1870 г., что, конечно, не обойдется безъ борьбы. Самое существованіе ея показываетъ, что компромиссомъ 1870 г., при многообразіи сектъ, Англія не разрѣшила вопроса о религіозномъ преподаваніи въ своихъ народныхъ школахъ.

Плата за обученіе во всѣхъ народныхъ школахъ болѣе не взимается: школа — бесплатна.

5.

Какъ и слѣдовало ожидать, борьба направленій скоро же отразилась и на законодательствѣ. Въ 1897 г. консервативное министерство Бальфура внесло въ парламентъ такъ называемый актъ о добровольныхъ школахъ. Ни одна законодательная мѣра еще не вызывала такого ожесточенія, какъ эта. Содержаніе акта была таково. Департаментъ народнаго просвѣщенія получилъ право распредѣлять правительственную субсидію добровольнымъ школамъ, по преимуществу не имѣющимъ сектаріанскаго характера, въ размѣрѣ пяти шиллинговъ на каждого въ среднемъ записаннаго и посѣщающаго школу ученика. Одновременно съ этимъ, однако, добровольнымъ школамъ разрѣшено составлять федераціи и избирать особые бюро, которыя принимаютъ отъ правительства пособіе согласно своимъ отчетамъ и распредѣляютъ между школами. Параграфъ пятый акта предоставляетъ правительству право отказывать школъ въ пособіи, если она безъ достаточныхъ основаній не присоединилась къ федераціи, оговаривая, однако, что неприсоединеніе какой либо школы не можетъ быть признано безъосновательнымъ, если большинство другихъ школъ данной федераціи школъ будетъ принадлежать къ иному вѣроисповѣданію. Тотъ же актъ требуетъ отъ школъ ежегоднаго отчета и освобождаетъ добровольныя школы отъ налогового обложенія. Подъ мягкой формой билля скрывалась жестокая дѣйствительность. Этотъ актъ стремился нанести рѣшительный ударъ земской школъ, передавъ правительственную субсидію добровольнымъ школамъ, принадлежащимъ главнѣйше клерикальной или консервативной партіи. Федераціи тотчасъ же образовались, при чемъ во многихъ случаяхъ съ

полнымъ устраненіемъ учительскаго персонала отъ управленія. Деньги стали расходоваться не на улучшеніе положенія учащаго персонала, а на содержаніе школъ т. е. главнымъ образомъ на улучшеніе жалкой обстановки, которая имѣлась у нихъ сравнительно съ земскою школою. Въ блестящей рѣчи покойный лидеръ либеральной партіи Гаркортъ возражалъ противъ всего этого акта, считая его нарушеніемъ всѣхъ принциповъ школьнаго законодательства послѣ 1870 г. „Со всѣхъ сторонъ, говорилъ онъ, слышны голоса, что добровольная школа истребляется. Но я скажу: добровольныя школы съ каждымъ годомъ возрастали въ числѣ. Друзья этой школы завидуютъ и не могутъ этого перенести, что національныя земскія школы возрастаютъ также. Когда эти земскія школы были учреждены — я имѣлъ счастье принимать участіе въ ихъ созданіи — ихъ назначеніе было восполнять недостатокъ частной инициативы. Недостатокъ добровольныхъ школъ былъ такъ великъ, что земскія школы должны были принять на себя половину работы. Поэтому они имѣютъ право на такую же поддержку, какъ и добровольныя школы . . . Мы никогда не отрицали, что пособіе должно быть даваемо и добровольнымъ школамъ, ибо наша задача заключается въ томъ, чтобы давать хорошее обученіе, и въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ также обученіе не такъ хорошо, какъ бы хотѣлось, благодаря невозможности подыскать хорошихъ учителей. Слѣдовательно, пока мы имѣемъ оба рода школъ и желаемъ быть справедливыми, мы не противимся раздачѣ пособій имъ обоимъ, . . но обращать національный фондъ на школы на пользу только клерикальнаго меньшинства и исключительно для политическихъ и религіозныхъ цѣлей — это значитъ дѣлать дѣло, которое мы не можемъ терпѣть. Въ рядахъ консервативной партіи раздаются голоса противъ этого акта и я, не смотря на мой долгій парламентарный опытъ, не видѣлъ, чтобы правительство, опирающееся на большинство, терроризировало своихъ сторонниковъ угрозою отставки.¹⁾

1) По даннымъ 1902 г. въ школахъ земскихъ училось 2344, въ добровольныхъ 2546 тыс. Земская школа, однако, разрасталась гораздо быстрее добровольной. Въ 1874 г. въ добровольныхъ школахъ училось 1540, въ земскихъ 138 тыс. дѣтей т. е. всего 12,4% общаго числа учащихся,

Для характеристики послѣдующей исторіи народной школы въ Англіи слѣдуетъ отмѣтить еще акты 1900 и 1902 г.

Актъ 1900 г. имѣлъ сравнительно мало важное принципиальное значеніе. Онъ внесъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ надзоръ за посѣщеніемъ школъ, предоставилъ школьнымъ властямъ право включать въ составъ лицъ, обязательно посѣщающихъ школу, дѣтей до 14 лѣтъ и возвысилъ штрафъ родителей за уклоненіе отъ обязательности посѣщенія школъ дѣтьми съ пяти до 20 шиллинговъ. Актъ, кромѣ того, увеличилъ число дней посѣщенія школы, освобождающее отъ обязательнаго посѣщенія, съ 250 согласно акту 1876 г. до 350 дней.

Основные положенія этого акта таковы: 1. Дѣти могутъ работать въ земледѣліи съ 11 лѣтъ, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ обязательствомъ, чтобы до 13 лѣтъ они посѣщали не менѣе 250 разъ ежегодно школу. 2. Кромѣ этого изъятія, ни одно дитя не можетъ получить частичнаго или полнаго освобожденія отъ обязательнаго посѣщенія школы до 12 лѣтъ. 3. Дитя отъ 12 до 13 лѣтъ и, если школьныя власти того желаютъ, отъ 12 до 14 можетъ получить частичное или полное освобожденіе только на основаніи постановленія школьныхъ властей. 4. Въ округахъ, гдѣ до сихъ поръ школьный возрастъ длится только до 13 лѣтъ, дитя между 13 и 14 годами можетъ получить полное освобожденіе отъ посѣщенія школы или по выдержаніи четвертаго штандарта или же сдѣлавъ не менѣе 350 посѣщеній школы послѣ пятилѣтняго возраста и не болѣе, чѣмъ въ двухъ школахъ въ теченіи каждаго года для пяти лѣтъ¹⁾.

въ 1902 г. этотъ процентъ возросъ до 47,9 и обнаруживалась крайне живая дѣятельность по дальнѣйшему расширенію школьной земской сѣти, по расширенію программъ, по улучшенію всей внѣшней и внутренней обстановки школы. Земская школа поставила своей ближайшей же задачей устранить совершенно институтъ учителей-учениковъ.

1) Отчетъ департамента просвѣщенія за 1901—1902 г. свидѣтельствуетъ, что изъ всего состава 3348 школьныхъ властей — въ томъ числѣ 2560 школьныхъ бюро и 778 школьныхъ комитета — 1732 школьныя власти — въ томъ числѣ 1182 школьныхъ бюро и 550 школьныхъ комитета издали пересмотрѣнные регламенты для школъ согласно закону 1900 г. 1567 школьныхъ властей повысили годы полнаго освобожденія отъ обязательнаго посѣщенія школы до 14 лѣтъ и только 165 отказались

Министерство Бальфура считало актъ 1902 г. одной изъ наиболѣе блестящихъ страницъ своей дѣятельности. Естественно, что либеральная и прогрессивно-радикальная партіи относились къ этому акту совсѣмъ иначе. Консервативная партія видѣла въ актѣ какъ бы націонализацию школьнаго дѣла, либеральная партія находила въ немъ только зародыши совсѣмъ новой постановки школьнаго дѣла съ слабымъ увеличеніемъ общественнаго контроля за дѣломъ какъ низшаго, такъ и средняго образованія; она видѣла въ актѣ 1902 г. нѣкоторую уступку общественному мнѣнію, которое было сильно раздражено актомъ 1897 г. Новое либеральное министерство скоро, вѣроятно, примется за переработку этого акта¹⁾.

Содержаніе этого интереснаго акта таково. Школьныя бюро, образованныя согласно акту 1870 г., упразднены и завѣдываніе низшимъ и среднимъ образованіемъ передано совѣтамъ мѣстныхъ самоуправленій каунти и городовъ. Этимъ совѣтамъ мѣстныхъ самоуправленій²⁾ предоставлено

сдѣлать это. Для полнаго освобожденія отъ школьнаго посѣщенія большинство школьныхъ властей требуетъ сдачи экзамена не менѣе, какъ по пятому штандарту, для частичнаго освобожденія не менѣе четвертаго штандарта. Вотъ табличка, которая показываетъ, какъ быстро нарастаютъ требованія въ англійской школѣ:

Число школьныхъ властей, требующихъ полнаго посѣщенія школы до достиже- нія нижеслѣдующаго штандарта:		Г о д ы:	
		1897	1900
штандартъ IV.	1209	886 шк. вл.
„ V.	1843	2006 „
„ VI.	140	363 „
„ VII.	4	72 „

1) Въ любопытной статьѣ, помѣщенной въ Fortnightly Review (январь, 1903 г.) Mr. Маспамага писалъ: „актъ 1902 г. не можетъ быть разсматриваемъ какъ послѣднее слово по организаціи школьнаго дѣла. Это послѣднее слово не будетъ сказано до тѣхъ поръ, пока не только всѣ школы, получающіе субсидію отъ государства, не будутъ вполне подчинены общественному контролю, но и пока они не будутъ вестись такъ, чтобы не существовало никакой религіозной неправопоспособности (disability) ни для учениковъ, ни для учителей. Для этой цѣли либеральная партія будетъ работать. И эта задача, по моему мнѣнію, нынѣ сильно облегчена послѣ того, какъ всѣ школы стали получать деньги на свои расходы за счетъ мѣстныхъ налоговъ“.

2) Какъ извѣстно, согласно послѣднему акту о мѣстномъ самоуправленіи Англія и Валлисъ были раздѣлены на 61 округъ или каунти и на

право завѣдывать всѣми школами, содержащимися школьными бюро и давать имъ необходимыя средства. Это постановленіе прошло не безъ большихъ протестовъ. Многие представители либеральной партіи возражали противъ него, указывая, что выбранныя на демократическихъ началахъ школьныя бюро могли бы дѣлать дѣло лучше, ибо мѣстное самоуправленіе и такъ завалено работой, въ особенности при все болѣе и болѣе возрастающихъ требованіяхъ муниципальнаго социализма.

Школы мѣстнаго самоуправления получили названіе „provided schools“ т. е. школъ, которыя создаются и содержатся на средства мѣстнаго самоуправления. На ряду съ ними сохранены, однако, и школы добровольныя, которыя квалифицируются какъ не субсидируемыя школы, хотя въ дѣйствительности это и не вполне вѣрно.

Мѣстное управленіе получило право устанавливать обложеніе на содержаніе школъ въ размѣрѣ двухъ пенсовъ съ оцѣночнаго фунта; низшія инстанціи мѣстнаго самоуправления, подъ которыми актъ понимаетъ совѣты дистриктовъ города, приходскаго совѣта или приходскаго митинга, имѣютъ право увеличить обложеніе еще на одинъ пенсъ. Всякое дальнѣйшее увеличеніе обложенія можетъ совершаться только съ согласія департамента народнаго просвѣщенія.

Добровольныя школы т. е. школы содержимыя за счетъ церкви и добродѣтельныхъ пожертвованій, все обзаведеніе должны пріобрѣтать за свой собственный счетъ, но въ тоже время онѣ получили право, если въ школѣ имѣется не менѣе тридцати учениковъ, на участіе въ собранныхъ мѣстнымъ управленіемъ налогахъ. Насколько мнѣ удалось разобраться въ этихъ сложныхъ постановленіяхъ, это дѣлается такъ. Мѣстное самоуправленіе высчитываетъ, какую сумму дохода оно получило отъ налога въ одинъ пенсъ съ оцѣночнаго фунта. Затѣмъ оно вычисляетъ среднее число посѣщающихъ какъ земскія, такъ и добровольныя школы учениковъ и дѣлитъ означенную сумму между школами соотвѣтственно числу учащихся. Другими словами, сумма одного пенса

62 городскихъ поселеній съ населеніемъ свыше 50 тыс. человекъ, а вмѣстѣ съ Лондономъ, который признанъ за особое каунти, слѣдовательно на 122 каунти и городскихъ поселеній.

съ оцѣночнаго фунта распредѣляется между всѣми наличными школами обоихъ видовъ. Всѣ остальные средства мѣстное самоуправленіе тратитъ только на свои школы. Естественнo, что такое уменьшеніе средствъ прежнихъ школьныхъ бюро должно вызывать повышеніе обложенія на чисто земскія школы и это было встрѣчено большими протестами, для чего, какъ увидимъ ниже, правительству пришлось допустить нѣкоторый общественный контроль за добровольными школами и сдѣлать уступки по части религіознаго обученія.

Чтобы закончить съ финансовой стороною акта, я долженъ сказать еще и о новомъ способѣ распредѣленія особой правительственной субсидіи (special aid-grant), которая выдается изъ доходовъ, получаемыхъ съ таможенныхъ пошлинъ и акциза, и составляетъ внушительную сумму въ 22 мил. рублей. Субсидія эта распредѣляется такимъ образомъ. Правительство, по прежнему, выдаетъ на каждаго ученика земской и добровольной школы по четыре шиллинга. На каждые же два пенса ниже 10 шиллинговъ на ученика, которое даетъ раздѣлъ одного пенса съ оцѣночнаго дохода между всѣми школами, правительство приплачиваетъ полтора пенса. По расчетамъ оказывается, что при помощи этой подвижной школы большинство школъ получить сумму отъ четырехъ шиллинговъ до 10 шиллинговъ девяти пенсовъ на ученика.

Организація школьнаго дѣла поставлена такимъ образомъ. Всѣ школы мѣстнаго самоуправленія имѣютъ особое правящее бюро, состоящее изъ четырехъ членовъ отъ высшихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и двухъ отъ низшихъ. Города имѣютъ право избирать и большія по числу членовъ правящія бюро *безъ различія пола*.

Добровольныя школы также имѣютъ особое бюро согласно статутамъ ихъ учредителей въ составѣ четырехъ членовъ, но мѣстное самоуправленіе, какъ дающее нѣкоторую долю средствъ, избираетъ въ ихъ составъ отъ себя двухъ членовъ.

Въ тоже время совѣты каунти имѣютъ право избирать особые школьные комитеты, составленные по проэкту совѣтовъ мѣстнаго самоуправленія, одобренныхъ департаментомъ просвѣщенія, также безъ различія пола. Мѣстное само-

управленіе устанавливаетъ налогъ на школы, контролируетъ расходы и утверждаетъ смѣты, назначаетъ и увольняетъ учителей, но въ законѣ указано, что причиной увольнения или даже недопущенія къ службѣ не могутъ быть политическія и религіозныя соображенія. Учитель не можетъ быть уволенъ также тогда, когда онъ по собственному почину и по желанію родителей даетъ религіозное обученіе. Самоуправленіе можетъ также инспектировать школы. Школьный комитетъ несетъ на себѣ всѣ хозяйственныя заботы и завѣдываетъ всей работою школъ, составляетъ проэкты реорганизации школъ, но не имѣетъ права своею властью устанавливать какія либо смѣты и дѣлать расходы внѣ ея. Онъ можетъ предоставлять школьныя помѣщенія въ свободное отъ занятія время для любыхъ образовательныхъ цѣлей, но не болѣе трехъ разъ въ недѣлю.

На такихъ же началахъ построена и организація добровольныхъ школъ. Столкновенія между мѣстнымъ самоуправленіемъ и управляющими добровольныхъ школъ разрѣшаются департаментомъ просвѣщенія.

Вопросу о религіозномъ обученіи посвящена статья седьмая акта, которую я привожу въ переводѣ. „Совѣтъ мѣстнаго управленія при раздачѣ денегъ согласно этому акту не имѣетъ права требовать, чтобы въ школѣ преподавалась какая нибудь особая форма религіи, совершалось особое богослуженіе или изучался какой либо катехизисъ, характерный для какой бы то ни было секты. Это постановленіе имѣетъ отношеніе ко всякой школѣ, коллегіи или сборному мѣсту, которое субсидируется, но не содержится мѣстнымъ самоуправленіемъ. Ни одинъ ребенокъ не можетъ быть по религіознымъ причинамъ исключенъ изъ любой школы или поставленъ въ болѣе низкое положеніе, гдѣ таковая содержится мѣстнымъ самоуправленіемъ. Ни въ одной изъ такихъ школъ, коллегій или сборныхъ мѣстъ, содержимыхъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, не можетъ преподаваться катехизисъ или вѣроисповѣданіе любой секты, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда совѣтъ мѣстнаго самоуправления, по требованію родителей учениковъ, въ такое время и на такихъ условіяхъ, кои совѣтъ найдетъ желательными, допустить преподаваніе религіи, но не иначе, какъ не на счетъ совѣта мѣстнаго самоуправления (other-

wise than at the cost of the council). При непремѣнномъ предположеніи, однако, чтобы, пользуясь этимъ правомъ, совѣтъ не оказывалъ какого либо предпочтенія одной какой либо религіи. 2. Въ школахъ, получающихъ субсидію или содержимыхъ совѣтомъ мѣстнаго самоуправления, согласно этому акту, а) отъ ученика, посѣщающаго дневную или вечернюю школу, нельзя требовать, какъ условіе допущенія или пребыванія въ школѣ или коллегіи, присутствія или отсутствія въ любой воскресной школѣ, мѣстѣ богослуженія и совершенія религіозныхъ обрядовъ, или обученія въ религіозныхъ вопросахъ въ школѣ, коллегіи или гдѣ бы то ни было; б) время для религіознаго обученія или присутствія на богослуженіи должно быть соотвѣтственно такъ расположено, чтобы каждый ученикъ имѣлъ возможность не присутствовать или удалиться“.

Правительство сохранило за собою право общаго надзора за дѣятельностью школъ обоихъ видовъ. Департаментъ народнаго просвѣщенія послѣ надлежащаго публичнаго разслѣдованія можетъ устранить замѣченный безпорядокъ или небрежность приказомъ „mandamus“.

Не стану останавливаться на анализѣ этого закона. Для этого мнѣ пришлось бы слишкомъ много говорить о теперешнемъ мѣстномъ самоуправленіи въ Англіи. Отмѣчу только въ добавленіе одну сторону дѣла, касающуюся назначенія учителей, которая вызвала большую оппозицію и вызвала заявленіе либеральной партіи, что въ ближайшемъ же будущемъ она будетъ добиваться, чтобы во всѣхъ школахъ учителя назначались мѣстнымъ самоуправленіемъ и безъ всякихъ требованій по части ихъ религіознаго образованія.

Вотъ что говорилъ извѣстный Брайсъ въ Палатѣ Общинъ: „Мѣстные завѣдывающіе школами составляютъ самую сложную часть новаго акта, ибо они состоятъ изъ двухъ родовъ лицъ. Относительно завѣдывающихъ въ добровольныхъ школахъ не можетъ быть сомнѣній. Они не назначаются комитетами и не могутъ быть устранены ими. Въ настоящее время, если бюро завѣдывающихъ не повинуется инструкціямъ изъ Вайтголла, субсидія пріостанавливается и они страдаютъ. Но если они откажутся повиноваться комитету, при новомъ актѣ пострадаетъ этотъ послѣдній. Если мѣстные завѣдывающіе будутъ упорствовать въ неповино-

веніи, единственный путь, по которому комитетъ и совѣтъ мѣстнаго самоуправленія могутъ пойти, заключается въ томъ, что они должны взять школу на свое попеченіе за счетъ налоговъ. Развѣ отсюда не ясно, что мѣстные завѣдывающіе добровольныхъ школъ имѣютъ положеніе большой силы и значенія? Какъ мало имѣетъ здѣсь вліянія учебный комитетъ? Мѣстные завѣдывающіе могутъ увольнять хорошихъ учителей или вводить религіозное обученіе, которое можетъ не нравиться родителямъ всей англиканской церкви и учебный комитетъ не можетъ вмѣшаться. Пока въ школѣ имѣется 30 человѣкъ учащихся, совѣтъ мѣстнаго самоуправления долженъ поддерживать школу, хотя бы онъ и считалъ ее совершенно бесполезной ¹⁾“.

Такова въ краткомъ очеркѣ исторія народной школы Англіи въ настоящемъ столѣтіи. Несомнѣнно самое выполненіе указанной программы, подборъ преподавателей, успѣхи учениковъ не всегда отличаются и въ этой странѣ высокими достоинствами. Даже и въ этой странѣ народное образованіе дѣло сравнительно новое. Слѣдуетъ, однако, признать, что здѣсь на дѣло народнаго образованія полагаютъ свои силы и энергію лучшія общественныя силы. Одинъ изъ выдающихся инспекторовъ Англіи, Маттью Арнольдъ, на вопросъ, обращенный къ нему, что должна давать народная школа, отвѣтилъ словами Амоса Коменскаго: „воспитывать всѣхъ тѣхъ, которые родились людьми, во всемъ томъ, что человѣчно.“

Мнѣ представляется, что изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать слѣдующіе основные выводы для школьной платформы:

1. Надлежитъ въ ближайшемъ же будущемъ озаботиться объ организаціи обязательнаго, всеобщаго и бесплатнаго обученія для дѣтей обоого пола въ начальной народной школѣ. Школа должна быть національнымъ дѣломъ, что не исключаетъ необходимости и возможности преподаванія общегосударственнаго языка. Планъ послѣдовательнаго (въ извѣст-

1) См. Report of the Commissioner of Education за 1902 г., Wash. 1903 г.

ный опредѣленный періодъ времени) осуществленія этого важнаго дѣла составляетъ первѣйшую задачу законодательнаго собранія.

2. Средства для достиженія этой цѣли должны быть получаемы за счетъ поступленій отъ мѣстнаго и общегосударственнаго обложенія. Завѣдываніе народной школой и расходываніе всѣхъ мѣстныхъ средствъ и государственныхъ субсидій на это дѣло должно быть передано мѣстному самоуправленію подъ общимъ государственнымъ контролемъ. Надлежитъ выработать разумную и справедливую систему раздачи общегосударственныхъ средствъ (субсидій) на организацію школьнаго дѣла, какъ земствамъ, такъ и другимъ частнымъ и общественнымъ ассоціаціямъ.

3. Народная школа должна быть построена на началахъ полной свободы совѣсти и вѣротерпимости. Программы преподаванія расширены и дѣти школьнаго возраста въ возможно широкихъ предѣлахъ освобождены отъ трудовой кабалы. Школьный возрастъ слѣдуетъ опредѣлить съ 8 по 14 лѣтъ.

4. Частная инициатива въ дѣлѣ развитія народнаго образованія должна быть всемѣрно поощряема, что особенно желательно для высшей народной и профессиональной школы.

5. Матеріальное положеніе учителей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, должно быть улучшено и ихъ образовательный цензъ повышенъ. Матеріальная помощь нуждающимся учащимся должна быть оказываема, какъ органами мѣстнаго самоуправления, такъ школьными властями и частными ассоціаціями.

6. Необходимо участіе въ жизни школы, кромѣ школьныхъ властей, и родителей учениковъ каждой общины, селенія, прихода или другой мелкой земской единицы, въ которыхъ имѣется школа.

7. Земское самоуправленіе должно получить право дѣлать займы для постройки и обзаведенія школъ подъ обезпеченіе мѣстными налогами.

Ноябрь, 1905 г.

Оглавленіе.

	Стр.
I. Статистика образованія по переписи 1897 г.	3
II. Государство и народная школа	16
III. Какъ и на какихъ началахъ достигла Англія всеобщаго обученія своего населенія	67
Общіе выводы	109

Р. S. Читателей просятъ имѣть въ виду, что настоящая брошюра
написана и отдана въ печать въ ноябрѣ 1905 г.

Опечатки.

Стр.	19 строка	1 сн.	Напеч.	Надо.
			ouvrières	ouvrières
„ 55	„ 3	„	задержать	задержать
„ 54	„ 53	„	занятіи	занятій
„ 60	„ 3	„	достигать	достигать
„ 61	„ 5	св.	своботы	свободы

Der

geschichtliche Hintergrund

der Kapitel 56—66 im Buche Jesaia.

Motto:

„Ich hab's gewagt!“

Von der theologischen Fakultät am 13. Dezember 1902
mit der goldenen Medaille gekrönte Preisschrift

von

Karl Cramer

stud. theol.

I.

Überblick über die Geschichte der Kritik und der gegenwärtige Stand der Frage.

Der Prophet Jesaia, „der grösste und zuverlässigste in seinen Gesichten“, wie ihn der Siracide (48₂₂) nennt, verdankt seinen Ruhm nicht am wenigsten dem zweiten Teil (K. 40 ff.) des nach ihm benannten Buches. Unumstritten galt er durch 2 Jahrtausende hindurch als derjenige, der πνεύματι μεγάλῳ εἶδε τὰ ἔσχατα καὶ παρεκάλεσε τοὺς πενθοῦντας ἐν Σιών, ἕως τοῦ αἰῶνος ὑπέδειξεν τὰ ἐσόμενα καὶ τὰ ἀπόκρυφα πρὶν ἢ παραγενέσθαι αὐτά ¹⁾, bis die wissenschaftliche Kritik des 18. und 19. Jahrhunderts ihm den 2. Teil seines Buches ganz absprach.

Abgesehen von den dunkeln Andeutungen des spanischen Rabbi Ibn Esra († 1167) wagte es erst im Jahre 1775 J. Chr. Döderlein seinen Zweifel an der Echtheit des zweiten Teiles auszusprechen. Ausführlicher behandelte er die Frage in der II. Auflage seines Kommentars (1780; vgl. Zitate bei Baudissin, Einl. i. d. A. T. 1901. S. 388). Unabhängig von ihm sprach Joh. Benj. Koppe in der Bearbeitung des R. Lowth'schen Kommentars seinen Verdacht gegen die Echtheit einiger Kapitel aus (1779–1781). Den ersten ausführlichen Beweis lieferte L. J. E. Justi (vgl. Augusti, Grundriss e. hist.-krit. Einleitung i. A. T.² 1827. S. 295). Zunächst ging man auf dem nunmehr betretenen Wege weiter und zerstückelte auch den Deuterjesaia in einzelne Abschnitte: so Augusti (l. c. S. 291),

1) Jes. Sir. hrsgb. v. L. Strack, 1903. 48_{24f.}: ברוח גבורה חזה / אחריה / וינחם אבלי ציון. ' עד עולם הגיד נהירה / ונסחרה לכני בוואן.

Bertholdt¹⁾ und J. G. Eichhorn, hebr. Proph. 1816—29. Letzterer verteilt aus inhaltlichen wie sprachlichen Gründen die Abschnitte in Dtrjs. auf die Zeit zwischen 693 und nach 535. Doch bald trat eine Reaktion ein und man bemühte sich um so mehr die Einheitlichkeit Dtrj.'s darzutun: so betonte W. Gesenius, Jes. 1820—21; 29². 4 Bände, besonders die Einheit.

Die Dreiteilung, auf die Fr. Rückert, Hebr. Proph. 1. Lfr. 1831, aufmerksam machte und die man als eine beabsichtigte ansah, veranlasste Ferd. Hitzig, Proph. Jes. 1833, ebenfalls für die Einheit einzutreten. Er verlegte die ganze Weissagung in die letzte Zeit des Exils (539—538). Ihm schlossen sich A. Knobel, Der Prophet Jesaja 1843, und L. Diestel in der 4. Aufl. des Knobelschen Kommentars 1872 an. Die grosse Gleichartigkeit in Darstellung und Sprache zwangen ferner Fr. Bleek, Einleitung 1860, später auch A. Kamphausen in der dritten Auflage derselben 1870 und Julius Wellhausen in der vierten 1878 zu der Annahme eines Verfassers für K. 40—66. Er musste allerdings zugeben, dass die Schrift nicht in einem Zuge geschrieben sei, da er vorexilische Stücke, die der Prophet in seine Schrift aufgenommen haben soll (cf. Tabelle), aber auch solche aus der Zeit nach dem Exil unterschied, während er als Standort des Verfassers Babylonien bezeichnete. Zu der kühnsten Behauptung in dieser Richtung hat sich L. Seinecke, Der Evangelist des A. B. 1870, im Anschluss an F. Beck, Die cyro-jesajan. Weissag. 1844, aufgeschwungen, wenn er sagt: „Die ganze Weissagung (40—66) ist ein Ganzes aus einem Gusse“ (S. 9). Er lässt sie in Jerusalem in der Zeit 538—536 entstanden sein. Ungefähr in dieselbe Zeit (545—536) verlegt auch H. L. Strack, Einleitung 1898, die ganze Schrift mit dem Vorbehalt, der letzte Teil Dtrj.'s sei später als der erste geschrieben. W. Vatke hat herausgefunden (Hist.-krit. Einleitung 1886), dass 13 Kapitel aufsteigend, tröstend, 13 Kapitel absteigend, rügend seien und stützt darauf sowie auf die Einheitlichkeit des Sprachgebrauchs seine Behauptung, Kap. 40—66 seien von einem Dichter am Ende des Exils geschrieben. Dieselbe Meinung vertraten auch: C. v. Orelli, der Prophet Jes. 1904, H. Blanc-Milsand in seiner *Investigatio p. lic. doc.: De tempore, quo 27 ultima libri Proph. Js. capit. scripta fuerint*, Paris 1884.

1) Vgl. Cheyne, Einl. in d. B. Jes. deut. 1897. S. 288.

Einen Vermittelungsweg schlug H. Ewald, Propheten 1840—41; 2. Ausg. 1867/8, ein. Er behauptete weder, dass die Schrift in einer sehr kurzen Zeit entstanden sein müsse, noch, dass sie aus einzelnen Reden von verschiedenen Verfassern bestehe. Er zeigt mehr Verständnis für den Propheten, der seiner Meinung nach ganze längere Stellen älterer Propheten in seine Schrift aufnimmt (aus der Zeit Manasses sollen z. B. 40₁ f. . 52₁₃—54₁₂. 56₉—57₁₁ stammen). Der Prophet habe „dies ganze grosse Stück nicht in einem zusammenhange und plane geschrieben . . . Schon der eilige drang jener zwischenzeit förderte mehr kurze ergüsse“. Es sind „fliegende blätter“ (l. c. S. 28 f.), die ihm der wogende Strom der Zeit nacheinander entlockt. Er unterscheidet 2 grosse Teile: 1) 40—48, wo man besonders die frische Begeisterung merkt, und 2) 49—60, der in viel späterer Zeit geschrieben sein soll. Als Nachschrift bezeichnet er 61₁—63₆, wo die beiden Teile zusammengefasst werden, und als späteren Nachtrag 63₇—66. Der Hauptsache nach stamme die Schrift aus dem Ende des Exils.

Sehr abhängig von Ewald zeigt sich Aug. Dillmann, Jesaja 1890 — in der 5. Auflage des Knobelschen Kommentars. Seiner Meinung nach ist K. 40—66 eine besondere Schrift, in der Hauptsache von einem Verfasser aus dem Ende des babylonischen Exils in Babylonien (obwohl nicht in einem Zuge) geschrieben. Kap. 40—48 (der erste Teil) sind nicht vor 545 geschrieben, Kap. 49—60 (und 61 f. der geflissentliche Schluss dazu), der 2. Teil, zwischen 545 und 539/8. Kap. 63—66 „sind eine Reihe von Anhängen bezüglich auf Fragen, welche sich erhoben, als es sich um die Rückkehr nach Palästina handelte“ (S. 364). Diese Stücke sind entstanden, als die Erlaubnis zur Rückkehr schon gegeben war oder sicher zu erwarten stand.

In neue Bahnen lenkte die deuterojesaianische Kritik die gründliche Analyse des Dtjs. von A. br. Kuenen in seinem „Onderzoek“ II. 2. Aufl. deutsch v. Müller 1892 und „Godsdienst van Israel“ 1869—70. Er konstatierte, dass 40—49. 52₁₋₁₂ (vielleicht auch 52₁₃—53₁₂) in Babylonien von einem Gefangenen vor 536 niedergeschrieben und im selben Jahre nach Judäa mitgenommen seien, wo dieses Stück der Kern einer sich allmählich ausdehnenden Sammlung wurde. Der ursprüngliche Autor kann noch etwas von dem Seinigen hinzugefügt haben, die meisten Beiträge kamen von anderen, welche indessen einen einzigen Kreis mit ihm bildeten, oder, sofern sie jünger waren, die Traditionen

dieses Kreises in Ehren hielten und fortpflanzten. Wahrscheinlich im V Jahrh. wurden diese Prophetien zu einer einzigen grösseren Sammlung vereinigt.

Etwas weiter ging Cheyne, *Jewish Quarterly Review* 1891. Erwähnt sei hier diese frühere Ansicht Cheyne's, wie er sie selbst in der Einleitung in das Buch Jesaja¹⁾ referiert. Danach unterschied er 2 Teile: 40—48 und eine Sammlung einzelner kleiner Stücke; dies zweite Buch wurde wahrscheinlich vom Verfasser unvollständig hinterlassen. Daher wurden später Stücke eingeschoben und angehängt (cf. Tabelle). Zurückhaltender urteilt B. Stade, *Gesch. d. V. Isr.* II, 1888. Er spricht dem Dtjes. bloß die Kapp. 56₉—57_{13a}; 58₁₃—59₂₁; 62 u. 63—66 ab, die er dann teilweise in die nachexilische Zeit zu verlegen geneigt ist.

Wir haben bisher nur die Entwicklung der kritischen Behandlung Dtjes.'s bis zur neueren Zeit verfolgt und es könnte scheinen, als hätte die Meinung Döderleins und seiner Nachfolger überall Anklang gefunden; doch dem ist nicht so. Es hat nie an Verteidigern der Echtheit Dtjes.'s gefehlt. Besonders eifrig bemüht die Integrität zu beweisen waren: E. W. Hengstenberg, *Christologie des A. T. u. Com.* über die messianischen Weissagungen der Propheten, 3 Bde. 1829—1835 2. A. 1854—57; der Dorpater Prof. A. F. Kleinert, über die Echtheit sämtlicher im Buche Jesaja enthaltenen Weissagungen 1829; M. Drechsler, *der Proph. Jes. III*, 1857 (von A. Hahn und Franz Delitzsch fortgesetzt und vollendet); ebenfalls der Dorpater Prof. K. F. Keil, *Einleitung* 1853. 3. A. 1873; R. Stier, *Jesaja*, nicht *Pseudojesaja* 1850; Fr. Hosse, *die Weissag. des Proph. Jes.* 1865, und Franz Delitzsch in seinem *Komment. zu Jes.* 1. Aufl. 1866 bis 3. Aufl. 1879. Später in d. 4. Aufl. 89 u. in seinen *Messianischen Weissagungen* in geschichtlicher Folge 1890, änderte allerdings Delitzsch seine Meinung und sprach nun 40—66 Jes. ab, doch hält er es für zweifellos, dass Jesaja an diesem Trostbuch für die Exulanten einen wesentlichen Anteil gehabt habe.

Eine gesonderte Stellung vertritt A. Klostermann, *Jes. 40—66. Eine Bitte um Hilfe aus grosser Not. Zeitschrift für luth. Theol.* 1876. Er verhält sich sehr skeptisch zum überlieferten Text und dieser Umstand ermöglicht es ihm zu be-

1) Deutsch v. Böhmert 1897. S. 295 f.

haupten, der Grundstock in Dtjes. gehe auf jes-nische Reden zurück, die zu einer Zeit für die Zukunft fixiert und zusammengestellt worden, als der Anfang ihrer Erfüllung mit Händen zu greifen war. Natürlich waren dabei Zusätze und Überarbeitungen nicht zu vermeiden. Klostermann geht davon aus, dass bei der Annahme, 40—66 stamme von einem exilischen oder nachexilischen Propheten, es unerklärt bliebe, weshalb er „die historischen Anlässe und konkreten Situationen, welche seine Reden bestimmten, in der allgemeinsten, idealsten Weise zum Ausdruck bringe“ (l. c. S. 7). Die einzig mögliche Lösung dieses Problems ist seiner Meinung nach die oben erwähnte. Die auffallende Ähnlichkeit im Sprachgebrauch erkläre sich dadurch, dass der Verfasser von Jugend auf in diesen alten Stücken gelebt hat. Klostermann sind nur C. J. Bredenkamp, Proph. Jes. 1887, und W. Volck, Heilige Schrift und Kritik, 1896 und Alttestam. Heilsgesch. 1902, beigetreten.

Blicken wir zurück auf die Resultate, zu denen die Kritik bisher gekommen war, so finden wir, dass sich 3 Ansichten in der Hauptsache gegenüberstanden (abgesehen von der Meinung derjenigen Gelehrten, die noch an der Einheitlichkeit des ganzen Buches Jes. K. 1—66 festhielten): 1) entweder man dachte, KK. 40—66 stamme von einem Verfasser und sei innerhalb eines kleinen Zeitraums am Ende des Exils entstanden (Gesenius, Hitzig, Knobel, Beck, Bleek, Seinecke, Blanc-Milsand, Orelli, teilweise auch Ewald u. a.); oder man führte 2) die Schrift auf mehrere verschiedene Verfasser zurück und nahm dann als Entstehungszeit einen grösseren Zeitraum an (Eichhorn, Kuenen, teilweise Stade u. a.). Gesondert steht 3) schliesslich die Meinung, KK. 40—66 seien eine vorexilische und exilische Bearbeitung eines echtjesaianischen Grundstocks (Klostermann, Bredenkamp und Volck).

Eine neue Periode der Deuterjesaiakritik bedeutet das Werk des Baseler Professors Bernhard Duhm, das Buch Jesaia 1892; 2. Aufl. 1902. Es ist das bleibende Verdienst Duhms darauf aufmerksam gemacht zu haben, dass mit K. 56 ein neuer Abschnitt anhebt¹⁾. Er unterscheidet in Deuterjesaia 3 Schriftstel-

1) Ähnlich hatte schon Stähelin, über den Inhalt von Jes. 40—66. Theol. St. und Kr. 1831, eingeteilt, nur verlegte er auch den letzten Abschnitt ins Exil; er machte auf den Fortschritt der Gedanken in 56—66 aufmerksam.

ler: erstens, Dtrjes., den Verfasser von KK. 40—55, der um rund 540 in Phönizien schrieb; zweitens, den Verfasser der Ebed-Jahve-Lieder, der jünger als Dtrjes. ist und zwischen Hiob und Maleachi geschrieben zu haben scheint: diese Dichtungen existierten wahrscheinlich einmal als besonderes Buch; drittens schliesslich, den Verfasser von KK. 56—66 — den Tritojesaia¹⁾. Diese Schrift prüfte er ganz besonders auf ihren biblisch-theologischen Gehalt hin und kam zu dem Schlusse, KK. 56—66 seien kurz vor der Wirksamkeit des Nehemia in Jerusalem geschrieben. Der Verfasser lebte in der Zeit Esras und gehörte der Richtung an, die von Ezechiel begründet, von Haggai und Sacharja gefördert, durch Esra zur Herrschaft gelangt ist. Seine Situation ist diejenige, aus der Nehemia die Tempelgemeinde erlöst hat. „Die jüdische Gemeinde ist zu seiner Zeit schon längst gegründet, Jerusalem bewohnt und der Tempel gebaut, aber alles in kläglichster Verfassung“ (l. c. S. 379). Zum inneren Verfall gesellt sich noch die Feindschaft der falschen Brüder der jerusalemischen Gemeinde, die sogar mit einem Konkurrenztempel drohen. Für die nähere Bestimmung der Entstehungszeit ist für Duhm massgebend, — 1) dass der Verfasser verheisst, die Heiden sollen Jerusalems Mauern bauen — die Schrift muss also vor dem Wiederaufbau derselben durch Nehemia geschrieben sein; 2) die Erwähnung von Levitenpriestern, was uns in die Zeit vor Esras Konstitution führt; 3) der Konkurrenztempel der Samaritaner lässt uns auf die Zeit Esras und Nehemias schliessen. Das Buch wurde an Dtrjes. angehängt wegen der Ähnlichkeit in Gedanken und Sprachgebrauch (Tritojesaia schreibt in demselben Versmass). Möglich sogar, dass Tritojes. selbst seine Schrift als Anhang zu Dtrjes. aufgefasst hat (S. 379 ff.).

Diese Hypothese Duhms hat sehr viel Anklang gefunden; ohne Vorbehalt sind ihr beigetreten: Rud. Smend, Lehrb. der A.T-lichen Religionsgeschichte 1893. 2. Aufl. 1899, H. Guthe, Gesch. des V. Jsr. 1899. 1904²⁾, S. 273, u. Jul. Wellhausen, Israelitische u. jüdische Geschichte⁵ 1904, S. 159A³⁾. Eifrige Verteidiger

1) Seine frühere Ansicht (die Theologie der Propheten 1875) war — K. 40—66 stamme von einem Verfasser, der sein Buch chronologisch ordnete: die ersten 9 Kapitel seien vor dem lydischen Kriege des Cyrus geschrieben, die folgenden 18 wahrscheinlich während desselben.

2) E. d. Meyer hat sich auch zu ihr bekannt (Gesch. d. Altertums III S. 189, Entst. d. Judentums. 1896. S. 72 Anm.); nur verlegt er Dtrjes.

hat Duhms Ansicht in K. Marti¹⁾, Enno Littmann und Bertholet, Stellung 1896. S. 129 ff. gefunden. Marti hatte sich schon in seiner Gesch. der isr. Religion (1897) Duhms Meinung angeschlossen und in seinem Komm. zu Jes. (Kurzer Handkom. zum A. T. 1900) hat er nun eingehend Duhms Ansicht geprüft und sich ganz zu ihr bekannt; auch er verlegt Tritojes. in die Zeit zw. 458—445. Enno Littmann, über die Abfassungszeit des Tritojesaia 1899, nimmt aus sprachlichen wie inhaltlichen Gründen eine ziemlich enge Zusammengehörigkeit der KK. 56—66 an, nur 63₇—64 soll ca. 538—520 entstanden sein. Die übrigen Kapitel leitet er von einem Verfasser her, der nach der Unterbrechung des Mauerbaus, aber vor der Ankunft Nehemias, also zw. 457—445 schreibt. Zu einem anderen Resultat kam T. K. Cheyne (1895: Introduction to the Book of Isaiah, deutsch 1897). Angeregt durch Duhms Arbeit, analysierte er eingehend die Kap. 56—66 und sah sich genötigt wegen des losen Zusammenhangs einzelner Abschnitte untereinander diese Schrift von mehreren Verfassern herzuleiten. Er zerlegte den Tritojesaia in 10 Stücke, die alle dem Zeitalter Nehemias angehören (ausser 63₇—64₁₁, cf. Tabelle). Die Verwandtschaft dieser Stücke auf dem Gebiete des Sprachgebrauchs erklärt er durch die Annahme, dass die Verfasser zu einer Schule gehören.

Im Anschluss an Cheyne behauptet W. H. Kisters Tritojes. sei jünger als Dtrj., (dem er blos K. 40—48 zuschreibt; die Ebed-Jahve-Lieder, sowie einzelne Stücke in K. 51—55 lässt er von einem anderen Verfasser und in einem anderen Lande entstanden sein) von anderer Hand und kein einheitliches Werk, sondern bestehe aus einzelnen Stücken, die sich in Ideenkreis und Kolorit unterscheiden. Entstanden seien diese Stücke vor oder in der Zeit Nehemias und Esras, zwischen dem Tempelbau und der Konstituierung der Gemeinde. (Theol. Tijdschrift, 1896, Deutero- en Trito-jezaja. S. 577—623).

Ähnlich wie Cheyne urteilt Rud. Kittel (in der Bearbei-

(40—55) in die Zeit, die zwischen der Eroberung Babels durch Cyrus und der Rückkehr liegt. Ebenso B. Stade, Bibl. Theol. 1905. S. 337 ff. und C. H. Cornill, Einl. 1905, S. 181 f.

1) Schon vor dem Erscheinen des Duhm'schen Kommentars sprach sich K. Marti, der Proph. Sacharja. 1892. S. 40, Anm., angeregt durch eine mündliche Bemerkung von B. Duhm, für die nachexilische Abfassungszeit von Jes. 56—66 aus.

tung des Dillmannschen Komm. zu Jesaja. 1898). Gegen die Herleitung der Schrift von einem Verfasser führt er die mangelhafte Übereinstimmung einzelner Abschnitte dem Ton und Geist sowie der mutmasslichen Abfassungszeit nach an. Von Dtrjes., mit dem einige Stücke (K. 57^{13b-21.} 60. 61 f.) Verwandtschaft zeigen, kann die Schrift auch nicht stammen, weil in ihr ein anderer Geist weht. So schliesst denn Kittel, 56—66 seien Nachträge zu Dtrjes., „die einer ganzen Schule von Männern aus der Zeit nach 538 angehören“. Einzelne Stücke klingen an Dtrjes. an, andere sind wahrscheinlich in der neugegründeten Gemeinde entstanden, einige passen sehr gut in die Zeit Esras und Nehemias. (l. c. S. 473).

In derselben Weise denkt sich auch H. Gressmann die Entstehung des Tritojes. (Über die in Jes. 56—66 vorausgesetzten zeitgeschichtlichen Ereignisse 1898). Er behauptet ebenfalls, Tritojes. sei keine einheitliche Schrift, sondern bestehe aus vielen meist zusammenhangslosen Stücken; alle Abschnitte seien ferner nachexilisch; eine nähere Zeitbestimmung sei jedoch unmöglich.

Kittels Meinung hat auch Karl Budde, die Religion des V. Isr. bis zur Verbannung 1900, sich angeeignet, wenn er sagt, er könne K. 56—66 einem einzigen Tritojes. nicht zuschreiben, sondern sähe „darin eine Sammlung von Stücken sehr verschiedener Verfasser“ (S. 208).

Mit dieser Auffassung berührt sich auch G. A. Smith's Meinung, *The Book of Isaiah* (*The Expositor's Bible*), 1897, vol. II, S. 21, das Buch Dtrjes. bestehe aus einer Anzahl von Stücken verschiedener Verfasser, welche diese Worte vor, nach und während des Exils gesprochen haben. Das Buch bildet insofern eine Einheit, als ein Redaktor diese Stücke bald nach dem Exil gesammelt und geordnet habe. Als Zeit der Redaktion nimmt er ¹⁾ 538—515 an. Diesen Versuchen gegenüber, K. 40—66 in 2 resp. 3 Bestandteile zu zerlegen und deren Entstehungszeit näher zu bestimmen, behauptete man auch noch in der neueren Zeit K. 40—66 stamme von einem Verfasser. So D. R. Driver, *Einleitung in die Literatur des A. T.*, deutsch von J. W. Roth-

1) In seiner „*histor. Geographie*“, cf. Cheyne, *Einleit.* S. 294 ff. In *Dictionary of the Bible*, ed. J. Hastings. II. 1902. Art. *Isaiah*, gibt er keine nähere Zeitbestimmung, scheidet aber strenger zw. exilischen (40—55) und nachexil. (56—66) Kapp. (S. 487. 493 ff.).

stein. 1896, der die Schrift in 3 Abschnitte (40—48; 49—59 und 60—66) einteilt, die das Werk eines Verfassers, der am Ende des Exils schrieb, sein sollen; doch gibt er zu, dass die literarische Einheitlichkeit nur eine unvollkommene sei und auch die zeitgeschichtliche Situation in den späteren Teilen der Schrift eine Änderung erfahren habe.

Für die Einheit stimmt auch Jul. Ley, historische Erklärung des 2. Teiles des Jes. 1893, der in K. 40—66 ein einheitliches chronologisch geordnetes, zwischen 555—520 entstandenes und stückweise niedergeschriebenes Werk sieht.

Ähnlich C. Ilzig, das Trostbuch des Dtrjes. 1894: das ganze Buch ist von einem Verfasser vor der Zerstörung Babels geschrieben, und E. Graf, de l'unité des chapitres 40—66 d'Esaië. Thèse. Paris. 1895. Die Verwandtschaft in Sprache und Gedanken veranlassen ihn Dtrjes. die ganze Schrift zuzuschreiben. Als Argument gegen Duhm stellt er die Behauptung auf, mit den falschen Brüdern seien nicht die Samaritaner gemeint.

Etwas weiter ging C. H. Cornill, Einleitung in das A. T.^{3 4} 1896¹⁾. Er unterschied 2 Redegruppen in K. 40—66: 40—48 und eine nachexilische 49—62 und nahm an, in der Zeit, die zwischen der Entstehungszeit der beiden Teile liegt, habe eine Veränderung der Verhältnisse stattgefunden, aber der Verfasser von 40—48 sei auch der von 49—62, nur seien in dem letzteren Stück einige fremde Bestandteile aufgenommen worden. Mit Stade nahm er an, dass K. 63—66 wenigstens in der jetzigen Gestalt von dem Verfasser der übrigen Kapitel nicht hergeleitet werden könne. Den Tritojes. lehnte er ab: 1), weil auch Dtrjes. judaistisch angehaucht sei, und 2), weil Haggai sich auf Tritojesaja berufen soll. Als Entstehungszeit des ganzen Abschnittes 40—66 bezeichnete er ca. 540 — ca. 500.

Gesinnungsgenossen hat Cornill in G. Wildeboer, die Literatur des A. T. 1893, deutsch von F. Risch. 1895, und E. Kautzsch, die hlg. Schrift des A. T. 2 Afl. 1896, Beilagen, gefunden. Auch sie führen K. 40—66 der Hauptsache nach auf einen Verfasser zurück (bis auf einige Ausnahmen, wie K. 63—66 und einzelne Stücke in 49—62)²⁾. Der Prophet schrieb anfangs

1) Allerdings anders in d. 5. Aufl. 1905, s. o. S. 9 A.

2) Im Kurzen Bibelwörterbuch, hrsgb. v. H. Guthe. 1903, Art. Jesaja. lässt E. Kautzsch die Frage, ob für Tritojes. K. 56—66 oder blos K. 63—66 in Anspruch zu nehmen seien, offen.

in Babel und setzte später in Palästina sein Werk fort, wobei er wohl einige in Babel gehaltene Reden und einige ältere Weissagungen seiner Schrift einverleibte.

Zwei verschiedene Hypothesen stellte in neuester Zeit E. Sellin auf. In seinem Serubbabel (1898) schloss er sich insofern Cornill und Wildeboer an, als er für den Tritojesaia nur K. 63—66 in Anspruch nahm, während er K. 40—62 dem Dtrjes. zuerkannte, den er aber im Unterschiede von jenen Gelehrten in der nachexilischen Zeit (genauer 515—500) schreiben liess. Letztere Behauptung stützt er auf seine Exegese von **ראשונה** u. **חורשה**: der Verfasser soll nämlich mit **ראשונה** immer seine früheren Weissagungen, die sich auf Cyrus und den Auszug beziehen, zitieren. Den Verfasser von 63—66 lässt er ca. 480—470 schreiben. — Eine andere Meinung trägt er in seinen Studien zur Entstehungsgeschichte der jüdischen Gemeinde nach d. bab. Exil I. 2. 1901. vor. Hier bezieht er die **ראשונה** auf den Siegeslauf des Cyrus bis nach Babel, die **חורשה** auf die wunderbare Heimkehr Israels und gewinnt daher als Entstehungszeit für 40—48 die Zeit unmittelbar vor dem Falle Babels; 49—55 sollen in Babylon nach der Einnahme der Stadt und nach dem allgemeinen Cyrusedikt, aber vor dem Juda speziell betreffenden entstanden sein; 56—66 sind, seiner Meinung nach, zwischen 537 und 520 entstanden, da die Streitigkeiten mit den Samaritanern gerade in der ersten Zeit nach der Rückkehr (in welche Zeit er auch den misslungenen Versuch des Mauerbaus, cf. Esra 4⁸⁻²³, verlegt) sehr heftig gewesen sein sollen. Er widerlegt ferner alle Stellen, die von anderen Kritikern als Belege für das Bestehen des Tempels angeführt werden. Er gibt zu, dass das Buch nicht in einem Zuge, sondern zu verschiedenen Zeiten und aus verschiedenen Anlässen geschrieben sei. Die Schrift sei nach dem durch die Samaritaner herbeigeführten Verbot des Mauerbaus geschrieben. Nur Kap. 56¹⁻⁹ stamme aus dem Jahre 537. Die Frage, ob der Verfasser von 40—55 mit dem von 56—66 identisch sei, lässt er offen ¹⁾.

¹⁾ Eine ähnliche, wenn auch etwas modifizierte Auffassung vertritt W. W. Graf Baudissin, Einleit. in d. BB. d. A. T. 1901. Dtrjes. hat sein Werk K. 40—48 nach 546 und K. 49—55 und 60—62 nach der Eroberung Babels 538⁷ niedergeschrieben. Die übrigen KK. 56—59 und 63—66 verlegt er nach eingehender Prüfung in die nachexil. Zeit. Als Vf. denkt er sich einen unmittelbaren Schüler Dtrjes.'s, der seines Meisters

Man hat sich also in der neueren Zeit soweit geeinigt, dass man K. 40—48 als in einem Zuge geschrieben betrachtet und dieses Stück vor Babels Einnahme ansetzt. Über K. 49—66 stehen sich der Hauptsache nach 2 Meinungen gegenüber. Die erste ist, dass man 49—62 von demselben Verfasser herleitet wie 40—48, dass er aber erst nach der Rückkehr nach Judäa geschrieben haben soll; 63—66 betrachtet man dann als Nachtrag zum ganzen Werk, der sehr stark überarbeitet ist, aber vielleicht doch von demselben Verfasser stammen kann (Cornill [früher], Wildeboer, ähnlich früher Sellin, Serubbabel). Die zweite, weit mehr vertretene Meinung unterscheidet in K. 40—66 zwei Bestandteile: 40—55 (das wird wiederum in Dtrjes. und die Ebed-Jahve-Lieder zerlegt) und 56—66. Während über die Entstehungszeit von 40—55 so ziemliche Übereinstimmung herrscht (ca. 540 entstanden) hat man 2 Lösungen des Problems von 56—66 vorgeschlagen: die Einen sehen darin das Werk eines Verfassers, der kurz vor der Ankunft Nehemias (Duhm, Marti, Guthe, Smend, Littmann u. a.) resp. kurz vor Haggai (Sellin, Studien. II. und ähnlich Ley) gewirkt haben soll; dem gegenüber behaupten Andere, 56—66 sei das Werk einer ganzen Schule und sei in der Zeit, die zwischen der Rückkehr aus dem Exil und der Ankunft Nehemias liegt, entstanden (Kittel, Budde, Gressmann, ähnlich G. A. Smith, Kusters).

Schrift durch seine eigene Zutaten erweitert, wie es scheint, gleich nach dem Tempelbau (520).

II.

Geschichte der Juden im Zeitraum von 586—432 v. Chr.

A. Die Quellen.

Die auf den ersten Blick etwas befremdende Verschiedenheit in dem Urteile über Tritojesaia, wie wir sie im vorhergehenden Abschnitt beobachten konnten, erklärt sich dadurch, dass wir über die nachexilische Periode Judas sehr schlecht orientiert sind. Als einzige Geschichtsdarstellung, die sich mit diesem Zeitraume beschäftigt, kommt hier nur das Buch Esra und Nehemia in Betracht; denn Berossus, den scheinbar Theophilus von Antiochien zitiert, schweigt über die Vorgänge: die Stelle bei Theophilus ist dem Josephus entlehnt, der seiner bekannten Flüchtigkeit wegen hier als historische Quelle nicht berücksichtigt werden kann (vgl. E. Schrader, die Dauer des zweiten Tempelbaus, St. und Kr. 1867. S. 470 f. im Anschluss an Niebuhr). Das 3. (griechische) Esrabuch ferner, kann, sofern es nicht Parallelen zu den kanonischen Büchern Esra und Nehemia bietet, gleichfalls nicht als historische Quelle verwertet werden. Das Stück 3₁—5₆ ist schon wegen des Widerspruchs 5₆ und 4₁₃ wertlos (vgl. E. Kautzsch, d. Apocryphen, S. 111a). Der Redaktor dieses Buches benutzte eine griechische Übersetzung der Bücher Chron., Esr. u. Neh. (nicht die der LXX). Das griechische Esrabuch kann daher zur Kontrolle des Textes unsrer Bücher gute Dienste leisten. Über einige Jahre sind wir sehr gut orientiert durch die Schriften Haggais und Sacharjas. Auch Maleachi muss, wie wir sehen werden, als Quelle für diese Periode genannt werden.

Wie es sich nun mit den Quellen dieses Abschnittes der jüdischen Geschichte verhält, zeigt J. Marquart, *Fundam. isr. und jüd. Geschichte* 1896, wenn er (S. 67) sagt: „Die Juden hatten über die ganze Zeit vom Tempelbau unter Darius bis auf Nehemia keine Erinnerung bewahrt und waren für die Geschichte des Tempelbaues auf dieselben Quellen angewiesen, die uns noch zugänglich sind, nämlich die Prophetien des Haggai und Sacharja und der aramäische Bericht Esr. 5₁—6₁₅. Ebenso standen ihnen für die spätere Zeit nur die Memoiren Nehemias und Esras zu Gebote. Nach Nehemia und Esra aber bricht abermals völliges Dunkel herein bis zum makkabäischen Aufstande“.

Dass die Hypothesen über diesen Zeitraum z. T. sich strikt widersprechen (Ed. Meyer — Wellhausen; Kuenen — Kusters, Hoonacker; Siegfried — Bertholet), muss also auf die Dürftigkeit der Berichte über diese Periode der jüdischen Geschichte zurückgeführt werden. Mit allen diesen verschiedenen Meinungen werden wir uns am besten auseinandersetzen, wenn wir die uns zu Gebote stehenden Quellen prüfen.

Die wichtigsten und authentischsten Quellen sind die Schriften Haggais und Sacharjas. Versuchen wir in der Geschichte der nachexilischen Zeit festen Fuss zu fassen auf Grund der in diesen Propheten enthaltenen Angaben.

Wir haben hier zunächst die Frage zu beantworten, unter welchem Darius die beiden Propheten gewirkt haben. Alle Neuesten stimmen für Darius I Hystaspis, und mit Recht. Denn gegen die Annahme, Haggai sei unter der Regierung Darius II aufgetreten (Marquart, l. c. S. 68) spricht: 1) Hag. 2₃ (es sind noch Leute am Leben, die den salomonischen Tempel gesehen); 2) Sach. 1₁₂ (nicht mehr als 70 Jahre sind seit der Zerstörung Jerusalems vergangen). Der einzige Grund für Darius II — die Stellung von Esra 4_{6–24} — fällt dahin, wenn wir berücksichtigen, dass 4_{6–23} ein Einschub ist (s. u.); vgl. noch Kuenen-Budde, *Gesammelte Abhandlungen*, S. 223 ff.; Kusters-Basedow, *d. Wiederherstellung Israels i. d. pers. Per.* 1895. S. 16. Anm. 2. und Marquart, l. c. S. 50.

Die andere Frage ist: was sagen Haggai und Sacharja über den Anfang der Arbeiten am Tempelbau? Drei Stellen kommen bei Haggai in Betracht. K. 1₂ (nach Hitzigs Lesart, die nach dem Kontext — v. 4 und 8 — die einzig mögliche ist)

besagt unzweideutig, dass bis zum Auftreten Haggais das Volk mit dem Wiederaufbau des Tempels nicht begonnen hatte, ja diese Lässigkeit noch mit einem religiösen Motiv zu entschuldigen wusste (cf. Nowack, d. kl. Proph. 97, 2. Aufl. 903, u. Wellhausen, d. kl. Proph. 93. z. St.). Der Prophet dagegen weist auf die Misstände, in denen sich die Gemeinde befindet, als auf eine Strafe Jahves für solch ein indifferentes Verhalten (v. 4 ff.). 2_{9b} ferner (erhalten in der LXX; im masor. Text wahrscheinlich von einem Leser aus Rücksicht auf Chr. unterdrückt, cf. Nowack z. St.) ist ein neuer Beweis dafür, dass Hag. den von ihm angeregten Bau als die erste Arbeit am Tempel ansieht ¹⁾. Die 3-te Stelle ist 2₁₅₋₁₉. V. 15^a wird in v. 18 wieder aufgenommen, — v. 15^b bis 17 sind also eine Parenthese, — daher ist מַעֲלֵה v. 15 ebenso wie in v. 18 (v. 18 nicht von v. 19 zu trennen) von der Zukunft zu verstehen (cf. Wellhausen und Nowack zur St.). In v. 19 ist nach Wellhausens Vorgang (kl. Proph. S. 177) das Datum zu streichen. Die Grundsteinlegung geschah dann am 24./VI. Wir brauchen also nicht zu der etwas komplizierten Annahme zu schreiten, man habe 3 Monate lang den Schutt weggeräumt (gegen Schrader l. c.). Der Sinn dieser Stelle ist dann (cf. Nowack und Wellh.) ²⁾: hat Jahve sein Volk bisher gestraft, weil es seine Pflicht und Schuldigkeit (den Bau des Tempels) nicht getan hat, so wird er sich jetzt, wo man „Stein auf Stein legt“ (Hg. 2₁₅), wo der Grundstein gelegt ist, mit grosser Gnade und Barmherzigkeit ihm wieder zuwenden, „von heute an werde ich segnen“ (Hg. 2_{19b}). Anders darf diese Stelle u. E. nicht ausgelegt werden ³⁾. Sellins Exegese zu K. 2₁₀₋₁₉ (Stud. II. S. 46—53) ist willkürlich; mit beneidenswertem Scharfsinn sucht er die Rückblicke des Propheten in die Vergangenheit zeitlich verschieden abzugrenzen. Haggai wäre es ja sehr angenehm gewesen, wenn gleich nach dem Beginn der Arbeiten am Tempel Jahve Regen geschickt hätte, aber ob die Erfüllung dieser Verheissung mit dem Beginn des Baues eingetroffen sei, ist eine andere Frage; zwei Jahre darauf weis-

1) Was Sellin, Stud. II. S. 46, gegen Wellhausens Rekonstruktion von v. 9b einwendet, ist nicht überzeugend.

2) Gegen v. Hoonacker, Zorobabel et le second Temple, 1892. S. 102 ff.

3) Fischer, chronol. Fragen in d. B. Esr.-Neh. 1903, S. 30 ff. spricht sich für 24. IX. als den Tag d. Grundsteinlegung aus.

sagt Sach. (8_{11 f}) von dieser herrlichen Zeit als von einer zukünftigen (vgl. Koster's-Basedow, l. c. S. 8.).

So sehen wir nun, dass Haggai von dem Beginn des Tempelbaus vor seinem Auftreten nichts weiss, wenigstens ihn nicht erwähnt, muss ihn also als etwas nicht Erwähnenswertes angesehen haben, sonst bliebe es unbegreiflich, weshalb er die sich ihm so oft bietende Gelegenheit, seine Vorfahren für den Eifer ums Haus zu loben und als Beispiel hinzustellen, nicht ausgenutzt haben sollte. Es wäre ferner unerklärlich, wie er sich so verächtlich in 2₁₀₋₁₄ über das bisher für Jahve Geleistete hätte äussern können; ist doch für ihn der Tempelbau die nächstliegende religiöse Pflicht.

Bei Sach. kommen folgende 4 Stellen in Betracht. 1) 1₁₆. Im ersten Gesicht (1₇₋₁₇) sieht Sach., wie die in alle Himmels-
gegenden ausgesandten Reiter mit der Meldung, es sei alles ruhig, d. h. die mess. Krisis, die Himmel und Erde bewegen wird, stehe noch aus, zurückkehren. Verzweifelt fragt der Engel Jahve, wie lange er noch zürnen wolle, sind doch die 70 Jahre schon um. Jahve redet freundliche und tröstende Worte zu dem Engel (v. 16): „ich wende mich erbarmend Jerusalem zu, mein Haus soll dort gebaut werden“. Bisher lag Jahves Zorn über Jerusalem, nun wendet er sich in Barmherzigkeit ihm zu. Kein Wort davon, dass man schon früher einen Versuch gemacht habe Jahve durch den Bau günstig zu stimmen. 2) Mehr besagt 4₉: „Die Hände Z^erubbābels haben dies Haus gegründet und seine Hände werden es vollenden“. Damit ignoriert Sach. die Stelle Esr. 5₁₆, da Šešbassar mit Z^erubbābel nicht identisch sein kann¹⁾; die Möglichkeit aber, dass Šešbassar 537 den Grundstein zum ersten Mal gelegt, bleibt bestehen. 3) 6₁₃ ferner heisst es: „er (Z^erubbābel) wird den Tempel Jahves bauen“; daraus lässt sich ja nichts Bestimmtes schliessen, aber immerhin bestätigt dieses Wort, dass der Tempelbau nur mit Z^erubbābel in Zusammenhang gebracht wird. Die wichtigste Stelle ist 4) 8₉. K. 7 antwortet der Prophet der die Thora einholenden Gesandtschaft, Jahve habe nie das Fasten geboten, seine Forderungen gingen vielmehr auf Übung des Rechts und der Gerechtigkeit. Weil aber die Väter diesen Forderungen nicht entsprochen, habe sie Jahves Zorn ereilt. K. 8 fährt der Prophet in seiner Ausführung fort, indem er ein neues Argument hinzu-

1) s. u. S. 30 f.

nimmt: nun habe das Fasten schon deshalb keinen Sinn, weil die Vollendungszeit unmittelbar bevorsteht. Jahve hat sich Jerusalems in Liebe angenommen, er wird der Stadt wieder zu ihrem früheren Glanze verhelfen, die noch Zerstreuten wieder sammeln. Darum sagt der Prophet v. 9: „Fasset Mut, ihr, die ihr in diesen Tagen diese Worte hört aus dem Munde der Propheten in (LXX und Pesch. „seit“) der Zeit, da der Grund des Hauses Jahves gelegt wurde“. Hier hat der Prophet den Ausspruch Hag. 16 ff. 215 ff. im Auge. Gleich Hag. weist Sacharja darauf hin (v. 10), dass vor der Grundsteinlegung (so לִבְנֵי הַיְמִיִּם הָהֵם zu verstehen, cf. Now. z. St. und Sell. l. c. S. 69) der Ackerbau einen geringen Ertrag bot. Nun aber (v. 11) ist eine Wendung eingetreten, Jahve will dieses Volk nicht so wie früher behandeln. In v. 9 meint Sach. nur die Grundsteinlegung unter Darius, die von Hag. inaugurirt, von Z^erubb. ausgeführt ist, denn er kennt eine ganze Reihe Unglücksjahre zwischen der Rückkehr und der Grundsteinlegung, in denen der Zorn Jahves noch nicht abgewandt war, die aber ihr Ende finden werden, wie er fest hofft, wenn der Tempel fertig dastehen wird.

Es hat sich uns also aus den Schriften der beiden Propheten ergeben, dass sie nur von einer Grundsteinlegung, die im zweiten Jahre des Darius stattfand, reden und von einer solchen unter Cyrus vollständig schweigen. Schrader, Wellhausen, Nowack, Kisters schliessen u. E. zu viel aus diesem Schweigen, wenn sie auf Grund Hag. und Sach. die Geschichtlichkeit des Berichtes von dem Tempelbau unter Cyrus im Esrabuch leugnen. Höchstens dürfte man aus diesem Schweigen schliessen, der Tempelbau unter Cyrus sei von so geringer Bedeutung gewesen, dass man ihn ignorieren konnte.

Weitere unumstritten authentische Quellen für die nach-exilische Geschichte sind die wörtlichen Auszüge aus den Memoiren Esr.'s u. Neh.'s (E—Esr. 7₂₇ bis 8₃₄. 9_{1–15}. N—Neh. 1_{1–75}. 6–73^a. 12_{31f}. 37–40. 13_{4–31}. cf. Bertholet, Esr. u. Neh. 1902). Neh.'s Memoiren enthalten genaue Datierungen: 1₁. 2₁. 5₁₄. 13₆. — das 20. und 32. Jahr Artabšastas = Artaxerxes I Longimanus (cf. Schrader, KAT 1872 S. 245 u. Theol. St. u. Kr. 67 S. 475 ff.), gegen Marq. l. c. S. 30f., da Neh. ein Zeitgenosse Eljašibs, eines Enkels Josuas (um 520 Hoherpriester) ist (cf. Siegfried, Esra u. Neh. 1901, Meyer, Entst. d. Jud. 1896, Nikel¹⁾) und

1) Die Wiederherstellung d. jüdischen Gemeinwesens nach d. babyl.

Bertholet, z. St.). Esras Denkschrift dagegen hat nur eine allgemeine Angabe K. 8₁ — unter Artaxerxes — aufzuweisen. Das Beispiel von Esr. 4₈₋₂₄ zeigt, dass der Chron. manchmal sehr willkürlich mit der Anordnung seines Materials verfährt; wir sind also von vornherein berechtigt, wenn triftige Gründe dafür sprechen, die traditionelle Reihenfolge zu ändern, um so mehr als in den Memoiren Esras eine genaue Zeitangabe fehlt. In der Tat sehen wir uns im Anschluss an Kusters, Bertholet u. a. nach einem Vergleich der beiden Denkschriften, soweit sie uns erhalten sind, genötigt Nehem.'s Wirksamkeit vor der Esras anzusetzen. Zu dieser Annahme zwingt uns: 1) Esr. 9₆ ff. (Esras Gebet, bes. v. 9). Wie aus diesem Gebet hervorgeht, findet Esra ziemlich geordnete Verhältnisse vor: der Tempel wiederhergestellt, die Stadt mit einer Mauer versehen, die auch für den ganzen Umkreis einen Schutz bietet; Neh. dagegen, — eine geschleifte Mauer (Neh. 2₁₂ ff.), dürftige Verhältnisse (Neh. 5), mangelhafte Bevölkerung in Jerusalem, wenig Baulichkeiten (Neh. 7₄), — in seinem Gebet kann er dankend nur hervorheben, dass Jahve mit grosser Kraft und starker Hand das Volk befreit und an den heiligen Ort zurückgeführt hat (Neh. 1₅ ff.). 2) lässt sich das Schweigen Neh.'s über Esra nicht anders erklären (Neh. 12₃₆ kann nicht dagegen angeführt werden, da es vom Chronisten stammt, cf. Bertholet, l. c. S. 86); 12₃₃ ist ein anderer Esra gemeint¹⁾. 3) wird Esras Gola nicht unter den Mitbauenden (Neh. 3) erwähnt (cf. Kusters-Basedow, l. c. S. 47). 4) wäre es unbegreiflich, dass Esra gar keine Feinde gehabt haben sollte (wenigstens schweigt er von solchen), die ihn an seinem Werk gestört hätten, während doch Neh. keinen Schritt tun konnte, ohne Gefahr zu laufen in die Gewalt seiner Feinde (es waren natürlich keine persönlichen Feinde, sondern Gegner seiner Reform) zu fallen. 5) bliebe es psychologisch unerklärlich, wie Esra auf Erfolg hätte hoffen können, bevor die Mauer gebaut war, — wenn man ihn nicht zu einem unpraktischen Idealisten stempeln will; erst nach Neh. wird sein Tun erklärlich: war erst ein Schutz gegen die feindlichen Nachbarn geschaffen, so konnte man jetzt getrost eine Scheidung in der Ge-

Exil 1900. S. 185 f.; vgl. auch v. Hoonacker, *Nouv. étud. sur la restaur. juive* 1899, S. 187 ff., Zorobabel, S. 14.

1) Vgl. auch Smend, *Listen der Bücher Esr. u. Neh.* 81 S. 11 A 13, Stade, II S. 176, Kusters-Bas. l. c. S. 49 u. a.

meinde vornehmen ¹⁾. 6) findet Esra keinen Statthalter in Jerusalem vor, während Neh. Vorgänger in seinem Amt kennt (Neh. 5₁₅), mit denen Esra notwendigerweise in Berührung hätte kommen müssen (cf. NGGW 1895 S. 172). 7) müsste Neh. in einem andern Ton von den Mischehen der Vornehmen (Neh. 6_{17 f.}) geredet haben, wenn Esra schon vor ihm eine Reform in dieser Beziehung versucht hatte; man vergleiche, wie Neh. später sich dazu stellt (Neh. 13₂₃). Eine Erinnerung an diese ursprüngliche Reihenfolge hat sich vielleicht beim Chronisten in Neh. 12₂₆ (Hoonack. Néh. en l'an 20 d'Artax. 1892, S. 77 f.) und in einigen Handschriften der LXX (zu Esr. 7) erhalten. Alle diese Erwägungen veranlassen uns die traditionelle Reihenfolge der Ereignisse zu ändern, weil dann alle oben geltendgemachte Bedenken schwinden.

Fällt nun die Wirksamkeit Esras in die Zeit nach der ersten Wirksamkeit Neh.'s, so muss sie andererseits der zweiten Anwesenheit Neh.'s in Jerusalem vorangegangen sein, da Neh. 13_{5, 10}, vielleicht auch v. 11^b, die Einführung von P voraussetzt. Die Möglichkeit dieser Auffassung gibt auch Wellhausen zu (cf. NGGW S. 172. 186), während er die Hypothese Kisters', l. c. S. 64 ff. 110, welcher die Wirksamkeit Esras in die Zeit der 2-ten Anwesenheit Neh.'s in Jerusalem verlegt (dagegen cf. Neh. 13_{5, 10}, vlt auch v. 11^b), mit Recht zurückweist. Die Gründe, die Kuenen, Abh. S. 240, gegen die oben akzeptierte Meinung anführt, sind nicht stichhaltig (cf. o. S. 19, zu Neh. 12_{33, 36})²⁾, dagegen hat er vollständig Recht, wenn er die Meinung v. Hoonackers, Néh. en l'an 20 d'Artax. u. s. w. 92, S. 54 ff., — Esra sei an der Verlesung des Gesetzes beteiligt gewesen und sei darauf nach Babylonien gereist, um mit einer Gola nach Neh.'s Wirksamkeit zurückzukehren (398/7), — verwirft.

Eine besondere Betrachtung erheischt die Liste Neh. 7_{7-73 a}, die Neh. in seine Memoiren aufgenommen hat (cf. Berthol. Es. u. Neh. S. 67). Über die Abfassungszeit dieser Liste lässt sich folgendes sagen. Terminus a quo ist die Zeit nach 538: 1) v. 6 — die Überschrift lautet „bene hammedina“ = Zugehörige des (pers.) Verwaltungsbezirks; die Liste ist also abgefasst zu einer Zeit, da man sich schon niedergelassen

1) Fischer, l. c. S. 73 ff., tritt für die traditionelle Reihenfolge ein, wobei er sich gegen v. Hoonacker wendet, aber merkwürdiger Weise Bertholet (Esr. u. Neh.) vollständig ignoriert

2) Vgl. auch Fischer, l. c. S. 70 ff.

hatte (cf. Smend, Listen 8I, S. 17). 2) V. 66 werden die Hergezählten „hak-kāhāl“ genannt: es hatte sich schon eine Gemeinde konstituiert. 3) Nach v. 64 f. ist es schon festgesetzt, wer in ihr als vollberechtigt gilt. Terminus ad quem — 1) die Zeit vor Neh. u. Esra, da das Geschlecht Hak-kōš (v. 63 f.) als Priestergeschlecht nicht anerkannt wird, während es zu Neh.'s und Esras Zeiten (Neh. 4₂₁. Esr. 8₃₄) für vollberechtigt gilt; 2) die Zeit vor 520: a) die Priesterschaft ist noch nicht organisiert (v. 64 f. cf. Smend, l. c. S. 18); b) es existierte noch kein Hoherpriester, den man in wichtigen Fällen um Rat fragen konnte (v. 65); c) Zerubbābel und Josua haben noch keinen Titel. 3) die Zeit näher zu 538, da man noch die Zahl der zum Transport erforderlichen Lasttiere nennen konnte. Gegen Torrey, The Compos. and Histor. Value of Esr.-Neh. 1896 (cf. Bertholet, l. c. S. 8) sei noch bemerkt, dass die Tempeldiener und die Türhüter noch nicht als Leviten gelten, die Liste also wohl nicht vom Chronisten konzipiert ist (vgl. Neh. 11₁₅ ff. 12₃ f.). Aus dem Gesagten erhellt, dass die Liste die Namen der unter Cyrus Zurückgekehrten enthält, sie gibt uns somit einen sicheren Beweis für die Rückkehr unter Cyrus¹⁾. Die Unhaltbarkeit der Hypothese Koster's, der eine Rückkehr unter Cyrus leugnet²⁾ (Wiederherstellung, S. 1—54; Theol. Tijd. 1895/6 „het tijdvak van Israëls herstel.“ *ibid.*: Deutero — en Tritojezaja, S. 612—623) wird ferner durch Neh. 7₆₁. Esr. 4₁₂. 9₄. 10₆. Neh. 8₁₇ und Es. 8₃ (so wenigstens Bertheau-Ryssel, z. St.) bestätigt, da diese Stellen eine Gola vor Esra voraussetzen, auch spricht dagegen die Datierungsweise bei Haggai und Sacharja sowie die Erwägung, dass der Davidide Zerubbābel und der Šadōkide Josua nur aus dem Exil gekommen sein konnten.

Einen Schritt weiter führt uns die Untersuchung der Überarbeitung der Memoiren Esras und Nehemias (e = Esra 10, Neh. 7_{73b}, 8, 9; n = Neh. 10, 11_{1f.} 3—24, 13_{1.2} cf. Bertholet, l. c. S. XIV und zu den Stellen, sowie Siegfried, l. c. z. St.). Esra 10 bildet die Fortsetzung zu dem in K. 9 berichteten. Eine besondere Betrachtung erheischt v. 6, wo es heisst, dass Esra in die Zelle J'hoanans ben Eljašib ging. Van Hoonacker, Nouv. études 96, S. 276 f. 301, stützt besonders auf diesen Vers

1) Ähnlich urteilt Fischer, l. c. S. 14 ff.

2) Seine Auffassung hat die Darstellung Cheyne's, D. religiöse Leben d. Jud. nach d. Exil, deutsch 1899, stark beeinflusst (vgl. S. 5 ff.).

seine Annahme — Esra nach Nehemia, doch ist dieser Schluss voreilig, denn 1), wie Siegfried und Bertholet im Anschluss an Bertheau (z. St.) bemerken, kann dieser Name vom Überarbeiter (wir haben es ja hier nicht mit wörtlichen Auszügen zu tun), in dessen Zeit die Zelle so hiess, eingetragen sein; 2) kann „ben“ hier im eigentlichen Sinne gemeint sein; dann hätte der Sohn Eljašibs J'hohanan denselben Namen getragen, wie sein Neffe, der spätere Hohepriester. Es ist aber unsicher (nach Kuenen, Abh. S. 240, sogar unwahrscheinlich), dass der Hohepriester gemeint ist, denn Zellen konnten auch Privatpersonen besitzen (II Reg. 23^u. Jer. 35^u u. ö.). K. 10 endigt abrupt: wir können die Vermutung nicht unterdrücken, dass hier eine Schilderung des Misserfolges Esras, den man nicht eingestehen wollte, ausgefallen sei.

Neh. 7_{73b}. u. 8 f. tritt uns Esra wieder entgegen. Zunächst muss bemerkt werden, dass dieses Stück den Lauf der Erzählung von der Wirksamkeit Neh.'s (7_{73a}. und die dazu gehörige Fortsetzung in K. 11) durchbricht. Der Anschluss an das Vorhergehende, wo Neh. in erster Person redet, fehlt. Neh. wird überhaupt nicht erwähnt, denn 8, sind die Worte „Neh., das ist der Statthalter und...“, wie sogar Ed. Meyer, Entstehung, S. 200, zugibt, eine Glosse (cf. auch H. Winckler Altoriental. Forschungen II S. 472 Anm., Berthol. und Siegfried, z. St., u. a.). Mit K. 10 hat unser Stück nichts Gemeinsames (s. u.), eine genaue Zeitangabe fehlt in diesem Stück, wir sind daher berechtigt, 7_{73b}. 8 f. mit Esr. 8 ff. in eine Zeit zu verlegen, da Esra in Neh. 8 f. den eigentlichen Zweck seiner Reise ausführte: die Angelegenheit der Mischehen hinderte ihn an der sofortigen Promulgation des Gesetzes.

Die Zeit der Einführung des Gesetzes lässt sich nun auch genauer bestimmen: Esr. 10₁₇ begegnen wir schon einer Zeitangabe aus dem 2-ten Jahr der Anwesenheit Esr.s in Jerusalem; der 7-te Monat (Neh. 7_{73b}.) ist also wohl der 14-te seiner Anwesenheit in Jerusalem (cf. Marquart, l. c. S. 36). H. Winckler, AOF. II, S. 472, und unabhängig von ihm Bertholet, l. c. S. 75 f., haben die geistvolle Behauptung aufgestellt, Neh. 10 hänge nicht mit den vorhergeh. KK. zusammen; letzterer hat dies in ausführlicher und überzeugender Weise dargelegt. Die Gründe für diese Annahme sind: 1) es fehlt der Anschluss an das Vorhergehende (cf. Meyer, Entst. S. 135; Koster, Wiederherst., S. 65) — der Eingang zur Urkunde, es wird

hier sogar die 3-te Person, die in K. 8₁—9₅ bisher gebraucht wurde (von dem Gebet 9₆ ff. können wir natürlich absehen) in die 1-te Pl. geändert; 2) in K. 9 ist die leitende Persönlichkeit Esra, in K. 10 Nehemia (cf. v. 2): Esras Unterschrift fehlt K. 10 vollständig; 3) macht die Hervorhebung einiger Vorschriften stutzig (v. 31 ff.): weshalb verpflichtet sich das Volk auf das Gesetz und speziell noch einmal auf diese Bestimmungen, die noch dazu teilweise nicht im P enthalten sind? Das hiesse doch wohl die Unzulänglichkeit des neuen Gesetzes anerkennen. Es ist wiederum das grosse Verdienst Berthollets hier auch die aufbauende Arbeit gefördert zu haben. Er verweist auf den Zusammenhang zwischen Neh. 10₃₁ ff. und den in Neh. 13 berichteten Misständen¹⁾; das Volk verpflichtet sich auf die Bestimmungen, die in K. 13 als verletzt hingestellt werden, es wird sich also in K. 10 um Verpflichtungen handeln, die Neh. der Gemeinde angesichts der Misstände, wie sie K. 13 schildert, auferlegt, m. a. W. K. 10 folgt zeitlich auf K. 13.

Jeder Zweifel an der Richtigkeit der Behauptung, Neh. 10 gehöre hinter Neh. 13, wird beseitigt, wenn wir die Vorschriften in K. 10 und den Bericht über die Misstände in K. 13 nebeneinander stellen (cf. Berthol. zu Neh. 10).

Nach der traditionellen Auffassung wäre die Situation diese: das Volk verpflichtet sich auf das ganze Gesetz, dann 1) auf einige mehr oder weniger zufällig aus demselben herausgegriffene Bestimmungen (10₃₆ ff.); 2) auf solche, die in P nicht enthalten sind (10₃₁ f. 33); 3) auf Vorschriften, die sich in der Thora überhaupt nicht finden (10₃₅ 40b., vielleicht auch v. 33 f., vgl. Berthol. z. St.). Die Gemeinde hätte also, als Neh. zum zweiten mal nach Jerusalem kam, ganz genau alle — nicht mehr und nicht weniger — diejenigen Vorschriften, auf die man sich neben dem Gesetze verpflichtet hatte, übertreten. Man begreift ferner nicht, weshalb die Vorschriften, die teilweise nicht in P enthalten sind, hier noch einzeln angeführt werden — das hiesse doch, wie schon bemerkt, das Ansehen des Gesetzes schädigen. Offenbar haben sie vorhandene grosse Misstände im Auge. Diese Misstände werden uns Neh. 13 geschildert; dass unser Kap. (10) sich nur auf dieselben beziehen kann, d. h.

1) Im Anschluss an Kusters, l. c. S. 64—73. Kusters geht jedoch zu weit, wenn er auch Kap. 9 und (S. 73—87) sogar Kap. 8 nach Neh. 13 ansetzt; cf. dagegen oben und Neh. 13₁₀ 5.

aber zeitlich auf dasselbe folgen muss, erhellt ganz besonders aus den sub 3) genannten Vorschriften, welche ad hoc (angesichts der vorhandenen Misstände) geschaffene Bestimmungen enthalten. Somit schildert Neh. in K. 13 die Misstände, die er durch Massregeln, die teilweise nicht im Gesetz vorhergesehen waren, beseitigt; in K. 10 lässt er das Volk sich auf diese Massregeln verpflichten (neben der allgemeinen Verpflichtung auf das Gesetz, wie vorher Esra getan).

So erklärt sich denn auch, dass die Bestimmungen, die in P teilweise fehlen, je nach Bedarf aus andern Quellen genommen werden konnten (zu Neh. 10₃₂ cf. K. 13₁₅; zu 10₃₅ cf. 13₃₁; zu 10₃₈ cf. 13₁₀ f.; zu 10₃₉ cf. 13₁₁ u. s. w.). Bertholet nimmt ferner an, K. 10 habe einen ähnlichen Bericht von der Verpflichtung des Volkes auf das Gesetz unter Esra verdrängt; so würde sich erklären, wie unser Kapitel in diesen Zusammenhang geraten ist.

Neh. 11_{1,2} werden Massregeln angegeben zur Hebung der Bevölkerungszahl Jerusalems. Ein Bericht über solche fehlte uns gerade in K. 7, es hat also sehr viel für sich, wenn Berthol. z. St. im Anschluss an S m e n d, l. c. S. 23, und St a d e, II. S. 98, in diesen Versen die Fortsetzung jenes Berichtes 7_{73a} sieht. Die Liste 11₃₋₂₄ ist gleichfalls dem Überarbeiter der Memoiren Neh.'s zuzuschreiben. Vielleicht hat Bertholet auch Recht, wenn er K. 13_{1f.} auf die gleiche Stufe mit K. 10 stellt.

Einen grössern Zusammenhang bietet schliesslich noch die aramäische Quelle in Esra (48—6₁₈ und 7₁₂₋₂₆). Bevor wir uns jedoch ein Urteil über diese Quelle erlauben, wollen wir versuchen, ihre einzelnen Bestandteile auf ihre Glaubwürdigkeit hin zu prüfen.

Das erste Stück, Esr. 48—23, kann ursprünglich in seinem jetzigen Zusammenhang nicht gestanden haben ¹⁾. 1) 4₁₋₅ u. v. 24 haben den Tempelbau unter Cyrus und Darius zum Gegenstand, während v. 8—23 nur von Stadt- und Mauerbau unter Artaxerxes handeln (dass hier wirklich Artaxerxes gemeint ist, kann keinem Zweifel unterliegen: der Chronist kennt den Artaxerxes des Neh. und Esra zu genau, als dass er ihn mit Kambyses oder Pseudosmerdis, — von dem übrigens v. 15 nicht gelten könnte, — hätte verwechseln können ²⁾), er scheint viel-

1) Das hat schon 3 Esra erkannt; daher die Notiz 2_{17,19}, die wohl aus dem missverstandenen aramäischen Text entstehen konnte, nicht aber umgekehrt, vgl. H. Guthe bei Kautzsch, Apocr. 1900 z. St.

2) Gegen H. Winckler, Altor. Forsch. II Reihe, II: „die Zeit der Herstellung Judas“. 1900, S. 210 ff.

mehr den Namen übersehen zu haben und erblickte in v. 8—23 einen Beleg für die Sistierung des Tempelbaus; dass hier davon garnicht die Rede ist, entging ihm); 2) steht die Erzählung v. 24 auf demselben Punkt wie 45.

Haben wir nun konstatiert, dass 48—23 von dem Chronisten oder einem noch Späteren (so König, Einl. 93, S. 281 und Berthol. z. St.) eingeschoben ist, so erhebt sich sogleich die Frage, in welche Zeit es zu verlegen und wie weit es historisch beglaubigt sei. Ad 1) terminus ad quem für die hier geschilderten Begebenheiten ist der Mauerbau Nehem.'s 444, terminus a quo — der Regierungsantritt Artaxerxes I, 465; schon Bertheau (z. St.) hatte erkannt und es ist jetzt fast allgemein angenommen, dass Esr. 48—23 unmittelbar vor Neh. 1 gehört: hätten wir diesen Bericht nicht, so wären wir genötigt einen ähnlichen Vorfall zu postulieren, um den tiefen Schmerz Neh.'s bei der Nachricht vom Zustande Jerusalems zu begreifen (cf. Meyer, Entst. S. 56). Man irrt nur, wenn man v. 12 auf Esras Gola bezieht. Wellh. (NGGW 1895 S. 170) bemerkt dazu: „Esra 412 besagt schwerlich, dass grade Esra und die mit ihm neu zugekommene Gola den Mauerbau unternommen haben“. „Für eine solche Thätigkeit Esras fehlt jedes sonstige Zeugnis . . . Von Esras Kolonie liess sich gewiss nicht sagen, dass sie Jerusalem aufbauen“ (Marquart, l. c. S. 60 Anm. und 61). Vgl. auch Berthol., l. c. S. 17, van Hoonacker, Nouv. études sur la restaur. juive après l'exil de Bab. 96. S. 164 f. 1). Wir haben also anzunehmen, dass unter Artaxerxes vor Neh. ein Zug Exulanten sich nach Jerusalem begab; vielleicht war darunter H^anani (Neh. 1, 2), dessen Name unter Esras Genossen fehlt (so vermutet v. Hoonacker, Néh. et l'an 20 d'Artax. 92, S. 52 f.).

Ad 2) Gegen die Glaubwürdigkeit der in 48—23 mitgeteilten Urkunden ist geltend gemacht worden: 1) das Aramäische unseres Stückes gebe sich formell als beträchtlich jünger, als das der andern aramäischen Urkunden in Esra zu erkennen. (Marquart, l. c. S. 59); 2) könne die Nachricht v. 20 unmöglich wahr sein; 3) mache der Briefwechsel den Eindruck

1) Vgl. Fischer, l. c. S. 84 f. 86 ff.: nach ihm würde Esra 48—23 sich allerdings auf einen missglückten Mauerbau in der Zeit zwischen 455—450 beziehen. Zw. 450—446 sei der Mauerbau von dem Rebellen Megabyzos begünstigt, zw. 446—445 aber von den reichstreuen Vasallen sistiert worden.

„einer dramatisierenden Form der Erzählung“ (GGA. 1897 S. 93); 4) dem Erlasse sei der Kopf abgeschnitten (l. c. S. 90). Dagegen für die Glaubwürdigkeit führt man an: 1) in v. 10 sei die Nachricht von Osnappar historisch (Meyer, Entst. S. 37); 2) ebenso in v. 17: die persischen Beamten sollen thatsächlich in Samarien gewohnt haben (NGGW 1895, S. 169, gegen Marqu., l. c. S. 60); 3) die Namen der Kläger seien doppelt bezeugt (v. 8 u. 17); 4) sei die Möglichkeit nicht ausgeschlossen, Artaxerxes, dessen schwacher Charakter bekannt ist (Nöldeke, Aufsätze zur pers. Gesch. 1887 S. 56), habe seinen Befehl abgeändert; 5) dass direkt an den König geschrieben wird, erklärt man damit, dass man in jene Zeit den Aufstand des Megabyzos verlegt (Meyer, Entst. S. 57; „Jul. Wellh.“ S. 23 Anm. 1; NGGW S. 170; GGA 1897 S. 91; Nöldeke, l. c. S. 56), oder man sagt: „Einen regelmässigen Instanzenzug gab es im persischen Reich nicht“. (Ed. Meyer, l. c. S. 57); 6) v. 20 sei, so vermutet Bertholet (z. St.), von den Beratern des Königs, die sich nicht viel um die Geschichtlichkeit dessen, was sie schrieben, kümmerten oder sogar bestochen waren, geschrieben; 7) sei durch das Wort נִשְׁכַּח v. 17 bezeichnet, dass der Eingang der Urkunde ausgelassen sei.

So werden wir uns für die Glaubwürdigkeit der Urkunden 48–23 entscheiden können, obwohl wir darin nicht ganz sicher sind ¹⁾.

Das nächste zu betrachtende Stück bietet uns 3 Urkunden: 1) K. 57–17 — Brief Tattenais u. s. w. an Darius; 2) 63–6 — Edikt des Cyrus; 3) 67–12 — Edikt des Darius. Wir untersuchen zuerst das Cyrusedikt. Wir haben schon aus der Liste Neh. 7 (vom Chron. in Esra 2 wiederaufgenommen) gesehen, dass sie eine Erlaubnis zum Tempelbau von Seiten des Cyrus wahrscheinlich macht. Trotzdem führt man gegen die Authentizität von 63–6 folgende Gründe an: 1) 64 widerspreche 268 (der ursprüngliche Sinn dieser Stelle ist jedoch vom Chronisten entstellt — cf. Bertholet, z. St.; es handelt sich hier ursprünglich um Gaben zu

1) Sellin nimmt einen chronistischen Artaxerxes zwischen Cyrus und Darius an und verlegt daher die Sistierung des Mauerbaues gleich nach 538 (Stud. II, S. 13–25). Diese Annahme scheitert an 424; dieser Vers fehlt im ältesten Stück des griechischen Esra und ist, da 45 sich direkt an 51 anschliesst, wohl Zusatz eines Späteren, der dann auch v. 8–23 eingefügt haben muss, cf. Bertholet, z. St.

Kultuszwecken — cf. Neh. 7₇₂); 2) der Befehl des Cyrus sei nicht gleich erfüllt (erst unter Darius), — doch machte man unsrer Auffassung nach den Versuch von der Erlaubnis des Cyrus Gebrauch zu machen, er misslang aber angesichts der grossen Schwierigkeiten, die sich seiner Ausführung in den Weg stellten¹⁾. Es darf uns daher nicht wundern, dass der persische Beamte 18 Jahre darauf nichts mehr vom Edikt weiss, vielleicht wollte er bloss von ihm nichts wissen — die Möglichkeit ist nicht ausgeschlossen. 5₁₆ kommt hier nicht in Betracht: „wir haben hier den in der Geschichte so häufigen Fall, dass Ereignisse nach aussen in anderm Lichte dargestellt werden als nach innen“ (Stade, II S. 123), besonders wo es sich um eine Entschuldigung handelt (vgl. auch Sellin, II, S. 7); 3) die Massangaben 6₃ seien unecht. Allerdings sind diese Angaben unvollständig und etwas wunderlich (cf. II Reg. 6₂), es widerspricht aber nichts der Annahme, Cyrus habe selbst die Masse angegeben: das entspräche sogar dem damaligen Verhältnisse zwischen Religion und Staat (Bertholet, l. c. S. 24); 4) es sei unmöglich, dass Cyrus die Kosten habe begleichen wollen; dagegen sagt Siegfried, l. c. S. 44: „Das war eine Massregel, durch welche Cyrus die Exulanten an sich und sein Reich fesselte“. Diese Ausgabe konnte er sich erlauben bei dem grossen Reichtum, der ihm durch seine Siegeszüge zugefallen war. — An entschiedenen Beweisen für die Echtheit fehlt es indessen nicht. Zunächst die Erwähnung Egbatanas als Fundortes (Marq., l. c. S. 50; Berth., l. c. S. 24), dann die Beobachtung, dass 5₁₆ der chronistischen Auffassung (3₈₋₁₀) widerspricht (5₁₁ f. wird wohl vom Chron. stammen; in der Urkunde werden als Leiter des Baues die Ältesten bezeichnet — beim Chron. Zerubbäbel und Josua). Das Edikt lässt sich leicht aus der Religionspolitik des Cyrus erklären (cf. u. S. 44 ff. u. Cyruszylinder). Schliesslich weist Bertholet (z. St.) noch auf Esr. 1₂₋₄ hin, aus welcher Stelle man sehen kann, wie „ein jüdisch gefärbtes Edikt“ aussieht. Vgl. Stade, II, S. 99 ff. und die etwas zu weit gehende Verteidigung der Echtheit bei Nickel, l. c. S. 31—41²⁾.

1) J. Fischer, l. c. S. 40 ff. unterscheidet eine „rechtliche“ Tätigkeit Šesbassars von einer „bautechnischen“ Zerubbäbels.

2) Die Gründe Kisters' gegen die Echtheit sind von Wellhausen, NGGW S. 176, und Sellin, Stud. II, S. 7 ff., hinlänglich widerlegt.

Auch an der Echtheit der übrigen Urkunden hat man gezweifelt und zwar aus folgenden Gründen: 1) 5₆ sei die Titulatur unvollständig; 2) 5₁₁ verrate jüdische Denkart; 3) 6₈₋₁₀ könne unmöglich von Darius gesprochen sein; 4) die Bezeichnung Jahves als Himmelsgott in v. 10; 5) in 6_{12a} spreche der König in deuteron. Wendungen (Kosters-Basedow, Wiederh. S. 25) — überhaupt könne Darius so nicht gesprochen haben (er verfluche seine Nachfolger — Marq., l. c. S. 49); 6) aus 6_{7a} klinge die Sorge entgegen, der Bau könnte leicht inkorrekt ausgeführt werden; „der jüdische Berichterstatter ist sehr geneigt den pers. Königen seine Anschauungen und Empfindungen unterzulegen“ (Siegf., l. c. S. 45).

Dagegen lässt sich einwenden: ad 1) die Unvollständigkeit der Titulatur hat nichts zu bedeuten, da wir auch sonst Analogia finden (Berth., z. St.); ad 2) 5₁₁ werden Worte der Juden zitiert, sie müssen also jüdische Denkart verraten; ad 3) 6₈₋₁₀ erklärt sich aus Darius' Religionspolitik, die eine Nachahmung derjenigen seines Vorgängers sein will (cf. Gadata-Inschrift bei Bertholet, l. c. S. 26). Wenn man diese Stelle für gefälscht erklärt, so überträgt man damit unsre Verhältnisse auf die damalige Zeit und tut den persischen Königen — spez. Cyrus und Darius — unrecht. Man orientiere sich über die Politik des Cyrus und Darius (s. u. S. 44 f.), wie man sie aus den Inschriften, Urkunden und Herodot (z. B. VI 9 f. oder III 15) kennen lernt, und man wird Achtung vor der Humanität der Ahuramazda-verehrer bekommen. Vgl. E. d. Meyer, Enst. S. 70 f. Gesch. III. S. 64. 94 f. Allerdings muss die genaue Aufzählung der Kultusmaterialien aus jüdischer Feder geflossen sein. Solchen Textwucherungen jedoch begegnen wir auf Schritt und Tritt im A. T.; es ist ausserdem nicht zu vergessen, dass der Hauptton bei der Aufzählung auf v. 10^b liegt; ad 4) 6₁₀ „Himmelsgott“ kann nur für den etwas Befremdendes haben, der von der grossen Konnivenz der persischen Könige den fremden Göttern gegenüber nichts weiss (vgl. Berth. z. St.); ad 5) Die Wendung 6_{12a} stammt allerdings wahrscheinlich von jüdischer Hand (Bertholet vermutet, ein Jude am persischen Hofe sei bei der Abfassung des Briefes beteiligt gewesen). Da man ferner in v. 12^a לְהַשְׁתַּחֲוֹת in der Bedeutung „übertreten“ (cf. Marti, Gram. der bibl.-aram. Sprache 1896 S. 86*, ebenso Ges.-Buhl 13 Aufl.), nicht „rückgängig machen“ zu fassen hat, so gilt der Fluch nicht den Nachfolgern des Königs, sondern

den Nachbarkönigen und -völkern Israels (Marti, l. c. S. 46* streicht להשניא als eine im Hinblick auf Antiochus Epiphanes geschriebene Glosse); ad 6) der Bemerkung Siegfrieds zu v. 7a wird der Grund entzogen, wenn man שִׁבְקִי mit „überlasset ungestört“ (Berthol. z. St.) übersetzt.

So hat sich denn uns ergeben, dass auch diese Urkunden authentisch sind. Leichter fällt es uns, die Echtheit der Urkunde 7₁₂₋₂₆ darzutun, da die Glaubwürdigkeit ihres Inhalts durch die Memoiren Esras bestätigt wird (Esr. 7₂₇ f. 8₂₅ f.); sie setzen direkt ein solches Dokument voraus. Ausserdem stimmt der Inhalt der vv. 12—26 zu dem in der Denkschrift mitgeteilten. „Gegen den Inhalt lässt sich nichts einwenden; man hat zu bedenken, dass die Achämeniden niemals in den ostiranischen Provinzen versucht haben, die einheimische Religion durch die Mazdareligion zu verdrängen. Auch vom formellen Gesichtspunkt wüsste ich gegen die Echtheit des Erlasses nichts Stichhaltiges vorzubringen“, sagt ein so radikaler Kritiker wie Marq., l. c. S. 38¹⁾. Freilich ging es auch hier nicht ohne jüdische Überarbeitung und Interpolation ab: davon legen v. 13 u. 24 Zeugnis ab. Berthol. hilft sich mit der Annahme, Esra habe sein Gesuch selbst geschrieben und die Minister hätten es, ohne viel zu ändern, Artaxerxes bloß zum Unterzeichnen unterbreitet (ähnl. Meyer, Entst. S. 65). Dagegen spricht v. 20 f.: es wäre zu anmassend gewesen eine derartige Bitte vorzubringen. Die Zahlen v. 22 werden von E. Meyer, l. c. 68, verteidigt, doch werden sie wohl auf Kosten des jüdischen Ausschmückers zu setzen sein²⁾.

Bei der Untersuchung der Urkunden im allgemeinen ist noch die Hypothese Klostermanns, Gesch. d. Volkes Isr. 1896 S. 216 ff., zu erwähnen: 48—6₁₈ sei eine durch die Klage Rêhûms veranlasste Apologie der jüdischen Gemeinde. Er stützt sich dabei auf den korrumpierten v. 7 in K. 4, der natürlich freien Spielraum für die Phantasie bietet, sonstige Beweise fehlen. Diese Annahme scheitert an K. 48—23, das in einen andern Zusammenhang gehört.

Ferner sei hier noch die Auffassung von Sellin erwähnt

1) Allerdings soll er jetzt schwankend geworden sein, wie Wellh., GGA 1897 S. 607, in der Rezension seines Buches, bemerkt.

2) Zu weit geht in der Verteidigung Nîkel, l. c. S. 170. Vgl. J. Fischer, l. c. S. 5 ff., der gleichfalls für die Echtheit der aram. Urkunden eintritt.

(Stud. II, S. 1—43), der sich diesmal Klostermann anschliesst, von dem sich aber sein Weg sehr bald trennt. Auch er sieht nämlich in der aram. Quelle 4₇—6₁₅ ein durch die gemeinsame Idee: „den Tempelbau in Jerusalem haben Gott und die persischen Könige gewollt, den Mauerbau aber nicht“ (S. 31) zusammengehaltenes Ganze. Hat er nun den Hauptgedanken, der sich durch die Schrift wie ein roter Faden ziehe, gefunden, so fällt es ihm nicht schwer als den Verfasser der Schrift einen Samaritaner zu nennen: zu diesem Zweck identifiziert er Tobia und Tab'el. Durch die Behauptung, die aram. Schrift sei von einem einheitlichen Gedanken und Zweck zusammengehalten, will Sellin den Chronisten vor Beschuldigungen „des Idiotismus“ schützen; doch scheint er ihn selbst für einen sehr naiven Mann zu halten, der in sein Werk eine Schrift mit ausgesprochen feindlichen Tendenzen ruhig aufzunehmen im Stande wäre. Wir können leider die aram. Quelle in dem von Sellin geltend gemachten Sinne nicht als einheitliches Werk betrachten, da wir seine Auffassung von 48—23, auf Grund deren er seine Behauptung wagt, nicht teilen können (vgl. auch Fischer, l. c. S. 55—65, gegen Sellin).

Es bleibt nun noch eine Quelle nach — der Chronist. Über ihn als Geschichtsschreiber ist der Stab schon lange trotz H. Wincklers Einwendungen gebrochen. Wir werden daher nur dasjenige von seinem Werk in Esra und Neh. berücksichtigen, was irgend welchen Wert für uns hat.

Zunächst die Frage: ist Šešbašsar und Z^erubbābel ein und dieselbe Persönlichkeit? (so z. B. Klostermann, Gesch. S. 235; Ley, Jes. 40—66; v. Hoonacker, Zorob. et le second temple 92 S. 29—52 u. a.). Die Identifikation ist aus folgenden Gründen nicht möglich: 1) „ist es bedenklich, dass die Identifikation der beiden Personen im Buche Esra mit keinem Worte hervorgehoben, vielleicht sollte ich sagen, durch dieses Buch ausgeschlossen wird“, urteilt Kuenen, Abh. S. 219. „In ein und demselben Kapitel wird erst Z^erubbābel dann auch Šešbašsar genannt (5₁ und v. 14.16) und zwar der letztere ohne den im A. T. so häufigen Zusatz: d. i. Z^erubbābel. Es müssen deshalb wohl zwei verschiedene Personen sein“, (ib. cf. Stade, II, S. 100 f.). 2) Esr. 2₂ ist Z^erubbābel nicht Führer des Zuges, wie v. Hoonacker, Zorob. S. 46 ff., behauptet, sondern bloss „primus inter pares“ (Stade, II. S. 102). 3) Wenn Haggai und Sacharja nichts mehr von ihm (Šešbašsar) wissen, so bedeutet

das, dass er vom Schauplatz der Geschichte abgetreten ist, — das Wie und Wann wissen wir allerdings nicht (nach Fischer, l. c. S. 42, hätten ihn die Samaritaner aus Rache ermordet). 4) Ebenso spricht Esr. 5₁₄, wo Šešbašsar Peḥa genannt wird (vgl. 6₇) und Hag. 1_{1.14} 2_{1.21}, wo nur Z^erubb. diesen Titel trägt, (das ist ein Einwand v. Hoonackers, l. c. S. 52 ff.) nicht für die Identität, da sie einander in diesem Amte gefolgt sein können. 5) Die Stellen Esr. 5₁₆ und 3₈₋₁₀, Sach. 4₉ enthalten, nach unsrer Auffassung von der Zeit der Grundsteinlegung, keinen Widerspruch. Das war früher der Hauptgrund Wellhaus.'s für die Identifikation ¹⁾ (vgl. auch v. Hoon, l. c.). 6) Beide Namen Z^erubbāb. und Šešbašsar sind babylonischen Ursprungs (cf. Meyer, Entst. S. 76 f., v. Hoon., Zorob. S. 42 f., und Delitzsch, Assyrl. Gram.). Ley, Jes. 40—66 S. 23 ff., behauptet noch, Z^erubb. sei der hebräische Name Šešbašsars, was ihn zur Identifizierung der beiden veranlasst. 7) Die Ältesten, darunter wohl auch Z^erubb., berufen sich nicht auf die Erlaubnis des Cyrus, sondern auf Šešbašsar (Esr. 5₁₄). Zu 1₈ ist schliesslich noch zu bemerken, dass der Chronist die Späteren irre geführt hat, indem er Šešbašsar statt des Titels Statthalter den Titel Fürst von Juda gegeben hat (cf. Stade, II, S. 100 gegen Meyer, Entst. S. 77) ²⁾.

Fragen wir nun, wer denn eigentlich Šešbašsar gewesen ist? Man neigt in letzter Zeit sehr zu der Annahme, Šešbašsar sei mit dem in I Chr. 3₁₈ genannten Šen'ašsar identisch. Als Hauptgrund gegen diese Auffassung scheint uns neben den von Nowack zu Hag. 1₁ geäusserten sprachlichen Bedenken der Umstand ins Gewicht zu fallen, dass wir Šešbašsar in der Liste Neh. 7 Esr. 2 vermissen, wo er doch, wenn er ein Jude und zumal Davidide gewesen wäre, nicht hätte fehlen dürfen. Ist Šešbašsar ein Nichtjude gewesen, so lässt sich ferner die vollständige Ignorierung der ersten Grundsteinlegung bei Hag. und Sach. leichter begreifen. Doch müssen wir uns mit einem non liquet begnügen (cf. Wellh., Gesch.⁵ S. 164. Anm. 1, Sellin, II. S. 35 Anm., Guthe, Gesch.² S. 264 (Jude vielleicht Davidide)).

1) GGA 97 S. 95; jetzt (Gesch., 5. Aufl., S. 164) lässt er die Frage nach dem Verhältnis Z^erubb. zu Šešbašsar offen.

2) Vgl. zur ganzen Frage: Fischer, l. c. S. 24 ff.; auch S. 45 Anm. 2, wonach Z^erubb. und Jos., durch die Anfeindungen d. Samar. veranlasst, nach Babylon zurückgekehrt wären, um Hilfe zu holen.

Das Edikt Esr. 1₂₋₄ ist, wie schon oben bemerkt, eine Fälschung des Chronisten (cf. Siegfr., Berthol., z. St., Meyer, l. c. S. 49, gegen Fischer, l. c. S. 20 ff.). Esr. 3₁₋₃ berichtet von der Errichtung eines Brandopferaltars. „Dass die Altarerrichtung dem Tempelbau voranging, ist unzweifelhaft“ (Siegfr., l. c. S. 29; ähnl. Bertholet, l. c. S. 9; Meyer, Ent. S. 80, Stade, II, S. 116, Nickel, l. c. S. 90 f.).

Seit Schraders Artikel: „Die Dauer des 2-ten Tempelbaus“ (St. u. Krit. 67) wird die Geschichtlichkeit des Berichts Esr. 3₇₋₄₅ sehr stark bezweifelt, jedoch mit Unrecht (vgl. schon Duhm, Theol. der Proph. 1875 S. 267 Anm.; Stade, II, S. 123; Guthe, l. c. S. 245 ff., Sellin, II, S. 6 ff., Bertholet, l. c. S. 12 f.). Man missbraucht den Beweis e silentio. Wir finden keinen Widerspruch zwischen diesem Berichte und den Nachrichten bei Hag. und Sach. Hat sich die Erlaubnis des Cyrus zum Tempelbau als echt erwiesen, „so ist gar nichts anderes zu erwarten, als ein sofortiger Versuch seiner Verwirklichung“ (Berthol., l. c. S. 12). Der Widerspruch lässt sich durch die oben vertretene Annahme beseitigen.

Es bleibt noch ein für unsere Auffassung ungünstiges Stück des Chronisten — Esr. 7₁₋₁₀. Die Genealogie Esras ist natürlich wertlos. Interessant ist die Zeitbestimmung von V. 7 u. 8: danach wäre Esra vor Neh. nach Jerusalem gekommen. Wir sahen aber, dass 4₁₂ nicht notwendig Esras Gola voraussetzt; andre Schwierigkeiten bei dieser Reihenfolge der Ereignisse sind oben erwähnt. Es sind daher Versuche gemacht worden, die Schwierigkeiten zu beseitigen, indem man annahm, es sei eine 20 ausgefallen (so Wellh., NGGW S. 186): wir würden dann in das Jahr 438 geführt; doch dem widerspricht z. B. Neh. 5₁₄. Marquart, l. c. S. 36, schlug vor **בְּשָׁנָה שְׁבַע וְשָׁלֹשִׁים** oder **בְּשָׁנָה אָרְבָּעִים** zu lesen: wir würden dann in das Jahr 428 oder 425 geführt. Etwas Sicheres lässt sich nicht ausmachen; so viel ist unzweifelhaft, dass angesichts der oben erwähnten Schwierigkeiten die Zeitbestimmung (die übrigens im 3 Esrabuch anders lautet) hier nicht zu halten ist, — die kleinste Jahreszahl könnte nach unsrer Auffassung 32 sein, da Esra notwendig zwischen den beiden Anwesenheiten Neh.'s in Jerusalem gewirkt haben muss.

Zu der letzten Quelle dieses Zeitraums, dem Buch Ma-leachi, ist nur zu bemerken, dass die Wirksamkeit des Verfassers (die wohl keine mündliche war) einige Zeit vor Neh.'s

Ankunft zu fallen scheint. Massgebend ist, 1) dass 18 Juda unter einem, wie es scheint, nichtjüdischen Statthalter steht; 2) setzt der Verfasser noch nicht den P voraus, wenn er auch schon die noch nicht zur Kodifizierung gelangten Bestimmungen des P zu kennen scheint: er ist noch ganz vom dtron. Geist durchdrungen (cf. 3^{22 f.}). Der äussere Anlass seines Auftretens ist nach Wellh. und Nowack das Vordringen der Araber in das Gebiet von Edom, während die eigentliche Ursache seiner Wirksamkeit in der Verweltlichung der Gemeinde zu suchen ist ¹⁾).

B. Der geschichtliche Hergang.

Der Zerstörer Jerusalems war der letzte grosse König Babyloniens. Hat H. Winckler, *Altor. Forsch.* II, 2, S. 198 ff., recht, so waren seine Nachfolger ohnmächtige Werkzeuge in den Händen zweier Parteien: der Heerespartei und der Priesterpartei, von denen jede, sobald sie die Oberhand gewann, ihren Prätendenten auf den Thron zu bringen bestrebt war. Rasch auf einander folgten:

1) Amêl-Marduk (Evil-Merodach) 561—560, der den König von Juda Jojachin nach 37-jähriger Gefangenschaft begnadigte, II Reg. 25^{27 ff.} (nach C. P. Tiele, *Bab.-ass. Gesch.* 1886/8, II, S. 457, tat dies übrigens Neriglissar).

2) Neriglissar (Nergal-sar-usur) 559—56, der um die Krone zu erlangen, seinen Schwager Amêl-Marduk aus dem Wege räumte; 3) dessen jugendlicher Sohn Labaši-Marduk, der nach 9 Monaten einer Verschwörung zum Opfer fiel. Darauf wählten die Verschwörer zum Könige einen Babylonier, 4) Nabunaid 555—39. Dieser König kümmerte sich sehr wenig um die Regierung seines Landes, da er mehr Sinn für das Aufsuchen von Grundsteinen alter Tempel, wie überhaupt für den Götterkultus hatte (nach H. Winckler, *Geschichte Bab.*, S. 315, wollte er dadurch die Sympathien der Priester

1) Ganz unverwendbar für unsere Darstellung sind die Ausführungen H. Wincklers, *Altor. Forsch.* 2-te Reihe, Band II, 1900: „Die Zeit der Herstellung Judas“ S. 210—227; „Nehemias Reform“ S. 228—236; „Die Zeit von Esras Ankunft in Jerusalem“ S. 241—244 Band III, 1901: „Die doppelte Darstellung in Esra - Nehemia“ S. 458—489; „Maleachi“ S. 531—539.

partei gewinnen. In den *Altorient. Forsch.* II, 2, S. 201, lässt er Nabunaid einen Gefangenen der „weltlichen Partei“ sein, cf. KAT³ 1903 S. 111. Doch scheint uns das eine *petitio principii* zu sein).

Die Leitung der Geschäfte lag in den Händen seines Sohnes Bel-šar-ušurs, Belšassars der Bibel, (Winckler, *Gesch.* S. 316.). Während seiner Regierung versuchte Astyages (İstuwegu) (Meyer, *Gesch.* I, S. 582) von Medien ¹⁾, der Sohn des Kyaxares ²⁾ die alte Residenzstadt Harran zu erobern, Winckler, KAT³ 1903, S. 111. Daran verhinderte ihn Cyrus (Kuruš, Koreš der Bibel), Fürst von Anzan ³⁾ (nach Hommel, *Gesch.* S. 719 und Nöldeke, *Aufsätze*, S. 16, Anschau), einem kleinen medisch-elamitischen Staat (so Winckler, *Gesch.* S. 317; nach Tiele, *l. c.* S. 469, ist es der östliche Teil von Elam mit der Hauptstadt Schuschan; cf. Meyer, III S. 22. KAT³ 1903, S. 104). Cyrus, der Sohn des Kambyzes (Kambudšija), gehörte zur Dynastie der Achämeniden, einem der angesehensten Geschlechter des Stammes der Pasargaden (cf. seinen Stammbaum bei Nöldeke, *l. c.* S. 15). Er war ein Vasall Mediens ⁴⁾, empörte sich aber gegen seinen Lehnsherrn, der 550 durch Verrat seines Heeres in die Hände des Cyrus fiel. Nun konnte Cyrus in Egbatana seinen Einzug halten; ganz Medien war ihm untertan (cf. E. Meyer, *Gesch.* I, S. 601 f.). Wir werden diese Tat des Cyrus erst dann richtig zu beurteilen im stande sein, wenn wir uns vergegenwärtigen, dass Medien an Umfang Babylonien und Lydien gleich kam. Solch einen Erfolg konnte

1) Die Meder (Madai) sind seit dem 9. Jahrh. die tonangebenden indogermanischen oder arischen Stämme im Inneren Mediens. Im 7. Jahrh. zwang sie die Einwanderung der Kimmerier, Aškuza u. s. w. sich unter einem Oberhaupte zu vereinigen. Ihre Hauptstadt war Egbatana. Historisch sind die beiden Könige Kyaxares und Astyages. Der erstere war der Zerstörer Ninives, cf. H. Winckler, *Der alte Orient*, I, S. 31 f. KAT³ 1902, S. 100 ff.

2) Nach H. Winckler, *Gesch. Babyl. u. Assy.* 1892 S. 316 f., wäre er ein Fürst der letzten indogermanischen Einwanderung gewesen, der den Meder Kyaxares stürzte.

3) So werden die Perserkönige genannt seitdem der Achämenide Theispes 596 sich des Hauptteils Elams mit der Residenz Susa bemächtigt hatte, E. d. Meyer, *Gesch.* III, S. 22.

4) Schon unter Achaemenes war Persien in das Vasallenverhältnis zum medischen Könige getreten, nachdem die einzelnen Stämme sich sehr früh unter einem Fürsten vereinigt hatten.

Cyrus nur an der Spitze eines tapferen kriegerischen Volkes erzielen. Er verfuhr aber mit Medien nicht wie mit einer eroberten Provinz. Durch kluge Massregeln verstand er die Gunst der Meder für sich zu erwerben. Den gefangenen Astyages behandelte er nach den Berichten der Alten grossmütig (Herodot I₁₃₀, Ktesias, Persica II₅). Ferner entlehnte Cyrus die Tracht der Truppen den Medern; bald sehen wir auch diese an der Spitze seines Heeres. Man kann mit Ed. Meyer, III S. 27, sagen: „Das Mederreich lebt weiter umgewandelt in das Perserreich“.

Nach der Eroberung Mediens machte Cyrus zur Hauptstadt das elamitische Susa. Jetzt wird Cyrus wohl auch genug zu tun gehabt haben um die Länder zu unterwerfen, die zum medischen Reiche gehört hatten.

Nabunaid sah dem Tun des Cyrus ganz ruhig zu und tat nichts um sich vor diesem Emporkömmling zu schützen. Er war gerade mit dem Bau des Sintempels in Harran beschäftigt, welches wieder in seinen Besitz gelangt war, und liess Cyrus in Medien festen Fuss fassen, trotz des Bündnisses, das er mit Krösus von Lydien, dem Schwager des Astyages, und dem ägyptischen Pharaos Amasis geschlossen hatte.

Krösus war der erste, der sich zum Kampfe mit Cyrus entschloss. Das Reich, welches Krösus 563/1 von seinem Vater Alyattes, dem grössten Herrscher Lydiens, übernommen, umfasste das ganze vordere Kleinasien ausser Lykien (vgl. Nöldke, l. c. S. 18). Die Grenzen seines Reiches bildeten: das Ägäische Meer im Westen, der Halys im Osten, das Schwarze Meer im Norden, das Mittelländische im Süden. Nur einige griechische Städte wie Milet hatten ihre Selbstständigkeit bewahrt (vgl. Duncker, Gesch.⁴ IV, S. 298 ff.).

Grosse Schätze sammelten sich in der Residenzstadt an. Nächst Babylon war Sardes die reichste Stadt Asiens. Geehrt und geliebt von seinem Volke, hatte Krösus die ererbte sichere Machtstellung noch durch persönliche Vorzüge, sowie durch einige glückliche Kriegszüge zu festigen gewusst. Ja, er hatte allen Grund sich als den glücklichsten Menschen zu preisen. Doch die neidischen Götter ruhten nicht.

Die Kunde von den Erfolgen des Cyrus riefen in ihm Besorgnis um seine eigene Sicherheit hervor. Um dem Angriff seines Feindes zuvorzukommen (cf. Nöldke, l. c. S. 19) schloss er ein Bündnis mit Nabunaid und Amasis, — auch die Spar-

taner hatten ihm ihre Hilfe zugesagt —, fiel im Frühling 546 in das Gebiet seines Gegners ein und eroberte die Festung Pteria. Cyrus trat ihm entgegen und nach einer Schlacht, in der eigentlich niemand siegte (so Herod. I₇₆), zog sich Krösus in seine Residenzstadt zurück, da er von Cyrus' Seite keinen Angriff mehr erwartete und den Winter über seine Kräfte sammeln wollte. Er kannte aber seinen Feind schlecht. Cyrus folgte ihm unverzüglich; in der Hermosebene schlug er das lydische Heer und nach zweiwöchentlicher Belagerung fiel Sardes, im Herbst 546¹⁾. Mit der Hauptstadt war zugleich ganz Lydien erobert.

Auch hier zeigte sich der Grossmut des Eroberers: er überliess Krösus die Stadt Barene (Meyer, Gesch. I, S. 604). Als Statthalter des eroberten Landes wurde Tabalos eingesetzt, als Verwalter der Einkünfte der Lydier Paktyas.

Mit dem Falle Lydiens war auch das Schicksal Babylonien besiegelt. Ungeheuer war der Eindruck, den die Nachricht von den Erfolgen des Cyrus auf das Volk machte, das schon seit einem Menschenalter in der schmachlichsten Gefangenschaft schmachtete und voller Sehnsucht und festen Vertrauens auf die Stunde der Befreiung wartete. Die Juden hatten sich noch immer nicht entschliessen können dem Rate Jeremias (29₅ ff.), sich häuslich in Babylonien einzurichten, Folge zu leisten. Diejenigen von ihnen, die von Nebukadnezar 597 in die Gefangenschaft geführt worden waren, betrachteten das Exil als eine kurze Prüfungszeit und waren jederzeit bereit in die alte Heimat zurückzukehren. „Durch mehr als zehnjährige Übung kamen sie allmählich in eine Gewohnheit, die auch dann noch anhielt, als die Ereignisse ihre Illusion zu schanden machten“ (Wellh., Gesch.⁵ S. 152). Niederschmetternd wirkte daher die Nachricht von der Einnahme Jerusalems 586. Der Staat war nun vernichtet; Jerusalem und der Tempel des Gottes Israels zerstört, der König geblendet und in's Exil geschleppt; die Nation zersstückelt, auf verschiedene Länder verteilt: eine Schar Juden

1) Nach D u n c k e r, Gesch. 4 1877 IV, S. 320 ff., wollte Krösus sich dem Sonnengotte Sandon opfern, um ihn wenigstens für die Zukunft Lydiens günstig zu stimmen und auf diese Weise seinen Gegner noch im Tode zu überwinden. Das Opfer wird von den Göttern, die Regen schicken, nicht akzeptiert; cf. auch E. M e y e r Gesch. I. S. 605. Dagegen cf. N ö l d e k e, l. c. S. 20.

wanderte nach der Ermordung Gedaljas durch den Davididen Ismael nach Aegypten aus, wo sie spurlos verschwand; der bessere Teil der Bevölkerung musste nach Babylonien in die Verbannung ziehen, während der ärmste in dem zerstörten Lande zurückbleiben durfte. So schien die Nation dem Untergange geweiht zu sein — und das alles, nachdem man einen so frommen König wie Josia gehabt! Musste da nicht auch der Glaube des Frömmsten Schiffbruch erleiden? Es war klar: Jahve hatte sein Land verlassen (Ez. 8₁₂). Wenn man auch im Exil ganz erträglich leben konnte (cf. St a d e, II. S. 5 f.), wenn auch dem Erwerbe von Häusern, Grundbesitz nichts im Wege stand; wenn es auch erlaubt war Felder zu bestellen und seinen Geschäften nachzugehen (Jer. 29_{4 ff.}); wenn auch durch den Verkehr mit den Stammesgenossen, durch die wieder zur Geltung gekommene, althergebrachte Stammesorganisation mit den Ältesten als Leitern der wichtigsten Angelegenheiten des Volkes an der Spitze die Gefahr eines nationalen Zerbröckelungsprozesses ausgeschlossen und die Erhaltung der Volksindividualität gesichert schien: so konnte man sich doch nicht in die neue Lage schicken, und manchem, nicht zum mindesten den Frommen, entrang sich der verzweifelte Vorwurf: „der Weg des Herrn ist nicht richtig“ (Ez. 18_{25, 29, 33}_{17, 22} u. a.). An jeden trat die quälende Frage heran: ist Jahve von den fremden Göttern besiegt worden, dass er Israel nicht mehr schützen kann? Oder, wenn das nicht der Fall ist, wie konnte es dann kommen, dass er sein Volk den Heiden preisgegeben hat? Hat er sich von seinem Volke losgesagt?

Diese Stimmung des Volkes zeichnete dem Propheten jener Zeit seine Aufgabe vor: das Problem, das ihn beschäftigen musste, war die Theodicee. So zieht sich denn auch der Gedanke: „Jahve ist nicht ohnmächtig, ihm gehört vielmehr in einzigartiger Weise die Macht und Herrschaft an“, wie ein roter Faden durch das ganze Buch Ezechiels, jenes grossen „Kirchenmannes und Organisators“ (Cornill, Proph.⁴ 1903, S. 118), der „den wichtigsten Schritt getan zur Systematisierung des Kultus im Geiste des Monotheismus“ (Wellh. Gesch.⁵ S. 157), den man daher den „Vater des Judentums“ und dessen „typisches Vorbild“ (Ed. Meyer, III, S. 182) nennt. Wenn Jahve auch eben die Heiden schalten und walten lässt, so kommt doch in kurzer Zeit die Stunde der Rache: sie sollen alle von Jahve vernichtet werden, wenn er sein Volk, das nun aus den unter dem Zepter

eines Davididen geeinigten Stämmen Israel und Juda bestehen wird, zurückgeführt haben wird, und sie einen Ansturm auf Jerusalem wagen werden, denn Jahve ist der Erhabene, Allmächtige. So hat Ezechiel den Vorwurf von der Ohnmacht Jahves zurückgewiesen. Er begnügt sich aber damit nicht, sondern kehrt jetzt die Spitze der Anklage gegen das Volk selbst. Wenn es jetzt von den Heiden geknechtet wird, wenn es scheint, als habe Jahve sich von ihm losgesagt, so ist alles Unglück doch nur auf die Sünden des Volkes zurückzuführen. Jahve ist seinem Worte treu geblieben. Von Mutterleib und Kindesbeinen (Ez. 16) an hat er sich Israels in unendlicher Güte und Barmherzigkeit angenommen, es gepflegt, behütet, beschützt, einen Bund mit ihm geschlossen; — und womit hat Israel diese überschwängliche Liebe gelohnt? Eitel Undankbarkeit, Abfall, Unzucht mit anderen Göttern war der Dank! Wie kann man da noch fragen, weshalb Jahve sich vor dem Volke verbirgt? Die Strafe ist eine wohlverdiente und notwendige, sagt Ezechiel mit der grössten Härte. Das alte Verhältnis zwischen Jahve und Israel hat aufgehört; es gilt jetzt ein neues zu schaffen: Jahve ist schon bereit dazu, Ez. 16_{60 ff.}: „Ich will mit dir einen ewigen Bund aufrichten . . . und du sollst erkennen, dass ich Jahve bin, . . . wenn ich dir alles das vergebe, was du getan hast“. Die Bedingung ist — Bekehrung eines jeden von seinen Sünden (Ez. 18₂₃ u. a.). Ezechiel kann hier weiter bauen auf dem Fundamente, das vor ihm Jeremias gelegt hatte, der die nationale Religion zur individuellen gemacht, „die Religion Israels losgelöst hat von seinem Bestande als Volk“ (Buddé, Rel. d. V. J. bis z. Verb. 1900 S. 185). Er hatte schon die beiden neuen Erkenntnisse — Idealismus und Universalismus der Religion — der Welt gegeben (Corn., Proph.⁴ S. 99).

Die Verhältnisse im Exil gestalteten sich jedoch dermassen, dass Ezechiel die Pflicht hatte nicht nur einen jeden Einzelnen zu überwachen — der Beruf des Wächters verwandelt sich bei Ezechiel in den des Seelsorgers (cf. Wellh., Gesch.⁵ S. 155) —, sondern auch die Einzelnen zu einer Gesamtheit zusammenschliessen, um auf diese Weise einerseits der Gefahr der Paganisierung entgegenzusteuern¹⁾, andererseits die Eigenart Israels

1) Es gehörte eine seltene Charakterstärke dazu, allem Spott und Hohn, Schimpf und Misshandlungen gegenüber seine Nationalität und Religion zu wahren, wenn es für jeden vorteilhafter war, dieselben zu

durch Erfüllung gewisser kultischer Forderungen zu bewahren. So machte Ezechiel z. B. den Sabbath zum charakteristischen Merkmal des Judentums (cf. Ez. 20₁₂).

Mit der Übertretung des alten Bundes war auch seine Verfassung vernachlässigt worden. Es gilt nun eine neue Verfassung auszuarbeiten.

Auch diese Arbeit unternimmt Ezechiel und führt sie in KK. 40—48 seines Buches glänzend durch. Bis in die kleinsten Details hinein wird hier die innere Ausgestaltung des zukünftigen Staates oder vielmehr der Kultusgemeinde geschildert. An der Spitze dieser Kultusgemeinde steht allerdings ein König, hier Fürst genannt; er ist aber nur „Kirchenpatron“. Der Mittelpunkt des Ganzen ist der Tempel, der sorgfältig vor jeder Verunreinigung und Schädigung gesichert ist. Die Pflichten der Personen, die am Tempel beschäftigt sind, werden aufs genaueste geregelt. Die Hauptbeschäftigung der Laien ist den kultischen Forderungen nachzukommen und die Tempelsteuern zu entrichten. Mit diesem theokratischen Verfassungsentwurf hat Ezechiel seinem exklusiven Partikularismus ein Denkmal gesetzt. Er hatte hier die Grundlinien gezeichnet, auf denen sich das spätere Judentum bewegte. Seine Ideen fanden Eingang in die praktischen Gesetzbücher, wie z. B. in das Heiligkeitsgesetz (Lev. 17—26) und später in den Priesterkodex.

Befremdend klingen derartige Zukunftspläne in einer Zeit, in der man nicht einmal die Möglichkeit hatte Jahve zu dienen, ihm zu opfern, da man in einem fremden Lande wohnte.

Fürs erste suchte man und fand dafür einen Ersatz darin, dass man sorgfältig alles pflegte, was einen mit der Heimat verband (Guthe, Gesch.² S. 259 f.), indem man zunächst den persönlichen Verkehr mit Jerusalem aufrecht erhielt (cf. Jer. 29. Ez. 24₂₆) und, als dies nicht mehr ging, die altisraelitischen Gebräuche (Fasten, Gebete, Beschneidung, Sabbath) eifrig übte und mit grossem Fleiss die Literatur zu erhalten, zu vermehren und zu verbreiten suchte. Es galt „die Inventarisierung des geistigen Eigentums Israels.“ (Corn. Proph.⁴ S. 126).

verleugnen (cf. Corn., Proph.⁴ S. 115). Es wird zwar nicht wenig Renegaten gegeben haben; sie begünstigten aber blos den Läuterungsprozess innerhalb Israels.

Es bildete sich ein besonderer Stand der Soferim aus, die sich hauptsächlich mit Gesetzesstudien abgaben. Das Deuteronomium (cf. Stade, I. S. 657) und ähnliche Schriften (das Heiligkeitsgesetz) werden überarbeitet und erweitert. Man will den ganzen Kultus nicht nur der Gegenwart, sondern auch den der Vergangenheit nach dem Gesetz regeln (dies war schon das Bemühen Ezechiels).

Durch das eifrige Streben Jahves Namen vor Verunreinigung zu bewahren, wurde die Kodifizierung des Opferkultus hervorgerufen. Von diesem Gesichtspunkt aus wurden die Geschichtsbücher geprüft, und alles, was nicht mit der nunmehr geltenden Norm übereinstimmte, wurde rücksichtslos verworfen und als Grund des Zornes Jahves erklärt. „So entsteht diese prophetische Darstellung der Geschichte Israels, welche den Historiker recht eigentlich zum rückwärts gekehrten Propheten macht.“ (Corn. Proph.⁴ S. 128).

Nach dem Gesagten bedeutet das Exil nicht einen Stillstand der religiösen Bewegung.

Ezechiel und die exilischen Schriftsteller hatten ihre Absicht erreicht: das Schuldbewusstsein des Volkes war bis aufs äusserste gesteigert; es war so gross, dass mancher alle Hoffnung jemals Vergebung zu erlangen aufgab. Jahve will oder kann seinem Volke nicht helfen. 40 lange Jahre sind schon vergangen; wo ist der Retter aus Israels Mitte? In stumpfer Verzweiflung, mutlos lebte mancher dahin ohne darauf zu merken, was ringsum vor sich ging¹⁾. Was kann denn auch die Bewegung im Osten bedeuten? Von Jahve kann sie doch nicht kommen, der hat ja dort keine Macht!

Das zerknirschte hoffnungslose Volk bedurfte des Trostes; dieser wurde ihm zu teil durch die Schrift des „grossen Ungenannten“ Jes. 40 ff. In ihm lebt die alte Prophetie wieder auf. Man hat ihn „das strahlendste Juwel der prophetischen Literatur“ genannt. (Corn., Proph.⁴ S. 132).

Der Hauptzweck dieser Schrift wird gleich in den ersten Versen ausgesprochen: „Tröstet, tröstet mein Volk, spricht euer Gott, redet Jerusalem zu Herzen und ruft ihr zu, dass vollendet ist ihr Frohndienst, bezahlt ihre Schuld, dass sie empfangen von

1) Dass es unter den Exulanten auch solche gab, die mit glühendem Hasse die Zerstörung Babels herbeiwünschten und auf baldige Befreiung hofften, davon legen Zeugnis ab solche Stücke wie Jes. 13 f. 21—10 u. a.

Jahves Hand Doppeltes für all' ihre Sünden“ (40_{1 f.} nach D u h m). Es ist die Tröstung des geknechteten Volkes, das nun der Befreiung entgegen sieht. Die Stunde der Erlösung hat geschlagen: Gott hat sich einen Gesalbten erweckt, der Babel nieder-treten, Israel aber wieder auf freien Fuss setzen wird; dann wird die Herrlichkeit Israels in einzigartiger Weise sich entfalten. Mit hinreissender Begeisterung predigt er von der Allmacht Gottes, in dessen Gewalt es steht sich auch aus der Zahl der Perser einen Hirten zu erwecken, cf. Jes. 41₂₅; 45₁; 44₂₈. „Unser Prophet ist wie trunken von der Idee des Allmächtigen, der Hymnus von ihm rauscht in gleichmässigem Gewoge durch alles, was er sagt“. (Wellh., Gesch.⁵ S. 160). Diesem allmächtigen Gott allein gebührt die Herrschaft über alle Welt. Mit beissendem Spott und Hohn wird die Nichtigkeit der Götzen nachgewiesen (40_{19 f.} u. a.)¹⁾. Dieser alleinige, allmächtige Gott spricht zu Israel: „Ich, Jahve, d e i n Gott, halte fest deine Rechte, der ich spreche zu dir: fürchte dich nicht, ich, ich helfe dir“ (41₁₃ nach D u h m). Ist es nicht der herrlichste Trost, den es geben kann, das auserwählte Volk dieses Gottes zu sein!? Aber ist es denn auch so? Hat Jahve wirklich Israel erwählt? Weshalb bekennt er sich zu diesem kleinen verachteten Volke, und wie stimmt dazu die augenblickliche Lage Israels? — Das waren Fragen, die sich immer und immer wieder auf die Lippen der Exulanten drängten. Man konnte sich nicht mit der Lösung Ezechiels begnügen. Ezechiel brachte die immerhin nicht ganz unberechtigten Fragen der Zweifler zum Schweigen, indem er mit dem allergrössten Nachdruck auf die Schuld der Juden hinwies. Er hatte nur einen Trost für sie: die glänzende Zukunft; da wird Jahve zeigen, dass er sein Volk nicht verlassen hat; dann wird er alle Heiden vernichten, damit Israel als ein heiliges Volk ungestört leben könne. So führt die Rechtfertigung des Tuns Gottes Ezechiel zum exklusivsten Partikularismus.

Eine ganz andere Richtung nehmen die Gedanken Deuterojesaias: bei ihm mündet die Theodicee in das triumphierende Credo: „Es gibt keinen Gott als Jahve und Israel ist sein Prophet“ (Wellh., l. c. S. 161).

Wie sein Auftreten durch zeitgeschichtliche Verhältnisse

1) „Der theokratische und absolute Monotheismus wird hier zum ersten Mal gepredigt.“ B u d d e, l. c. S. 198, im Anschluss an S t a d e, II. S. 32.

bedingt war, so sucht er auch die Ereignisse der Zeit in den Plan Gottes einzureihen. Andächtig lauschen wir der Lösung des Rätsels, wie sie uns Deuterjesaia bietet. Dass Israel verachtet, geknechtet, in den Staub getreten ist, bedeutet nicht soviel, als habe Jahve es verlassen, als wolle er nichts mehr von ihm wissen, — nein, — das alles war von Jahve vorhergesehen, beabsichtigt. Israel sollte doppelt so viel büßen, als es gesündigt hatte. Israel hat seine Schuld bezahlt; nun führt Jahve es zurück in sein Land, nachdem er es mit seinem überschwänglichen Segen und seiner Herrlichkeit gekrönt. Mit den glühendsten Farben wird die glänzende Zukunft Israels ausgemalt. Alle Heiden werden sehen, wie wunderbar Jahve sich an dem misshandelten und verachteten Volke verherrlicht; da wird ihnen die Erkenntnis aufgehen (52₁₃₋₁₅), dass dieses Volk nicht bloss für seine Schuld hat leiden müssen, sondern auch für die ihrige (53₁₋₅), um ihnen das Heil zu bringen ¹⁾.

Das ausserordentliche nationale Selbstgefühl ist hier nicht, wie bei Ezechiel, engherzig, — Deuterjesaia predigt den weitgehendsten Universalismus. Gott, der über die ganze Welt Gewalt hat, will sich auch der ganzen Welt offenbaren und von allen Völkern verehrt sein. Wenn er Israel erwählt hat, so hatte er dabei im Auge, es zu seinem Knecht, seinem Boten und Prediger in der Heidenwelt zu machen (cf. Jes. 41₈, 44_{1.21}, 49₃; 43₂₁; 48₂₀; 49₆ cf. v. 3 u. ö.). Die Bestimmung Israels ist also Gott, dem einzigen Gott, zu dienen und diesen Gott auch der übrigen Welt zu verkündigen, bis sie sich zu ihm bekennt.

Blicken wir zurück auf die Wirksamkeit der beiden exilischen Propheten, so können wir abschliessend ihre Bedeutung mit B u d d e, Rel. S. 204, in den Satz zusammenfassen: „Neben Jeremia sind Ezechiel und Deuterjesaia gemeinsam die drei Grundpfeiler geworden, auf denen sich das nachexilische Judentum aufbaute“; sie waren es, die das Volk nicht im Exil untergehen liessen, sondern es durch neue Ewigkeitsgedanken bereichert haben, so dass es widerstandsfähig wurde, nicht nur allen Leiden der Verbannung gegenüber, sondern auch den

1) Ohne den Anspruch erheben zu wollen, das schwierige Problem vom Ebed Jahve gelöst zu haben, schliessen wir uns hier der Auffassung Stades, Wellhausens, Buddes u. a. an.

Prüfungen, welche es besonders in der ersten Zeit des wiederhergestellten Gemeinwesens zu bestehen hatte ¹⁾).

Die Schriften Ezechiels einerseits und Deuterjesaias und Jeremias andererseits sind der Ausgangspunkt zweier verschiedenen Richtungen geworden, die sich im Leben der nachexilischen Gemeinde geltend gemacht haben. Ezechiel fand Gesinnungsgenossen in den Verfassern des Heiligkeitgesetzes, des Priesterkodex und einiger Pss. (42. 48 u. a.). In Jeremias und Deuterjesaias Spuren wandelten die Verfasser der Bücher Ruth und Jona und einiger Pss., welche sich die Frömmigkeit und das Gottesvertrauen dieser Männer angeeignet hatten. „Jeremias Nachwirkung beschränkt sich auf die Frommen, die innerlichen Gemüter. Hesekiels veräusserlichte Religionsrichtung zieht die Masse nach“ (Duhm, Theol. d. Proph. S. 265).

Die hochgespannten Erwartungen Deuterjesaias sollten nicht sobald in Erfüllung gehen. Vorläufig hatte Cyrus noch mit den Vasallenstädten Lydiens zu tun. Kaum war Cyrus nach Egbatana (Hamadân) gezogen, als ein Aufstand in Lydien ausbrach. Cyrus schickte den Meder Mazares gegen die Rebellen, der den Aufstand sehr bald unterdrückte, den Führer desselben Paktyas hinrichtete und einige grosse Städte eroberte. Als Mazares starb, ernannte Cyrus den Meder Harpagos zu dessen Nachfolger; dieser brachte die übrigen griechischen Städte sowie die Karer und Lykier unter Persiens Gewalt. „Jetzt erstreckte sich die Lanze des persischen Mannes über ganz Kleinasien“ (cf. Justi Gesch. d. a. Pers. 79 S. 38). Er zerteilte es in zwei Satrapien.

Den griechischen Städten wurde ihre Verfassung und Selbstregierung gelassen. Ihre Abhängigkeit zeigte sich bloss darin, dass sie Tribut zahlen mussten, dessen Betrag sie aber selbst bestimmten, und im Falle eines Krieges ein Heer stellen mussten. Einem Aufstande suchte Cyrus dadurch vorzubeugen, dass er einflussreiche Griechen auszeichnete und ihnen seine Gunst erwies. Die Tyrannen gaben Cyrus mehr Bürgschaft des Gehorsams, als die Demokratie oder Aristokratie. Die Lydier dagegen entwaffnete er.

1) E. d. Meyer, Gesch. III S. 174—190, hat die beiden Propheten und ihre Bedeutung nicht genügend zu würdigen gewusst. Ihm fehlt das Verständnis für ihre Eigenart. (Ähnlich hat schon Wellh., Gesch. S. 153 ff. die Bedeutung Ezechiels nicht genügend erfasst.)

Nachdem Cyrus auch in Asien seine Nachbarn bezwungen, wandte er sich gegen Babel. Jetzt sollte sich endlich der von den Juden lange ersehnte Augenblick der Rache erfüllen. 546/5 drang Cyrus von Elam aus in Babylonien ein. Nabunaid blieb immer noch untätig (Ed. Meyer, *Gesch. I. S. 605*. Tiele, *l. c. S. 471*. H. Winckler, *Gesch. S. 317*). Über den weiteren Verlauf des Kampfes wissen wir nichts. Erst von seinem Ausgange berichten uns die Inschriften. Nach diesen war 539 Südbabylonien schon im Besitz des Cyrus; er selbst befand sich in Nordbabylonien, von wo Nabunaid schleunigst alle Statuen der Götter in die Hauptstadt bringen liess, wodurch er natürlich die Unzufriedenheit der Priester in Babel erregte. (Es könnte daher möglich sein, dass beim Herannahen Cyrus' in Babel eine Empörung ausbrach. Dadurch würde sich die Leichtigkeit, mit der die Eroberung der Stadt gelang, erklären, vgl. H. Winckler, *Gesch. S. 318*.) In einer Schlacht bei Sippar wurde das babylonische Heer geschlagen, — nach Nöldeke, *l. c. S. 22*, meuterten die babylonischen Truppen¹⁾ — und Sippar eingenommen. Am 13. Tammuz 538 öffnete Babel ohne Widerstand dem persischen Heere, an dessen Spitze Ugbaru (Gobryas) stand, seine Tore. Cyrus selbst hielt seinen Einzug in Babel am 3. Marḥešwan (vgl. H. Winckler, *Gesch. S. 317 f.*). Die vom Hass eingegebenen Hoffnungen der Juden gingen nicht in Erfüllung. Die Stadt blieb die Hauptstadt des Reiches; ihre Götter wurden nicht vernichtet, sondern Cyrus erlaubte sogar sich als ihren Verehrer zu bezeichnen. Die Götterbilder wurden mit grossen Ehren in ihre Städte zurückgebracht. Nabunaid wurde von Cyrus freundlich behandelt (nach Berossus wurde ihm Karmanien zugewiesen, Ed. Meyer, *Gesch. I, S. 605*) und, als er bald darauf starb, ehrenvoll bestattet.

Mit der Hauptstadt war Cyrus das ganze babylonische Reich und alle seine Provinzen, vor allem Syrien, zugefallen. Auch in diesen Provinzen blieb Cyrus seiner Politik getreu: er setzte einheimische Fürsten ein, die sich ohne ihn nicht behaupten konnten und ihm daher zu grossem Dank verpflichtet waren. So kam es auch hier zu keinem Aufstande.

Die Unterwerfung Syriens öffnete den Juden den Weg zur Heimkehr. Es wird wohl ein Akt politischer Klugheit ge-

1) vgl. auch Fr. Delitzsch, *Im Lande des einstigen Paradieses* 1903, S. 51.

wesen sein, wenn Cyrus den deportierten Juden die Rückkehr in ihr Land und die Wiederaufrichtung ihres Kultus gestattet hat. Er festigte auf diese Weise seine Macht, wenn er einen ihm zu Dank verpflichteten Bundesgenossen im Südwesten seines Reiches wusste, der vielleicht sogar das Reich vor den Anfeindungen der Ägypter schützen konnte.

Aber wie ganz anders gestaltet sich die Rückkehr! Keine von jenen glänzenden Versprechungen Dtrjes. geht in Erfüllung! Nicht einmal allen Juden wird die Rückkehr gestattet (cf. das zu Esra 1₁₋₆ o. S. 32. 28 f. Bem.). Cyrus befahl 538 bloss den Tempelbau (Esr. 5₁₃) und entsandte zu diesem Zwecke Šešbašsar (wohl ein pers.-babyl. Beamter, s. o. S. 31 f.) als Statthalter nach Jerusalem, nachdem er ihm die von Nebukadnezar geraubten Tempelgeräte zurückgegeben (Esra 5_{14 f.} 6_{5 f.}) und den Kostenaufwand aus dem Provinzialfiskus zu begleichen befohlen hatte (Esra 6₄). Mit grosser Freude rüstete man sich zur Rückkehr (Ps. 126), denn das eigentliche Ziel erblickten die Rückkehrenden in der Herbeiführung des messianischen Zeitalters (Stade, II. S. 95). Grosse Scharen schlossen sich Šešbašsar an ¹⁾, dem auch die Geschenke für Kultuszwecke von den Zurückbleibenden anvertraut wurden. Unter seiner Leitung wurde der Rückzug angetreten. Zusammengeschlossen durch das religiöse Bewusstsein zum wahren Israel zu gehören, fühlten sie sich als Repräsentanten des ganzen Volkes, wie die Zwölfzahl Neh 7₇ zeigt. Die hier genannten 12 Männer bildeten die nationale Obrigkeit Israels, „das Kollegium der Ältesten“ (Stade, II. S. 97). Z^erubbābel und Josua waren nicht die leitenden Persönlichkeiten zur Zeit des Rückzuges, wie das Fehlen eines Titels zeigt, Esra 5₁₅ f. Sie waren vielmehr Glieder des obengenannten Kollegiums und zwar angesehene, wie ihre Voranstellung zeigt, aber doch nur *primi inter pares* (cf. Stade, II. S. 102). Z^erubbābel ist ein Enkel Jojachins (I Chr. 3₁₇ ff.) und Josua ein Enkel des Seraja, den Nebukadnezar in Ribla (II Reg. 25₁₈ ff.) hinrichten liess, also ein Nachkomme Šadōks.

Eine genaue Zeitangabe über die Ankunft der Exulanten in Jerusalem fehlt uns. Der Kontrast zwischen dem herr-

1) Anders Fischer, l. c. S. 43-51, der neben der Rückkehr einer kleinen Exulentschar unter Šešbašsar 538, eine solche des Gros des Volkes unter Z^erubbābel und Josua 521/o annimmt. Ähnlich schon früher Sellin, Stud. II. S. 63 ff.

lichen, glänzenden Bild, das Dtrjes. vom heiligen Lande gemalt, und der rauhen Wirklichkeit, war der denkbar grösste. Man bekam nur ein kleines Gebiet angewiesen, das nicht über die nächste Umgebung Jerusalems hinausging und im N. sich bis Mišpa, im S. bis Beth Kærem, Theķōa, Bethšūr und Kēcīlā, im O. bis Jericho, im W. bis Zānōah erstreckte (so wenigstens nach Neh. 3, wo doch offenbar neben den Einzelnen, den Geschlechtern, den Gilden alle damaligen Ortsgenossenschaften mitarbeiteten (cf. Meyer, Entsteh. S. 107)). Dazu stimmt Esr. 108, wo gesagt wird, dass jeder binnen 3 Tage nach Jerusalem gelangen könne). Das ehemalige Gebiet des Stammes Juda war von den Edomitern, die von den Arabern gedrängt wurden, besetzt (Ez. 25_{4. 10}). Ebenso wie die Moabiter, Ammoniter und Philister sahen auch sie in den Juden unwillkommene Eindringlinge. Das ablehnende Verhalten der Zurückgekehrten, die nun schon das sie betreffende Unglück als durch die Bosheit der Fremden verschuldet ansahen (Sach. 1₂₅ vgl. Berthol., Stell. d. Isr. und Jud. zu d. Fremden 1896 S. 124), mag sie noch mehr in ihrem Gefühl befestigt haben. Umgeben von einer feindlichen Bevölkerung sahen die Zurückgekehrten, dass auch in der inneren Ausgestaltung fast nichts den Verheissungen Dtrjes.'s entspricht. Das Land wurde zwar verteilt, Landanteile erhielten auch die Nachkommen der ärmeren Bevölkerung, — doch die verheissene Fruchtbarkeit blieb aus. Die Leitung der inneren Angelegenheiten lag auch fernerhin in den Händen der Ältesten, die in der Hauptstadt lebten und die Interessen ihrer Geschlechter vertraten. Nur in besonders schwierigen Fällen wurde der Statthalter um Rat gefragt (Neh. 7₆₅). Nachdem man für die erste Zeit ein Brandopferaltar errichtet und so den regelmässigen Opferdienst wiederhergestellt hatte (Esr. 3₂), versuchte man auch dem Befehl des Cyrus nachzukommen: man begann mit dem Tempelbau (Es. 5₁₃₋₁₆). Šešbašsar legte den Grundstein. Dass man diese Grundsteinlegung von einem Fremden vollständig ignoriert (Hag. und Sach.), zeigt, wie ablehnend der Hochmut des Partikularismus der ersten Zeit nach der Rückkehr war (cf. Berthol., Stell. S. 125, ferner Neh. 7₆₁ und den Ehrennamen „Gola“). Neidisch sah diesem Tun die heidnisch-jüdische Mischbevölkerung, die Samaritaner, zu. „Wenn man jetzt, wo unter der Gunst des alle regierenden Grosskönigs ein neuer Tempel erbaut werden sollte, von vornherein sich an seiner Gründung beteiligte, so durfte man volle Gleichberechtigung beanspruchen,

und neben der Wahrung aller anderen Interessen durfte man zu verhüten hoffen, dass die neue jüdische Gemeinde zum Pfahl im eigenen Fleische würde.“ (Klosterm., Gesch. S. 224). Ähnlich H. Winckler, A. T. Untersuch. 1882, S. 107: „Es war offenbar eine heruntergekommene haltlose Masse, die sich den eben angekommenen jüdischen Einwanderern an den Hals warf und von diesen kurzweg abgewiesen wurde. Aus der Verbindung mit den Ankömmlingen erhofften sie eine Verbesserung ihrer Lage.“ Vgl. auch Guthe, l. c. S. 266. So erbaten sie sich am Tempelbau helfen zu dürfen¹⁾. Doch die von den partikularistischen Ideen Ezechiels beeinflussten Exulanten wiesen mit Selbstbewusstsein ihr Anerbieten zurück. „In der anfänglichen Abschliessung der Gemeinde lag aber eine innere Notwendigkeit; sie musste sich innerlich so weit kräftigen, dass sie nicht mehr in Versuchung geriet sich nach aussen zu verlieren“, Berthol., Stell. S. 125.

Die beleidigten Samaritaner suchen den Fortgang der Arbeit zu stören, was ihnen auch sehr bald gelingt, da die materiellen Verhältnisse der Gemeinde wohl nicht glänzend gewesen sein werden. Der versprochene Zuschuss aus dem Provinzialfiskus wird wohl wie gewöhnlich ausgeblieben sein. Auch unüberwindliche Misstände anderer Art, mit denen später Nehemia zu kämpfen hatte (Neh. 5), mögen sich dem Gelingen des Werkes in den Weg gestellt haben. „Die Vollmachten der zurückgekehrten Exulanten waren den eingeborenen Judäern unbequem“ . . . Ihre aristokratische Haltung und höhere Religionsauffassung stellten zu grosse Anforderungen an die im Lande Zurückgebliebenen. Man konnte sich nicht verständigen. Ausserdem „war die Zahl der Zurückgekehrten zu gering, um diesen Schwierigkeiten die Spitze bieten zu können, und die geringe Macht des Statthalters verzehrte sich erfolglos in diesen Reibungen“ (Guthe, Gesch. S. 266 f.). Dieser Misserfolg legte für lange Zeit alle Energie lahm. Unstatthaft scheint uns daher die Annahme Sellins, Stud. II S. 13—25, man habe in dieser Zeit auch den Mauerbau in Angriff genommen. Sie entbehrt nicht nur jeder Begründung, sondern widerspricht strikt den Angaben der Quellen (s. o. S. 25 f.). Als äusseres Ereignis der folgenden Zeit ist nur die Gründung des Hohenpriesteramtes zu ver-

1) Anders Ed. Meyer, Enst. S. 119—130; von Wellh., GGA. 97 S. 95 mit Recht zurückgewiesen.

zeichnen. Bald nach der Rückkehr (Neh. 7₆₅) ist Josua Hoherpriester geworden, zw. 537 u. 520. Stade, II, S. 103 ff., erklärt die Kreierung dieses Amtes durch die Annahme, die ezechielsche Forderung, nach welcher die Šadōkiden das alleinige Recht zu opfern haben sollten, sei bald nach der Rückkehr aufgehoben worden, um auch den Nachkommen der Priester der Landheiligtümer die Möglichkeit zu geben in Jerusalem amtieren zu können; als Entgelt dafür sei der Familie Šadōks das Ehrenamt eines Hohenpriesters angeboten worden. —

Blicken wir zurück auf die Regierung des Cyrus. Alle Berichte der Alten stimmen darin überein, dass Cyrus ein idealer Herrscher gewesen sei (so Xenophon, Plato, Aeschyl., Herodot. Letzterer sagt von Cyrus III₁₆₀ folgendes: „τούτῳ (Κύρῳ) γὰρ οὐδείς Περσέων ἡξίωσε ἑαυτὸν συμβαλεῖν“). In seiner Persönlichkeit vereinigte sich ein ausgesprochenes Feldherrntalent mit der Klugheit eines gewandten Staatsmannes, der durch Milde den Besiegten gegenüber bestrebt war ihre Sympathien zu erwerben. Er lässt den bezwungenen Völkern ihren Glauben, ihren Kultus, ihr Rechtswesen, gewährt ihnen Selbstverwaltung. Diese Prinzipien der Toleranz werden wohl nicht allein in der Religion Irans gründen, sondern vielmehr auf den persönlichen Charakter des Herrschers zurückgehen. Cornill hat Recht, wenn er (Proph. S. 154) sagt: „Cyrus ist als Feldherr, König und Mensch die grösste Persönlichkeit und die edelste Gestalt der Geschichte des alten Orients“.

Aus kleinen unbedeutenden Anfängen hatte sich das persische Reich zu einer Weltmacht entwickelt, deren Grenzen bis Ägypten reichten. Amasis erkannte die Gefahr, die ihm von seinem neuen mächtigen Nachbar drohte, und rüstete sich zum Kriege. Unterdessen starb Cyrus. Nach Herod. I₂₁₄ fiel er im Kampf gegen die Massageten, nach Ktes. VI — gegen die Derbiker, nach Berossus — gegen die Doher in der ersten Hälfte des Jahres 529. Ihm folgte sein ältester Sohn Kambyse von der Achämenidin Kassandane. Nach einer Inschrift des Darius liess er seinen Bruder Bardija (griech. Smerdis) heimlich umbringen, so dass das Volk davon nichts erfuhr. Mit Recht schliesst Nöldeke, l. c. S. 21, daraus, die Teilung der Herrschaft zwischen Kambyses und Smerdis habe nicht stattgefunden.

Von der Koalition, die sich gegen Cyrus gebildet hatte, war nur noch Ägypten nachgeblieben. In dieses Land fiel nun Kambyse 525 nach langen, sorgfältigen Vorbereitungen ein.

Auf die Kunde von seinem Zuge gingen Cypern und Samos zu ihm über. Amasis hatte unterdessen das Zeitliche gesegnet und den Thron seinem Sohne Psammetich III hinterlassen.

Bei Pelusium kam es zur Schlacht, die Psammetich verlor. Er floh nach Memphis, welches bald darauf erobert wurde. Nach Ktesias, Persica IX, wurde Psammetich in Susa interniert; nach Herodot, III₁₅, empörte er sich bald gegen Kambyses und wurde infolge dessen hingerichtet.

Kambyses zeigte sich als Nachfolger der Politik seines Vaters. Er war bestrebt die Ägypter die Veränderung der Verhältnisse nicht fühlen zu lassen. In Kultus, Verwaltung, Gesetz und Recht änderte er nichts. Nur einen persischen Satrapen und eine persische Besatzung bekam Ägypten (Meyer, I. S. 610 f.).

Nach der Einnahme Ägyptens eroberte Kambyses Abessinien; den geplanten Zug gegen Karthago musste er aufgeben, da die Phönizier sich weigerten, ihre Flotte zu diesem Zwecke herzugeben (Herodot, III_{25. 19}).

Schon 4 Jahre war nun Kambyses in Ägypten. Seine lange Abwesenheit und vielleicht auch seine Unbeliebtheit beim Volke benutzte der Magier Gaumâta, ein Doppelgänger des ermordeten Bardija, um sich für diesen auszugeben. Persien, Medien und andere Provinzen gingen auf die Seite des Usurpators über. Als Kambyses auf der schleunigen Heimreise in Syrien davon Kunde erhält, nimmt er sich in der Verzweiflung das Leben (Nöldeke, l. c. S. 29). Gaumâta tritt nun vollständig als persischer König auf. Um sich beliebt zu machen, erliess er allen Ländern den Tribut für 3 Jahre (Herod., III₆₇, cf. Meyer, I. S. 612). Die Privilegien der Magnaten scheint er jedoch beschränkt zu haben; denn es bildete sich eine Verschwörung der 7 angesehensten Männer aus den 7 leitenden Geschlechtern. Auf der Feste Sikajauvati (Meyer, I, S. 613) im Lande Nisâ in Medien wurde er von ihnen umgebracht (in der ersten Hälfte des Jahres 521). Zum Könige wurde einer der an der Verschwörung Mitbeteiligten, Darius, der Sohn des Hystaspes, aus einem Nebenzweig der Achämeniden (cf. Tabelle bei Nöldeke, l. c. S. 15), gewählt.

Darius (Darjavûs, cf. Schrader, KAT 1872, S. 245 ff. oder Dârajavahu, Nöldeke ¹⁾) hatte einen äusserst schwierigen

1) l. c. S. 30; cf. z. B. die verschiedenen Formen, in denen dieser Name vorkommt, bei H. Radau, Early Babylonian History 1900 S. 331 f.

Stand. Das Volk, dem von Pseudobardija der Tribut auf einige Zeit erlassen war, zahlte mit grösstem Widerstreben die Steuern. Der Adel, dessen Vertreter sich an der Verschwörung beteiligt hatten, erblickte in Darius einen seinesgleichen und behandelte ihn danach. Auch die Provinzen sahen, dass die Obrigkeit nicht auf festen Füßen stand. Man fing an sich der Tage der Selbständigkeit zu erinnern; ein Vasallenreich nach dem anderen sagte sich von der persischen Oberhoheit los, um Freiheit und Autonomie wieder zu erlangen.

Den Anfang machte Elam unter Athrina. Seinem Beispiel folgte Babylon, wo Nidintubel sich für Nebukadnezar III. ausgab.

Athrina wurde sehr bald besiegt. Gegen Babylon zog Darius selbst. Nach zwei Schlachten — am Tigris und Euphrat — nahm er Babel im Februar 519 ein (cf. Marquart, l. c. S. 60 und G u t h e, l. c. S. 271; nach Herodot III_{150—160}, cf. D u n c k e r IV S. 474, nach einer zwei Jahre langen Belagerung; nach den Inschriften — ohne Widerstand.)

Wie in den vergangenen Tagen, als die Juden ihre politische Selbständigkeit noch nicht verloren hatten, jede Bewegung in der Völkerwelt einen Widerhall weckte, so blieb auch jetzt die gewaltige Völkererschütterung nicht ohne Einfluss auf die Gemüter der Juden. Man erwartete nun endlich das Eintreten des so sehnlich herbeigewünschten messianischen Reiches und mit ihm die Vernichtung der Heiden. Es machte sich ein mächtiger Aufschwung in der Gemeinde bemerkbar; inauguriert wird er durch die Propheten Haggai und Sacharja. Wir können aus ihren Schriften ersehen, wie traurig damals die wirklichen Verhältnisse im Gegensatz zu den überschwenglichen Hoffnungen in Jerusalem waren.

Die Stadt war dünn bevölkert (Sach. 7₇. 8₄). Ausserordentlich schlechte Ernten hatten Teuerung und Hungersnot zur Folge (Hag. 1₆. 11. 2₁₇); die Arbeiterpreise waren gering; es fiel schwer das für den Bedarf Unerlässliche zu erschwingen (Sach. 8₁₀); wegen der allgemeinen Unsicherheit ruhte aller Handel (Sach. 8₁₀ cf. 5₃). Hatten die Juden im Exil die Reinheit der Religion zu erhalten gewusst, so drohte nun im heiligen Lande die Gefahr des gänzlichen Verfalles der Jahvereligion: die Lauheit nahm von Tag zu Tage zu, der Gottesdienst schrumpfte bis auf Fasten und Darbringung von Opfern auf dem gleich nach der Heimkehr errichteten Altar zusammen (Sach. 7. 8 Hag. 2₁₄). Die Laxheit in Sachen der Religion suchte man noch dadurch zu entschul-

digen, dass Jahve die günstige Zeit noch nicht habe kommen lassen (Hag. 1₂). Es fehlte nicht an Uneinigkeit und Feindschaft in der Gemeinde (Sach. 8₁₀). Ja selbst die beiden Oberhäupter der Gemeinde — der Davidide Z^erubbäbel, der inzwischen an Šešbašsars Stelle als Statthalter getreten war (vielleicht hatte Darius in der schweren Zeit einen Davididen zum Statthalter ernannt, um sich die Treue der Juden zu erhalten, Cornill, Proph.⁴ S. 150), und der Hohepriester Josua (ein Šadoqide), der jetzt Tempel und Kultus zu regieren hat (Sach. 3₇), scheinen nicht immer im guten Einvernehmen mit einander gelebt zu haben (Sach. 6₁₃)¹⁾. Man hatte im allgemeinen das Gefühl, das Exil dauere noch fort (Sach. 7 u. 8). Man begreift, weshalb Sacharja solche Worte wie 3_a sprechen konnte. Trotz dieser traurigen Zustände sind es Hoffnungen der allerkühnsten Art, zu denen sich Haggai und Sacharja aufschwingen. Nicht zum mindesten wird die Nachricht vom Sturze des Erbfeindes Babels durch Darius zur Entstehung dieser Hoffnung beigetragen haben: schienen doch erst jetzt die Verheissungen Dtjes.'s in Erfüllung gegangen zu sein. Ausserdem gingen die von Jeremia (25₁₁ 29₁₀) angekündigten 70 Jahre der Strafe zu Ende. Anknüpfend an diese Erwägungen weist der Prophet Haggai darauf hin, dass alle Misstände der letzten Zeit nur eine Strafe für die Lässigkeit in Jahves Sache seien. Es gilt nun vor allem seine Gunst wiederzugewinnen — seinen Tempel wieder zu errichten.

Es gelang Haggai wirklich die Inangriffnahme des Tempelbaus zu bewerkstelligen. Am 24. VI im 2. Jahr des Darius (Sept. 519) wurde der Grundstein gelegt (s. o. S. 16). Die Grundsteinlegung Šešbašsars scheint man absichtlich unbeachtet gelassen zu haben.

Mit grossem Eifer gehen Z^erubbäbel, Josua und das Volk ans Werk. Als ihre Energie angesichts der grossen Schwierigkeiten zu erschaffen drohte, ist es wiederum Haggai, der ihnen Mut zuspricht, indem er darauf hinweist, dass die künftige Herrlichkeit dieses Hauses die des alten noch übertreffen werde, denn bald wird eine Erschütterung der Heidenwelt eintreten, alle Völker werden ihre Kostbarkeiten in den Tempel Jahves bringen, in Jerusalem aber wird Friede sein. In aller Ruhe wird man das Fundament erneuern und den Tempel wiederherstellen (Hag. 2₁₋₉; vielleicht war der Anlass dieser Rede das

1) vielleicht hat man die Ansprüche Josuas nicht allgemein anerkannt.

Widerstreben der Gemeinde, das durch seine Predigt und die entflammte Begeisterung anfangs zurückgedrängt, jetzt sich verstärkt, cf. Nowack, z. St.) Ihre bisherigen Leistungen für Jahve sind im Vergleich mit ihren Sünden eine Null, aber weil sie mit dem Bau des Tempels begonnen haben, will sich Jahve ihnen mit grosser Barmherzigkeit zuwenden (Hag. 2₁₀₋₁₉). Die Heidenwelt soll vernichtet werden, das messianische Zeitalter wird somit anbrechen: Jahve hat sich schon einen Messias, den Davididen Z^erubbäbel, erwählt (2₂₄). So stellt sich der erste nachexilische Prophet in den Dienst des Kultus.

Das Werk Haggais nahm sein Zeitgenosse Sacharja auf und führte es zu Ende. Er ist ebenfalls ein Trostprophet. Die Zeit der Heimsuchungen wird zu Ende sein, wenn einmal der Tempel in seiner alten Pracht wieder dasteht. Dann wendet Jahve sich wieder Jerusalem in Liebe zu, die Zeit der Wiederbegnadigung und der Vollendung beginnt (Sach. 1₇₋₁₄). Die Heidenwelt wird vernichtet (1₁₅ 2₁₋₄), Jerusalem dagegen gebaut und bevölkert werden (1₁₆ f.). Ob der Menge seiner Einwohner wird man keine Mauern auführen können, aber das ist auch gar nicht nötig, denn Jahve wird Jerusalems Mauer sein, er wird wieder auf Sion thronen. Alle noch im Exil weilenden Juden sollen nach Jerusalem eilen: schon hat Jahve zum Schlage gegen die Heiden ausgeholt (2₅ ff.). Nachdem Jahve die Gemeinde so hart bestraft hat, dass sie schier vernichtet wäre (Sach. 3₂), erweist er sich nun gnädig gegen den Rest: er setzt selbst die beiden Häupter der Gemeinde, die unter seinem speziellen Schutz stehen (Sach. 4_{1-6a}, 10b-14), den Statthalter Z^erubbäbel und den Hohenpriester Josua, in ihre Ämter ein. Josua ist von nun an vollständiger Herr über Tempel und Kultus, während Z^erubbäbel von Jahve zum Messias auserwählt ist: Jahve hält schon sein Diadem bereit und steht im Begriff den Namen des Messias-Königs einzugraben (Sach. 3₆ ff.)¹⁾. Wenn sich auch noch so grosse Schwierigkeiten bieten, so wird Z^erubbäbel sie doch überwältigen; sein Werk, der Tempelbau, soll gelingen, denn Jahves „ruah“ ist mit ihm. Die Schuld der Gemeinde wird ge-

1) Interessant sind die Ausführungen Sellins über die Nachtgesichte. Im Anschluss an van Hoonacker sucht er gegenüber Koster zu beweisen, dass der Standort Sacharjas in seinen Gesichten in der Vergangenheit liege (Stud. II S. 71-95). Doch konnte er uns von der Haltbarkeit seiner Hypothese nicht überzeugen. Sie ist übrigens für unsere Untersuchung belanglos.

sühnt, ihre Straffälligkeit auf die Feinde übertragen, über die sich dann Jahves Zorn ergiesst. Mit Freuden nimmt Sacharja die Gaben der babylonischen Juden auf. Er bestimmt sie zu einer Krone für Z^erubbābel, der den Thron Davids besteigen soll; die Krone aber soll im Tempel zum Gedächtnis aufbewahrt werden. Die fernsten Heiden (cf. Hag. 2₇) werden kommen, um am Tempel mitbauen zu können (6₉ ff.). Nun wird Jahve nur noch Segen und Barmherzigkeit für sein Volk haben, denn nun kann er wieder in Jerusalem Wohnung nehmen; nun sind die Misstände, die sich vor dem Tempelbau geltend gemacht hatten, aufgehoben, die Fasttage werden nun in Festtage verwandelt werden, die Zeit der Erfüllung ist gekommen; man beflissige sich nun eines sittlichen Wandels (8₁ ff.). Die Erfüllung dieser kühnen Hoffnungen blieb aus. Z^erubābel nahm den Thron Davids nicht ein: spurlos verschwindet er aus der Geschichte. Ob er einen Aufstand angezettelt, um sich als messianischen König ausrufen zu lassen (Sellin) oder ob er aus einem andern Grunde (wie Guthe, l. c. S. 269 vermutet, wegen der Einteilung des Reichs in Satrapien, was nach Duncker, l. c. S. 532, im Jahre 515 geschah; anders Ed. Meyer, III, S. 196) abgesetzt wurde, — auf diese Fragen können wir nur mit einem „ignoramus“ antworten. Alle darüber aufgestellten Hypothesen sind zu wenig begründet.

Das eigentliche Ziel ihrer Predigt — den Tempelbau — hatten Haggai und Sacharja erreicht, wenn es auch nicht ohne Hindernisse abging. Aus Esr. 5₈ ff. erfahren wir, dass der persische Statthalter von Abar-Nahara (Syrien) — Tattⁿnai (griech. Sisinnes), der Jerusalem besuchte und mit Verwunderung das eifrige Betreiben des Tempelbaus sah, sich nach den Bevollmächtigungen erkundigte. Man berief sich auf die Erlaubnis des Cyrus und suchte den gegenwärtigen Bau als eine ununterbrochene Fortsetzung des unter Šešbassar begonnenen darzustellen (Esr. 5₁₆ b.). Als Tattⁿnai auf seinen Bericht hin von Darius, welcher das in Egbatana gefundene Edikt des Cyrus als auch für sich massgebend ansah (Esr. 6₆ ff.), den Befehl erhielt, die Juden ungestört weiter arbeiten zu lassen, ja, sie dabei zu unterstützen ¹⁾, stand der Vollendung des Tempelbaus nichts mehr

1) Es ist aber fraglich, ob der Befehl des Darius erfüllt worden ist (Esr. 6₈–10), denn nach Esr. 5₃–6₁₅ scheint es, dass man nur auf eigene Mittel angewiesen war (cf. Guthe, l. c. S. 270).

im Wege. Am 23 Adar (cf. 3 Esr. 3₇) — März 515 — konnte der Tempel feierlich eingeweiht werden, nachdem 4 $\frac{1}{2}$ Jahre an ihm gebaut worden war. Über Einrichtung und Masse des neuen Tempels ist uns nichts bekannt, jedenfalls entsprach er den ezechielschen Vorschriften nicht. Die Bedeutung des Tempelbaus für die Folgezeit kann nicht hoch genug angeschlagen werden. Bertholet charakterisiert sie mit folgenden Worten: „Sobald man im neuerbauten Tempel einen festen Stützpunkt gewonnen und damit zugleich die Gewähr erhalten hatte, dass Jahve darauf wieder Wohnung genommen habe, ist die ursprüngliche Abgeschlossenheit nach aussen gelockert worden“ (Stellung S. 28). Die Aufnahme der israelitischen Bevölkerung hatte die Weitherzigkeit gegen die heidnischen und halbheidnischen Nachbarn zur Folge (NGGW 1895 S. 186).

So hat die ganze Bewegung nur das eine, den Tempelbau, erreicht. Die Hoffnungen auf den Sturz des Lehnsherrn haben sich wieder einmal nicht erfüllt. Das Perserreich ist nicht in Brüche gegangen, wenn auch Darius schwere Zeiten zu bestehen hatte. Die vielen Aufstände wurden dank seinem Feldherrngenie unterdrückt und aus allen Kämpfen ist Persien nur gestärkt und geeint hervorgegangen (cf. Meyer, I. S. 615 f., III. S. 194).

Der Tod ereilte Darius 485, als er sich zu einem Zuge gegen Ägypten rüstete (Nöldeke, I. c. S. 41).

Darius folgte auf dem Throne, wie es scheint, ohne alle Erschütterung, sein Sohn von der Atossa, der Tochter des Cyrus, Xerxes I (pers. Chšajarša, hebr. Aḥašweroš). Seine erste Tat war die Unterdrückung des Aufstandes in Ägypten; Babel, wo ein Aufstand ausgebrochen war, wurde gleichfalls zurückerobert und geplündert. Das wichtigste, was Xerxes unternommen, ist sein bekannter Zug gegen Griechenland, der für die Perser so ungünstig ausfiel. Xerxes wurde von dem Führer der Leibwache Artabanes ermordet; Artaxerxes, sein jüngster Sohn, tötete im Einverständnis mit Artabanes seinen älteren Bruder Darius und kam auf diese Weise auf den Thron (464; cf. Nöldeke, I. c. S. 49).

Artaxerxes (pers. Arthachšathra, hebr. Artahšasta) war ein milder, aber schwacher Charakter: seine Weiber und Günstlinge regierten eigentlich statt seiner (Nöldeke, I. c. S. 56). Bei seinem Regierungsantritt zeigten sich Unruhen in Baktrien und Ägypten. In Baktrien wurde die Ordnung bald wiederhergestellt; schwieriger war es mit Ägypten fertig zu werden.

Mit den Athenern wurden die Feindseligkeiten fortgesetzt, bis endlich Friede geschlossen wurde. Bemerkenswert ist der Aufstand des Megabyzos in Syrien, der einige Jahre rebellierte, bis er durch einen Vertrag volle Begnadigung erlangte (445). Das Verdienst Artaxerxes' war, dass er die Finanzen in Stand brachte, die Ordnung und Ruhe im Reiche wiederherstellte. Er starb im Jahre 424.

Unter der Regierung dieses Königs machte sich wiederum eine Bewegung innerhalb der jüdischen Gemeinde bemerkbar, die ihre endgültige Konstituierung als Kultusgemeinde herbeiführte. Sie hatte allerdings zuvor eine harte Prüfung zu bestehen.

Es machte sich eine Menge innerer Misstände geltend: es kamen wieder Notjahre, Missernten, Heuschreckenplagen (Mal. 3₁₀ f., vgl. Nowack z. St. und Stade, II. S. 137 A.), die Arbeitgeber vergewaltigten die Arbeitnehmer, die Reichen die Ärmern (Mal. 3₅ Neh. 5); in der Gemeinde herrschten Uneinigkeit und Zerrissenheit (Mal. 3₂₄), — was half es da, dass man sich als heiliger Same fühlte (Esr. 9₂), Jahve war ja doch nicht in den Tempel eingezogen (Mal. 3₁); überhaupt „war Frömmigkeit und Traurigkeit in dieser Periode beinahe dasselbe“ (Wellh., zu Mal. 3₁₄). Das Ausbleiben der Weltkatastrophe führte eine Depression der Frommen herbei; dazu kam, dass das ezechielsche Dogma von der individuellen Vergeltung mehr denn jemals zuvor der Wirklichkeit widersprach (Mal. 2₁₇). Die Hoffnungen, die man an die Wiederherstellung des Kultus geknüpft, hatten sich nicht erfüllt: man hielt es daher nicht für nötig, die göttlichen Gebote zu befolgen. Verletzungen des Eides, Treubruch, Unsittlichkeit waren die weiteren Folgen der Enttäuschung (Mal. 3₅). Man bekannte auch ganz offen: es ist eitel Gott zu dienen (Mal. 3₁₄). Einer der grössten Misstände ist nach der Auffassung der Zeitgenossen die grosse Zahl der Mischehen (Mal. 2₁₀ ff.). Es war eins der wichtigsten Ereignisse der Zeit nach Haggai und Scharja, dass die Exulanten die im Lande verbliebene israelitische Bevölkerung aufsogen; ein Schritt weiter war es, wenn man sich zur Aufnahme auch von nichtjüdischen Elementen in die Gemeinde entschloss. Es waren meistens die mehr begüterten Gemeindeglieder, die mit den sozial gleichgestellten Gliedern der altisraelitischen Bevölkerung, den Samaritanern, mit denen man die Verehrung Jahves gemeinsam hatte, Bündnisse und Verträge allerart schlossen, um ihre Stellung zu sichern (Neh. 13₂₈ u. ö.). Den neu aufgenommenen Samaritanern und

Nichtjuden musste man die Teilnahme am Kultus gewähren (z. B. Neh. 13₄); sie brachten aber allerhand heidnische und halbheidnische Sitten mit und legten sie nicht sofort ab. „Die Gemeinde war auf dem besten Weg der vollständigen Pagani- sierung entgegenzutreiben“ (Berthol., Stellung S. 130).

Dieser drohenden Gefahr entgegenzutreten, dem Unglauben derjenigen, die von den schlimmen Zeiten Rückschlüsse auf Jah- ves Ohnmacht sich erlaubten (Mal. 1₅) oder gar Zweifel an seiner Unveränderlichkeit (3₆) und an dem sittlichen Charakter seiner Welt- regierung (2₁₇) äusserten, zu wehren und dem kleinen Teil der Gemeinde, der noch an Jahve festhielt, Trost zu bieten — das war die Aufgabe des anonymen Buches Maleachi.

Woher die schiefe Lage? weshalb hat sich das Verhältnis der beiden Paziszenten Jahve und Israel verschoben? Ist Jahve schuld daran? — das sei ferne. Nicht ist es ein eitel und unnütz Ding Jahve zu dienen (3₁₄), führt der Verfasser aus, — schau um dich: hat er nicht den Edomitern eine Niederlage beigebracht und damit einen Beweis seiner Liebe zur Gemeinde gegeben? (1₂₋₅) Nicht Jahve ist es, der das Böse liebt oder gar begünstigt (2₁₇), fährt der Verfasser fort, — schau in dich, so wirst du erkennen, dass nur auf deiner Seite die Schuld liegen kann. Einzigartig in der ganzen Welt (1_{11. 14}) steht Jerusalem mit seinen unwerten Gaben, nichtentrichteten Gelübden (1₁₄), mit seinen Priestern, die Jahve geringschätzig behandeln, indem sie fehlerhafte Opfer und Gaben darbringen, was nicht einmal bei einem Statthalter mög- lich wäre (1₈; es ist charakteristisch für Maleachi, dass er die Reli- gion hauptsächlich als kultische Pflicht fasst, deren Vernachläs- sigung eine Entweihung der Heiligkeit Jahves bedeutet, vgl. St a d e, II. S. 133 f.), und falsche, partiische Weisung erteilen (2₈); darum ist ihr Ansehen beim Volke so gefallen (1₆₋₂₉). Aber der tiefere Grund des ablehnenden Verhaltens Jahves (2_{13b}) liegt in dem einen grossen Krebschaden der Gemeinde, in den Misch- eben. Es wäre besser, dass jeder, der solches verübt, ausgerottet werde, denn die Religion ist eine heilige Verfassung, sie fordert ein reines Volk (Berthol et, Stellung, S. 130). Wie viel Trä- nen blieben ungeweint (2₁₃), wenn mit der Ausrottung dieses Übels Ernst gemacht werden würde. Es gilt Treue zu halten dem Weibe, welches Stammesgenossin, desselben Vaters Kind, desselben Gottes Geschöpf ist (2₁₀₋₁₆).

Trägt also die Gemeinde die Schuld an der Störung des Verhältnisses, so liegt es auch an ihr die Harmonie wieder her-

beizuführen. Man versuche es einmal seiner kultischen Pflicht Jahve gegenüber nachzukommen, — Jahves Segen kann und wird nicht ausbleiben; aus ist es dann mit den Misständen, eitel Gutes fließt Israel zu, selig wird es gepriesen (36—12). — Dies alles wird bestätigt, wenn das Gericht, der Tag Jahves (317. 21.) kommt. Durch einen Boten, als dessen Vorläufer, wird Jahve das Läuterungsgericht innerhalb der Gemeinde vollstrecken lassen; dann kommt er selbst, um die Missetäter zu bestrafen, denn Jahve ist derselbe geblieben, er ist unveränderlich (217—35). Frohen Muts können dann die Frommen sein, sind sie doch im Buche des Gedächtnisses von Jahve aufgezeichnet. (316) — „euch, ihr Verehrer meines Namens, geht die Sonne der Gerechtigkeit auf, Heilung in ihren Fittigen bringend“ (320); dann werden endlich Spreu und Weizen geschieden. Man gedenke nur der Weisung Mosis, so wird der Sieg nicht ausbleiben, nachdem zuvor durch Elias die Zerrissenheit und Uneinigkeit der Gemeinde geheilt werden wird (313—24). Der Weg, auf dem sich das religiöse Leben bewegen musste, wer hiermit vorgezeichnet. „Durch treue Erfüllung des alle Fragen des Kultes regelnden Gesetzes des messianischen Heiles teilhaftig zu werden, dies wird das Ideal der kommenden Geschlechter“ (Stade, II. S. 138).

Wie aus diesem Buche hervorgeht, hatte man sich in 2 Lager getrennt: auf der einen Seite standen die Frommen, die noch nicht alle Hoffnungen auf die endliche Verwirklichung der Endzeit aufgegeben hatten und sie in nächster Zeit erwarteten; auf der andern — die weltlich Gesinnten, die, an Jahve irre geworden, sich an ihrer Nationalität, ihrer Sprache (Neh. 1324) und ihrer Religion versündigten (Mal. 38f. 16ff.). Zu dieser Partei gehörte auch ein Teil der Priesterschaft.

Die Reaktion innerhalb der Gemeinde wurde unterstützt durch das Eingreifen einer neu aus Babylonien angekommenen Gola, wie aus dem Schriftwechsel Esr. 48—23 zu ersehen ist. Um ein für allemal den in der Gemeinde herrschenden Misständen ein Ende zu machen, wollte man sich eine sichere Position schaffen, von der aus man nicht nur alle äusseren Angriffe abzuweisen im stande gewesen wäre, sondern auch die inneren Angelegenheiten mit starker Hand hätte leiten können. Rüstig ging man ans Werk: die Mauern sollten zunächst wiederhergestellt werden. Das Unternehmen zeigte sich aber als verfrucht: man wird wohl dazu keine Befugnis vom König gehabt haben. Diesen Umstand nutzten die feindlichen Nachbarn aus. Sie ver-

standen es, die persischen Beamten in Samaria für sich zu gewinnen und richteten durch sie an Artaxerxes eine Klage wider die Juden mit Versicherungen ihrer Loyalität. Man stellte Artaxerxes in Aussicht, dass er im Falle der Vollendung des Mauerbaus auf jegliche Steuern werde verzichten müssen. Zu dieser Klage veranlasste wahrscheinlich sowohl die Furcht den Einfluss in Jerusalem zu verlieren, als auch die Besorgnis in Zukunft einen gefährlichen Nachbarn zu haben. Die Klage verfehlte ihr Ziel nicht, Artaxerxes befahl die Sistierung des Baus. Mit übermässiger Bereitwilligkeit schleifte man die Mauern Jerusalems und verbrannte ihre Tore. Vielleicht hatte die Umgegend Jerusalems damals auch noch durch den Aufstand des Megabyzos zu leiden (cf. Guthe, l. c. S. 271, Wellh. Gesch.⁵ S. 173 ff.).

Die Nachricht von diesem Unglück gelang wohl sehr bald zu den in der Diaspora Lebenden. Als Nehemia, der jüdische Mundschenk des Königs, die Kunde davon durch seinen Bruder Hanani erhält, ist er ganz erschüttert und fasst den Entschluss seinen Einfluss bei Hofe zum Besten der heiligen Stadt geltend zu machen. Er richtet an den König die Bitte ihm die Erlaubnis und Bevollmächtigung zu geben in Jerusalem zu wirken, was ihm auch gewährt wird. Ausgerüstet mit der erforderlichen Vollmacht, geht Nehemia in Begleitung einer Eskorte (Neh. K. 1--2₉) als Statthalter nach Jerusalem. Die Zustände hatten sich seit Maleachi in Jerusalem kaum geändert: da gab es für Nehemia vollauf zu tun. Seine erste Sorge galt dem Mauerbau. Um kein Aufsehen oder vielleicht Anstoss zu erregen sieht Neh. sich den Zustand der Mauern in Jerusalem in der Nacht an und nachdem er sich so von der Ausführbarkeit seines Planes überzeugt, fordert er die Gemeinde auf ihm tatkräftig bei dem Bau der Mauern, der vom Könige genehmigt sei, zur Seite zu stehen (Neh. 1. 2.). Die Arbeit wird, in 42 ungleiche Lose verteilt, von den einzelnen Geschlechtern, Ortsgenossenschaften, Familien, Ständen und Zünften ausgeführt; mehr Bemittelte übernehmen ein paar Lose (Neh. 3₁₋₃₂). Das Werk verlangte die Anspannung aller Kräfte der Gemeinde; das Gelingen schien fast unmöglich. Daher der Spott der Feinde Judas: Sanballats, des Horoniters (nach Bertheau-Byssel (z. St.) = Samaritaner; Berthol. (z. St.): vielleicht Moabiter), Tobias, des Ammoniters, und Gašmus, des Arabers (Neh. 3₃₃ ff.). Ernstes Bedenken wird aber in ihnen wach, als sie sehen, wie rüstig die Arbeit vorwärtsschreitet: sie befürchten, Nehemia

möchte doch sein Ziel, sie von ihren Freunden in Jerusalem, — Šemaja (Neh. 6₁₀), Noadja (6₁₄), Eljašib (13₄), Mešullam (6₁₈), Jehohanan (6₁₈), — zu trennen, erreichen. Sie entschliessen sich dem Werke mit Gewalt entgegenzutreten. Doch bevor sie noch ihre Absicht ausführen können, ist Nehemia davon in Kenntnis gesetzt und hat auch schon Vorsichtsmassregeln ergriffen. Nun wagten die Gegner keinen Überfall (33₂ ff. 4). Inzwischen stellt sich ein Hindernis andrer Art der Vollendung der Mauerbaus entgegen — die mangelhafte materielle Lage der Bauenden. Auch dieses Hindernis wird durch die hochherzige Handlungsweise Nehemias, die die andern Gemeindeglieder zur Nachahmung veranlasst, beseitigt (Neh. 5). Den Versuchen seiner Gegner, durch List seiner habhaft zu werden, entgeht Nehemia glücklich dank seiner Welt- und Menschenkenntnis (Neh. 6₁ ff.). Nach 52 Tagen, am 25-ten Elul 444, stand die Mauer fertig da (Neh. 6₁₅) und wird wohl bald darauf eingeweiht worden sein (vgl. Neh. 12₂₇). Jetzt war der eigentliche Zweck seiner Mission erfüllt; womit er die 12 Jahre seiner Statthalterschaft ausgefüllt, wissen wir nicht, es wird uns nur von seinen Massregeln die Zahl der Bewohner in Jerusalem zu heben berichtet (Neh. 11). Nach 12-jähriger Statthalterschaft wird er zum König nach Susa zurückberufen.

Die Mitteilungen, die der 432 zurückgekehrte Mundschek dem König machte, mögen denselben veranlasst haben Esra nach Jerusalem zu entsenden, um die Gemeinde nach dem neu ausgearbeiteten Gesetz zu reformieren (s. o. S. 18 ff., vgl. auch Koster's-Baseow, l. c. S. 120). Die in Babylonien zurückgebliebenen Juden hatten die Enttäuschungen der Zurückgekehrten nicht miterlebt. Die systematisierende Tätigkeit, die mit Ezechiel begonnen hatte, konnte ungestört weiter geführt werden und fand ihren Abschluss in P. Die Zustände in Jerusalem waren ihnen unbegreiflich, sie konnten dieselben nur durch Unkenntnis des Willens Jahves erklären.

In Jerusalem erwartete den Schriftgelehrten Esra eine grosse Enttäuschung. An die Veröffentlichung des Gesetzes kann er fürs erste gar nicht denken; erst nachdem er die Angelegenheiten der Mischehen einigermaßen geordnet (Neh. 9₂ — „die Geburtsstunde des Judentums“ — Berthol., Stellung, S. 147), kann er dem Volke das von ihm mitgebrachte Gesetz vorlesen. Den Bericht über die darauf folgende Verpflichtung des Volkes auf das Gesetz hat ein ähnlicher über einen gleichen Akt unter Nehemia

verdrängt (s. o. S. 24). So erfahren wir gar nichts über den Abschluss seiner Wirksamkeit: man wird wohl nichts Gutes zu berichten gehabt haben. Es war wohl nur eine äussere Verpflichtung, wie wir aus den Zuständen bei Nehemias zweiter Anwesenheit in Jerusalem schliessen können (wann er zurückgekehrt ist, wissen wir nicht). Seine ganze Energie musste er dazu verwenden, wieder Herr der Situation zu werden. Endgültig beseitigt er die Mischehen (Neh. 13₃₀); den Priestern, Leviten und Laien schärft er ihre Pflichten ein. Um aber seiner Sache sicher zu sein, lässt er die Gemeinde sich eidlich sowohl auf das ganze Gesetz als auch auf die speziell die damaligen Misstände betreffenden Bestimmungen verpflichten (Neh. 10). Der Bericht über diesen Vorgang hat denjenigen über die Verpflichtung unter Esra verdrängt. Wenn diesmal das Werk Nehemias und Esra gelungen war, so hatte man das dem Umstande zu verdanken, dass man die Zukunftspläne den Anforderungen der Zeit anpasste: man verzichtete auf politische Selbständigkeit.

So sind Nehemia und Esra „durch die Gnade des Königs Artaxerxes die definitiven Konstitutoren des Judentums geworden“ (Wellh., Gesch.⁵, S. 179).

III.

Die in Jesaia KK. 56—66 vorausgesetzten geschichtlichen Verhältnisse.

Wir haben uns längere Zeit bei der Betrachtung der Geschichte der jüdischen Gemeinde aufgehalten, um sicheren Boden für unsere weitere Untersuchung des zeitgeschichtlichen Hintergrundes der KK. 56—66 des Buches Jesaia zu gewinnen. Leider fehlten uns über grössere Perioden dieser Geschichte jegliche Nachrichten und unsere Resultate mussten wir auf sehr mühsamem Wege gewinnen. Um so willkommener sind uns KK. 56—66 des Buches Jesaia, in welche Periode des von uns oben betrachteten Zeitraums man sie auch verlegen mag.

Man betrachtet vielfach, wie o. S. 3—13 ausgeführt worden und aus der Tabelle zu ersehen ist, KK. 56—66 des Buches Jesaia als eine Sammlung von Schriftstücken einzelner Verfasser. Es wird daher ratsam sein, die einzelnen Abschnitte für sich einzeln zu betrachten.

Um ermüdende Wiederholungen zu vermeiden, sind die Meinungen und Auffassungen der verschiedenen Kritiker von Jes. 56—66 in einer Tabelle zusammengestellt. Die Tabelle macht natürlich keinen Anspruch auf Vollständigkeit, da es zweckmässig erschien, von den älteren Kritikern nur diejenigen zu berücksichtigen, die in KK. 56—66 des Buches Jesaia teilweise wenigstens nichtjesaianische, aus verschiedenen Zeiten stammende Orakel sahen.

K. 56₁₋₈

Thora über die Verschnittenen und Fremdlinge.

Inhalt. Jahves Heil ist nahe, daher soll man Recht üben und überhaupt die Gesetzesvorschriften (Kittel, z. St.) erfüllen (v. 1), besonders soll man den Sabbath heilig halten und

sich vor allem bösen Tun hüten (v. 4). Diese Aufforderung gilt auch dem בְּנוֹ-הַגֵּר und dem הַסֵּרִיס , die mit dem Anschluss an die Gemeinde zögern (v. 3). Den Verschnittenen will Jahve einen ewigen Namen geben unter der Bedingung, dass sie seine „Sabbathe“ wahren, nur ihm Wohlgefälliges wählen und an seinem Bunde festhalten (v. 4 f.). Die Fremdlinge will Jahve zum heiligen Berg bringen und sie teil nehmen lassen am Kultus (v. 7^a), wenn sie sich Jahve anschliessen, ihm zu dienen und seinen Namen zu lieben, seinen Sabbath wahren und an seinem Bunde festhalten (v. 6). Diese Zuvorkommenheit den Fremden gegenüber wird durch den Ausspruch Jahves motiviert: „mein Haus heisst ein Bethaus für alle Völker“; Jahve hat ja auch verheissen, dass er zu Israels Gesammelten noch andere (wohl Nichtjuden — Duhm, z. St.) sammeln werde (v. 7^b, 8).

Die konkrete Situation, aus der heraus dies Stück geschrieben sein soll, wird von den meisten Gelehrten übereinstimmend als dadurch gekennzeichnet angesehen, dass die Gemeinde eine schroff ablehnende Stellung zu allen Verschnittenen und Fremdlingen, die von der Religion Israels angezogen waren, einnahm (cf. Dtr. 23^a ff. — wahrscheinlich schon bestanden, als unser Stück geschrieben wurde, cf. Kittel, z. St.); ja selbst die schweren Bedingungen, die der Prophet stellt, scheinen nicht genügt zu haben, da der Verfasser diejenigen, die seinen Bedingungen entsprachen, noch trösten muss. Wir wissen von 3 Perioden in der Geschichte Judas, in denen sich diese Stimmung ganz besonders geltend macht (cf. die genaue und klare Behandlung dieser Frage bei Bertholet, Stell. S. 105–113, 126 f. und 150 ff.).

I. So konnten die unter dem unmittelbaren Einfluss Ezechiels stehenden Exulanten reden; alle Erklärer bis Dillmann inklusive verlegen auch unseren Abschnitt in die exilische Zeit. Dafür spricht scheinbar: 1) v. 7 die Fremden sollen erst zum heiligen Berg gebracht werden; 2) die besondere Hervorhebung des Sabbaths; 3) die universalistische Hoffnung v. 7^b (man übersetzt dann futurisch). Diese Argumente sind aber nicht stichhaltig und können ebenso gut für die nachexilische Abfassungszeit angeführt werden. Gegen diese Auffassung spricht aber ganz entschieden v. 8 und (wenn dieser Vers interpoliert sein sollte — Ryssel und Duhm, z. St. — was nicht wahrscheinlich ist, da er sehr gut in den Zusammenhang passt) v. 5 u. 7, wo nicht nur der Tempel und der Opferdienst als bestehend

(Kit. Du. z. St. u. a.), sondern auch vielleicht — das scheint uns jedenfalls die einfachste Fassung zu sein (gegen Du.) — die Mauer als existierend vorausgesetzt wird. Dieses Ergebnis wird uns bestätigt durch die Beobachtung, dass der Hauptnachdruck auf die Erfüllung der kultischen Handlungen gelegt wird; gleich mit den ersten Versen fühlen wir uns in das Zeitalter eines Haggai, eines Sacharja, eines Maleachi versetzt. Von Duhm wird noch ein weiteres Argument für die nachexilische Abfassungszeit geltend gemacht: v. 3 heiße Israel יְהוּדָה — das setzte eine Rückkehr voraus. Dieser Grund hat allerdings allein noch nichts zu sagen, zusammengenommen aber mit den andern bestätigt er unser Resultat.

II. Die ablehnende Haltung gegen die Fremden hielt auch in der ersten Zeit der Ansiedlung an (bis 520—515), wie wir oben in der Darlegung der Geschichte gesehen. In diese Zeit hat schon Eichhorn (vgl. die Tabelle) unser Stück verlegt, in neuerer Zeit Ley und Sellin, Stud. II, vielleicht auch Kittel und Gressmann. Gegen diese Datierung sprechen wiederum die Verse 5 u. 7, welche sicher nicht gesprochen sein konnten in einer Zeit, wo jede Erinnerung an den Tempel, der trotz aller Bemühungen noch in Schutt und Staub lag, schmerzlich empfunden werden musste. Die Worte v. 5 u. 7 setzen vielmehr das Bestehen des Tempels voraus. Die Hoffnungen aber die man hegte, als man sah, wie der Tempel zu sehend wuchs, waren ganz anderer Art (cf. Sach. 8²⁰ ff. 23 s. o. S. 51 ff.). Von vielen Kritikern wird nun unser Stück kurz vor 458, in die Zeit vor Esras Ankunft, verlegt (Duhm, Marti, Bertholet, vielleicht Kittel, Gressmann und Littmann). Entspricht jedoch das Bild, das wir im Anschluss hauptsächlich an Stade uns von der nachexilischen Zeit gemacht, der Wirklichkeit, so ist die oben angegebene Situation vor dem Jahre 458 nicht nachzuweisen. Wir haben oben gesehen, dass in der Zeit des Buches Maleachi sich zwei Parteien gegenüberstehen: die weltlich Gesinnten, die in der Majorität sind, und die Frommen. Es ist daher wohl kaum anzunehmen, dass die Fremdlinge und Eunuchen damals Grund gehabt hätten, den Ausschluss aus der Gemeinde zu befürchten. Zur Zeit Neh.'s und Esr.'s kann das Stück auch nicht geschrieben sein (cf. Littm. Tritojos. S. 14), denn es ist ganz undenkbar, dass jemand aus der Partei der Frommen — und zu dieser gehörte der Verfasser unseres Stückes zweifellos — sich in Opposition zum Werke dieser Männer gesetzt hätte (gegen Cheyne).

III. Es bleibt also nur noch eine Möglichkeit: die Zeit nach Nehemia (so K o s t e r s, Theol. Tijd. 96. S. 612 ff., und L i t t m a n n, l. c.), als die Anschauungen von P den meisten Juden in Fleisch und Blut übergegangen waren. Nur aus dieser Zeit (cf. B e r t h., l. c. S. 152) lässt sich unser Abschnitt ungezwungen erklären; wir werden daher wohl nicht fehl gehen, wenn wir seine Entstehung in diese Zeit verlegen: „Het stuk moet geruimen tijd na de vorming van de gemeente zijn oppgesteld“ (Theol. Tijd. 1896 S. 612). Dazu stimmt 1) die Beobachtung, wie K o s t e r s weiter ausführt: „de Vorming van de Kahal is hier ondersteld“; 2) die an P anklingende Ausdrucksweise, wie C h e y n e, Einl., S. 316 ff., nachgewiesen (z. B. „meine Sabbathe“); 3) die Betonung der Sabbathheiligung (cf. Neh. 13¹⁵⁻²². 10³¹); 4) die Erwähnung in v. 5 der Mauer: damals konnte sie schon einen sicheren Schutz bieten; 5) erklärt sich so, wie C h e y n e ausführt, dass nun der Idealismus aufgehört und man sich den Fragen des praktischen Lebens zugewandt hat. Ausserdem gibt D u h m selbst zu (wie schon K o s t e r s hervorgehoben), dass das Stück wie ein Nachtrag aus späterer Zeit aussehe.

56₉—57₂₁

**Rüge 1) der gewissenlosen Leiter des Volkes (56₉—57₂),
2) der falschen Brüder innerhalb der Gemeinde (57₃₋₁₃)
und Trostrede an die Frommen (57₁₄₋₂₁).**

Inhalt. Die geistigen Leiter des Volkes haben dieses durch Nachlässigkeit in ihrer Pflichterfüllung (56₁₀), durch ihre Gewissenlosigkeit und unersättliche Gier (v. 11), durch ihr nur auf das eigne Wohl bedachtes Schalten und Walten an den Rand des Verderbens gebracht: das Volk gleicht einer Herde, die der Wut der wilden Tiere preisgegeben ist (56₉)¹⁾. Während sie ihre Zeit mit Schlemmen und mit Zechen zubringen (v. 12), kommt der Gerechte und der Fromme frühzeitig um, weil die Bosheit herrscht (D u h m), aber niemand nimmt davon Notiz (57₁₋₂); es gibt vielmehr eine bestimmte Gruppe von Leuten, die noch über die Frommen spottet (v. 4). Voll Bitterkeit und Hass wirft der Prophet diesen Leuten vor, sie seien schon durch ihre Abstammung zum Abfall und Höhendienst bestimmt (v. 3. 4^b). Sie

1) Ganz missverstanden hat diese Stelle u. E. G r e s s m a n n.

treiben Unzucht in heiligen Hainen fremder Götter, bringen Kinderopfer dar (v. 5 nach D u h m Einsatz). In den Tälern treiben sie Afterkultus, hohe Berge benutzen sie als Kultstätten (v. 6. 7); auch zu Hause haben sie Götzenbilder aufgestellt (D u h m: priapischer Hausgott) und huldigen ihnen (v. 8; der Götzendienst wird hier unter dem Bilde der greulichsten Unzucht dargestellt). Ganz besonders bemühen sie sich um den Kultus des Gottes Melek, auch scheuen sie sich nicht Nekromantie zu treiben (D u h m, v. 9). Ohne Scham und ohne Furcht vor Jahve, den sie ganz vergessen haben (v. 11), setzen sie ihr gottloses Treiben tagaus tagein fort (v. 10). Sie nehmen sich's auch gar nicht zu Herzen, dass Jahve schon so lange schweigt. Bald wird er aber ihre Taten offenbaren (v. 12); dann werden ihnen ihre Götzen nichts helfen, sie müssen unterliegen, wer aber auf Jahve vertraut, dem wird der Besitz des heiligen Landes und Berges zugesichert (v. 13) und wird verheissen, dass die Wiederherstellung sich endlich verwirklichen soll, denn Jahve, der Erhabene, der sich zu den Zermalmten und Geistesgebeugten bekennt (v. 15), will seinem Zorn, welcher wegen der Sünde des Volkes entbrannt war (v. 17), ein Ende machen, er will die Gebrechen des Volkes heilen und es trösten, so dass es in Dankagung ausbricht (v. 19), denn er gibt allen Juden nah und fern Frieden (v. 19^b); den Gottlosen aber, die nur darauf bedacht sind Unruhe und Streit zu stiften (v. 20), bleibt dieses Gut versagt.

Die drei einzelnen Teile unseres Abschnittes werden, wie wir nun gesehen, durch einen einheitlichen Gedanken zusammengehalten: es ist der Trost für die Frommen in ihrer schwierigen Lage, die einerseits durch die pflichtvergessenen Leiter (56₉—57₂), andererseits durch den Spott und die Streitsucht der Gottlosen (57₂ 13a, 20 f.) verursacht ist (cf. D u h m, Littmann).

Situation. Im Leben des Volkes lassen sich 2 Strömungen unterscheiden ¹⁾: einerseits die Partei der Frommen und Gerechten (57₁ f.), der „Zermalmten und Geistesgebeugten“ (D u h m, 57₁₅), andererseits — die Gottlosen, vom Verfasser als Abkömmlinge eines Ehebrechers und einer Hure bezeichnet (v. 3); diese treiben unzuchtigen Götzendienst in Hainen und finstern Tälern, auf hohen Bergen, bringen Kinderopfer dar (v. 5—7); in ihren Häusern stellen sie unzuchtige Götzenbilder auf (v. 8),

1) Denn die Rüge 573—13a würde vollständig unbegreiflich sein, wenn sie sich an das ganze Volk richten sollte (vgl. Littmann, l. c. S. 19).

sogar zu fremden Götzen (ammonitischen? D u h m) unternehmen sie Wallfahrten (v. 9). Jahve haben sie ganz und gar vergessen (v. 11). Bei alledem spotten diese Leute noch über die Frommen (57⁴), tragen Zwist und Feindschaft in die Gemeinde hinein (57^{20f.}). Die Lage der Frommen wird noch dadurch verschlimmert, dass die Leitung der Gemeinde in Händen solcher Leute liegt, die die der Gemeinde drohenden Gefahren nicht wahrnehmen, oder, wenn sie diese auch bemerken, die Gemeinde doch nicht warnen, dazu sind sie zu träge (56¹⁰). Wenn es etwas zu gewinnen gibt, wenn es gilt, die eigenen Interessen zu wahren, den Schwachen auszubeuten, so sind sie gleich bereit rastlos zu wirken und zu schaffen (v. 11). Sonst bringen sie ihre Zeit hin mit Schlemmen und mit Gelagen (v. 12). So bietet denn die Gemeinde das Bild einer schutzlosen und verwahrlosten Herde (56₉). Das Heil der Frommen würde darin bestehen, dass sie Oberhand gewöhnen über diese schlechten Elemente, ihnen die Gewalt abnehmen (57^{13b}) und selbst an ihre Stelle träten, um endlich im Volke an Stelle des Haders und Zwistes (57²⁰) ein ruhiges, friedliches Leben zu führen (57^{19b}).

Die Klage über schlechte Führer hören wir in allen Perioden der israelitischen und jüdischen Geschichte: Anhaltspunkte für eine bestimmte Periode fehlen in unserem Stück. Es scheint allerdings eine gewisse staatliche Organisation vorausgesetzt zu werden (Ley, cf. O. Seesemann, die Ältesten 1895 S. 52 f.). Mehr lässt sich aus der Strafpredigt 57_{3-13a} schliessen. Man war früher fast allgemein der Meinung (cf. Tabelle), der Prophet habe hier ein älteres vorexilisches Stück aufgenommen. Und in der Tat — die Schilderung passt ganz vorzüglich auf vorexilische Abgötterei. Dagegen aber spricht, wie von den Neueren hervorgehoben wird, die auffallende Anlehnung an Ezechiel (aus Ez. 16₃, 17, 20 f. 26, 32 ff. 44 ff. 23₁₆, 20, 24, 37, 40, 33₁ ff. 34₁ f. 5, 8, 39₄, 17, vgl. auch Jes. 2₂₀ ff. 36 12₇, 9. lässt sich unser Stück fast vollständig herstellen. Wenn 57_{3-13a} auch von einem alten Propheten entlehnt sein sollte, so muss der Verfasser doch mit exilischen oder nachexilischen Zuständen zu tun gehabt haben). Wir werden also nur mit zwei Möglichkeiten zu rechnen haben: entweder ist die Rede 56₉ — 57₂₁ exilisch oder sie ist nachexilisch. Fassen wir die erste zunächst ins Auge. Für diese Ansicht spricht besonders 57₁₃ ff. (ausser 19^b); auch 56₉ — 57₂ liessen sich, wenn auch etwas gezwungen (s. o.) aus dieser Zeit erklären. Mit der Rüge der Gottlosen sind wir aber in diesem Falle etwas unsicher: 1) wer-

den hier besonders Merkmale der palästinensischer Idololatrie aufgezählt — im Exil wissen wir damit nichts anzufangen, denn die Schilderung Jer. 44 bezieht sich auf andere Dinge und Ez. 20 ist viel zu allgemein gehalten, als dass es eine Parallele zu unsrer Stelle bieten könnte (gegen Gressmann); 2) wäre die Bezeichnung Israels wie 57₃ ganz einzigartig im A. T. und bliebe ganz unerklärlich; 3) vermissen wir die Verheissung der Rückkehr, die doch notwendig gewesen wäre in 57₁₄.

Man kann sich aber diesen Einwänden entziehen, indem man sich mit ungenügender Kenntnis der Geschichte jener Periode entschuldigt, und wir müssen zugeben, dass die Möglichkeit einer exilischen Abfassung unseres Stückes immerhin nicht ausgeschlossen ist.

Es ist das bleibende Verdienst Bernhard Duhms, hier eine bessere Lösung des Problems vorgeschlagen zu haben. Er sieht nämlich in den hier vom Verfasser genannten falschen Brüdern „jene Bevölkerung . . . die aus den Resten Altisraels und Judas und den Nichtjuden zusammengesetzt war und nach II Reg. 17 sowohl Jahve als andere Götter verehrte“ (Jes. S. 386), m. a. W., die späteren Samaritaner, und verlegt dann den ganzen Abschnitt in die Zeit Maleachis. Und in der Tat die Schilderung des Kultus der späteren Samaritaner in II Reg. 17 (v. 35—40 ist ein später gehässiger Zusatz) stimmt auffallend mit dem überein, was wir von dem Götzendienste der bestimmten Gruppe innerhalb der Gemeinde hören. Nun verstehen wir es, welchen Sinn die Bezeichnung der falschen Brüder als **יָרֵעַ מִנָּאף וַחֲזֹנָה** (v. 3) und **יְלִי-כַפֵּעַ** (v. 4) hat (cf. Bertholet, l. c. S. 132 ff.). Kinderopfer v. 5 vgl. II Reg. 17₃₁; v. 6 vgl. II Reg. 17₃₃; v. 7 vgl. II Reg. 17₂₉; v. 8 vgl. II Reg. 17_{30, 41}; v. 9 vgl. II Reg. 17_{31, 30}; v. 11 vgl. II Reg. 17_{28, 32 ff. 41}, ja vielleicht ist 56₉ im Hinblick auf II Reg. 17_{25 ff.} geschrieben. Diese falschen Brüder bilden einen Teil der Gemeinde (cf. 57_{4, 13, 19 ff.}), was sie erst nach 520/15 werden konnten, wie wir oben sahen (S. 54, gegen Ley und Sellin). Zu Maleachis Zeiten hatte die Vermischung mit ihnen ihren Höhepunkt erreicht (vgl. 2_{10 ff.}, wo er dagegen protestiert; er erstrebt eine Scheidung). Unser Prophet scheint es mit einer Partei der Frommen zu tun zu haben, die sich fern von den Götzendienern hält und daher von denselben verfolgt (57_{1, 57_{13b, 20}}, vgl. Neh. 4₂ u. ö.), verspottet und verhöhnt wird (57₄ vgl. Neh. 2_{19, 334 f.}; zu letzteren werden dann auch die abtrünnigen Frommen gehören, cf. Marti, z. St.). Die Frommen haben sich zwar zu

einer festen Gruppe konsolidiert, sie stehen aber einer grossen Schar Frevler gegenüber, gegen die sie machtlos und wehrlos sind (56, 57^{15b}; vgl. Mal. 3²⁴). Das scheint auf eine weitere Entwicklung der Lage seit Maleachi hinzuweisen.

Unser Stück kann also einige Zeit nach Maleachi entstanden sein, denn auch unser Kapitel stammt aus einer Periode, in der „Frömmigkeit und Traurigkeit beinahe dasselbe waren“ (Wellh. zu Mal. 3¹⁴). Der Einfluss der halbheidnischen Bevölkerung nahm von Tag zu Tag zu, die Zahl der Frommen wurde dadurch immer kleiner (57^{1 f.}), der Gegensatz verschärfte sich immer mehr. Die Umstände brachten es, wie schon bemerkt, mit sich, dass die Begriffe *עָנִי*, *עָבֵל* gleichbedeutend waren mit *הָרִיִּי* oder *צָרִיִּק* (57^{1 f.} und 57^{15b}). Es sind dieselben Zustände, wie sie Maleachi (3^{14 ff.}, besonders v. 18. 21. 24) und ganz besonders eine grosse Zahl von Psalmen voraussetzen (Gressmann; schon Ewald hatte beispielsweise auf Ps. 10 aufmerksam gemacht und Delitzsch, Kom. zu Jes.⁴ S. 547, schreibt: „Von 56, — 57¹¹ tritt jene harte dunkle, lapidarisch kurze Sprache tiefen Unmuts ein, welche an die Psalmen „in grollendem Stil“ . . . erinnert“. Man vgl. auch noch, wie Deuterjesaia den Götzendienst gerügt hätte: Jes. 40^{18 ff.}; 41^{24. 29}; 44^{9 ff.} und 46^{1. 2}; überhaupt tritt bei unserem Verfasser die Idee von der Einzigartigkeit und Allmacht Jahves nicht in dem Masse in den Vordergrund wie bei Deuterjesaia, cf. 40 f. 44). Wie der plötzliche Übergang von den Leitern der Gemeinde zu den falschen Brüdern zeigt, standen diese in irgendwelcher Beziehung zu einander (Duhm); auch dies lässt sich in der genannten Zeit nachweisen (Nehem. 6¹⁷): die pflichtvergessenen und gewissenlosen Leiter beuten das Volk aus zur Zeit unseres Verfassers. Ebenso zur Zeit Maleachis und bei der Ankunft Nehemias. Vgl.

Nehem.	mit Jesaia	Maleachi	mit Jesaia
57 f. 11	56 ¹¹ ; 57 ^{1 f.}	14 38 ff. 35	56 ¹¹ 57 ¹⁷
5 ¹⁵	56 ⁹ —57 ²	2	57 ^{1 f.}
6 ¹³	56 ¹¹	21—9	56 ⁹ —57 ²

Gegen diese Auffassung darf 57¹⁴ nicht angeführt werden, da hier ein Zitat aus Jes. 40³ vorliegt, man darf auch daher die Worte nicht pressen. Wir haben uns schon oben der Erklärung, die Kittel gibt, angeschlossen. Das tröstende Stück v. 14—21 lässt sich vielmehr positiv für die Duhmsche Auffassung verwerten, wenn wir berücksichtigen, dass der Trost, den

der Verfasser dem Volke bieten will, nicht in der Verheissung der Rückkehr ins heilige Land besteht — diese scheint vorausgesetzt zu sein, — sondern ähnlich wie Mal. 2, 17–3, in der Ankündigung der nun endlich anbrechenden Heilszeit, die die gänzliche Scheidung zwischen Frommen und Gottlosen herbeiführt und den Misständen ein Ende macht (v. 19^b). Die Strafe Jahves hatte ihren erzieherischen Zweck nicht erreicht, um aber das Volk nicht ganz umkommen zu lassen, erbarmt sich Jahve seiner (v. 17). Auch dies passt in die Zeit nach dem Exil; die Verheissung v. 19^b scheint gleichfalls vorauszusetzen, dass das Volk schon teilweise wenigstens in die Heimat zurückgekehrt ist (Duhm). Gegen die Herleitung der Trostrede von einem anderen Verfasser vgl. Littmann, l. c. s. 19: „Derselbe Mann, der den Feinden droht, tröstet zugleich seine Volksgenossen und eröffnet ihnen eine herrliche Zukunft, die nach dem Gesetze der Reaktion um so prächtiger ausgemalt wird, je elender die augenblickliche Lage ist. Ich glaube, es beruht auf Verkenntung des Sachverhalts, wenn man bei solchen Stücken, wie 57 und 59, immer gleich auf verschiedene Autoren schliesst“.

Was Kisters und Gressmann gegen die Deutung auf die Samaritaner einwenden, ist schon von Littmann, l. c., wie uns scheint, mit Recht zurückgewiesen worden. Über die sprachliche Seite des Stückes wagen wir zwar nicht ein selbstständiges Urteil zu fällen, glauben aber uns den Ausführungen Cheynes, Einl. S. 325, anschliessen zu dürfen.

Wenn wir nun zwischen der Deutung unseres Abschnittes auf exilische Verhältnisse, bei welcher wir eigentlich mit dem Abschnitt nichts Rechtes anzufangen wissen und nichts gewinnen, da deuterojesaianische Autorschaft, wie Cheyne, Einl. S. 325, nachweist, ausgeschlossen ist, und der Deutung auf nachexilische Verhältnisse, wodurch wir eine wichtige Quelle für die nachexilische Zeit gewinnen — eine Quelle, die auf die Zustände in der Gemeinde vor Nehemia helles Licht wirft, — zu wählen haben, werden wir uns selbstverständlich für die letztere entschliessen. Dann bietet aber unser Stück eine Bestätigung unserer Auffassung von dem Verhältnis der Samaritaner zu den Juden (vgl. o. S. 46 f. gegen E. Meyer, Entstehung, S. 119–130).

Kap. 58

Strafrede gegen die Entweihung der Festtage (v. 1—8); Verheissung der durch die richtige Feier derselben bedingten Heilszeit (v. 8—12); würdige Feier des Sabbath (v. 13 f.).

Inhalt. Auf die Frage des Volkes, weshalb Jahve durch Fasten nicht gnädig gestimmt werde (v. 3^a), verkündigt der Prophet im Auftrage Jahves (v. 1), dass das Fasten des Volkes, ungeachtet des sichtbaren Interesses desselben für Religion und Kultus (v. 2), nicht den Anforderungen Jahves entspricht, ja geradezu verkehrt ausgeübt wird (v. 3^b 4 f.). Statt zu fasten, um von Gott erhört zu werden (v. 4^b), geht man an Festtagen seinen Geschäften nach, gibt seinen Arbeitern keinen Feiertag (v. 3^b), zankt und prügelt (v. 4^a), verspottet und verleumdet sich, bedrückt und misshandelt seine armen Brüder (v. 9^b). Wenn diese Schäden abgeschafft sein werden, wenn man seine bussfertige Gesinnung nicht nur in äusseren Gebärden (v. 5), sondern in Bezeugung des Mitleids und der Barmherzigkeit allen Geknickten (= Verschuldeten — D u h m), unschuldig im Gefängnis Schmach tenden und Bedrückten (v. 6), Hungrigen, Heimatlosen und Nackten gegenüber (v. 7) kundtut, dann kann die Heilszeit nicht ausbleiben (v. 8^a 10^b), dann muss sich die Verheissung Jes. 52₁₂ erfüllen (v. 8^b; hier allerdings der Sinn des Zitats gründlich abgeändert, vgl. D u h m): Jahve wird dann die Gemeinde keinen Augenblick verlassen (v. 11^a), sie mit seiner Gnade überschütten (v. 9^a 11^b), ihr die Möglichkeit geben die Trümmer und „Gründungen“ wiederaufzubauen und das Land zum Wohnen bequem zu machen (v. 12); von Dürre heimgesuchte Gegenden werden einem wohl bewässerten Garten gleichen (v. 11^b). Wenn man sich am Sabbath jeglicher Arbeit enthält, dann wird Israel alle Schwierigkeiten überwinden und sichere Herrschaft über das Land erlangen (v. 13 f. Ges. n. z. St.).

Schon Ewald (die Proph. des A. B., III, S. 107 f.—cf. Tabelle) hat aus sprachlichen Gründen dieses Kapitel dem „grossen Ungenannten“ abgesprochen und auf die Verwandtschaft mit Ezechiel hingewiesen. Und in der Tat 58_{6 f.} lehnt sich an Ez. 18_{17 f.} an. Es wäre jedoch gewagt auf Grund ästhetischer Bedenken sichere Schlüsse ziehen zu wollen. Wir gehen daher zunächst zur Prüfung des Inhalts über.

Die in unserem Kapitel vorausgesetzten Zustände sind nicht glänzend. Die Strassen im Lande sind unpassierbar, das Volk hat die Trümmer und die Mauern noch nicht wieder aufgebaut (v. 12) und befindet sich in Not (v. 11^{az} 10^b), die Ärmern werden durch die Reichern ausgebeutet (v. 3^{bβ} 6. 9^b). Die Stimmung des Volkes ist eine deprimierte: der Grund liegt darin, dass die Verheissungen der Heilszeit sich nicht erfüllt haben (v. 3^a 8) trotz des Fastens und des eifrigen Besuchs des Tempels (v. 2^b, der Tempel muss also schon gebaut gewesen sein). Man sucht nach dem Grunde des Ausbleibens Jahves (v. 3^a). Der Prophet nennt als Bedingung der Verwirklichung des Heils die Erfüllung der religiös-sittlichen Pflichten (v. 3^b 4. 9^b 10). Als Hindernis der Verwirklichung empfindet er die Sündhaftigkeit des Volkes (v. 1).

Wie grundverschieden sind doch die Ideen unseres Verfassers von denen Dtrjes.'s! Dtrjes. ist zwar gleich den älteren Propheten von der überaus grossen Sündhaftigkeit des Volkes überzeugt (42^{20. 24.} 48¹⁸ u. ö.): er betont nachdrücklich, dass das Exil eine Strafe für die Sünden des widerspenstigen Volkes sei, die allerdings ihren Zweck nicht erreicht habe, da die gewünschte Besserung ausgeblieben sei (48^{10.} 42²⁵); auch jetzt im Exil sind die Sünden des Volkes noch die alten (42^{7. 16. 18} ff. 43⁸). Aber niemals sagt Dtrjes., durch Ablegen von Sünden sei das Heil herbeizuführen — dieser Gedanke ist ihm ganz fremd. Die Erlösung und das Heil sind einzig und allein ein Akt göttlicher Liebe, Mitleids und Erbarmens: um seiner selbst, um seiner Gerechtigkeit willen erbarmt sich Jahve seines Volkes (42^{21.} 43²³ ff. 48^{9. 11} 49¹⁴ ff. 51³ 51¹⁷ ff. 54⁷ ff.), das schon doppelt für seine Sünden gebüsst hat (40²)¹⁾. Ganz anders unser Verfasser. Er setzt gleichfalls die Sündhaftigkeit des Volkes voraus, sieht aber in ihr das Hindernis der Verwirklichung des Heils — man merkt deutlich den Einfluss Ezechiels. Das Eintreten der Heilszeit wird von den Leistungen des Volkes, die negativ in Beseitigung der Schäden und positiv im Streben nach sittlich-religiöser Besserung ihren Ausdruck finden, abhängig gemacht (v. 6 ff. 9^b ff.). Wir haben einen Verfasser vor uns, der an den grossen Gedanken Ezechiels und Deuteriojes.'s zehrt, aber was poetische Gabe betrifft, weit hinter beiden zurücktritt, ja schon sehr stark an den prosaischen Maleachi erinnert (cf.

1) Vgl. S m e n d, Religionsgesch.² 1899, S. 350.

Duhm u. v. 3). Ein weiteres Bedenken gegen exilische Abfassungszeit dieses Kapitels finden wir in dem Umstande, dass der Verfasser, um mit Sellin, Stud. II, S. 127, zu reden, in einer „durch das deuterjesaianische Buch erzeugten Gemeinde“ wirkt, wie aus den Schilderungen der Situation hervorgeht. Er hat mit Leuten zu tun, die sich die deuterjesaianischen Anschauungen vollständig angeeignet haben und sie nach den furchtbarsten Enttäuschungen mit der rauhen Wirklichkeit in Einklang zu bringen und ihre Realisierung herbeizuführen suchen (58^a. 3^a. 8). Zu dieser Zeitbestimmung stimmt ferner, dass nicht die Heimkehr des Volkes im Mittelpunkt der Verheissung steht, sondern die allgemeine Tröstung: „Jahve wird dich beständig leiten“ (v. 11^c). Von deuterjesaianischer Verfasserschaft kann nach dem Gesagten keine Rede sein; wir haben es, wie schon die Vorliebe für Zitate aus Dtrjes. (cf. die Zusammenstellung bei Gressmann, S. 30) zeigt, mit einem Schüler desselben zu tun.

Die Abfassungszeit unseres Stückes lässt sich auch näher bestimmen. Terminus a quo ist das Jahr 515: der Tempel ist, wie es scheint, schon gebaut (vgl. v. 2 und das Fehlen in v. 12 der Verheissung seiner Wiederherstellung, die doch wohl hier nicht hätte fehlen dürfen, wenn er noch nicht gebaut gewesen wäre — Gressmann); terminus ad quem — 444: die Stadt hat sich immer noch nicht aus ihren Trümmern erhoben, ihre Mauern sind noch nicht wiederhergestellt, der Zustand der Strassen lässt zu wünschen übrig (v. 12). Dass die Trümmer 𐤁𐤏𐤕 heissen, führt näher zu 444 (Kittel). In der Gemeinde werden Sklaven, Arbeiter (v. 3^b) und verarmte Volksgenossen, die ihren Gläubigen in die Hände gefallen waren (v. 9^b), von ihren Brüdern (nicht von Fremden!) misshandelt und bedrückt (v. 6); Zwist, Zank und Prügeleien (v. 4), sind nichts Seltenes, Spott und Verleumdung sind im Schwange (v. 9^b). Zu den inneren Misständen kommt noch die Dürre des Landes hinzu. — Das alles sind Misstände, wie wir sie zur Zeit Maleachis, nicht lange vor 444 beobachten konnten. Wir verlegen daher unser Kapitel in diese Zeit. Es sei hier wiederum auf die Parallelen verwiesen:

58₃ (Fasten) — Sach. 7₃
 58₆ — Sach. 7₉
 58_{7. 10} — Neh. 5₁₇
 58_{3b 9b} — Mal. 3₅
 58₁₁ — Mal. 3₁₁

58_{3b 9b} — Neh. 5₁₋₁₃
 58₆ — Neh. 5₈
 58_{6. 9b. 10} — Mal. 3₁₈
 58₈ — Mal. 3₂₀
 58₄ — Mal. 3₂₄

Auffallende Ähnlichkeit in der Auffassung von dem Ausbleiben der Heilszeit und den Bedingungen ihres Kommens zeigen: Mal. 1₆ ff. 2₁₇ 3₁ ff. 3₆ ff. 3₁₃ ff.¹⁾

Kap. 59

Der Grund des Ausbleibens der Heilszeit in einer Strafv. (1—8) und einer Busspredigt (v. 9—15^a) dargelegt. Verheissung des Heils in einer Theophanie (v. 15^b—21).

Inhalt. Noch schärfer, als im vorigen Kapitel, wendet sich der Prophet gegen die Sünden des Volkes. Die Glieder desselben kommen im Verkehr miteinander nicht ohne Mord, lügnerische und trügerische Reden aus (v. 3); in ihren Rechtshandeln fehlt jede Gerechtigkeit und Ehrlichkeit (v. 4). In ihrer Unredlichkeit und verderblichen Bosheit kommen sie einem Basilisken gleich. Wie von einer Spinne wird der Kleinere durch den Gewaltigen ausgesogen (v. 5^a Kittel). Jede Berührung mit ihnen bringt Unheil (v. 5^b), Unheil ist all ihr Tun und Treiben (v. 6). Böses zu tun sind sie allezeit bereit (v. 7). Keine Spur von solchen Tugenden wie Friedlichkeit, Gerechtigkeit, Redlichkeit (v. 8). In dieser ungeheuren Sündhaftigkeit des Volkes ist der Grund des bisherigen Ausbleibens des Heils zu suchen (v. 9). Diese Sünden, in keinem Fall aber Jahves Ohnmacht oder seine Gleichgültigkeit gegen die Gebete Israels, haben sich gleichsam wie eine Mauer zwischen Jahve und sein Volk gestellt und bisher das Anbrechen der so heiss ersehnten Heilszeit verzögert (v. 1 f.). Bitter beklagt der Verfasser den Zustand des durch gewaltige Enttäuschungen (v. 9^b) ratlos und unsicher gewordenen Volkes (v. 10 f.), reumütig bekennt er in dessen Namen die vielfachen Sünden und Vergehen, die er noch einmal herzählt (v. 12—15^a; Abtrünnigkeit, Treulosigkeit und Ungehorsam gegen Jahve, Unwarhaftigkeit, lügnerisches Wesen, Vernachlässigung des Rechts, der Gerechtigkeit, der Wahrheit und der Ehrlichkeit). Nun kann Jahve nicht mehr müssig zusehen: er selbst — sonst kann niemand in dieser verzweifelten

1) 58₁₃ f. ist wohl mit K o p p e u. a. als Zusatz zu betrachten wegen Abweichung in den Gedanken und vielleicht (C h e y.) dem Verfasser von 56₁—8, mit dem unsere Verse Berührungen in Inhalt und Ausdrucksweise haben, zuzuschreiben.

Lage Hilfe schaffen (v. 15^b) — rüstet sich zu einem Kampf (v. 16. 17), dessen Zweck ein zweifacher ist: 1) Niederwerfung aller seiner Feinde (v. 18. 19); 2) Heil, Erlösung für Sion, für die Bekehrten (v. 20), mit denen er seinen Bund für alle Zeiten erneuert (v. 21).

Die Einheitlichkeit unseres Kapitels wird sehr stark bezweifelt (cf. Tabelle). Zunächst werden von Duhm u. a. v. 5—8 als ein Einschub ausgeschieden. Uns scheinen Duhm's Gründe nicht stichhaltig, denn: 1) ist das Stück im selben Metrum geschrieben wie das übrige Kapitel; 2) schliesst v. 9 sich ebenso gut an v. 8 wie an v. 4 an; 3) sind die Anklagen v. 5—8 nicht so hart, als dass der Verfasser, der die Worte v. 3 gesprochen, sie nicht hätte sprechen können.

Die meisten Kritiker sehen ferner in unserem Kapitel 2 selbständige Stücke: v. 1—15^a u. 15^b—21. Ausschlaggebend für diese Teilung ist v. 18 (der Text ist verderbt, cf. Kittel). Der v. besagt, dass Jahve einem jeden nach seinen Taten vergelten werde: „Zorn seinen Widersachern, Vergeltung seinen Feinden“. Es ist nun fraglich, wer mit den Feinden gemeint ist. Nach v. 18^c, der meist als eine Glosse behandelt wird, sind es die Heiden, die Völkerwelt. Die Worte werden gestrichen, da 𐤇𐤍𐤁𐤏, welches den Westen bezeichnen soll und nicht überhaupt die Länder der Heidenwelt, unmotiviert sei (Kittel), auch fehle das Sätzchen in der LXX und störe das Versmass (Duhm). Das Versmass wird jedoch erst dann wiederhergestellt, wenn wir annehmen, dass der Schluss von v. 18 ausgefallen sei (denn der Zweizeiler v. 18 scheint sonst nicht gut unter die Vierzeiler v. 17 und 19 zu passen). Das ausgefallene Sätzchen am Schluss von v. 18 wird wohl, wie man vermuten darf, eine Parallele zu v. 18^c enthalten haben. Dann sind aber mit den Feinden ganz sicher die Heiden gemeint (gegen Bredenkamp, l. c. S. 331, Duhm, z. St. u. a.). Aber auch bei der Streichung von v. 18^c ist schwer jemand anderes darunter zu verstehen (cf. Kittel). Der Verfasser würde dann das Gericht auf sein eigenes Haupt heraufbeschworen haben und hätte nicht so allgemein sagen können, Jahve komme als Erlöser für Sion. Die Voraussetzung nun, v. 18 sei von der Bestrafung der Heiden die Rede, während v. 1—15^a die Sünden der Gemeinde im Mittelpunkt der Betrachtung stehen, soll eine Trennung notwendig machen. Versuchen wir den Gedankengang des Verfassers unseres Kapitels zu verfolgen. „Jahve ist nicht ohnmächtig, dass er keine

Hilfe schaffen könnte, sondern eure mannigfaltigen Sünden trennen euch von Jahve (v. 1—8)¹⁾; darum sind auch die Verhältnisse so unerträglich, daher ist unser Zustand so traurig und trostlos (v. 9—11); unsere Vergehen haben die gegenwärtige unerträgliche Lage verursacht (v. 12—15); es gibt keinen Ausweg aus derselben (v. 16); es bleibt nur eine Hoffnung, ein Trost nach: Jahve wird mit starkem Arm die Gemeinde von ihren äusseren Feinden (es kann hier gedacht sein nicht bloss an die Perser, sondern vielleicht auch an die Ammoniter, Moabiter, Edomiter u. a.) befreien, um dann ihr, unter der Bedingung, dass sie sich bekehrt von ihrem Abfall (v. 20), Erlösung aus der trostlosen Lage zu bringen (v. 16—20) und seinen Bund mit ihr zu erneuern (v. 21). Wir haben hier eine merkwürdige Kombination ezechielischer und deuterjesaianischer Ideen, die sich wohl bei einem Verfasser denken lässt, aber bei Dtrjes. nie anzutreffen ist. Allerdings, dass als Objekt der Gerichtsdrohung nicht die Gemeinde, deren Sünden gerügt werden, sondern ganz unmotiviert die Heidenwelt erscheint, ist für unser Empfinden etwas befremdend, erklärt sich aber aus der Gedankenrichtung des Verfassers, und der schroffe Übergang von einem Gegenstand zum andern ist durch seine schriftstellerische Ungewandtheit verursacht: zwischen unserem Verfasser und dem gewandten Stilisten Dtrjes. ist eben ein grosser Unterschied (Duhm, vgl. auch Gressmann, l. c. S. 15 und Cheyne, l. c. S. 333 f.). Die Abtrennung von v. 15^b ff. scheint uns ausserdem nicht geraten aus dem Grunde, weil 1) v. 15^b einen guten Übergang zum folgenden bietet und ähnliche Worte wie v. 1—15^a voraussetzt; und 2) v. 20 auf v. 1—15 zurückblickt. Die Ausscheidung von v. 21 scheint uns ebenfalls nicht notwendig. Ganz unbegründet ist die Ausscheidung der vv. 3—16^a (Corn. u. Wildeb.).

Die Zeitlage ist ähnlich wie in Kapitel 58. Das Volk wartet vergeblich auf den Anbruch der Heilszeit (v. 9^b). Des langen Harrens müde, macht es Jahve verzweifelte Vorwürfe: er sei zu ohnmächtig, um helfen zu können, oder zu gleichgültig, seine Gebete zu erhören (v. 1); ratlos, unsicher, voller Zweifel lebt man dahin (v. 9 ff.); die furchtbaren

1) In seiner sittlichen Entrüstung scheint der Verfasser die Existenz besserer Elemente, die doch ganz bestimmt vorhanden waren und die wir 58₂ kennen lernten, ganz vergessen zu haben.

Misstände werden als Folge der eignen Schuld empfunden, kurz, die Stimmung ist eine deprimierte, verzweifelte (v. 11). Die grössten Unordnungen herrschen im Verkehr, Rechtshandel, privaten Leben, das Unrecht führt das Regiment (v. 3 ff., v. 13 ff.). Die schlechteren Elemente scheinen die Oberhand gewonnen zu haben (v. 1—8). Von der Gegenwart ist nichts zu erwarten, um so mehr erhofft man von der Zukunft: Jahve wird die feindlichen Heidenvölker besiegen (v. 18 f.), um seinem zerschlagenen und zerknirschten Volk (v. 9 ff.) das Heil zu bringen, indem er mit ihm den Bund erneuert (v. 20 f.).

Am einfachsten gibt sich unser Kapitel sowohl dem Sprachgebrauch (cf. Ewald, l. c. S. 107, Cheyne, l. c. S. 336 ff.) als auch dem Inhalt und der Situation nach als Fortsetzung von Kap. 58. Dann ist es aber dem Dtrjes. abzusprechen, was man schon allein aus sprachlichen Gründen getan hat (cf. Ewald l. c., Corn. u. Wildeb.). Und in der Tat, gesetzt sogar den Fall, eine derartig verzweifelte Stimmung wäre unter den Exulanten möglich gewesen, als Cyrus mit dem von Dtrjes. vorausverkündeten Zuge gegen Babel gezögert, es wäre unbegreiflich, wie Dtrjes. das Volk mit irgend etwas Anderem als mit der Verheissung der Heimkehr hätte trösten können; und diese fehlt gerade im ganzen Kapitel, denn v. 20 wird nur ganz allgemein gesagt, das Heil werde kommen für Sion, für diejenigen, die sich vom Abfall bekehren, und als dessen Folge wird die neue Bundesschliessung genannt: keine Silbe von der Heimkehr, die doch wohl vor der Bundesschliessung hätte erwähnt werden müssen („Bei der Annahme der Abfassung vor der Rückkehr, würde der Prophet sich mit den früheren Verheissungen der Befreiung in Widerspruch setzen“, bemerkt mit Recht Ley, l. c. S. 140). Aber auch die Schilderung der Zeitlage passt nicht gut (v. 16) zu dem, was wir von der exilischen Zeit wissen, wie schon Gesenius, II, S. 236, und Bredenkamp gefühlt. Letzterer sagt (S. 333): „Die blutbefleckten Hände . . . die Klage über Ungerechtigkeit in der Rechtspflege, die Plünderung dessen, der rechtlich lebt, sind Züge, welche durchaus nicht in die exilische Lage passen“. Der Schluss, den Bredenkamp daraus zieht, ist allerdings falsch, denn wegen der Abhängigkeit von Ezechiel kann unser Verfasser nicht vor dem Exil gelebt haben, wir kommen also mit unserem Kap. in die nachexilische Zeit, denn „die einzig mögliche Entstehungszeit ist die Zeit nach dem Exil“ (Cheyne, l. c.

S. 339)¹⁾. Gesenius, l. c., hat schon auf v. 14 aufmerksam gemacht: „Die Juden scheinen eine eigene Rechtspflege durch Richter aus ihrer Mitte gehabt zu haben“. Ungezwungener als aus der exilischen, lässt sich dieser Vers aus der nachexilischen Zeit erklären. Ferner hat Gesenius auf Parallelen in den Psalmen hingewiesen (cf. Ps. 5. 7. 10. 12₃ 26₄₉. 28₃ 31₁₉ 40₅ 59₁₈ 17₉ ff.). Das alles bestätigt unsern Schluss. Genauer scheint unser Stück, wie v. 16^a zeigt, aus der Zeit nach Haggai, Sacharja und Z^erubbäbel zu stammen, denn zur Zeit des Cyrus und im Anfange der Regierung des Darius gab es noch Leute, die wenigstens bemüht waren Hilfe der Gemeinde zu schaffen. Littmann verweist auf die Zeit nach dem missglückten Mauerbau der Gola (s. o. S. 24 ff.): tatsächlich würde sich die deprimierte Stimmung am besten aus dieser Zeit erklären lassen (dass v. 16 Artaxerxes gemeint ist, ist unwahrscheinlich, cf. Marti), denn im Buche Maleachi spiegelt sich dieselbe Stimmung wieder. Es ist charakteristisch für jene Zeit, dass man tiefer als je die Last seiner Schuld empfand, wohl infolge der Predigt Ezechiels. Cf. zu 59₉ ff. — Mal. 3_{9a}, Neh. 1₄ ff., Esr. 9₉ ff., Neh. 9₆ ff.; zu 59₁ f. — Mal. 3₆. Es sind auch ähnliche Misstände, die sich zur Zeit unseres Verfassers, Maleachis und Nehemias geltend machten, vgl. 59₃₋₈ mit Mal. 3₅ u. Neh. 5. Das Volk geht mit denselben Hoffnungen um, vgl. 59₂₀ mit Mal. 3₂₀, 59₁₈ f. mit Mal. 1₃₋₅; Cheyne verweist noch auf die Ähnlichkeit unseres Kapitels mit den Psalmen 52—59, die sicher nachexilisch sein sollen. Nach dem Gesagten kann über die Entstehungszeit unseres Kapitels kein Zweifel mehr sein: es ist in der Zeit Maleachis, kurz vor Nehemia niedergeschrieben, kämpft gegen die damals vorhandenen Misstände und verheißt das Kommen einer besseren Zeit.

Kap. 60

Triumphlied auf Sion.

Inhalt. An Jerusalem sich wendend ruft der Prophet: auf, werde Licht, denn dein Licht kommt (v. 1). Während die

1) cf. S m e n d, l. c. S. 305: „Der Eindruck des Schlages, von dem das Volk einst getroffen war, konnte nie wieder verwischt werden, er erneute sich für die Juden in allen Unglücksfällen, die ihnen in ihrer späteren, nicht minder leidvollen Geschichte beschieden waren. Denn der Glaube, auf dem sie standen, war immerdar nur festzuhalten in dem Gedanken, dass Jahve ihr altes Glück wegen der Sünden der Väter vernichtet habe und es wegen ihrer eignen Sünden nicht wiederherstelle.“

übrige Welt im Dunkeln bleibt, erstrahlt Jalve über Jerusalem (v. 2), so dass es fürder gar keiner Leuchte mehr bedarf (v. 19). Diese Auszeichnung der Gottesstadt veranlasst die Heidenvölker nebst ihren Königen nach Jerusalem zu wallfahrten (v. 3). Nicht nur die in Zerstreuung weilenden Söhne Sions werden zur ungeheuren Freude der als Mutter gedachten Stadt mit dem Vermögen der Heiden heimkehren (v. 4. 5. 8), sondern ganz Ost und West werden auch ihr Bestes zur Verherrlichung Sions beitragen. Dienstbereit bringen die Heiden die zerstreuten Juden aus allen Himmelsgegenden nach Sion zurück (v. 8). Unzählige arabische Karawanen kommen mit den Schätzen Šebās zu Ehren Jahves (v. 6) oder mit ihren besten Herden Kleinviehs, die sie als Huldigungsopfer zur Verherrlichung des Hauses Jahves (v. 7) darbringen. Sion wird einer Herrin gleich von den Heiden und deren Königen bedient: nachdem sie die Mauern Jerusalems gebaut haben (v. 10), führen sie unaufhörlich ihre Schätze nach Jerusalem (v. 11). Wehe denen, die sich weigern wollten (v. 12), denn die Heiden sind in die Gewalt der Juden gegeben, damit letztere sie zu ihrem Nutzen ausbeuten können (v. 16). Die Verherrlichung Jerusalems zwingt die Nachkommen seiner Feinde zum demütigen Bekenntnis ihrer Schuld und zu ehrenvoller Verherrlichung Sions (v. 14); so wird denn auch die gegenwärtige verachtete Stellung Jerusalems ein Ende nehmen (v. 15). Das Äussere der Stadt wird herrlich werden (v. 15); die herrlichsten Baumarten des Libanon werden den Ort des Heiligtums Jahves schmücken (v. 13). Auch in der inneren Verwaltung wird ein Umschwung erfolgen: statt der gegenwärtigen Unordnung und Missverwaltung wird Wohlfahrt und Sicherheit im Lande herrschen (v. 17). Dementsprechend wird auch das Volk gerecht sein (v. 21), das Land ewig besitzen und sich unzählig vermehren (v. 22).

Es liegt in der Natur der Sache, dass derartige glänzende Zukunftsverheissungen, wie sie unser Kapitel bietet, über dem Boden schweben und eine sichere Zeitbestimmung unmöglich machen. Wenn wir berücksichtigen, dass nach Sacharja 7. 8 auch nach der Rückkehr der Exulanten in ihre Heimat das drückende Gefühl der Gefangenschaft und die Hoffnung auf eine endliche Verbesserung der Lage ebenso wie im Exil lebendig war, so werden wir von vornherein zwei Möglichkeiten bei der Bestimmung des geschichtlichen Hintergrundes unseres Abschnittes ins Auge zu fassen haben: die exilische oder nach-

exilische Zeit. Versuchen wir sichere Anhaltspunkte für diese oder jene Auffassung zu gewinnen, indem wir uns in unserem Kapitel nach Anklängen an uns bekannte Fakta des genannten Zeitraumes umsehen.

An der Grenze der beiden Perioden steht die Tatsache der Heimkehr der Exulanten aus Babylonien. Dieses Ereignis wird in unserem Kapitel nicht erwähnt, denn v. 4^b. 9^b sind überhaupt die in der ganzen Welt zerstreuten Juden gemeint, und diese Verheissung hätte doch eigentlich im Vordergrunde stehen sollen, wenn unser Abschnitt im Exil geschrieben wäre. Ja, wir können weiter gehen: die Rückkehr scheint vorausgesetzt zu sein: nach v. 17 ist Jerusalem schon bewohnt und bebaut, an Stelle der gegenwärtigen Unordnungen in der Verwaltung eine sichere und zuverlässige Verwaltung verheissen. Die Klage über schlechte Verwaltung ist nicht gut in der exilischen Zeit angebracht und passt besser in die nachexilische Zeit. Die Erwartung, dass bald alle in der Zerstreuung Lebenden zurückkehren werden (v. 4. 9), scheint auch schon eine Rückkehr vorauszusetzen.

Das zweite wichtige Ereignis der ersten nachexilischen Zeit, der Tempelbau, wird gleichfalls nicht als ein zukünftiges Gut geschildert, er scheint vielmehr vorausgesetzt zu sein (v. 7): bevor der Verfasser von der Verherrlichung des Tempeldienstes hätte reden können, hätte er ein paar Worte von seiner Wiederherstellung sagen müssen, wenn diese nicht zu seinen Voraussetzungen gehören würde. V. 14 ist natürlich nicht vom Bau sondern von der Ausschmückung des Tempels die Rede, wie schon Hitzig, Beck, Delitzsch, Orelli u. a. richtig erkannt haben ¹⁾. Einen bestimmteren Anhaltspunkt finden wir wenn wir fragen, ob zu der Zeit als unser Verfasser schrieb, die Mauer schon wiederhergestellt war. Dieses Ereignis hat unser Verfasser noch nicht erlebt, wie wohl mit Sicherheit behauptet werden darf. V. 10 verheisst, dass Fremde die Mauern Jerusalems bauen und Könige ihm dienen werden: wie das zweite, so wird wohl auch das erste der Zukunft angehört

1) Was Sellin, Stud. II, S. 136 u. 145 f., gegen dieses Resultat einwendet, ist nicht stichhaltig; er verwickelt sich in die schärfsten Widersprüche. Willkürlich scheint uns vor allem Sellins Art auf Grund eines Verses eine ganze Reihe von Kapiteln, die er ganz unerwartet als Einheit ansieht, nach ihrer Entstehungszeit hin zu bestimmen.

haben. Wir haben somit als Entstehungszeit für unser Kap. die Periode zwischen dem Tempel- und Mauerbau gewonnen und werden wohl nicht fehlgehen, wenn wir auch dieses Kapitel in dieselbe Zeit wie die Vorhergehenden verlegen. Deuterjesaianische Autorschaft ist demnach ausgeschlossen, sie wird wohl schwerlich noch gehalten werden können, nachdem Cheyne, l. c. S. 343 f., und in geringerem Masse Gressmann, l. c. S. 29 ff., in betreff des Sprachgebrauchs gegen diese Auffassung ein so grosses Material zusammengetragen haben.

Unser Resultat wird uns noch bestätigt, wenn wir etwas genauer die in unserem Kapitel vorausgesetzte Zeitlage ins Auge fassen. Dieselben Misstände, die uns in dem vorigen Kapitel geschildert worden sind, finden wir auch hier: in der Gemeinde herrscht Gewalttat (v. 8), die Leiter scheinen nicht viel wert zu sein (v. 17^b, cf. 56₁₀—57₂); das Volk ist arm (v. 5 f. 17, cf. Neh. 5), in seiner Phantasie spielt das Gold eine um so grössere Rolle; die Opfer scheinen nicht immer reichlich dargebracht worden zu sein (v. 7, cf. Mal. 16 ff. 38 ff.), der Tempel und seine Umgebung bedarf sehr des Schmuckes (v. 13). Die sittliche Beschaffenheit der Gemeindeglieder lässt zu wünschen übrig (v. 21, cf. Kap. 59); die Gemeinde ist gering an Zahl (v. 22, cf. Neh. 7₁), verachtet, bedrückt und misshandelt (v. 14 f.).

Das alles sind Einzelzüge des Bildes, das wir uns auf Grund der Schriften Maleachis, Nehemias und Esras von den Zuständen der Gemeinde gemacht haben. Die Befreiung aus dieser schlimmen Lage, die endliche Wiederherstellung im vollen Sinne des Wortes will Jahve zur rechten Zeit bringen (v. 22^b), — ein Gedanke, der dem Dtrjes., der die Heilszeit schon für gekommen hält, ganz fremd ist (Duhm).

Ausserdem sind noch folgende Bedenken gegen die exilische Abfassungszeit geltend gemacht worden: 1) der Dichter habe seinen Standpunkt in Jerusalem (Cheyne und Sellin); 2) die Hoffnungen v. 11 habe die Freigebigkeit der Perserkönige gegen die erste Kolonie dem Dichter eingeflösst (Eichhorn, III S. 311 und ähnlich Seinecke); 3) v. 21^a stelle sich der Dichter in Gegensatz zur hierarchischen Richtung der Zurückgekehrten, was im Exil nicht gut möglich gewesen sein soll (Ley).

Aus all dem Gesagten geht hervor, dass wir unser Kapitel in dieselbe Zeit zu verlegen haben, wie die vorhergehenden. Nähere Beziehungen und Anspielungen auf Verhältnisse der

Zeit Nehemias zu sehen (Littmann), ist unserer Meinung nach nicht geraten; die Anspielungen sind viel zu allgemein gehalten, als dass wir hoffen dürften, die Persönlichkeiten zu ermitteln, auf die sie sich beziehen könnten.

Kap. 61 und 62

haben wie das vorhergehende Kap. **die künftige Herrlichkeit Sions** zu ihrem Thema; sie hängen eng zusammen und wir betrachten sie daher als eine Einheit.

Inhalt. Im vollen Bewusstsein dessen, dass Jahve ihn gesandt hat, frohe Botschaft den Elenden, Erleichterung den Gedemüthigten, Freiheit den Gefangenen (61₁), kurz, die bevorstehende Ankunft der Heilszeit zu verkündigen (v. 2), entwirft der Prophet (cf. Duhm, Kitt. u. a. gegen Cheyne u. a.), um den Trauernden Trost zu bieten, ein glänzendes Bild von der Herrlichkeit des künftigen Jerusalems (v. 3—11). An Stelle der gegenwärtigen Trauer und Verzagtheit wird eitel Freude und Lobpreis (Duhm, Cheyne) treten (v. 3); die alten Trümmerhaufen verwandeln sich in wohnbare Häuser, Städte erheben sich wieder aus ihrem Schutt (v. 4). Als Entgelt für die bisherige Schmähung und den Schimpf der Fremden wird doppelter Besitz im heiligen Lande und Freude verheissen (v. 7), denn Jahve, der gerechte, vergilt Israel treulich und schliesst mit ihm einen ewigen Bund (v. 8). Alle Mühsal und Arbeit hört für die Bürger Sions auf; die Heiden verrichten nicht nur für sie jegliche schwere Arbeit (v. 5), sondern müssen auch ihre Schätze in den Dienst der Juden stellen, während jene die Früchte ihres Tuns als Priester und Diener Jahves geniessen (v. 6; un begründet scheint uns der Verdacht Stades, II, S. 83, gegen v. 5 f. cf. Duhm u. Kittel). Die Liebeserweise Jahves zwingen alle Heiden zum Bekenntnis, Israel sei ein gesegnetes Volk (v. 9), denn Jahve ist der Grund des Ruhmes Israels (v. 11). In dem aus einem anderen Zusammenhang hierher versprengten v. 10 bricht die Gemeinde (so Chey. u. Kitt.) oder ein Unbekannter (so Duhm) in jubelnde Dankesworte für die glorreiche Gnadenerweisungen Jahves aus. — Wenn auch diese herrliche Zeit noch nicht begonnen hat, so will doch der Prophet (cf. Duhm, Kittel u. a.) durch sein rastloses Wirken und Schaffen sie herbeizuführen suchen (62₁). Das Ziel, das er sich gesetzt, verdient es, dass man sich seinetwegen abmüht:

die Herrlichkeit Sions wird von den Heiden und ihren Königen bewundert werden (v. 2), denn Israel ist gleichsam eine Prachtkrone, auf die Jahve stolz ist und die unter seinem Schutze steht (v. 3); geschwunden ist Spott und Schmach, nur ehrerbietig darf man Jerusalem fernerhin erwähnen (v. 4). Jahves Wohlgefallen kehrt sich Jerusalem wieder zu (v. 5, cf. Duhm, Kittel u. a.): besorgt um das Wohl der Stadt stellt er Wächter aus (v. 6); diese Wächter (= Engel — Duhm, Kittel u. a.; = Propheten — Del. Orelli, Chey.) werden vom Propheten zum beständigen Gebet für Sion angespornt, bis Jahve es verherrlicht (v. 7). Und Jahve wird sich auch erweichen lassen, denn er hat geschworen, dass hinfort die Früchte der Arbeit Israels nicht mehr in die Hände der Feinde fallen, sondern Israel selbst zugute kommen sollen (v. 8 f.). Das Heil kann nicht ausbleiben, das Heil kommt: darum ebne man den Weg, damit das Volk heimziehe, und kündige der Tochter Sion die glorreiche Ankunft ihres Heils an (v. 10—12).

Diese beiden Kapitel haben im Sprachgebrauch am meisten Ähnlichkeit mit Dtrjes., es fehlt daher auch in neuester Zeit nicht an Kritikern, die beide KK. für deuterojesaianisch halten (cf. Tabelle). Dieser Meinung kann man jedoch nicht beistimmen, wenn man sich den Stil und Sprachgebrauch in K. 61 f. näher ansieht. Die meisten Anklänge an Dtrjes. finden sich in 62_{10 ff.}, von Dtrjes. kann aber diese Stelle nicht herrühren, denn sie besteht fast ganz aus Reminiszenzen aus Dtrjes., die z. T. eine andere Deutung und Anwendung bekommen haben (vgl. die Aufzählung bei Cheyne, Einl. S. 347; v. 10—12 ist „wenig mehr als eine Mosaik von Brocken aus der Weissagung von der Wiederherstellung“ S. 350; ebenso Duhm, Kitt. u. a.). In der Weise aber, wie es hier geschehen, zitiert ein Verfasser nie seine eigenen Worte. Kusters' Auffassung von dieser Stelle braucht nicht widerlegt zu werden, da sie von der, wie wir sahen, falschen Prämisse ausgeht, Esra's Gola sei die erste gewesen. Ebenso steht es auch mit dem übrigen Teil von K. 60 f. Prosaische Wiederholungen derselben Gedanken, die nur da einen poetischen Hauch bekommen, wo sie, sei es wörtlich, sei es mit Abänderungen, sich an Dtrjes. anlehnen, charakterisieren unsern Verfasser als einen Schriftsteller zweiten Ranges, der allerdings, als Nachahmer Dtrjes.'s, Haggai, Sacharja und Maleachi weit übertrifft (Duhm).

Die Untersuchung der vorausgesetzten Lage der

Dinge ergibt gleichfalls die Unhaltbarkeit der deuterjesaiani-
schen Autorschaft. Schon das Fehlen der Verheissung der
Heimkehr aus Babylon (62₁₀₋₁₂ ist ein Zitat aus Dtrjes., ausser-
dem viel zu allgemein gehalten und bezieht sich wohl auf das Ein-
ziehen der in der Diaspora Weilenden durch die Tore Jerusa-
lems, cf. Duhm, Kitt. u. a.) legt uns den Gedanken nahe, zur
Zeit des Verfassers habe die Rückkehr der Exulanten der Ver-
gangenheit angehört, und wenn 61₁₋₆₂, ausserhalb ihres gegen-
wärtigen Zusammenhanges stehen würden, so würde wohl kaum
jemand auf den Gedanken kommen, sie ins Exil zu verlegen.
Als einer der bedeutsamsten Beweise für die Liebe Jahves zu
Jerusalem wird die Verheissung gegeben, Jahve werde hinfort
nicht mehr den Ertrag der Felder Judas in die Gewalt der
Feinde geben. Hatte man nichts Besseres von der Zukunft zu
erwarten? — etwa Rückkehr, Befreiung aus der Gefangenschaft?
Und Elende (ein im Psalter häufig wiederkehrender Ausdruck
und Begriff), Gefangene gab es nach dem Exil ebenso wie vor
demselben (cf. Neh. 5₃. 8) und Trauernde noch mehr nach dem
Exil (vgl. das zu Mal. o. S. 55 ff. Bemerkte; Esra 9, Sach. 7 f. u. ö.).
Jerusalem hat noch alte Trümmer aufzuweisen, die Städte sind
noch nicht wiederhergestellt (61₄), das Volk wird verachtet und
verspottet (61₇), und (wenn נִדְּרָה 61₉ wirklich emphatischen Sinn
hat — Duhm) steht in einem schlechten Ruf, wird aber mit
der Verheissung getröstet, es werde Doppeltes besitzen, offen-
bar im Vergleich zu dem, was jetzt sein eigen ist; wahrschein-
lich war also das von dem Volk okkupierte Gebiet nicht gross,
so dass man allen Grund hatte unzufrieden zu sein (61₇). Das
Land lag brach und wüste (62₄); Jerusalems Kornfelder und
Weinberge werden von Feinden geplündert (62₈); der Tempel
besteht schon, wie es scheint (62₉); denn wäre er noch ein
Trümmerhaufen, so hätte man doch zunächst gewünscht, er werde
wiederaufgebaut, und dann erst der Hoffnung Ausdruck gege-
ben, dass in seinen Vorhöfen gegessen und getrunken werden
könne (cf. Kitt.). Die Mauern bedürfen noch der Wächter, man
ist nicht sicher vor Überfällen (62₆). „Die Anstellung der Wäch-
ter setzt“ ferner „den Bestand der von den Mauern aus zu
bewachenden Stadt voraus“ (Delitzsch, l. c. S. 592).

Diese Lage der Dinge hat in geistvoller Weise schon
Eichhorn (cf. Tab.) richtig als die der nachexilischen Zeit
erkannt. Die Mauer ist noch nicht wiederhergestellt (61₄), der
Tempel ist schon vorhanden (62₉ gegen Sellin, Stud. II,

S. 132 f. ¹⁾. Die Zeit, in der unsere KK. geschrieben sind, ist also wiederum die zwischen 515 und 432, was durch die Verwandtschaft mit K. 60 noch bestätigt wird. Folgende Bedenken sind noch ferner gegen exilische Abfassung erhoben worden: 1) für Eichhorn war die Beobachtung massgebend, dass in den beiden Kapiteln Bekanntschaft mit dem Edikt des Cyrus durchblicke; ebenso Seinecke; 2) „vom exilischen Standpunkt aus läge immerhin der Gedanke der Erbauung, nicht des Ausbaues der schon gebauten Stadt nahe“, bemerkt Breidenkamp, l. c. S. 343; 3) J. Ley betont wiederum den Gegensatz des Verfassers zu der hierarchischen Richtung der Zurückgekehrten (6I₆), was auf nachexilische Zeit weisen soll; 4) ein wichtiges Moment hebt Duhm hervor, wenn er auf die Vorstellung unseres Verfassers von Jahve, als einem Gott, der sich von seinem Volk zurückgezogen und von demselben stürmisch angefleht wird, dessen Zeit aber noch nicht gekommen ist, aufmerksam macht. Die Vorstellungen Dtrjes.'s von Jahve seien die entgegengesetzten: bei ihm „ist Jahve der eifrige, zuvorkommende, während das Volk sich gleichgültig oder zweifelnd zurückhält“ (zu 62₆ f., dasselbe zitiert bei Marti, Jes. S. 389). Diese Beobachtung fordert die Annahme, 1) dass der Verfasser unseres Abschnittes von Dtrjes. verschieden sei; 2) dass die Situation sich gründlich geändert haben muss, denn es ist undenkbar, dass der weltumfassende Glaube Dtrjes.'s, der dann einen Schiffbruch erlitten haben müsste, diese Richtung eingeschlagen haben sollte. Einige Indizien lassen uns die KK. in dem nunmehr bestimmten Zeitraum näher unterbringen: 5) als nachexilische Idee bezeichnet Duhm wohl mit Recht ferner den Gedanken 6I₇ f. Zu dem Gedanken 62₅ sieht er eine Parallele in Mal. 3₁ ff. ²⁾; 6) einen weiteren Unterschied in der Theologie Dtrjes.'s und unseres Verfassers sieht er in 62₁₁, wo statt des Kommens Jahves das Kommen seines Heils verheissen werde; 7) der Verfasser soll in Palästina und zwar in Jerusalem leben (Ley und Kittel, l. c. S. 509); 8) 6I₅ f. soll eine streng kultische Richtung voraussetzen (Littm., l. c. S. 32) und 'am

1) Da wir Sellins Auffassung von Esr. 48 ff. den Grund entzogen haben, so fällt auch diese seine Behauptung, denn er charakterisiert selbst die Zeit, in der unsere KK. entstanden sind, als eine solche, in der die Esr. 423 geschlagene Wunde noch am meisten schmerzte (l. c. S. 131).

2) Jahves Wohlgefallen kehrt sich wieder Israel zu.

hak-kōdeš in K. 62₁₂ sei im Sinne von Mal. 2₁₅ gemeint (Berthol. Stellung, S. 132) — beides führt in die nachexilische Zeit; 9) auf Nachklänge aus Hag. und Sach. (zu 61₄₋₆ vgl. Hag. 27_{f.}; Sach. 8₂₃; zu 62₆ vgl. Sach. 3_{1f.}) macht schliesslich noch Kittel, l. c. S. 505, und im Anschluss an ihn Marti, l. c. S. 390, aufmerksam. Das alles sind Bedenken und Einwendungen, die nur durch die Annahme beseitigt werden, dass wir es hier mit dem Erzeugnis eines nachexilischen Propheten zu tun haben. Näher wird seine Zeit als die zwischen 515 und 432 bestimmt werden können.

Kap. 63₁₋₆

Rachelied auf Edom.

Inhalt. Auf die verwunderte Frage des Volkes oder des Propheten, wer das sei, der in roten Kleidern so stolz von Edom her, aus Bosra, komme, schallt es zurück als Antwort, es sei Jahve, der sein Wort einhalten wolle und könne (v. 1). Nunmehr wird nach der Ursache seines schreckenerregenden, an dasjenige eines Winzers erinnernde Aussehen gefragt (v. 2) und als Antwort gibt Jahve: er habe die Edomiter (so mit Recht Dillm. und Kitt.) wie Trauben in der Kelter zertreten und zerstampft (und zwar habe er das allein tun müssen, da niemand ihm beigestanden habe); bei dieser Gelegenheit sei sein Gewand besudelt worden (v. 3). Der Grund der Vernichtung Edoms ist der Umstand, dass die Stunde der Rache an Edom einerseits und das Erlösungsjahr für die Seinen andererseits gekommen seien (v. 4). Verwundert sieht sich Jahve um, ob nicht jemand von demselben Gedanken beseelt wäre — vergebens! niemand sieht er an seiner Seite (v. 5^a). Aber was er beschlossen hat, muss er ausführen: ihm hilft seine Allmacht und sein Grimm (v. 5^b); erbarmungslos werden nun die Völker niedergetreten und zerschmettert, so dass ihr Blut zur Erde fliesst (v. 6).

Wir haben hier zunächst die Frage zu erörtern, ob die Lesart מִצְרָיִם und מִצְרָיִם in v. 1 haltbar sei. Duhm will nämlich im Anschluss an de Lagarde hier מִצְרָיִם und מִצְרָיִם lesen. Seine Gründe sind: 1) die Frage v. 2 sei müssig, wenn man v. 1 schon wisse, woher Jahve komme; 2) die Erlösung der Diaspora könne nicht von der Züchtigung Edoms abhängig gemacht werden; 3) Tritojes. nenne niemals die Feinde ausdrück-

lich; 4) damals (?) könnten die Edomiter eher als die gezüchtigten, denn die noch zu züchtigenden gegolten haben; 5) es sei besser Jahves persönliches Eingreifen und darauf folgendes Erscheinen mit dem Endgericht über die Völker als mit der Züchtigung Edoms in Zusammenhang zu bringen. — Es ist interessant die weiteren Ausführungen der Konjekturealkritik zu verfolgen. H. Winckler (A O F I. 1896 S. 344—46: „Das Winzerlied Jes. 63,6“) begnügt sich nicht mit den erwähnten Konjekturen; er bringt den Stamm אִרַם mit der Bedeutung „Tierfell“ in Verbindung; in Duhms מְבַצֵּר stellt er an Stelle des מ ein כ; statt צִנְה liest er ferner צִנֵּק (v. 1); in v. 3 versteht er unter מַעֲמִים Geschlechtsgenossen. Er übersetzt dann: „wer ist das, der in Felle gekleidet daherkommt... wie ein Winzer (Bacchant)? ...schreiend mit voller Kraft...“ v. 2: „warum ist Fell dein Gewand?...“ v. 3: ...von den Geschlechtsgegnossen war keiner bei mir...“ Er liest auf diese Weise eine Beschreibung des Festes der Weinlese aus unserem Texte heraus. Von Völkern soll überhaupt nicht die Rede sein. Die Ausführungen H. Wincklers bedürfen der Widerlegung nicht, sie richten sich selbst (cf. bei Kittel, l. c. S. 510, die kurze Notiz: „wilde Combin.“). Aber auch Duhms Gründe sind nicht zwingend. Ad 1): es ist klar, dass die Fragen nur dichterische Einkleidung sind ¹⁾. Nichts berechtigt uns hier Konjekturen zu machen. Konsequenterweise hätte Duhm dann auch v. 1^b streichen müssen, denn im Grunde genommen ist die Antwort Jahves auch müssig, da die Frage nicht an ihn gerichtet war. Ad 2): unser Abschnitt besagt durchaus nicht, dass die Erlösung der Diaspora von der Züchtigung Edoms allein abhängig sein werde; im Gegenteil, der Gedanke von der Niederlage Edoms wird verallgemeinert (v. 6, cf. Kitt. u. a.), es wird ein Gericht über alle Völker gehalten werden; auch bei der Beibehaltung der gewöhnlichen Lesart ist der von Duhm gewünschte und vermisste Sinn vorhanden. Ad 3): dieser Einwand kann selbstverständlich keinen Anspruch auf Anerkennung erheben. Ad 4) es ist eine unbewiesene Voraussetzung Duhms, dass unser Abschnitt nach Maleachi angesetzt werden muss. Ad 5): haben wir unseren Abschnitt richtig verstanden, so spricht oder weissagt er von einer Niederlage der Edomiter und, indem dieser Gedanke verallgemeinert und auf alle Völker

1) Vgl. z. B. darüber Gunkel, *Ausgew. Psalmen* 1904, S. 8 u. 247.

bezogen wird, wird Israel die nahe Heilszeit in Aussicht gestellt. So fällt der letzte Einwand Duhm's. — Seine Konjekture scheint uns aber auch deshalb nicht geraten, weil Edom und Bosra nebeneinander in Jes. 34⁶ Am. I¹¹ f. gleichfalls vorkommen. Diese Stellen stammen wohl aus derselben Zeit, wie unser Kap. (cf. Kittel zu Jes. 34 f.: „nicht lange nach dem Exil“, und Now. zu Am. I¹¹; Cornill, Einl.⁵ S. 175, verlegt Jes. 34 f. in die nachexil. Zeit). Diese Stellen lässt Duhm unverändert, es müsste dann seine Meinung sein, dass gleich einer der ersten Leser unseres Abschnittes die Konjekture gemacht hat (wie Marti konsequenterweise auch meint), — was ja möglich, aber sehr wenig wahrscheinlich ist. Andere Bedenken siehe bei Cheyne, l. c. S. 352, Gressm., l. c. S. 19 und Littmann, l. c. S. 34.

Je nachdem man unser Stück als Beschreibung eines geschehenen Ereignisses oder als Weissagung auffasst, wird man auch die zeitgeschichtlichen Verhältnisse, die es voraussetzt, verschieden bestimmen. Es kommen zwei Möglichkeiten in Betracht: es kann in oder nach dem Exil entstanden sein, denn erst seit dem Exil datiert der unauslöschliche Hass der Juden gegen die Edomiter (cf. z. B. Kitt. zu Jes. 34 f.). Deuteroprophetisch kann aber unser Abschnitt nicht sein, denn er enthält Gedanken (v. 6), die Dtrjes. ganz fremd sind und die von Ez. (cf. 38 f.) beeinflusst zu sein scheinen. Deuteroprophet's Stellung zu den Heiden wird z. B. durch 51⁴ f. charakterisiert (deshalb hat schon Ewald, III. S. 119, unser Stück einem anderen Verfasser zugewiesen). Wenn der Verfasser den ganzen Abschnitt als Weissagung aufgefasst hat, so wird sein Rachegefühl wohl durch neue Gewalttaten der Edomiter hervorgerufen sein. Wir würden also in eine Zeit geführt, in der Edom den Juden viel zu schaffen macht; das könnte sowohl die exilische als die nachexilische sein, wahrscheinlicher aber letztere (cf. Kuenen, Hist.-Krit. Einleitung i. d. BB. d. A. T. deutsch 1892, II. § 49: das Stück gehört in die nachexilische Zeit, wenn man den Text unverändert lässt).

Hat der Verfasser dagegen Ereignisse seiner Zeit im Auge — das wird durch die lebendige Schilderung wahrscheinlicher gemacht, — so schildert er uns eine Niederlage der Edomiter. Unser Stück muss dann im V. Jahrh. entstanden sein, denn erst seit dieser Zeit ist uns das siegreiche Vordringen der Araber, das den Edomitern eine Schlappe nach der anderen brachte, bekannt (s. o. S. 33; vgl. Stade, II, S. 112). Von einem

derartigen Ereignisse aber speziell im Jahre 520 (Ley, l. c. S. 151 ff.) wissen wir nichts (cf. Wellh. zu Mal. 1₂ ff. und Now. zu Obadja, Einleitung). Unwillkürlich wird man an die Ereignisse Mal. 1₂ ff. erinnert. Sehr ansprechend ist Littmanns Auffassung, der beide Möglichkeiten zusammennimmt, da man angesichts v. 6 doch nicht mit der Annahme, unser Stück sei eine bloße Schilderung von gleichzeitigen Begebenheiten, auskommt. Edom hätte somit einerseits unter dem Eindringen der Araber ¹⁾ zu leiden gehabt, andererseits hätte es Israel bedrängt. Israel weiss sich nicht zu helfen und auf auswärtige Hilfe kann es nicht hoffen (v. 3^a 5^a); da tritt der Prophet auf und weist auf Edoms Niederlage hin, um im Anschluss daran allen Völkern den baldigen Untergang anzukündigen (v. 6). Die Kehrseite des Gerichts über die Völker ist die Heilszeit für Israel (v. 4^b). Diese Zustände und Hoffnungen würden ganz gut in die Zeit passen, in die wir schon die anderen KK., mit denen (wenigstens mit einigen) unser Stück auffallende Ähnlichkeit hat (cf. Littm. l. c. S. 35 f. und Cheyne, l. c. S. 351), verlegt haben. Denn eine andere Datierung als die aus dem V. Jahrh. ist ja bei unserer Auffassung des Abschnittes ausgeschlossen.

Kap. 63₇—64₁₁

Ein Psalm, enthaltend einen geschichtlichen Rückblick (63₇₋₁₄), eine Klage über Gottverlassenheit in der Gegenwart (63_{15-19a}) und eine Bitte um Hilfe, begründet durch den Hinweis a) auf Jahves Allmacht (63_{19b}—64_{4a}) und b) auf Israels Sündhaftigkeit und Elend (64_{4b-11}).

Unser Stück beginnt mit einer Selbstaufmunterung des — sagen wir vorläufig — Redners Jahve zu preisen für seine barmherzigen und gütigen Gnadenerweisungen seit altersher (63₇): Jahve erwies sich als Retter dem Volke, da er auf dessen Anhänglichkeit rechnete (v. 8); nicht nur half er Israel mitleidsvoll aus jeglicher Not durch den Engel seines Angesichtes ²⁾, sondern

1) Oder, wie Smend, Listen, S. 24, und Stade, l. c., wollen, unter dem strammen Regiment der Perser.

2) So Kittel; Duhm liest mit der LXX צַר (= צִיר); in beiden Fällen ist eine Andeutung auf die sich anbahnende komplizierte Angelologie (cf. Smend, Religionsgesch.² S. 449 ff., und Stade, II. S. 231 ff.), die im Buche Henoch ihre volle Ausbildung erfahren, enthalten.

in seiner grenzenlosen Liebe und Schonung suchte er jedes Leid von ihm abzuwenden (v. 9). Die Israeliten aber waren widerspenstig und betrübten Jahves heiligen Geist (darüber Näheres u. S. 93); da sagte sich Jahve los von ihnen und suchte ihnen zu schaden (v. 10). Nun war es zu spät, dass man Jahve als den treuen Beschützer und Fürsorger der Vorzeit erkannte (v. 11—14), denn nun hat seine Barmherzigkeit ein Ende, er ist nicht mehr von Mitleid gegen sein Volk erfüllt; betrübt und niedergeschlagen gesteht man, dass Jahves Eifer und seine Wundertaten dahin sind (v. 15). Unvereinbar scheint aber dem Volke oder der Gemeinde der Gedanke, dass Jahve Israels Vater sein soll (v. 16) und zu gleicher Zeit das Verstockungsgericht über es ausrufen könne (v. 17); o, dass er des alten Bundes gedächte! Nur kurze Zeit war das Volk im Besitze des Heiligtums (resp. des heiligen Berges, s. u. S. 90), schon wieder haben es die Feinde niedergetreten (v. 18). Es ist, als habe Jahve nie über das Volk geherrscht (v. 19^a). Ungestüm wendet sich daher der Redner an Jahve mit der dringenden Bitte, er möge doch unverzüglich selbst eingreifen (63^{19b}—64^{1 f.}), denn er kann es ja, er hat ja das Vermögen (v. 3) und das Wollen, wenn es sich um seine Frommen handelt (v. 4^a); und der elende Zustand des Volkes, das durch den Zorn Gottes und sein Schweigen immer mehr in Sünde und Abfall gerät, so dass es einem verwelkten Blatte, das vom Sturmwind weggerafft wird, gleicht, sollte ihn doch dazu bewegen, schleunigst Hilfe zu schaffen (v. 5. 6); es ist ja Jahves Volk (v. 8), Jahves Kind, das Werk seiner Hände (v. 7), das so leiden muss; ja, es hat einen so ungeheuren Verlust erfahren, wie die Verwüstung nicht nur der heiligen Städte, nicht nur Sions (v. 9), sondern auch — und das ist das schmerzlichste — des Tempels, des Tempels, wo man doch noch Jahve gepriesen hat, und der nun samt allem zu ihm Gehörigen (cf. Kittel, z. St.) ein Raub der Flammen geworden (v. 10). Der Zustand des Volkes ist nach alledem so traurig, so elend, dass Jahve gar nicht anders kann, er muss helfen (v. 11).

Sehr wichtig für unsere weitere Untersuchung wird die Beantwortung der Fragen sein, 1) wie der Text in 63¹⁸ laute und 2) wer der Redende in unserem Abschnitte sei.

1) Der Text in 63¹⁸ ist nicht ganz in Ordnung. Im masoretischen Text fehlt zu יְהוָה, das Objekt, auch לְמַצְעַר soll unsicher sein (Martí). Man hat daher die verschiedensten Kon-

jektoren vorgeschlagen; die komplizierteste hat Cheyne, the Proph. of Is. z. St. geboten; sie war eine willkürliche Eintragung in den Text und ist von ihm selbst aufgegeben worden (Einkl. S. 354). Die von GB¹⁴ gebotene und von Marti angenommene muss ein ה einstellen, ein י in י und ein י in י, das י in י umändern und eine sonst im A.T. ungebräuchliche Form (Marti) postulieren; Grätz (vgl. bei GB¹⁴) macht aus dem ז ein ש und fügt ein י hinzu, — alle diese Konjekturen sind gewaltsam und durch nichts an die Hand gegeben. Die Konjekturen mit למה sind, wie uns scheint, deshalb nicht zu empfehlen, weil der vorhergehende Satz v. 17^b schon keine Frage mehr, sondern eine Bitte enthält und der zusammenfassende v. 19 ebenfalls keine Frage, sondern eine Schilderung des Unglücks voraussetzt; wenn v. 18 mit einem Fragesatz übersetzt wird, so macht er den Eindruck einer Glosse, da er dann den Zusammenhang sprengt, er passt aber im Gegenteil sehr gut in den Zusammenhang, wenn er als Behauptungssatz aufgefasst wird. — Von der Lesart Sellins, Stud. II. S. 129, die den masor. Text und die LXX auf eine dritte gemeinsame Quelle zurückzuführen scheint, können wir wohl absehen. Was Marti gegen מצער einzuwenden hat, ist nicht stichhaltig, denn dieses Wort ist kein ἀπ. λεγ. und kommt in ähnlichem Sinne öfter vor. — Es bleiben uns noch 2 Möglichkeiten zur Wahl, die beide dem Sinn und dem Text gerecht werden. Wem die Erklärung (Kitt. und Cheyne), als Objekt zu ירשי (v. 18^a) sei מקריש zu ergänzen, nicht zusagt, der lese mit der LXX הוה statt עם; das Subjekt zu v. 18^a wäre dann aus v. 17^b zu ergänzen, — in beiden Fällen ist der Sinn derselbe.

2) Der Redende, das fällt gleich beim ersten Lesen auf, spricht von sich bald in der 1. Pers. Sing., bald Plur. Dieser Umstand legt uns den Gedanken nahe, das „ich“ hier im kollektiven Sinne zu fassen. Betrachten wir zunächst das Bittgebet (63^{19b}—64¹¹). Hier wird durchweg der Plur. „wir“, „unser“ gebraucht. Es ist aber nicht so, als sage ein Einzelner im Namen der Gesamtheit „wir“; diese Auffassung ist hier ganz unmöglich, da sie dem Sinne des Abschnittes nicht gerecht wird; sondern das „wir“ ist hier eine fest zusammengeschlossene Gesamtheit (cf. 64^{11b} und besonders v. 8^b), von einem Elend betroffen (64^{4b} 6b 10), von einem Gedanken beseelt (63^{19b} 64¹ ff. 11. 8); es handelt sich eben nicht um das Wohl und Heil eines Einzelnen, sondern um das einer Gesamtheit. Dasselbe gilt auch

vom Klagegebet (63_{15-19a}); auch hier spricht nicht ein Individuum, sondern ein Kollektivum, denn wenn es heisst „unser Vater“, „unsere Feinde“, „es ging uns, wie solchen, über die du nimmer geherrscht hast“, so kann doch unter dem „uns“ und „unser“ nur Israel als Ganzes verstanden werden. Ganz klar ist ferner, dass mit der 1. Pers. Sing. in v. 15^b nur das Volk, das v. 11 als redend eingeführt war, gemeint sein kann und gleich darauf wird auch dementsprechend mit dem Plur. fortgefahren (v. 16). Die 3-te Pers. Sing. in נָּטַי (v. 11) kann nicht gegen unsere Auffassung angeführt werden, denn es ist hier ebenso wie 63₇ die 3. Pers. gebraucht, um einem Dritten gegenüber das Verhältnis des Volkes zu Jahve, der eben noch nicht angeredet wird, zu kennzeichnen. — Nun haben wir auch einen guten Grund in 63_{7ax} das Volk als redend uns vorzustellen. In der Tat, legen wir die Worte v. 7 einem Kollektivum in den Mund, so werden wir in viel ungezwungenerer Weise dem „uns“ in v. 7^{aß} gerecht. Wir wollen nicht leugnen, dass in v. 7 eine andere Auffassung möglich sei, etwa, der Verfasser rede im Namen der Gemeinde (Gesenius, Jes. III, S. 268; allerdings stellte er schon neben dem Propheten als dem Redenden das Volk zur Wahl; Delitzsch, z. St.: „Vorbeter der Gemeinde; ähnlich die meisten Ausleger). Man muss aber dann doch zugeben, dass der Redende sich mit der Gemeinde zusammenschliesst, zusammenfasst, sich nur als einen verschwindenden Teil derselben fühlt (so schon Delitzsch, Dillm. z. St. u. a.). Fassen wir kurz unser Ergebnis zusammen, so können wir sagen: es tritt uns in 63_{7-64₁₁} ein ausgesprochener Gemeindegott entgegen; der Begriff לֵּהוָה ist da, wenn er auch nicht ausdrücklich erwähnt wird. Je mehr wir darauf hin den Text prüfen, zu desto grösserer Sicherheit wird es uns, dass wir recht mit unserer Ausführung haben. Dieses Resultat wollen wir bei der Bestimmung des geschichtlichen Hintergrundes unseres Abschnittes nicht aus dem Auge verlieren. — Zuvor ist noch die Vermutung oder Behauptung Martis, l. c. S. 399 f., 64₉₋₁₁ sei ein Zusatz, zurückzuweisen, denn diese Verse enthalten durchweg dem übrigen Stück parallele Gedanken (v. 7 vgl. 63₁₆; v. 8 vgl. 63₁₇; v. 9 f. vgl. 63₁₈ u. v. 11 ist der notwendige Schluss des ganzen Abschnittes); Marti müsste dann das ganze Stück in spätere Zeit verweisen.

Vorausgesetzte zeitgeschichtliche Verhältnisse. Wie die ergreifende Schilderung des Elendes zeigt (63₁₁ ff.

64_{4b}, 5 ff.), müssen die Zustände im heiligen Lande sehr traurig gewesen sein. Nachdem das Heiligtum (oder der heilige Berg) kurze Zeit im Besitz des Volkes gewesen (63₁₈), ist es wiederum niedergetreten, verbrannt, als ein grosser Schutthaufen liegt es da (64₁₀). Jerusalem und die anderen Städte des heiligen Landes liegen verwüstet (64₉). Mehr denn je empfindet das Volk seine Gottverlassenheit, denn Jahves Eifer und Krafftaten gelten nicht mehr dem Volk (63₁₅), er hat sich zurückgezogen (64₈); ja es sieht so traurig im Volk aus, dass man denken könnte, Jahve habe über dasselbe nie geherrscht (63_{19a}). Man weiss zwar, dass man der Gnade Jahves unwert ist (64₅, 6a), aber wie ein Wurm nagt immerhin das Bewusstsein, dass Jahve, der doch Israels Schöpfer (64₇) und Vater (63₁₆) ist, eigentlich nicht mehr zürnen dürfte (64₈ 63₁₆). Mit einem gewissen Trotz rechnet man sich seine Verdienste vor, man hat doch eigentlich getan, was zu tun war (64₃, 4a); wenn man nun sündig ist, so ist das eigentlich auf Jahve zurückzuführen (63₁₇ 64_{4b} 6. 8). — Die ganze Schilderung der Not und des Elendes des Volkes ist so ergreifend gehalten, dass man das Stück für ein den Ereignissen gleichzeitiges Erzeugnis wird halten müssen.

A. Die Schilderung der äusseren Not legt es uns nahe, den Abschnitt ins Exil zu verlegen, wo man von verwüsteten Städten, zerstörtem Jerusalem, abgebranntem Tempel (64_{9f}.) reden konnte. So haben denn auch die meisten Ausleger bis Dillm. inklusive (cf. Tabelle) unser Stück ins Exil verlegt, (so auch Eichhorn, z. St., der allerdings die Frage, ob nicht der Prophet sich mit seiner Phantasie in das Exil versetzt habe, offen lässt). Neuerdings ist diese Auffassung so ziemlich allgemein aufgegeben worden und mit Recht, wie wir sehen werden. Gressmann wendet gegen diese Auffassung ein, es werde keine Rückkehr aus dem Exil erwartet oder in Aussicht gestellt, auch werde den Babyloniern nicht gedroht und das Exil überhaupt nicht erwähnt; diese Einwände sind aber nicht zwingend, denn mit demselben Rechte müsste Gressm. dann auch das ganze Buch Threni nach dem Exil entstanden sein lassen, was kaum wahrscheinlich ist (cf. Cornill, Einl. S. 259). Seine Bedenken finden auch eine andere Erklärung. Wichtiger ist u. E. 1) die oben gemachte Beobachtung, dass durch das ganze Stück ein ausgesprochener Gemeindesinn durchblicke, der naturgemäss das Bestehen der Gemeinde voraussetzt; 2) dass in 63₁₈, wie

Seinecke, l. c. S. 286, schon richtig bemerkt (ebenso Hahn bei Del., l. c. S. 647 und Bredenkamp, l. c. S. 347): „die Einnahme des Landes unter Josua bis zum Exil schwerlich eine kurze Zeit genannt werden“ könne (gegen Dillm., z. St. und Kusters, Th. Tijd. 96 S. 609); 3) fällt gegen die Datierung aus dem Exil sehr schwer ins Gewicht die Stimmung des Volkes, welche es als Augenzeugen des Unglücks kennzeichnet (cf. Th. Tijd. 96 S. 609, zu 648 ff.: „Met geen woord wordt aangeduid, dat in den laatsten tijd de ellende grooter is geworden“), welche aber nicht die der Augenzeugen der Zerstörung Jerusalems oder der exilischen Gemeinde sein konnte, wie ganz deutlich der Vergleich mit Threni zeigt (cf. die Stimmung dort Thr. 118 f. 211–14. 20 31–23; 339 ff. 46 516 ff.): niedergeschmettert, trunken vom Zornesbecher Jahves, den Jeremia und Ezechiel kredenzt und dessen betäubende Wirkung bei der Nachricht von der Zerstörung Jerusalems begann, lag man betäubt, tiefgedemütigt am Boden und wagte kaum die Augen aufzuheben. Die Worte 63₁₅ scheinen uns zu jener Zeit gerade unmöglich, und was soll dann das Verstockungsgericht 63₁₇ 64_b heissen? konnte jemand so reden, während seine Augen ihm beim Anblick des in Schutt und Staub liegenden Tempels Salomos übergingen? (wie schon betont, der Sprechende ist Augenzeuge der geschilderten Begebenheiten). 4) Auch die bibl.-theol. Hauptgedanken verlangen eine spätere Datierung als die exilische. S m e n d, l. c. S. 445 ff., führt aus, wie der Begriff der „ruah“, der zunächst als das einzelne Menschen regierende Prinzip aufgefasst wurde, allmählich kosmische Bedeutung gewann; so sei bei Ezechiel die „ruah“ als Fluidum gedacht, das von Gott ausgehend die Kreatur durchdringt, sie stärkt und in Bewegung setzt. Ähnlich sei die Auffassung Dtrjes.’s (cf. 443). Einen weiteren Schritt in der Entwicklung dieses Begriffes sieht er in der Zusammenfassung aller Geister in dem Begriffe des Einen Geistes Jahves; dieser Begriff sei nicht alt. Den Höhepunkt habe diese Entwicklung in Jes. 63₁₀ und Ps. 106₃₃ erreicht, wo die Hypostasierung dieses Geistes vorliege. Die religiösen Vorstellungen verweisen somit unseren Abschnitt in eine spätere Zeit als die Ezechiels und Dtrjes.’s (cf. das zu 63₉ oben bei der Inhaltsangabe Bemerkte). Die theokratische Idee in 63_{19a} scheint uns gleichfalls für exilische Datierung nicht ganz günstig. 5) Die Art ferner die Vergangenheit Israels vom deuteronomistischen Standpunkt aus zu überblicken (63_{7–10}) scheint auch, zusammengenommen mit dem sub

3) a. E. Bemerkten, exilische Abfassungszeit auszuschliessen (cf. die Gebete in Esr. 9^{6ff.} Neh. 9^{5ff.}). 6) Von Sellin, Stud. II. S. 130, wird ferner noch geltend gemacht, das מַעֲיִלִים in 63¹⁹ verlange, „dass eine lange Periode des Unglücks der neuerlichen Katastrophe unmittelbar vorausgegangen ist“. 7) Es bliebe unerklärt, wie das Stück in den gegenwärtigen Zusammenhang geraten ist. 8) Die Untersuchung unseres Abschnittes nach der sprachlichen Seite hin zeigt ebenfalls, dass unser Abschnitt nicht von Dtrjes. stammen kann. Ewald, III. S. 125, liess ihn zwar dem Dtrjes., bemerkte aber doch: „von 63⁷ an ist die ganze Art der Darstellung schon merklich abweichend“ und wies auf die grosse Ähnlichkeit mit Psalm 77 hin (S. 129). Delitzsch, l. c. S. 599, findet hier einen „in die Länge und Breite sich ergiessenden Tefillastyl“. Ähnlich urteilt Dillmann, l. c. S. 520: „das Gebet nähert sich mehrfach dem Ton der Psalmen und Klaglieder“. Cheyne, l. c. S. 357, verweist ferner auf die Verwandtschaft unseres Stückes im Sprachgebrauch mit einer Reihe von Psalmen (44. 78. 80. 81. 89. 105. 106. 136. 151. 74. 79) und Littmann, l. c. S. 39, beweist schlagend, dass unser Abschnitt mit den übrigen KK., die er Tritojesaja zuweist, keine Verwandtschaft im Sprachgebrauch aufweise (die Einwände, die Marti, l. c. S. 400, gegen ihn erhebt, sind zu matt, als dass sie berücksichtigt zu werden brauchten). Das ist ein beachtenswertes Resultat. Auch die sonst in den von uns betrachteten KK. übliche Anlehnung an Dtrjes. macht sich hier nicht bemerkbar, denn 64⁷ geht wohl nicht auf Dtrjes. 45⁹ (so Duhm), wo gerade der entgegengesetzte Gedanke ausgesprochen wird, sondern etwa auf Jerem. 18⁶ zurück. — Somit bestätigt auch die Untersuchung des Sprachgebrauchs das von uns gewonnene Resultat (andere Gründe s. noch Cheyne, l. c. S. 355 ff.). Die Einwände, die man gegen Datierung unseres Stückes in nach-exilische Zeit erhoben, sind hinreichend von Cheyne, l. c. S. 359 f., widerlegt: das Exil sei nicht als Wundertat Jahves angeführt, weil die besten Beispiele für die Liebe Jahves die Wunder der Vorzeit seien, und wenn auf die Rückkehr nicht ausdrücklich hingewiesen werde, so habe man den Grund dafür in den mannigfachen Enttäuschungen bei der Rückkehr zu sehen. Das trifft auch die schon o. S. 24 ff. widerlegte Ansicht Kisters' von der Rückkehr, deren Bestätigung er in unserem Stücke sehen will. Es will uns aber auch scheinen, als klaffe zwischen 63¹⁴ und 15 eine Lücke, denn ein Gedankensprung liegt

ja vor; das Exil wäre dann absichtlich unerwähnt gelassen, wie schon bemerkt. — Nach dem Gesagten halten wir es für unmöglich 63₇—64₁₁ in das Exil zu verlegen.

B. Wir müssen nun aber einen Zeitpunkt in der nachexilischen Periode ausfindig machen, wo ein tatsächlicher Brand (cf. das A₃ a. E. Bemerkte), nicht die Erinnerung an die Ereignisse 586, — mit der Annahme einer übertreibenden Schilderung (Th. Tijd. 96 S. 609 f.) kommt man nicht aus, — eine derartige Stimmung, wie die oben geschilderte hervorrufen konnte. Aus der Zeit gleich nach dem Exil ist uns derartiges nicht bekannt. Daher ist die Datierung Becks, Cyrojes. Weiss. S. 188, der im Anschluss an Ewald von einem Kampf der Nationalen gegen die Heidnischgesinnten, der in der ersten nachexilischen Zeit angesetzt wird, spricht, Ley's, Gressmanns, Littmanns und Sellins (cf. Tab.) zurückzuweisen. Die Schilderung 63₁₈ 64₁₀ ist viel zu lebendig gehalten, wie schon mehrfach betont, als dass sie sich auf Ereignisse vergangener Zeiten beziehen könnte. Auch die trotzige Stimmung lässt sich in der ersten nachexilischen Zeit nicht nachweisen (eher das Gegenteil, cf. Sach. 3_{1ff.} 7 f.). Gegen sie sprechen ferner die sub A. 1); 2); 4) und 7) geltend gemachten Bedenken ¹⁾.

C. Vielleicht lässt sich nun sonst in der nachexilischen Geschichte ein ähnliches Ereignis belegen? Cheyne verweist auf die Aufstände Palästinas zwischen 363 und 345 gegen Persien (unter Artaxerxes Ochus 359—338), die, wie er vermutet, eine Zerstörung Jerusalems herbeigeführt haben könnten (Einl. S. 362 ff.). Eine Bestätigung seiner Vermutung findet er in der Nachricht des Josephus (Ant. XI_{7, 1}) von der Schändung des Tempels unter dem „anderen Artaxerxes“ und in der Tradition

1) Sellins Auffassung muss bei unserer Beurteilung von Esl. 48ff. von vornherein abgelehnt werden, denn er sagt selbst (l. c. S. 131): „kommt nicht das alles (der Wortlaut von 63₁₈) zu seinem Rechte, wenn es sich hier um das Ereignis handelt, von dem Esl. 48ff. erzählt?“ Wir müssen wiederum unserer Verwunderung über Sellins Art und Weise, bei der Untersuchung Tritojesaias vorzugehen, Ausdruck geben. Unbewiesenerweise setzt er die Einheit von KK. 56—66 voraus, analysiert 3 Verse aus dem ganzen Komplex und beurteilt das Ganze nach diesen Versen.

(Syncellus und Solinus). Gegen diese Auffassung ist einzuwenden: 1) „Dit is eene hypothese“ (Th. Tijd. 96 S. 608), die dem Texte nicht vollständig gerecht wird, denn (wie Marti, l. c. S. 400 bemerkt) die Stellen, auf die Cheyne sich stützt, reden nur von einer Schändung, nicht einer Zerstörung des Tempels (64₁₀); 2) auch die Authentizität der Nachrichten des Josephus überhaupt darf in Zweifel gezogen werden (cf. Kuenen-Budde, Ges. Abh.: „Die Chronologie d. jüd. Gesch. im pers. Zeitalter“ S. 214). Solinus soll auch andere Ereignisse im Auge haben (cf. Marti, l. c. S. 400); 3) es scheint uns nicht angebracht, einen so grossen zeitlichen Abstand zwischen 63₁₋₆ und 63_{7ff.} festzustellen, da es sich nicht gut erklären liesse, wie das Stück hierher geraten sei; 4) לַמַּצֵּר (63₁₈) spricht ganz entschieden gegen Cheyne (cf. Kittel, z. St.); 5) von Sellin, Serub. S. 83 f., wird noch hervorgehoben, dass unser Abschnitt noch nichts vom Gesetze wisse; denn wäre das der Fall, so hätte das Gesetz erwähnt werden müssen, da sich so häufig dazu Gelegenheit biete. Wir besitzen über die Geschichte der jüdischen Gemeinde nach Neh. so gut wie gar keine Nachrichten (cf. Stade, II S. 194), müssen daher die Möglichkeit der Cheyne'schen Auffassung zugeben, wenn sie auch nach dem Gesagten zu wenig direkte Anhaltspunkte besitzt.

D. Es bleibt nun noch eine Möglichkeit, auf die Kuenen, Einl. § 49, zuerst hingewiesen hat und die auch von Cheyne ausdrücklich zugegeben wird (Encyclopaedia Biblica 1901, hgb. von T. K. Cheyne und J. Black, Art. „Isaiah, book“): unser Abschnitt kann sich auf die Ereignisse kurz vor Nehemia, von denen Neh. 1₃ berichtet, beziehen (cf. Tab.). Allerdings wird hier ebenfalls nichts von der Zerstörung des Tempels erzählt; aber hier würde das Schweigen über das schmachvolle Ereignis verständlicher sein, wir würden dann vermuten dürfen, womit Neh. die 12 Jahre seiner Statthalterschaft ausgefüllt hat. Diese Vermutung wird auch durch Esr. 4₂₃ nahegelegt. Man könnte gegen diese Datierung von 63₇—64₁₁ den Einspruch erheben, sie sei auch bloss eine Hypothese. Das geben wir vollständig zu, sehen aber kein anderes Mittel das Problem zu lösen. Zu unserer Verteidigung möchten wir anführen, dass unser Abschnitt in diese Zeit wie in keine andere passt und allen Anforderungen des Textes gerecht wird; denn 1) gab es zu dieser Zeit ein fest zusammengeschlossenes Gemeinwesen;

was also (A₁) gegen exilische Abfassungszeit sprach ¹⁾, spricht hier für unsere Auffassung; 2) ist die Stimmung der Gemeinde in unserem Abschnitt der zur Zeit Maleachis herrschenden ähnlich (vgl. o. S. 55 ff. und im einzelnen Mal. 3₁ mit Jes. 63_{17b} 64_{4b} 6b 11; Mal. 3₁₄ mit Jes. 64₄ 63₁₅ 64₆; Mal. 3₁₆ ff. mit Jes. 64₁₁; Mal. 2₁₀ mit Jes. 63₁₆). Nur in dieser Zeit wird 63₁₇ 64_{4b} verständlich (cf. o. sub A₃); 3) wird nun auch 63₁₈ verständlich, denn kurz war die Freude wirklich, die man am zweiten Tempel hatte, wenn er nach 70 Jahren wieder vernichtet wurde; vielleicht liegt in den Worten eine Übertreibung (cf. Kittel zu 63_{19a}), die sich bei der nachexilischen Gemeinde natürlicherweise erklärt; 4) andererseits konnte man aber auch in dieser Zeit מִבְּחֵינִי (64₁₀) sagen, da schon 2 Generationen ins Grab gesunken waren; 5) die biblisch-theologischen Bedenken (cf. oben sub A₄) finden aus dieser Zeit auch ihre natürliche Erklärung (cf. Mal. 3₁ 23 f.); 6) zu dem geschichtlichen Rückblick 63₇₋₁₄ haben wir schon schlagende Parallelen aus der Zeit vor Nehemia und Esra angeführt (cf. o. sub A₅); 7) in dieser Periode konnte man auch auf die lange Zeit des Unglücks, das dem gegenwärtigen Elend vorausging, verweisen (cf. o. sub A₆), denn Jahve hatte ja immer noch nicht seinen Einzug in Jerusalem gehalten (Mal. 3₁); 8) auch die sub A₈ erhobenen sprachlichen Bedenken finden ihre genügende Erklärung aus dem Zeitraum vor Nehemia. Allerdings ist der Verfasser mit dem oder denen der vorhergehenden KK. nicht identisch (cf. Littm. I. c.). Gegen unsere Auffassung darf 64₉ nicht angeführt werden, denn die hier geschilderten Zustände lassen sich in dem von uns als Abfassungszeit unseres Stückes genannten Zeitraum nachweisen (cf. Sach. I 12 ff. und Kittel, I. c. S. 518) ²⁾.

Fassen wir kurz unser Resultat zusammen. Unser Abschnitt ist in einer Zeit entstanden, wo der Tempel zerstört wurde (64₁₀) und wo das schon vielgeprüfte Volk (64_{4b}) trotzend auf seine eigenen Verdienste (64_{4a}) von Jahve, der einen Teil der Schuld an der Sündhaftigkeit des Volkes trägt (64₆), Rettung

1) Wie schon bemerkt, gab es im Exil höchstens kleine konsolidierte Gruppen, jedenfalls aber nicht ein so streng nach aussen abgetrenntes und in sich zusammengeschlossenes Gemeinwesen, wie es uns 63₇₋₁₄ 64₁₁ entgegentritt.

2) Unsere Datierung findet auch eine Stütze in Fischer's Ausführungen (I. c. S. 85 ff.).

und Heil fast als sein gutes Recht fordert (63₁₆ 64₁₁). Wegen der eben charakterisierten Situation, die sich im Exil nicht nachweisen lässt, kann der Abschnitt nicht ins Exil verlegt werden; sonst ist uns von einer Zerstörung des Tempels nichts bekannt, wir sehen daher keinen anderen Ausweg als die Annahme der Hypothese Kuenens, der zufolge unser Abschnitt mit Neh. ₁₃ Esr. 4₂₃ in Zusammenhang zu bringen ist; denn diese Hypothese wird am besten dem Texte, dem Sinne und dem Inhalt gerecht. Wir bekommen auf diese Weise eine willkommene Ergänzung der Nachrichten von den Streitigkeiten mit den Samaritanern, denn wir wissen nun, dass auf den Befehl des Artaxerxes hin (cf. o. S. 58 und Esr. 4₂₁) die Beamten Samariens, wohl von einer Bande Samaritaner unterstützt, nicht nur gewaltsam den Fortgang des Mauerbaues störten (Esr. 4₂₃), sondern auch in irgend einer Weise den Tempel schädigten (63₁₈). Die Nachricht von dieser schmachvollen Demütigung von seiten der verhassten Todfeinde konnte man nicht der Nachwelt überliefern, dagegen bäumte sich der nationale Stolz auf. — Vielleicht haben wir nun eine Erklärung dafür, wie das Stück Esr. 4₈ ff. in den gegenwärtigen Zusammenhang geraten ist: Esr. 4_{24a} wird der Tempel plötzlich erwähnt; das könnte eine Reminiszenz an ein ähnliches Faktum wie 63₁₈ sein, aber das ist natürlich nur eine Vermutung.

Kap. 65 und 66

„haben besonders grosse Ähnlichkeit der Gedanken, des Geistes, des Ausdrucks und der Situation“ (Ges. III S. 293, vgl. jedoch u.), wir fassen sie daher zusammen. Sie haben beide ein Thema:

Wohl den Frommen, wehe den Gottlosen!

Inhalt. Jahve ist gnädig gewesen gegen diejenigen, die nichts von ihm wissen wollten (65₁; lies נִרְאָה — so die meisten Ausleger), zuvorkommend gegen solche, die sich nicht nur widerspenstig gegen sein liebevolles Mühewalten verhalten (v. 2), sondern auch in frecher Weise (עַל-פְּנֵי — Ges.) seinen Zorn durch götzendienerisches Wesen wie Afterkult in Gärten und auf Ziegelsteinen (? v. 3^b), Inkubation, abergläubisches Essen von unreinen Tieren (v. 4), herausfordern (v. 3^a)

und dabei sich noch etwas auf ihr kultisches Wesen einbilden (v. 5^a). Diese Art von Leuten ruft immerfort Jahves Zorn hervor (v. 5^b). Ihre Taten sind aber alle von Jahve in sein himmlisches Buch eingetragen (cf. Mal. 3₁₆); die Vergeltung kann daher nicht ausbleiben (v. 6): sie sollen büßen für ihre und ihrer götzendienerischen Väter Schuld (v. 7). Wie man aber eine Traube, die wenigstens etwas Most enthält, nicht wegwirft, so will auch Jahve um seiner Knechte willen nicht alles Volk vernichten (v. 8): seine Knechte, die Nachkommen Jakobs und Judas, werden sein Land erben und es besitzen (v. 9), nachdem sie seine Grenzen weithin nach West und Ost ausgedehnt haben (v. 10); diejenigen aber, die Jahve verliessen und seinen Berg vergassen und sich Götzen wie Gad und Meni zuwandten (v. 11), die werden durchs Schwert umkommen, sie sind für die Schlachtbank bestimmt, weil sie Jahve kein Gehör geschenkt haben, sondern ihre eigenen Wege gewandelt sind (v. 12). Sie werden Mangel leiden, von innerem Schmerz zerrissen und zu schanden werden, ihr Name wird zur Fluchformel werden, während Jahves Knechte sich an ungestörtem Genuss der Güter Jahves erfreuen und vor Wonne jubeln werden. Ihr Segen wird sprichwörtlich werden (v. 13—15). Beim Gott der Treue wird man fortan sich Segen wünschen oder schwören, denn getreu hält er sein Wort: die gegenwärtigen (vom Standpunkt des Apokalyptikers früheren — D u h m) Drangsale werden aufhören, vergessen werden (v. 16). Er schafft einen neuen Himmel und eine neue Erde, das Alte hört auf (v. 17), eitel Freude und Wonne wird in Jerusalem herrschen (v. 18), die Stadt ist nun für Jahve ein Gegenstand der Freude (v. 19^a). Das Weinen und Klagen ist nunmehr aus Jerusalem verbannt (v. 19^b), denn es gibt keinen vorzeitigen Tod, langes Leben ist sogar dem Sünder beschieden (v. 20). In aller Ruhe werden die Frommen die Früchte ihrer Arbeit selbst geniessen (v. 21 f.), denn sie erreichen der Bäume Alter; nicht vergebens wird ihre Arbeit sein, ihre Kinder werden nicht weggerafft werden (v. 23). Ihre Bitten sollen erhört werden noch bevor sie ausgesprochen sind (v. 24). Selbst in der Tierwelt herrscht dann paradiesischer Friede (v. 25).

Jahve, der Hohe und Erhabene, dessen Sitz sowohl der Himmel als auch die Erde ist und dem daher ein Mensch keine Wohnstätte als Aufenthaltsort anweisen kann (66.), der Schöpfer des gesamten Weltalls, findet nur an einer demütigen, zer-

schlagenen, zu seinem Worte hinzitternden Kreatur Wohlgefallen (v. 2; s. u.). Verhasst sind ihm aber diejenigen, die einen Afterkultus synkretistischer Art betreiben und an ihrem Tun noch Wohlgefallen haben (v. 3). Jahve hat sie schon dem Tode geweiht; denn sie waren ungehorsam, widerspenstig, abtrünnig (v. 4). Wenn sie auch jetzt die Frommen hassen, von sich stossen, verspotten, so sollen sie um so sicherer zu schanden werden (v. 5), ihre Werke und Pläne (v. 18^a) mit ihnen untergehen zur Strafe für ihren Eifer im Dienste des götzendienerischen Kultus (v. 17, vgl. u.). Etwas ganz Unerhörtes ist es, dass ein Weib eines Kindes genese, bevor sie gekreisst hat, und doch soll dies Unerhörte Sion widerfahren: plötzlich, mit einem Male wird es wieder bevölkert werden (v. 7. 8), denn was Jahve zugesagt, das führt er zu Ende (v. 9). Darum sollen alle, die Sion in Liebe zugetan sind und es betrauern, in lauten Jubel ausbrechen (v. 10) — unter dieser Bedingung werden sie des Heils teilhaftig (v. 11). Die Herrlichkeit Sions wird gross sein: Friede wird ihm zu Teil, der Völker Reichtum fällt ihm zu. Seine Säuglinge (Duhm) werden zärtlich von den Heiden behandelt werden (v. 12); die Trauernden sollen getröstet werden (v. 13). Voller Freude sollen die Frommen diesen Anblick der Macht Jahves geniessen (v. 14^a). Schrecklich wird er aber mit seinen Feinden verfahren (v. 14^b). Schon hört man ein Getöse aus Jerusalem, aus dem Tempel (v. 6). Wie ein Sturmwind kommt Jahve, mit Feuer und durchs Schwert wird er mit allem Fleisch rechten — es wird eine blutige Tat werden (v. 15). Alle Völker und Zungen werden versammelt werden und die Herrlichkeit Jahves schauen (v. 18^b), ein Zeichen soll an ihnen geschehen (v. 19^a). Gerettete von ihnen werden ausgesandt die Herrlichkeit Jahves in den fernen Ländern zu verkünden (v. 19^b). Als Weihgabe für Jahve werden sie dann die in der Zerstreuung lebenden Juden zurück nach Jerusalem bringen (v. 20), aus der Zahl dieser sollen dann einige zu Levitenpriestern (wir schliessen uns hier vollständig der Auffassung Kittels an) genommen werden (v. 21), denn ewig, wie die neue Erde und die neuen Himmel, ist das Geschlecht des Volkes Jahves (v. 22). An jedem Neumond und Sabbath wird alles Fleisch zur Anbetung Jahves kommen; bei dieser Gelegenheit wird es auch die ewige Qual der Abtrünnigen mit Abscheu sehen können (v. 23 f.).

Der Text in K. 65 f. lässt zu wünschen übrig. Neben einigen unverständlichen Ausdrücken, die oben besonders er-

wähnt sind, bietet der Text auch Schwierigkeiten in der Anordnung der Verse. 66_{17, 18a} z. B. ist offenbar die Fortsetzung von v. 5, da es in den gegenwärtigen Zusammenhang durchaus nicht passt. 66₆ steht ohne deutlich erkennbaren Zusammenhang, passt gut nach v. 14. In v. 6—16. 18^b—22 ist das Thema allgemeiner als in den übrigen Versen, dieses Stück wird wohl als ein selbständiges zu fassen sein; damit ist natürlich nicht gesagt, dass es von einem anderen Verfasser sein müsse (vgl. Cheyne, Einl. S. 377 ff. und Kitt. zu d. St.). 66_{23 f.} schliesst sich formell an v. 22, inhaltlich fasst es 66_{1-5, 17, 18a u. 6-16, 18b-22} zusammen — dadurch machen sich diese Verse schon als Zusatz kenntlich. Die Betonung der Sabbathfeier, die Vorstellung von dem Zustande der Gottlosen nach dem Tode sollen uns nach Cheyne in das III. Jahrh. führen (Einl. S. 384; cf. Littm. l. c. S. 46, Duhm z. St. u. a. Letzterer macht auf die Verwandtschaft mit 56₁₋₈ aufmerksam. Da aber dieses nach Nehe-mia entstanden ist, so können wir Cheyne beistimmen).

Bevor wir zur Schilderung der Situation übergehen können, müssen wir unsere Auslegung von Jes. 66_{1 f.} begründen und verteidigen. Die Deutung von 66_{1 f.} auf einen irdischen Tempel datiert seit Hitzig, Jes. S. 655, der in 66_{1 f.} einen Protest des Propheten gegen den Plan der in Babylonien zurückbleibenden Juden einen Tempel zu bauen gesehen hat (ihm schlossen sich an: Beck, l. c. S. 200, Knobel, Jes. S. 459 und Diestel, Jes. S. 510). Seit Duhm ist die Ansicht die herrschende geworden, es handle sich hier um einen Konkurrenztempel, mit dem die Samaritaner drohen. Diese Behauptung wird von Duhm als Dogma aufgestellt. Kittel begründet diese Auffassung damit, dass 1) der Prophet gegen einen Tempelbau polemisiere, ein solcher also beabsichtigt gewesen sein müsse; dass 2) in 66_{3, 17, 65} unwürdige Leute erwähnt würden, in welchen er die Samaritaner sieht und auf die allein sich die Absicht einen Tempel zu bauen beziehen könne, da sie (Neh. 13_{28 f.}) tatsächlich einen Tempel gebaut haben. So ansprechend diese Hypothese erscheinen mag, sie ist u. E. doch nicht haltbar. Es sei hier nur nebenbei bemerkt, dass alle Forscher, die sich mit der Samaritanerfrage mehr oder weniger eingehend beschäftigt haben (ausser E. Sellin, der ja mit seiner Auffassung vereinzelt dasteht, s. o. S. 47, und Ed. Meyer, Entsteh. S. 89 A. 2. 123, der in dieser Frage ganz von Duhm abhängig ist), diese Erklärung ablehnen (vgl. neben Gesen. Jes., S. 296,

Ewald, III. S. 138, Delitzsch, l. c. S. 625, Dillm. l. c. S. 235, besonders Kuenen, Hist.-Krit. Einl. 92 II. § 49, Wellhausen, Isr. u. jüd. Gesch.⁵ S. 167 A. und Kusters, Th. Tijd. 96 S. 617). Und in der Tat, jeder, der die Geschichte der nachexilischen Gemeinde einigermaßen kennt, wird von vornherein den Gedanken abweisen, die Samaritaner hätten ums Jahr 450 (Duhm u. a., erklärlicher bei Cheyne's Datierung) den Plan einen Tempel zu bauen hegen können. Denn 1) wäre es unerklärlich, weshalb sie eigentlich so lange mit der Ausführung ihres Planes gezögert hätten; man braucht doch nicht etwa Jahrzehnte (resp. Jahrhunderte) dazu, um in der Frage nach dem Vorrang eines der altheiligen Orte eine Entscheidung zu fällen? 2) ist die Kombination von Neh. 13³⁸ f. mit Jos. Ant. XI 7,8 zu vage, als dass man ohne weiteres die Absonderung und Konstituierung der samaritanischen Gemeinde an Nehemia heranrücken könnte, wie Kuenen überzeugend nachgewiesen hat (Ges. Abh. Die Chronologie u. s. w. S. 229 ff.). Aber auch exegetisch scheint uns Duhm's Auslegung nicht erlaubt. 1) Am überzeugendsten sprechen gegen ihn die Parallelstellen, wie I Reg. 8²⁷, wo doch Duhm unmöglich wird behaupten wollen, dass dem Verfasser ein Konkurrenztempel vorgeschwebt habe. Noch bedeutsamer ist Jes. 57¹⁵, wo derselbe Gedanke, von einer anderen Seite beleuchtet, vorkommt, was doch wohl Duhm, der beide Stellen demselben Verfasser zuweist, veranlassen sollte 66¹ f. ebenso wie 57¹⁵ zu verstehen. Kuenen, Einl. S. 135, verweist noch auf Am. 5²¹ ff. Jes. 1¹¹ ff. Micha 6⁶ ff. und besonders Ps. 50. Der Gedanke ist jedenfalls nicht neu¹⁾. 2) Ausserdem wird das Imperf. תִּבְנֶה 66¹ nicht nach Ges.-Kautzsch, Gram.²⁷ § 107ⁿ, wie Duhm u. a. wollen, sondern nach § 107^t zu beurteilen sein. c) מִי יָדָע ferner kann mit „welcher“ im Sinne von „wo“ nur übersetzt werden, wenn nach dem richtigen Exemplar unter mehreren gefragt wird (Ges.-Buhl¹³); dass das hier der Fall ist, ist eine unbewiesene Voraussetzung Duhm's (cf. auch noch Littm. l. c. S. 45 Anm.). Diese Erwägungen veranlassen uns 66¹ f. in dem Sinne „ὁὐχ ὁ ὑφιστος ἐν χειροποιήτοις κατοικεῖ“ Act. 7⁴⁸, den Stephanus schon unserer Stelle gegeben, zu fassen²⁾.

1) Wir sehen nicht ein, weshalb er gerade an unserer Stelle durch ein konkretes Ereignis, spez. den Tempelbau der Samaritaner, veranlasst sein soll.

2) Vgl. Kusters, Theol. Tijd. 96 S. 617.

Die Bestätigung unseres Resultates werden wir auch noch in dem sonstigen Inhalt unseres Abschnittes finden. Sehr verbreitet war früher die Ansicht, K. 65 f. biete Jahves Antwort auf das Gebet 63₇–64₁₁ — so auch neuerdings wieder Gressmann, z. St. Dass das aber nicht der Fall ist, lehrt die Betrachtung der Situation, auf die unsere KK. Bezug nehmen.

Das Bild von der Traube 65₈ besagt, 1) dass der Prophet uns das Volk als ein Ganzes vorführen will; 2) dass dieses Volk in 2 ungleiche Teile zerfiel und zwar waren die besseren Elemente in der Minderzahl. Die Lage dieser „Knechte Jahves“ ist so wie so schon keine günstige (65_{16b}): die Frucht ihrer Arbeit geniessen sie nicht (65_{21 f.}), vergebens mühen sie sich ab (65_{23a}), denn Jahve schenkt ihren Bitten nicht immer Gehör (65₂₄). Die Situation wird aber noch dadurch verschlimmert, dass sie in den beständigen Reibungen mit der stärkeren Partei den kürzeren ziehen müssen (66₃). Diese stärkere Partei, die falschen Brüder (66₅), sind von Jahve abgefallen (65₁₁), sein Mühewalten an ihnen war umsonst (65_{1–2}); sie opfern auf den Ziegelsteinen und in den Gärten, sitzen in den Gräbern, essen Schweinefleisch und andere unreine Speisen (65_{3.4} 66₁₇), huldigen den Götzen Gad und Meni (65_{11b}), wie auch schon ihre Väter Götzendienst getrieben haben (65₇). Bei allen diesen greulichen Kultübungen suchen sie aber auch noch den Anforderungen der Jahvereligion äusserlich nachzukommen (66₃), wenn sie auch über die Anhänger derselben spotten und sie verfolgen. Das ist die traurige Gegenwart. Um so mehr erhofft man von der Zukunft: sie soll eine Scheidung von Guten und Bösen bringen (65_{9. 12}). Für die Knechte Jahves wird friedlicher Genuss der Güter, die ihnen Jahve beschert, für die Gottlosen das Gegenteil erwartet (65_{13–15}); eine Freudezeit soll für Sion eintreten, das Alter der Menschen wird erhöht werden (65_{18 f. 20}), alle oben erwähnten Misstände sollen aufgehoben werden (65_{21–24}), paradiesischer Friede auch in der Natur herrschen (65₂₅)¹⁾.

Die ausführliche Beschreibung des Götzendienstes machte schon Eichhorn stutzig, er fand in K. 66 einen Widerspruch zwischen Ton und Inhalt und liess als Entstehungszeit unserer Stücke (spez. 66) die vor- und nachexilische Zeit zur Wahl (cf. Tab.). Wenn wir die Tabelle überblicken, so finden wir

1) 66 6–16. 18b–22 lassen wir vorläufig hier ausser Betracht.

nur ganz vereinzelt die Ansicht, K. 65 oder 66 seien im Exil entstanden; fasst einstimmig verlegt man K. 65 f. in die nach-exilische Zeit und mit Recht, wie wir sehen werden.

A. Es ist ausgeschlossen, dass irgend ein Teil unseres Abschnittes während des Exils entstanden ist, denn: 1) die Verehrung der Gottheiten Gad und Meni (65₁₁) lässt sich nicht im babylonischen Götterkultus belegen, sie ist vielmehr eine spezifisch syrisch-palästinensische Erscheinung (so alle Neueren); 2) es ist nichts von einem dermassen ausgebildeten und verbreiteten Götzendienst der Juden in Babylonien bekannt (vgl. zu K. 57); 3) dass im Exil der kleinere fromme Teil des Volkes von einer ihm an Zahl überlegenen, stärkeren Partei der gottlosen Israeliten verfolgt oder in irgend einer Weise angegriffen worden wäre, davon ist uns auch nichts bekannt. Dieser Zug des Bildes, das uns K. 65 f. von den Verhältnissen des Volkes entwirft, passt nicht ins Exil, ja schliesst diese Datierung direkt aus; 4) „Es fehlt jede Erwähnung der Trümmer und des Wiederaufbaues Jerusalems, der Rückkehr der Exilierten, die sonst in den exilischen Stücken so häufig ist“ (Bredenkamp, l. c. S. 356); 5) auch die Hoffnungen, die man auf die Zukunft setzt, bezeugen, dass man nicht mehr die gewaltige Heilstat Jahves, die Scheidung des Volkes von den Heiden, herbeigeführt durch die Rückkehr und Wiedereinnahme des heiligen Landes, mit heissem Verlangen herbeisehnt (diese Gefühle haben in allen exilischen Stücken ihren Ausdruck in dieser oder jener Weise gefunden, z. B. in Jes. 13 f. 21₁₋₁₀), sondern man hofft, dass innerhalb des Volkes die Bösen abgesondert und ausgeschieden werden (65_{9, 12 ff.}), dass man endlich einmal ruhig die Früchte seiner Arbeit selbst wird geniessen können (65_{21 ff.}), lange und in Frieden leben (65₂₅) und die segensreiche Nähe Jahves erfahren wird (65₂₄). Das sind Hoffnungen und Erwartungen, die den Exulanten ganz fern liegen mussten, denn den Ertrag ihrer Arbeit konnten sie im Exil ganz ruhig geniessen; dass man nun ein innerjüdisches Gericht erwartet, ist eine Folge davon, dass das Gericht über die Völker, von dem Ezechiel geweissagt, ausgeblieben war; der Horizont des Zukunftsbildes hat sich verengert.

B. Ist somit die Meinung, KK. 65 f. seien im Exil entstanden, abzuweisen, so können wir uns auch der Ansicht,

unser Abschnitt sei in die vorexilische Zeit zu verlegen, wie z. B. Bredenkamp aus seinen oben zitierten Worten folgert, nicht anschliessen; gegen sie sprechen die sub A_{3 5} erhobenen Bedenken, häufige Anlehnung an Jeremia und auch der sonstige Sprachgebrauch (cf. Cheyne, Einl. S. 375 und 388).

C. Es bleibt nun die nachexilische Zeit übrig, auf die sowohl die sub A_{1 3} als auch sub _{4 5} erhobenen Erwägungen passen und ihre einzig mögliche Erklärung finden. Nach 66₃ schliesslich wird der Kultus geübt, das weist unzweideutig auf die Zeit nach dem Exil. Berücksichtigen wir ferner, dass uns Israel als ein aus der kleineren Partei der Frommen und der stärkeren der Gottlosen zusammengesetztes Ganze vorgeführt wird, dass die Frommen im Nachteil sind, so werden wir in die Zeit Maleachis geführt, in der die Lage der Frommen ganz genau dieselbe war (s. o. S. 55 ff.), nur scheint sich der Gegensatz zwischen Frommen und Gottlosen noch um etwas verschärft zu haben. Erst aus dieser Zeit findet das sub A_{1 3 4 5} Bemerkte genügende Erklärung.

Man sieht seit Duhm neuerdings in den bedrohten Götzen-dienern die Samaritaner (cf. Tab.), dieselben, gegen die schon K. 57 gerichtet war. Man hat dann die Vorstellung von ihnen, dass sie eine kompakte Masse bildeten, eine synkretistische Religion hatten und die Juden grimmig befeindeten. Diese Meinung können wir nicht bedingungslos annehmen, denn, um mit den Worten Kisters' zu reden: „de Samaritanen hebben m. i. in Duhms en Cheynes verklaring eene te groote rol“ (l. c. S. 617). Da mit den Knechten Jahves (65₈) unzweifelhaft nur die Gola und ihre Gesinnungsgenossen gemeint sein können, so wird wohl unter der stärkeren Partei, den schlechteren Elementen innerhalb des Volkes (s. o. zu 65₈), die Bevölkerung Judas, die nicht mit ins Exil gewandert war, durch die häufigen Berührungen mit den umliegenden Völkern sich die mannigfachen heidnischen Gewohnheiten angeeignet hatte und gegen die Jahvereligion von Tag zu Tag nachlässiger wurde, zu verstehen sein (s. o. S. 55 f. und zu K. 57, wo wir schon den Begriff „Samaritaner“ nicht in dem engsten Sinne gefasst hatten). Dass unter den Götzendienern, gegen die unsre KK. gerichtet sind, auch die Samaritaner mit einbegriffen sein können, wollen wir ja nicht leugnen, diese Samaritaner müssen sich aber dann der jüdischen Gemeinde angeschlossen haben und zu ihrem festen Bestandteil geworden sein. Denn nimmt man an, die

Samaritaner hätten eine kompakte Masse gebildet und mit der Traube sei im Bilde 65₈ ganz Palästina gemeint, so stellt man sich das psychologische Rätsel, weshalb der Prophet trotz der bekannten Engherzigkeit der jüdischen Gemeinde in und nach dem Exil nicht die feindliche Gesinnung der „falschen Brüder“, sondern gerade ihre Abtrünnigkeit von Jahve in den Vordergrund seiner Betrachtung stellt. Wenn ferner ausschliesslich die Samaritaner gemeint wären, die den Juden, wie aus unserem Abschnitt hervorgehen soll, sehr viel geschadet hätten, so wäre doch ein grösseres Rachegefühl, etwa wie das gegen die Edomiter, zu erwarten. Auch die ganze Samaritanerfrage wird durch diese Annahme nur unklarer: die Samaritaner wollen selbst einen Tempel bauen, bilden offenbar dann ein mehr oder weniger organisiertes Gemeinwesen, man fragt sich, was suchen sie eigentlich in Jerusalem? was hat Jahve mit ihnen zu schaffen? sie dienten einmal so nebenbei Jahve, nun sieht man davon nichts mehr, also (so würden wir als Argumentation des Verfassers erwarten) existieren sie für Jahve nicht mehr. Hier ist es jedoch ganz anders: Jahve bemüht sich um die Abtrünnigen, sie sind ihm etwas wert (dass das nicht den Samaritanern gelten kann, haben wir o. S. 46 f. gesehen). Wie man bei der Duhm'schen Auffassung in die grössten Widersprüche gerät, zeigt Wellhausen, wenn er sagt: „die Samaritaner haben sich nicht den Juden aufgedrängt, sondern ihrem Werben widerstanden; die neujüdische Religion war ihnen widerwärtig, bis sie sie zuletzt mit Haut und Haar übernahmen und zwar in dem Augenblicke, als sie nunmehr von den Juden zurückgestossen wurden“ (G G A 97, S. 95). Die Wahrheit wird vielmehr in der Mitte liegen (gegen Gressmann). Wir brauchen das hier nicht näher auszuführen, verweisen nur auf K. 57 und die Zusammenfassung. Nun verstehen wir auch die Stelle 66₁₋₃ besser: die Juden, die sich sei es mit den späteren Samaritanern, sei es mit einem anderen Volk vermischt oder dessen Sitten und Bräuche angenommen, wollen doch den Tempel Jahves nicht vergessen; sie halten die Opfervorschriften ein (66₃); daneben huldigen sie aber noch anderen Göttern und ihr Tun für Jahve ist nur ein rein äusserliches. Gegen diese Art von Leuten erhebt der Verfasser Protest. Es ergibt sich also, dass K. 65 f. zeitlich 63₇—64₁₁ vorangehen müssen. Vielleicht ist 65 f. vom Redaktor hierher geschoben worden, weil er darin eine Antwort auf das Gemeindegebet in K. 64 sah.

Wir hatten oben 66_{1-16, 18b-22} aus ihrem Zusammenhang wegen der Verschiedenheit im Thema ausgeschieden. Es ist jedoch möglich, dass diese Verse mit dem übrigen Teil zusammengehören (dann muss man mit Gesenius, III S. 300, in 66₆ die Feinde Jahves im eigenen Volke sehen); die Gedankengänge des ersten nachexilischen Judentums sind nicht immer konsequent (cf. z. B. die schon zitierte Stelle Mal. 2₁₀). Jedenfalls, wenn auch die Verse abzutrennen sind, so weisen sie doch auf dieselbe Zeit, denn: 1) v. 7—9 wird nach der Rückkehr der Zerstreuten ausgeschaut, die erste Rückkehr scheint vorausgesetzt zu sein; 2) zu v. 6—9 bemerkte schon Ewald, III. S. 138: „es scheint ein erster schwacher anfang zum wieder-aufbau der heiligen stadt gemacht zu seyn“; 3) v. 6 wird das Bestehen des Tempels vorausgesetzt (cf. Kuenen in der Tab.); 4) Levitenpriester werden erwähnt (66₂₁); das soll auf die Zeit vor der Veröffentlichung des Gesetzes führen (cf. Duhm und alle Neueren). — Aus diesem Stück sehen wir, dass Jerusalem noch dürtig bewohnt war (66₇ ff.).

Zusammenfassung.

Die Einzeluntersuchungen haben uns gelehrt, dass die letzten 11 Kapitel des Buches Jesaja nicht innerhalb eines kurzen Zeitraums entstanden sind (vgl. zu 56₁₋₈ einerseits und 65 f. und 57 andererseits; s. auch zu 63_{7-64₁₁}). Es ergab sich, dass wir der Hauptsache nach als ihren geschichtlichen Hintergrund die Zeit zwischen 515 und 444 zu betrachten haben, denn das Volk ist teilweise zurück aus dem Exil (57_{19b} 60_{4, 9} 61 f. u. ö.), der Tempel ist gebaut (58₂ 60₁₇ 62₉ 66₆), hat aber ein jämmerliches Aussehen und bedarf des Schmuckes (60₁₃). Noch hat sich die Stadt nicht aus ihren Trümmern erhoben (58₁₂), ist noch schlecht bewohnt (66₇ ff.); noch ist die Mauer nicht wiederhergestellt (61_{4a} 58₁₂), die Städte liegen noch in Trümmern (61_{4b}, 64₉), die Strassen sind unpassierbar (58₁₂); unbebaut, wüste ist das ganze Land (62₄). Das Gebiet, das die Gemeinde inne hat, ist klein (61₇ 66₁₀), aber auch der Besitz dieses kleinen Gebietes wird von den feindlichen Nachbarn bestritten (63₁₋₆). Der Ertrag der Arbeit fällt in die Hände räuberischer Feinde (62₈ 65₂₁ ff.), die Israel verachten, misshandeln und bedrücken (60₁₄ ff.) und gegen die Gemeinde, da sie zu gering an Zahl ist

(60₂₂), nichts unternehmen kann, — Jahve allein kann hier Hilfe schaffen (66₁₋₆).

Steht es so traurig mit den äusseren Verhältnissen der Gemeinde, so sind die inneren Zustände noch viel trostloser. Da ist zunächst zu beklagen, dass die Leitung der Gemeinde in den Händen pflichtvergessener, untätiger, gewissenloser Männer liegt (56₁₀₋₁₂ 60_{17b}). Unter ihrem Regiment kann von Recht und Gerechtigkeit natürlich keine Rede sein (57₁ f. 59₁₅); so herrschen denn die grössten Unordnungen: in Handel und Wandel (59₁₄ f.), in Rechtssachen und Privatleben (59₄ 14 59₅ ff. 15) wird auf Wahrheit, Redlichkeit und Ehrlichkeit nicht gesehen; sogar Gewalttaten, Mord und Todschatz kommen vor (59₃ 60₁₈), von Ränken, Streitigkeiten und Prügeleien schon gar nicht zu reden (58₄). Durch das schlechte Regiment ist auch die soziale Lage unerträglich geworden: das Volk ist so arm (60₅ f. 17), dass es nicht mal die Opfer in erforderlicher Anzahl darbringen kann (60₇), wird aber noch von den Leitern (56₁₁) und Reichen bedrückt und ausgebeutet (58_{3b} 6. 9b). Der Krebssschaden der Gemeinde ist jedoch der religiöse Synkretismus, dem der grösste Teil ihrer Glieder huldigt. Wir wollen hier die Schilderung ihres Götzendienstes nicht wiederholen, verweisen nur auf K. 57 und 65 f., fassen aber kurz zusammen, was sich uns aus diesen Stellen ergeben hat. Im religiösen Leben des Volkes lassen sich zwei Strömungen unterscheiden. Es sind Leute vorhanden, die an Jahves Wort festhalten, zu ihm hinzittern (66₂), die Knechte Jahves. Im Gegensatz zu diesen steht die Partei der Gottlosen, die als Abkömmlinge eines Ehebrechers und einer Hure bezeichnet werden (57₃). Die ersteren sind in der Minderzahl (65₈) und werden von letzteren verspottet und verfolgt (57₄ 66₅). Die Gottlosen haben auch einst Jahve gedient (57₁₁ 65₁₁), jetzt haben sie es aufgegeben oder tun es nur rein äusserlich (66₃ f.), denn sie sind eifrige Anhänger der mannigfaltigsten Aterkulte (57 und 65 f.). Die Art und Herkunft dieser Kulte lässt uns auf Herkunft der Götzendiener schliessen. Wie oben schon erwähnt, rührt die Verehrung der Götzen Gad und Meni (65₁₁) von den nabatäischen Stämmen her (so Wellh. zu Mal. u. a.). Bringen wir diese Erwägung mit der Nachricht vom Vordringen der Nabatäer im V. Jahrh. in Zusammenhang, so scheint der Schluss nicht unberechtigt, dass sich im V. Jahrh. in Jerusalem der Einfluss der Nabatäer geltend gemacht habe. Ebenso erklären wir uns das Auftauchen der Verehrung der ammoniti-

schen Gottheit (57₉, cf. I Reg. 11₇). Die anderen Arten des Götzendienstes können durch denjenigen Teil der Bevölkerung, der nicht mit ins Exil gewandert war, in die Gemeinde eingetragen sein. Dass man ausschliesslich an die Samaritaner zu denken habe, ist u. E. nicht zu beweisen. Die Erregtheit des Verfassers in 57 und 65 f. verrät, dass es sich um Leute handelt, die den Frommen teuer und wert waren, die aber jetzt ihren Anforderungen nicht entsprechen, da sie sich die Art der den Frommen fremden und verhassten Synkretisten angeeignet haben. Also sowohl Heiden und im Lande verbliebene Israeliten als auch abtrünnige Exulanten (besonders letztere) müssen unter den Leuten, gegen die KK. 57 und 65 f. so scharf polemisieren, verstanden werden. — Wie oben ausgeführt, hat sich zu der Zeit, als unsere Kapitel entstanden sind, der Gegensatz noch mehr verschärft, als dies bei Maleachi der Fall war. Es ist ein düsteres Bild, das uns hier von den Zuständen und den Verhältnissen der jüdischen Gemeinde entworfen wird.

In eine etwas spätere Zeit führt uns der Gemeindepсалм 63₇—64₁₁: es ist die Zeit unmittelbar vor Nehemia. Es werden uns hier Zustände geschildert, die Nehemias unverzügliches, tatkräftiges Eingreifen verursacht haben. Wir reihen diese Schilderung in das von uns entworfene Bild ein. Als Artaxerxes die Sistierung des Mauerbaues anbefahl (s. o. S. 58), kamen die Beamten aus Samarien und legten Protest ein, um die Juden von ihrer Arbeit abzubringen. Schwerlich werden die Juden freiwillig Folge geleistet haben, es wird zu einem Zusammenstoss gekommen sein, dessen Folge die Zerstörung der Stadt (64₉) und die Plünderung und der Brand des Tempels waren (64₁₀). Auch an den übrigen Städten hat man nicht einmal Schutz oder Trost: sie liegen alle noch zerstört (64₉). Wenn wir dieses Ereignis ums Jahr 445 ansetzen, so gewinnen wir, als Entstehungszeit für die übrigen Kapitel (ausser 56₁₋₈) nach dem Gesagten ca. **460—450**, während Maleachis Wirksamkeit, zu dessen Zeiten die Vermischung mit den unlauteren Elementen noch nicht ein so hohes Mass erreicht hat, in die Zeit 470—460 fallen würde.

Es ist nur zu natürlich, dass die Stimmung des Volkes eine äusserst verzweifelte war. „Jahve ist zu schwach, als dass er uns helfen könnte, er ist auch gleichgültig gegen uns geworden“ (59₁; vgl. auch 64₃. 4a 6. 8 63₁₇), sagte man sich. Dieser Stimmung entgegenzutreten, sie zu bekämpfen, mit einem Wort, die

Trauernden Sions zu trösten (61₂) war die Aufgabe der von uns untersuchten Kapitel. Es ist die Aufgabe Deuterojesaias — und doch wie grundverschieden ist dort und hier die Ausführung. Dort der reale, andauernde Trost: Israel hat gelitten und leidet um einer grossen Idee willen, es ist der Ebed Jahve, dessen Aufgabe darin besteht die ganze Welt zu Jahve zu bekehren, es trägt die Schuld der Welt, zu diesem Zweck muss es leiden, wird aber auch die lobpreisende Verherrlichung von seiten derer, die es gerettet, ernten und selbst die Genugtuung haben, die ganze Welt zu Jahves Füssen zu sehen. Wenn solche erhabene Gedanken einem zerschlagenen Geist nahe gelegt werden, so wird er Kraft finden über das gegenwärtige Elend hinweg zum lichten Ziel hinaufzuschauen. Hier wird die traurige Gegenwart nicht in den erhabenen Weltplan Gottes eingereiht (vgl. 64₅); hier werden Versprechungen gegeben, dass die Streitigkeiten aufhören sollen (57₁₉), dass man die Früchte seiner Arbeit ruhig geniessen können (62₈ 65₂₁ ff.), lange leben wird (65_{20, 22}), dass die Zerstreuten mit grossem Pomp zurückgebracht werden (66₂₀), und schliesslich wird noch die allgemeine Zusage gegeben, dass Sion das Licht aufleuchten werde (58₈ u. ö.). Schon diese Verschiedenheit in der Auffassung der Aufgabe beweist evident, dass wir es mit verschiedenen Verfassern zu tun haben, denn in dieser Weise können doch unmöglich die Gedanken ein und desselben Verfassers verflachen. Auch einzelne Verschiedenheiten in der Auffassung des Gottesbegriffes sind schon hervorgehoben worden (vgl. zu 58₈ 59, 62₆ f. u. ö.). Wir fügen hier nur noch einiges hinzu.

Eine der Haupteigenschaften Jahves bei Deuterojesaia ist seine Macht, die er aber nicht zur Ausübung der „brutalen Gewalt, die alle Völker niederschlägt, um dadurch sich Ehre zu verschaffen“, gebraucht, sondern die „in der Bestätigung der unbegrenzten Kraft zur Ausführung seines Planes“ liegt (Duhm, Theol. d. Proph. S. 279). In Jes. 56—66 ist es gerade umgekehrt: Jahve muss, um ein besseres Zeitalter herbeizuführen, zur Ausübung der brutalen Gewalt greifen, er hat keine anderen Mittel (66₁₆ 63₆). Dass Jahve der allwissende Gott der Weissagung sei, der alles vorhergesehen und bestimmt hat, wie es Dtrjes. immer und immer wieder betont, wird bei unserem Verfasser ganz ausser Betracht gelassen; ja, im Gegenteil, Jahve staunt über die Dinge, die vor sich gehen (63₅ 59₁₆). „Um seiner selbst willen rettet Jahve, er muss seine alleinige Gottheit der

Welt gegenüber durchsetzen. Nicht Israel und die Welt, sondern Jahve und die Welt, Jahve und die Götzen stehen einander gegenüber“ (S m e n d, l. c. S. 349), — so bei Deuterjesaia. Nach unserem Verfasser kommt die Rettung um der Knechte Jahves willen (65_{8 ff.}); es stehen sich die Frommen, das wahre Israel und die Welt, die Gottlosen gegenüber (57. 65 f.). Bei Deuterjesaia ist „die Erlösungstat eine Ehrensache Gottes und eine freie Liebestat“ (Dillm. A. T. Theol. 1895 S. 513), in unseren Kapiteln bestürmt das Volk Jahve mit Bitten um baldige Erlösung (cf. 64₈₋₁₂). Wenn es die universalistische Richtung Dtrjes.'s verlangte, dass er bei der Belohnung Israels sich die Heidenwelt als das Volk Jahves preisend und das stellvertretende Leiden Israels demütig bekenkend vorstellte, so ist es charakteristisch für die partikularistische Richtung unserer Kapitel, dass hier das Jahr des Heils mit einem Tage der Rache an der Heidenwelt verbunden vorgestellt wird (61₂ 63₄ 66₆).

Diese wenigen Verschiedenheiten machen es schon wahrscheinlich, dass auch der religiöse Ideenkreis die Scheidung der Kapitel 56—66 von 40—55 verlangt.

Bei einzelnen Kapiteln (56₁₋₈ 63₇—64₁₁) hat es sich gezeigt, dass man mit der Annahme eines Verfassers für alle 11 Kapitel nicht auskommt. Man macht sich dazu die Sache durch diese Annahme etwas zu leicht. Duhm, der diese Meinung zuerst ausgesprochen, widerspricht sich auch selbst, wenn er auf Schritt und Tritt die Gedankenarmut des Tritojesaia tadelt und zu gleicher Zeit ihm eine so vielseitige Mannigfaltigkeit von Themen in seinen Reden zuschreibt. Uns will es scheinen, dass die K u e n e n'sche Meinung, die von Cheyne und Kittel in neuerer Zeit wieder aufgenommen ist (vgl. o. S. 5. 9 f. und die Tab.), dem Tatbestand mehr entspricht, da sowohl die Gedanken als auch die Behandlung, die Auffassung und Beurteilung der Verhältnisse der Gemeinde (vgl. 57 mit 65 f.) zu sehr verschieden sind und da ferner auch die mutmassliche Entstehungszeit nicht ein und dieselbe ist (cf. 56₁₋₈ 63₇—64₁₁). Die Gleichartigkeit im Sprachgebrauch erklärt sich ungezwungen durch die Annahme, dass die Verfasser unserer Kapitel zu einer Schule gehörten, und zwar zu der Dtrjes.'s, wenn sich auch der Einfluss Ezechiels schon kenntlich macht (cf. 66₁₆ 63₆ u. ö.).

K. 56₁₋₈ K. 58_{13 f.} K. 66_{23 f.} haben sich als Zusätze erwiesen; sie können wegen Ähnlichkeit der Gedanken und des Sprach-

gebrauches von einem Verfasser hergeleitet werden (so Cheyne); dann weisen sie uns in eine Zeit, wo der Tempel schon gebaut war (56_{s. 7}), regelmässig geopfert wird (v. 6), die Mauer schon wiederhergestellt ist (v. 5^a); man geht auf Proselytenmacherei aus (v. 2), hält sich aber streng an das Gesetz und seine Vorschriften (56_{i. 3}. 58_{i. 3} f.). Andererseits hat man schon ausgebildete Vorstellungen vom Zustande der Gottlosen nach dem Tode (das soll nach Cheyne nicht über das Jahr 200 herabführen). 66₂₃ f. macht den Eindruck einer redaktionellen Schlussbemerkung, 56_{i. 8} scheint als Einleitung zu der Schrift vorausgestellt zu sein. Wir hätten dann im Verfasser dieser Stücke den Redaktor der letzten 11 Kapitel des Buches Jesaia zu sehen.

Wir sind am Ziele unserer Untersuchung. Es hat sich uns ergeben, dass wir KK. 56—66 dem Dtrjes. absprechen müssen. Soll aber damit gesagt sein, dass wir seine Bedeutung schmälern und den KK. 56—66 jeglichen Wert absprechen wollen? — *μη γένοιτο*. Im Gegenteil, wir geben uns der Hoffnung hin, das richtige Verständnis der Eigenart Dtrjes.'s gefunden zu haben und dadurch ihn vor ungerechten Beschuldigungen (wie z. B. Cornill, Prophet.⁴ S. 132) beschützen zu können, wenn wir die letzten Kapitel von seinem Buche abtrennen. Damit setzen wir aber auch nicht die Bedeutung dieser Kapitel herab. Deuterjesaia verliert nichts, wenn wir dieselben ihm absprechen, denn er bleibt doch derjenige, der in viel höherem Mass als der oder die Verfasser von Jes. 56—66 „*παρεκάλεσε τοὺς πενθοῦντας ἐν Σιών, ἕως τοῦ αἰῶνος ὑπέδειξεν τὰ ἐσόμενα καὶ τὰ ἀπόκρυφα πρὶν ἢ παραγενέσθαι αὐτά*“ (Jes. Sir. 48₂₄ f.).

Komposition von Jesaia K. 56-66.

	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66
J. G. Eichhorn Die hebr. Proph. 3 Bde. 1816—19	56 ¹⁻⁹ nach dem Exil, nach 535. Vers 10—57 ²¹ vielleicht aus Manasses Zeit (697—43)		v. 1—14 nachexilisch	v. 1—21 wahrscheinlich nachexilisch	nachexilisch	bald nach 536		v. 1—6 zwischen 582 und 572 v. 7 — K. 65 ²⁵ exilisch, also vor 538		v. 1—17 unbestimmt: dem Inhalt nach vorexilisch, dem Ton nach nachexi- lisch v. 18—24 nachexilisch	
H. Ewald Die Proph. d. alten Bundes III ^e 1868	v. 9—57 ¹¹ aus der Zeit Manasses		nach einem jüngeren Propheten, einem Zeitgenossen Hesekiels			61 ¹¹ bis 63 ⁶ Epilog zu der ganzen Schrift		v. 1—6 Einschub vom Ver- fasser von K. 58 f. v. 7 — K. 66 s p ä t e r e r A n h a n g z u m B u c h e J e s a i a			
F. Bleek Einleitung 3. A. 1870, 4. A. 1878	v. 9—57 ¹¹ kurz vor dem Exil		w o h l n a c h e x i l i s c h				s i c h e r n a c h e x i l i s c h				
A. Kuenen Hist.-krit. Onderzoek ² 1885—89, II deutsch 92	v. 5, 7 Wiederaufbau des Tem- pels vorausgesetzt v. 8 die erste Rückkehr gehört in die Vergangenheit v. 9—57 ²⁰ nicht an die exilische Ge- meinde gerichtet v. 9—57 ^{11a} vorexilisch?		Israel nicht mehr in Ba- bylonien	an das nach Judäa zu- rückgekehrte Volk ge- richtet (cf. v. 15 ^b ff.)	Jerusalem schon nicht mehr unbewohnt	die anfängliche Wiederher- stellung Jerusalems wird vorausgesetzt. v. 4 — d. vielen Städte Judas, die durch die geringe Zahl der Zurückgekehrten noch nicht bevölkert waren	ein Teil des Volkes ist bereits gesammelt, ein Teil noch zerstreut	v. 1—6: a) Konjekture: Inhalt zu allgemein; b) text. rec.: aus der Zeit nach der Rück- kehr v. 7—64 ¹¹ bezieht sich auf Unglücks- fälle derselben Art wie Neh. 1 ff.	aus der Zeit nach der Rückkehr	nahe mit K. 65 verwandt. v. 1 ff. gegen übertriebene Würdigung des Tempels v. 6 der Tempel besteht schon v. 6 ff. Jerusalem ist bevölkert: passt sehr gut in die Jahre 516 ff.	
C. Bredenkamp Der Proph. Jesaia 1887	v. 1—8 exilisch v. 9—57 ²¹ jesaianisch		exilisch	jesaianisch				v. 7 — K. 64 ¹² kann nicht in vorexilischer Zeit ent- standen sein, cf. Klostern	altjesaianisch	v. 1—5 altjesaianisch	
B. Stade Gesch. d. Volkes Israel II 1888	v. 9—57 ^{13a} von fremder Hand einge- schaltet		v. 13 f. nachexilisch	nachexilisch, v. 1—15 und 16—21 sind 2 verschie- dene Stücke		v. 5 f. späterer Einschub	nicht von Dtrjes.	n i c h t v o n D e u t e r o j e s a i a			
T. K. Cheyne J Q R 1891. cf. seine Ein- leit. S. 295f.	v. 1—8 Einschiebsel v. 9—57 ¹³ aus einem älteren Propheten		eingeschoben	späterer Zusatz				s p ä t e r a n g e h ä n g t			
B. Duhm Das Buch Jesaia 1892, 2. A. 1902	v. 1—8 um 458. Einschiebsel? v. 9—57 ²¹ bezieht sich auf die Sama- ritaner; aus der Zeit Esras		v. 1—12 aus der Zeit Ma- leachis v 13 f. Zusatz (mit K o p p e)	v. 1—4. 9—20 aus der Zeit Maleachis; 5—8 Zusatz v. 21 später Zusatz v. 18 an die Samaritaner gerichtet	vor Nehemia (cf. v. 10) und nach dem Tempelbau (v. 13)	aus derselben Zeit		v. 1—6 Völker überhaupt ge- meint, von Tritojesaia v. 7—64 ¹¹ kurz vor Nehemia, von Tritojesaia	v o n T r i t o j e s a i a v. 23 f. Zusatz?		
J. Ley Hist.-krit. Erklär. von Jes. 40—66. 1893	mehrere Jahre nach der Rückkehr aus dem Exil, aus der Zeit der Hemmung des Tempelbaues		ungefähr wie die vorher- gehenden Kapitel	nach Vermutungen um 525 v. Chr. entstanden, zur Zeit des Zuges des Kambys's nach Ägypten; an die in Babylonien Zurückgebliebenen gerichtet; Standort in Babylonien			aus derselben Zeit, Stand- ort Jerusalem	wahrscheinlich zwischen 524 und 522 v. Chr. entstanden		um 520 v. Chr. entstanden	
G. Wildeboer De letterkunde d. O. V. 1893, deutsch v. Risch 95	v. 9—57 ¹³ mit Kuenen: ein älteres Stück aufgenommen		v. 8 exilischer Standpunkt	v. 3—16 ^a kann entlehnt sein, weicht von Deute- rojesaia stark ab				keine Einheit, lose miteinander verbunden; in vorliegender Gestalt können sie nicht von Dtrjes. herrühren			
T. K. Cheyne Introd. 1895, deutsch 97 und Enc. bibl. [C und Black] 1901 S. 2206 f.	v. 1—8 aus Nehemias Zeit v. 9—57 ^{13a} von einem Reformfreunde vor der Ankunft Esras an die Sa- maritaner 13 ^b —21 aus späterer Zeit und von ei- nem anderen Verfasser		v. 1—12 zwischen 450—44 v. 13 f. bald nach 432	v. 1—4. 9—15 ^a nachexil. v. 5—8 21 Zusätze v. 15 ^b —20 aus dem Jahr 432	zwischen 444 und 432 entstanden, Ebed-Jahve gemeint			v. 1—6 aus der Mitte des V. Jahrhund. v. 7—64 ¹¹ aus der Zeit des Artaxerxes Ochus (näher 348—340)	aus Nehemias Zeit	v. 1—6. 17. 18 ^a Tempel der Samar. gemeint, aus dem V. Jahrhundert. v. 6—16 18 ^b —22 nach 432, aber vor Veröffentl. d. Ges. v. 23 f. aus d. III. Jahrh.	
W. H. Kusters Deutero-en Trito-jezaja Theol. Tijd. 1896	v. 1—8 wahrscheinlich nach Nehemia v. 9—57 ^{13a} nachexilisch, bez. auf die Samaritaner, 13 ^b ff. aus späterer Zeit, von einem anderen		nachexilisch	v. 1—15 ^a an gottlose Isra- eliten v. 15 ^b —20 an die Völker gerichtet v. 21 Zusatz	„na de vorming der Gemeente“, aber vor dem Mauerbau Nehemias			v. 1—6 nachexilisch v. 7—64 ¹¹ vor Esra und Nehemia, wenigstens vor der Konstituierung der Gemeinde	vor der Konstituierung der Gemeinde, nicht speziell die Samaritaner gemeint		
R. Kittel Der Prophet Jesaia 1898	v. 1—8 nachexilisch, näher zu 538 v. 9—57 ^{13a} mit Benützung älterer Mus- ter, aus nachexilischer Zeit, 13 ^b —21 von einem anderen Verfasser		n a c h e x i l i s c h		von einem Verfasser, nachexilisch, zwischen Tempel- und Mauerbau entstanden			v. 1—6 aus derselben Schule wie K. 59 und 61, Ideal- weissag. vom Rachegericht über Edom v. 7—64 ¹¹ aus der Mitte d. V. Jahrh., oder aus der Zeit des Artax. Ochus, wahrsch. ersteres	Kap. 65 und 66 ¹⁻⁴ 5. 17. 18 ^a nachexilisch, v. 6—16. 18 ^b —22 vor dem Auftreten Nehemias		
H. Gressmann Die in Jes. 56—66 voraus- gesetzten zeitgesch. Ver- hältnisse 1898	v. 1—8 nachexilisch v. 9—57 ²¹ nachexilisch v. 3—13 ^a unbestimmt		um 440 entstanden, v 13 f. Zusatz	v. 1—15 aus derselben Zeit wie K. 58 v. 15 ^b —21 nachexilisch, von einem anderen Verfass.	n a c h e x i l i s c h			v. 1—6 aus der Makkabäerzeit? v. 7—64 ¹¹ vor 520 verfasst, vielleicht aber auch makka- bäisch	nicht an die Samaritaner, nachexilisch	v. 1—4 kurz vor 520, 5 ff. nachexilisch, nach 520. Nicht die Samaritaner gemeint	
E. Sellin Serubbabel 1898	v. 1—57 ¹³ rühren von Tritojesaia her v. 13 ^b —58 ¹⁴ von Deuterojesaia		von Tritojesaia		v o n D e u t e r o j e s a i a			z w i s c h e n 480 u n d 470		v. 1—5 zwischen 480 und 470	

J. Ley Hist.-krit. Erklär. von Jes. 40–66. 1893	mehrere Jahre nach der Rückkehr aus dem Exil, aus der Zeit der Hemmung des Tempelbaues		ungefähr wie die vorher- gehenden Kapitel	nach Vermutungen um 525 v. Chr. entstanden, zur Zeit des Zuges des Kambys's nach Ägypten; an die in Babylonien Zurückgebliebenen gerichtet; Standort in Babylonien		aus derselben Zeit, Stand- ort Jerusalem	wahrscheinlich zwischen 524 und 522 v. Chr. entstanden		um 520 v. Chr. entstanden
G. Wildeboer De letterkunde d. O. V. 1893, deutsch v. Risch 95	v. 9–57 ¹³ mit Kuenen: ein älteres Stück aufgenommen		v. 8 exilischer Standpunkt	v. 3–16 ^a kann entlehnt sein, weicht von Deute- rojesaja stark ab			keine Einheit, lose miteinander verbunden; in vorliegender Gestalt können sie nicht von Dtrjes. herrühren		
T. K. Cheyne Introd. 1895, deutsch 97 und Enc. bibl. [C und Black] 1901 S. 2206 f.	v. 1–8 aus Nehemias Zeit v. 9–57 ^{13a} von einem Reformfreunde vor der Ankunft Esras an die Sa- maritaner 13 ^b –21 aus späterer Zeit und von ei- nem anderen Verfasser		v. 1–12 zwischen 450–44 v. 13 f. bald nach 432	v. 1–4. 9–15 ^a nachexil. v. 5–8 21 Zusätze v. 15 ^b –20 aus dem Jahr 432	zwischen 444 und 432 entstanden, Ebed-Jahve gemeint		v. 1–6 aus der Mitte des V. Jahrhund. v. 7–64 ¹¹ aus der Zeit des Artaxerxes Ochus (näher 348–340)	aus Nehemias Zeit	v. 1–6. 17. 18 ^a Tempel der Samar. gemeint, aus dem V. Jahrhundert. v. 6–16 18 ^b –22 nach 432, aber vor Veröffentl. d. Ges. v. 23 f. aus d. III. Jahrh.
W. H. Kusters Deutero-en Trito-jezaja Theol. Tijd. 1896	v. 1–8 wahrscheinlich nach Nehemia v. 9–57 ^{13a} nachexilisch, bez. auf die Samaritaner, 13 ^b ff. aus späterer Zeit, von einem anderen		nachexilisch	v. 1–15 ^a an gottlose Isra- eliten v. 15 ^b –20 an die Völker gerichtet v. 21 Zusatz	„na de vorming der Gemeente“, aber vor dem Mauerbau Nehemias		v. 1–6 nachexilisch v. 7–64 ¹¹ vor Esra und Nehemia, wenigstens vor der Konstituierung der Gemeinde	vor der Konstituierung der Gemeinde, nicht speziell die Samaritaner gemeint	
R. Kittel Der Prophet Jesaja 1898	v. 1–8 nachexilisch, näher zu 538 v. 9–57 ^{13a} mit Benützung älterer Mus- ter, aus nachexilischer Zeit, 13 ^b –21 von einem anderen Verfasser		n a c h e x i l i s c h		von einem Verfasser, nachexilisch, zwischen Tempel- und Mauerbau entstanden		v. 1–6 aus derselben Schule wie K. 59 und 61, Ideal- weissag. vom Rachegericht über Edom v. 7–64 ¹¹ aus der Mitte d. V. Jahrh., oder aus der Zeit des Artax. Ochus, wahrsch. ersteres	Kap. 65 und 66 ^{1–4} . 5. 17. 18 ^a nachexilisch, v. 6–16. 18 ^b –22 vor dem Auftreten Nehemias	
H. Gressmann Die in Jes. 56–66 voraus- gesetzten zeitgesch. Ver- hältnisse 1898	v. 1–8 nachexilisch v. 9–57 ^a nachexilisch v. 3–13 ^a unbestimmt		um 440 entstanden, v. 13 f. Zusatz	v. 1–15 aus derselben Zeit wie K. 58 v. 15 ^b –21 nachexilisch, von einem anderen Verfass.	n a c h e x i l i s c h		v. 1–6 aus der Makkabäerzeit? v. 7–64 ¹¹ vor 520 verfasst, vielleicht aber auch makka- bäisch	nicht an die Samaritaner, nachexilisch	v. 1–4 kurz vor 520, 5 ff. nachexilisch, nach 520. Nicht die Samaritaner gemeint
E. Sellin Serubbabel 1898	v. 1–57 ¹³ rühren von Tritojesaja her v. 13 ^b –58 ¹⁴ von Deuterojesaja		von Tritojesaja	v o n D e u t e r o j e s a i a		z w i s c h e n 480 u n d 470		v. 1–5 zwischen 480 und 470	
E. Littmann Über die Abfassungszeit des Tritojesaja 1899	v. 1–8 vor 458 oder län- gere Zeit nach Neh 56 ^a –57 ^a um 457 an die Samaritaner gerichtet	zwischen 457 und 450, nä- her zu letzterem	v. 1–15 ^a aus derselben Zeit v. 15 ^b –21 ungefähr aus derselben Zeit, nur aus anderem Anlass	gegen 450 verfasst	um 457 aus Kreisen, die Esra nahe standen		v. 1–6 bald nach 458 v. 7–64 ¹¹ zwischen 537 und 520 entstanden, nicht von Tritojesaja	von Tritojesaja ca. 457, Samaritaner gemeint	v. 1–5. 17. 18 ^a Samaritaner gemeint, von Tritojesaja v. 6–16. 18 ^b –22 tritojes. zwischen 458 und 445
K. Marti Der Prophet Jesaja 1900	v. 1–8 kurz vor 458 v. 9–57 ¹³ aus Maleachis Zeit gegen die samaritanische Art	kurz vor Nehemias Mauer- bau, v. 13 f. Zusatz	cf. Duhm	kurz vor der Ankunft Ne- hemias	aus der Mitte des V. Jahrhunderts		v. 1–6 cf. Duhm v. 7–64 ^a kurz vor Nehemia, tritojesaianisch v. 9–11 aus der Makkabäerzeit	cf. D u h m	
E. Sellin Stud. z. Entstehungsgesch. d. jüd. Gem. II 1901	v. 1–9 aus dem Jahre 537	v. 3–13 zwischen 537 und 520	nach 537	v. 3 ff. Standort Jerusa- lem, nachexilisch			v. 18 mit Sicherheit um 538 bzw. 529	v. 9 f. aus der Zeit zwi- schen 538 und 520	v. 1–5 zwischen 537 und 520
W. W. Baudissin Einleitung in die Bücher des A. T. 1901	v. 1–8 nachexilisch v. 9–57 ^{13a} nachexilisch v. 13 ^b –20 nachexilisch		nachexilisch; wie das Meiste in K. 56–66 von einem Schüler Deuterojesaias, gleich nach dem Tempelbau (520)		v o n D e u t e r o j e s a i a 611–3 Ebed Jahve		v. 1–6 nachexilisch v. 7–64 ¹¹ nachexilisch 63 ¹⁸ eine unbekannte Gewalttat am Tempel von seiten der Samaritaner	nachexilisch, an die Samaritaner gerichtet; 66 ^{11f} Konkurrenztempel der Samari- taner v. 6–16 Einschaltung	
Unser Resultat	v. 1–8 zwischen Nehemia und dem Jahr 200, vom Redaktor der KK. 56–66 v. 9–57 ^a nach Maleachi und vor Ne- hemia (vielleicht exilisch?)		zwischen 515 und 444, nä- her zu letzterem, nicht von Deuterojesaja v. 13 f. Zusatz (K o p p e) vom Redaktor?	nach Hag., Sach. und Ze- rubbabel, wohl nach dem missglückten Mauerbau der Gola (vgl. o. S. 57 f. u. Littm.) und vor Ne- hemia; nicht von Deu- terojesaia	nach dem Tempel- und vor dem Mauerbau Ne- hemias, nicht von Deu- terojesaia	nicht von Deuterojesaja, nachexilisch, zwischen 515 und 432	v. 1–6 nicht von Deutero- jesaja, aus dem V. Jahrh. v. 7–64 ¹¹ ein Gemeindepsalm, kurz vor Nehemia, vgl. K u e n e n (viel- leicht aus der Zeit des Artaxerxes Ochus? vgl. Cheyne)		nachexilisch, wohl nach Maleachi 66 ^{11f} nicht ein Konkurrenztempel der Samaritaner gemeint. v. 6–16. 18 ^b –22 aus derselben Zeit wie die übrigen Kapitel. v. 23 f. Zusatz vom Redaktor

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1894 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: офиціальнѣй и научнѣй.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовоѣ отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертацияхъ, обзорѣ лекцій и т. и.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотоѣ медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
